

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

377/6 6.2019

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Память

- Слово графа Н.Н. Муравьева-Амурского по поводу присоединения
Амурского края в 1858 году3
Речь святителя Иннокентия, митрополита Московского, сказанная в г. Благовещенске
графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому после молебна по поводу
присоединения Амурского края, 18 мая 1858 года4

Слово

- 210-летие со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири
Николая Муравьева-Амурского
Сергей Левченко, губернатор Иркутской области. Во благо народа, во славу России5
Дмитрий Бердников, глава администрации города Иркутска.
Иркутск почтил память Николая Муравьева-Амурского10

Поэзия

- Виссарион Саянов. На Дьячем острове боярский сын Похабов...16
Владимир Скиф. Я Приамурье вижу святорусским...29
Николай Тарасов. Здесь любовь и разлука на причалах живут71
Владимир Семенчик. Легла дорога на Восток96
Владимир Плотников. И вновь осенние леса на Сахалине расцветают101
Анна Сафонова. Прилив каждый день приходит106
Поэты Приамурья об освоении Дальнего Востока и о Муравьеве-Амурском.
Петр Комаров, Виктор Яганов, Евгения Щелука110

Проза

- Николай Задорнов. Амур-батюшка. Отрывок из романа22
80-летие со дня рождения
Андрей Скалон. Живые деньги. Повесть. Предисловие Василия Шукшина37
75-летие со дня рождения
Валерий Хайрюзов. Амурские ворота. Рассказ77

Сквозь призму истории

- Владимир Иовлев. Граф Муравьев-Амурский — доблестный воин,
мудрый губернатор и патриот...114
Владимир Василенко. «Край (дальневосточный) отныне можно считать русским».
О доблестном поручике Венюкове, сподвижнике графа Муравьева-Амурского131
Яков Демьяненко. Из сибирских воспоминаний.
Свидетельство прошедшей эпохи: недоразумения в Сахалине135
Николай Шиндялов. Амурский вопрос и основание города Благовещенска141
Олег Слободчиков. Похабовы, их время148
Александр Дулов. Где родился вице-адмирал В.А. Корнилов (1806-1854).
Выводы на основе новых фактов156

Георгий Арутюнов. Ленский причал Ерофея Хабарова	161
--	-----

Публицистика

Артем Ермаков. Муравьев земель не продавал!	
Губернатор Муравьев-Амурский и продажа Русской Америки	169
Татьяна Шорохова. Возвращение домой, в Россию	173
Василий Скробот. Слово	182

Критика

Дмитрий Володихин. «Друг царей, верноподданный России».	
Похвала гению Николая Карамзина	187
Валерий Скрипко. Слеза на камзоле. <i>От гуманизма — к любви</i>	193
К 85-летию писателя Альберта Гурулёва	
Валентина Иванова. В распахнутых от счастья глазах	198
Валентина Семенова. Когда нет пробела между строкой и жизнью.	
Прозашк Владислав Огарков	203

Родения

70-летие со дня рождения народной артистки России Людмилы Стрижовой	
Татьяна Сазонова. Солнце видела я в отраженье росы	211

Вернисаж

Владимир Тарасов. История в миниатюре. <i>События и персонажи картины</i>	
М.А. Васильева «Перенесение мощей святителя Иннокентия»	219
Татьяна Кирпиченко. Образ Николая Муравьева-Амурского в творчестве хабаровских художников	226

Книжная лавка

Эдуард Анашкин. «Жить в полную силу...».	
Книга воспоминаний о Светлане Распутиной	230
Александр Никифоров. «Я подарю вам... стихи». <i>О книге Инны Коноплёвой</i>	235
Книжная полка	239

Сумочка к другу

Пародии	244
---------------	-----

События

Юрий Харлашкин. Истоки русской духовности	247
Инна Коноплёва. «Сияние России» на Усольской земле	252
Людмила Васильева. Родной земле мы служим словом	254
Олег Петров. Поездка в Чикой. «Забайкальская осень 2019»	256
Автор «Сибири» Елена Чубенко — лауреат премии Михаила Вишнякова	262
Лауреаты X Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» из Иркутской области	263

Письма

.....	264
-------	-----

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,

А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-i-lana@mail.ru

Подписано в печать 27.11.2019 г. Выход в свет: 10.12.2019 г. Формат 70х108/16.

Усл.-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.

Р/сч. № 40702810608030001744 к/с 30101810200000000777 Банк получателя ФЛ ПАО Банк ВТБ в г. Красноярск

Сч. № 30101810200000000777 БИК 040407777

ИНН/ КПП 3808086540/381201001 ОКПО 13623582 ОКПО 13623582

Память

Слово графа Н.Н. Муравьева-Амурского по поводу присоединения Амурского края в 1858 году

**Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы:
Амур сделался достоянием России. Святая церковь молится за
нас. Россия благодарит. Да здравствует император Александр и
процветает под кровом его вновь приобретенная страна! Ура!**

**Речь святителя Иннокентия, митрополита
Московского, сказанная в г. Благовещенске графу
Н.Н. Муравьеву-Амурскому после молебна по поводу
присоединения Амурского края, 18 мая 1858 года**

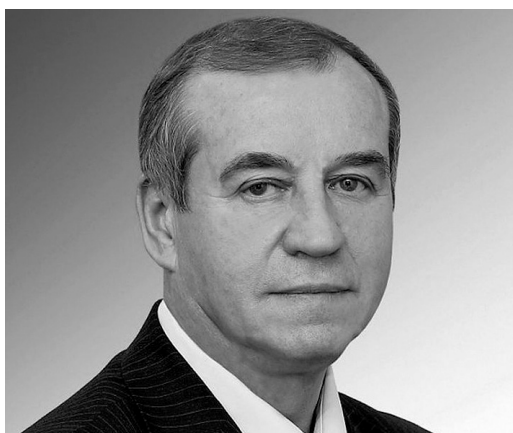
Наконец Господь помог вам совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог наш, вложивши в сердце Монарха нашего такую мысль и избравший тебя, Богоизбранный муж, в орудие такого великого дела, и укреплявший, и укрепляющий тебя Своею силою. Благословен Господь Бог твой, и благословенны Богом вышним, устроившим это дело так вождеденно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия. Нет надобности говорить здесь о том, какие выгоды, какие блага могут произойти от этого дела и от этого края для России. Это очевидно при самом простом взгляде. Скажем только, что это есть вместе благо и счастье для самих соседей наших, ибо рано или поздно они чрез нас просветятся светом Христовым, а этого какое благо может быть выше и прочнее? Не время также и не место, да и не по нашим силам исчислять или оценивать все твои заботы, усилия, труды, борения — твои подвиги, понесенные тобою к достижению этой одной из главнейших твоих целей. Их вполне может оценить только будущее население сего края и история. Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда, никогда не забудет тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмов; а ты, Богоизбранный муж, открыл возможность, надежды и виды к устройению тысячи храмов в сем неизмеримом бассейне Амура. Но нет сомнения, что и в настоящее время если и не вся Россия, то вся Сибирь и все благомыслящие россияне, и все твои сподвижники с радостию, с благодарностию и с восторгом примут известие о совершенном тобою ныне деле.

210-летие со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева-Амурского

Во благо народа, во славу России

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» АНАТОЛИЯ БАЙБОРОДИНА
С ГУБЕРНАТОРОМ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ СЕРГЕЕМ ЛЕВЧЕНКО

Губернатор Иркутской области Сергей Левченко

А. Байборodin. Сергей Георгиевич, прежде чем начать беседу по основной теме, связанной с юбилеем губернатора Муравьева-Амурского, грех не выразить сочувствие нашим землякам, что нынче пострадали в наводнение. Это великая беда для тысяч людей, что в одночасье лишились домов, квартир и всего имущества, нажитого долгими годами и, обычно, в нелегком труде. *Думается, губернская власть при поддержке федеральной власти оказала всемерную*

помощь пострадавшим. И в чем выразилась помощь?

С. Левченко. Это, пожалуй, самое крупное наводнение за последние пять лет в нашей стране. Ситуация очень тяжелая по количеству пострадавших, затопленных территорий и по ущербу. Пострадавшими признаны 46 тыс. человек. Мы постарались как можно скорее ликвидировать его последствия: восстановили в течение нескольких дней водоснабжение и электроэнергию. Пока они были неисправны, 16 водовозов обеспечивали людей питьевой водой. Мы организовали семь пекарен, чтобы накормить пострадавших. Снабжение водой и продуктами не прерывалось ни на один день. Мы вывезли из зоны бедствия почти 600 тыс. кубометров мусора, восстановили 22 моста и 49 подтопленных дорог.

С 8 июля мы их расселили в пунктах временного размещения, большинство живут у родственников и снимают квартиры. Мы приняли решение за счёт бюджета Иркутской области компенсировать по 12 тысяч рублей в месяц на эти нужды. Сейчас такие компенсации получают 256 семей. Мы увезли пострадавших на отдых в санаторий Братское взморье. 5,3 тысячи ребят мы отправили в лагеря, расположенные как в Иркутской области, так и за её пределами: в Краснодарском крае, Крыму, в Приморском крае. Что касается жилья, людей, которые его лишились, уже 4 тысячи человек получили жилищные сертификаты, 600 человек из них уже выбрали и обрели новый дом, по их сертификатам произведена оплата на

общую сумму более 1,5 млрд рублей. В Тулуне закончен ремонт дамбы, которая была построена в 2008 году. Увеличивать её не будут, так как принято решение переселить людей из территории, которая подверглась наводнению. Там будет лесопарковая зона, а люди будут жить в микрорайонах, которые находятся выше, где нет опасности затопления. Для Тулуна разработана новая трассировка дамб, которые будут защищать город с учётом этих изменений.

А. Байбородин. К сей беде в нынешнем году горела и северная тайга...

С. Левченко. Действительно, в зоне наводнения выпала трехмесячная норма осадков, а на севере, практически за весь июль, — ни капли. Этой зоне был присвоен пятый класс пожарной опасности. Конечно, там была введена чрезвычайная ситуация, вся хозяйственная деятельность в лесах запрещена. Задачу защиты населенных пунктов от пожаров мы выполнили. Тушение обеспечивала бригада авиадесантников, но площадь возгорания была очень большая. Всего там работали 1500 человек и порядка 300 единиц крупной техники. Кстати, Иркутская область хоть и обладает самой большой лесосетью, по площади возгорания мы на четвертом месте среди регионов России.

А. Байбородин. *А что сейчас творится в Иркутской тайге?*

С. Левченко. Мы рубим сегодня леса столько же, сколько рубили пять лет назад, но раньше от этой отрасли область получала 3 млрд рублей, а сейчас — 10,5 млрд. Вопрос: куда раньше девались эти 7 млрд, кто покрывал эту ситуацию в разных органах власти и правоохранительных структурах?.. А на телевидении и в соцсетях сейчас будируют эту тему и кричат, что весь лес в Иркутской области вырубил. Вопрос в том, кому выгодно создавать такой негативный имидж нашего региона?.. Кстати, в прошлом году по отчету председателя правительства России по незаконным рубкам, в Иркутской области в два раза снизились незаконные рубки. В других регионах таких результатов нет. Следующий пример — мы за прошлый год на 20% снизили отправку круглой древесины за рубеж, ввели чипирование, и сейчас мы через систему ГЛОНАСС знаем, где находится каждый лесовоз.

А. Байбородин. Русский народ в нынешнем году отмечает 210-летие со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Муравьева-Амурского. Напомним читателям журнала «Сибирь»: **Николай Николаевич Муравьев-Амурский** — российский государственный деятель, его императорского величества государя императора и самодержца всея России Александра Николаевича генерал-адъютант, Енисейский губернатор и **генерал-губернатор Восточной Сибири**, одиннадцати высших российских орденов кавалер, граф. **Муравьев-Амурский** без единого выстрела, без кровопролитий, путем мудрых переговоров с Дайцинской державой прирастил к России Дальний Восток с Амуром и выходом в Тихий океан. Заселил Приамурье вольными крестьянами и казаками, основал города Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. А можно говорить и о прочих заслугах Муравьева-Амурского перед Восточной Сибирью, перед Россией. А привил Муравьев-Амурский из града Иркутского...

Сергей Георгиевич, как Вы, иркутский губернатор, оцениваете личность своего великого предшественника?.. И как оцениваете его правление в Восточной Сибири?

С. Левченко. Из всей череды губернаторов XIX века и руководителей региона в XX веке, Николай Муравьев-Амурский, по масштабу его деяний, пожалуй, самый выдающийся государственный деятель. Ведь ему стоило невероятных уси-

лий узаконить наши восточные рубежи и присоединить к России Дальний Восток. Тогда вообще было время великих свершений. Было много личностей, которые послужили на славу России — это и святитель Иннокентий Вениаминов, и граф Невельской. Нужно отметить, что он не формально подходил к своим обязанностям, и его роль в истории формирования нашего государства трудно недооценить.

А. Байбородин. Некий иркутский губернатор на встрече с писателями, когда те одолели его упреками и просьбами, неожиданно возгласил: «Вы думаете, я правлю губернией?.. Ошибаетесь, губернией правит капитал, и моя задача — договориться с капиталистами, вовлечь капитал в губернскую экономику, а коли не договоришься, то и грош тебе цена, как руководителю области. А коли попытаешься обуздать капиталистов, сживут с бела света...» Обуздал или не обуздал Муравьев-Амурский тогдашнее купечество и ростовщичество, Бог весть, но благодетельных купцов приветил, а лукавых и дерзких усмирил... При жизни величаемый Петром Великим Восточной Сибири, **Муравьев-Амурский был** отцом служивому люду, кроткому, совестливому, мудрому, положившему судьбу на алтарь Отечества, но был деспотом для сребролюбцев, мздоимцев, казнокрадов, льстецов, хитрецов и ленивцев.

Сурово, но праведно властвовал губернатор Муравьев-Амурский... Нагоняя страх на лихоимцев и мздоимцев, поминая казнённого декабриста Муравьева-Апостола, «сибирский деспот» пригрозил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешали. В случае чего, сам буду вешать!» И затеял борьбу против махинаций золотопромышленников; а борьба была опасна — преступная цепочка вела в Петербург. Рискованно было браниться и с откупам — шею свернут, ибо злоупотребления вошли в плоть и кровь лукавых дельцов, обвыкших покрывать воровство щедрыми взятками. Но «деспот» был не из робкого десятка и жестоко карал алчных казнокрадов чиновников и лихоимцев золотопромышленников.

Сергей Георгиевич, как Вы оцениваете методы правления, свойственные Муравьеву-Амурскому?.. И вытекающий из сего вопрос: какие отношения у Вас, нынешнего губернатора, с миром капитала?

С. Левченко. Слушаю ваш вопрос, и у меня ощущение, что ничего не изменилось... Но я не могу согласиться с тем, что нашим регионом правит капитал. Давайте обратимся к цифрам. За время моего руководства областью рост экономики составил примерно 5-7 % в год, а бюджет вырос в два раза. Это говорит о том, что ранее эти налоги в область не поступали. Можно ли было вернуть их в казну, не наступив на самое больное место промышленников — на карман? Будут ли они пытаться этому помешать? Понятно, что — да. Ведь помимо поступлений в областной бюджет, в два раза увеличились и налоговые отчисления в федеральную казну. Кстати, мы за три года стали в шесть раз больше строить Домов культуры, больниц, школ, детских садов и дорог. Выгодно ли это государству, области и руководству страны? Конечно, ведь за счет того, что мы проявили лучшие способы управления, мы показали, что Иркутская область может жить лучше. Если бы это было сделано, скажем, 20 лет назад, то область была бы совсем другая. Да, отношение тогдашнего капитала к губернатору Муравьеву-Амурскому было сложным... А то, что мнение и обо мне, может быть, неоднозначное, причины тому очевидны. Сегодня законодательный перекося в пользу капитала очень велик, и немного находится у моих коллег рычагов воздействия на капитал.

А. Байбородин. Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Сибири и Аляски в письме графу Муравьеву-Амурскому писал:

«Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь». Святитель Иннокентий, переписываясь, встречаясь с Николаем Николаевичем, благословлял и духовно окормлял деятельность Муравьева-Амурского во благо народа, во славу России.

В связи с этим, Сергей Георгиевич, возник такой вопрос: как сложились Ваши отношения с Русской Православной Церковью?.. Разумеется, не будем касаться православной веры, как личного исповедания, ибо это глубоко сокровенное, заповедное, а поговорим лишь о Вашем взаимодействии с Иркутской митрополией и лично с владыкой Вадимом. Думаю, областной администрации приходится участвовать с митрополией в совместных мероприятиях, и лично Вам приходится встречаться с митрополитом Вадимом, решать областные вопросы, особенно культурно-просветительского характера...

С. Левченко. Я — атеист, но во взаимоотношениях с Русской Православной Церковью исхожу из истории и духовных ценностей нашей страны, которую невозможно отделить от православной культуры. Православие оказало великое влияние на архитектуру российских городов и сел, ведь наши храмы — это одна из составляющих культурного кода России. Вспомним также русскую литературу, изобразительное искусство, которое выросло из иконописи, и музыкальное искусство, развивавшееся в храмах. Именно поэтому я стараюсь помогать Иркутской митрополии Русской Православной Церкви. Пример тому Духовно-просветительский центр имени святителя Иннокентия Вениаминова в селе Анга Качугского района. Также мы помогли установить купола и кресты на церкви в городе Тулуне, ведь не может такой красивый храм стоять обезглавленным. Сейчас мы ищем возможность реставрации старинного храма в городе Верхотуренске. Ну, и немало духовно-культурных мероприятий, которые проходят при совместном участии администрации области и митрополии иркутской. Вспомним знаменитые на всю Россию традиционные ежегодные Дни русской духовности и культуры «Сияние России»...

А. Байбородин. Поклон губернской администрации и особо министерству культуры и архивов за то, что поддерживаете издание старинного сибирского журнала «Сибирь», издание талантливой прозы и поэзии сибирских писателей. Не лести ради, но правды ради, скажу, что я искренне приветствовал избрание Вас губернатором Иркутской области, и даже разместил в Фейсбуке поздравительное слово, за кое Вы либо Ваши сотрудники поблагодарили. А слово было такое: «Сергей Георгиевич, поздравляю Вас с почетным и тяжким крестом, что возложил на Вас народ, и как русский писатель, прошу не забывать и сибирскую литературу, поддерживать издание книг, несомненно талантливых, о которых можно сказать Пушкинскими словами: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»; «и милость к падшим призывал...»; «о лира, будь послушна Богу...». *А теперь и вытекающий из сего вопрос: расскажите о Ваших взаимоотношениях с литературой, что всегда являлась царицей искусств... Находите ли Вы время для чтения? И что читаете?*

С. Левченко. Я все время читаю, не проходит и дня, чтобы я не открыл какую-нибудь книгу. Конечно, вкусы человека с возрастом меняются. Я, например, научился читать еще до школы, и в четвертом классе уже осилил «Войну и мир» и «Анну Каренину» Льва Толстого и многое из того, что мне купили на будущее по школьной программе. Правда, из-за этого мне было неинтересно на уроках лите-

ратуры... В юности читал Александра Дюма, Вальтера Скотта. Потом с возрастом я начал читать современных русских писателей, и особо сильно увлекся Леонидом Леоновым. Почти десять лет возвращался к его произведениям, перечитывал, настолько мне понравился его образно яркий, интеллектуальный слог. А позже начал читать историческую литературу и прочел изрядно книг о мировых лидерах.

А. Байбородин. И в завершение беседы традиционный вопрос: *Ваши пожелания землякам, жителям благословенной прибайкальской земли?*

С. Левченко. Сибиряки всегда отличаются особым *сибирским* характером. Обладали самостоятельностью, поскольку привыкли рассчитывать на свои силы, ведь до Москвы, как говорится, далеко. И наша природа воспитывает переносить сложности и отсутствие комфорта. Еще мы судим окружающих не по словам, а по делам, и в то же время мы верим людям. И именно в этой совокупности качеств — наша сила, и мне очень бы хотелось, чтобы мы их сохранили. А еще я желаю землякам здоровья, счастья и благополучия!

Беседу записала журналист Елена Орлова

Иркутск почтил память Николая Муравьева-Амурского

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «СИБИРЬ»
АНАТОЛИЯ БАЙБОРОДИНА С ГЛАВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА ИРКУТСКА
ДМИТРИЕМ БЕРДНИКОВЫМ

Глава администрации города Иркутска Д.В. Бердников

А. Байборodin. Дмитрий Викторович, Россия в нынешнем году отметила 210-летие со дня рождения великого сына Отечества, генерал-губернатора Восточной Сибири, Николая Николаевича Муравьева-Амурского. За величайшие заслуги перед Российской Империей графа Муравьева-Амурского величали Петром Великим Восточной Сибири. *Дмитрий Викторович, Вы, иркутский градоначальник, что могли бы сказать о личности и деятельности иркутского губернатора Муравьева-Амурского?*

Д. Бердников. Николай Николаевич Муравьев — человек выдающийся. Его трудами гордится Россия. Еще до приезда в Восточную Сибирь этот государственный деятель прославил себя подвигами в русско-турецкой войне, служил на Кавказе, получил опыт гражданской службы — более года был губернатором Тулы. И совсем молодым, по нынешним меркам, 38-летним человеком был назначен губернатором Восточной Сибири, которая тогда простиралась от Енисея до Аляски. Руководителем такого огромного региона мог стать только человек, облеченный полным доверием главы государства.

И Муравьев это доверие оправдал. Еще до прибытия в Иркутск Николай Николаевич подготовил на имя императора доклад, в котором изложил основные вопросы, которые, по его мнению, необходимо было решить. В частности, речь шла об устройстве ссыльных, частной золотопромышленности, изменении местного управления.

Уже здесь, в нашем городе, Муравьев стал инициатором реформ административного устройства Восточной Сибири. По его предложению была учреждена Камчатская область во главе с военным губернатором для укрепления морской обороны края, образовано Кяхтинское градоначальство для усиления контроля над русско-китайской торговлей, появилась Забайкальская область, были расширены права местной администрации в Якутской области.

Позднее Иркутская губерния по инициативе Николая Николаевича была разделена на пять округов: Иркутский, Балаганский, Верхотенский, Нижнеудинский и Киренский. Кроме того, была создана так называемая «Амурская линия». Это территории по левому берегу Амура, заселяемые казаками Забайкальского войска.

Думаю, всем известно, что именно с Амуром связаны самые яркие достижения Николая Николаевича. Именно Муравьев в результате долгих переговоров

заключил с Китаем Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем. В благодарность за это император Николай I пожаловал Николаю Николаевичу титул графа с присоединением к фамилии слова «Амурский». В Иркутске в честь подписания договора на улице Заморской были выстроены триумфальные Амурские ворота, а сама улица была переименована в Амурскую.

Кроме того, стараниями Николая Николаевича Муравьева-Амурского на карте России появились более 30 населенных пунктов, включая города Благовещенск и Хабаровск. При этом его деятельность охватывала самые разные сферы жизни. Он заботился о положении и быте крестьян, уделял внимание обучению русскому языку инородцев, занимался экономическим развитием региона. При Муравьеве-Амурском были открыты новые учебные заведения, Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. В городе появилась периодическая печать.

Подводя итог, хочется сказать, что масштабы личности Николая Николаевича Муравьева-Амурского выходят далеко за пределы города Иркутска и региона даже в тех исторических границах. Николай Николаевич, несомненно, является одним из тех людей, одним из тех руководителей, о которых должен знать каждый иркутянин! Знать — и гордиться своим великим земляком!

А. Байбородин. Уж лет тридцать в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке публично чтут память сего великого государственного деятеля, запечатлев героя в величественных скульптурах и скульптурных композициях, расположенных в исторических центрах этих городов. Во Владивостоке в былые времена было совершено торжественное, с военным эскортом, орудийными залпами перезахоронение праха Муравьева-Амурского, доставленного из Парижа. В Благовещенске именем героя названа областная библиотека. А правил Муравьев-Амурский Восточной Сибирью из града Иркутского, но в прошлые юбилеи торжества в честь героя в Иркутске не проводились, а тем паче не был воздвигнут и памятник. Былая советская власть, ненавидящая свергнутый православно-самодержавный строй, разумеется, не чествовала Муравьева-Амурского, — *царский сатрап*, но отчего же к великому государственному деятелю имперского склада были равнодушны и постсоветские иркутские власти?... Слава Богу, нынешнее отношение Иркутской городской власти к Муравьеву-Амурскому полностью изменилось, и с начала нынешнего года в среде иркутской гуманитарной интеллигенции уже ходили слухи, что, равно как и память графа Сперанского, городская власть увековечит и память Муравьева-Амурского, то есть, воздвигнет герою России памятник. *Скажите, Дмитрий Викторович, так ли это? И расскажите, какие прошли мероприятия в Иркутске в связи со столь великой датой?*

Д. Бердников. Действительно, в этом году празднуется 210-летие со дня рождения Николая Николаевича Муравьева-Амурского.

Многие горожане давно уже ставят вопрос о том, чтобы имя Муравьева-Амурского было увековечено в Иркутске не только в барельефе «покорителям Сибири» памятника Александру III. По моему поручению управление культуры города совместно с комиссией по топонимике, архитектурно-художественной секцией градостроительного совета, скульпторами и архитекторами проработали вопрос создания памятника генерал-губернатору Восточной Сибири. Были заготовлены эскизы, проведено предварительное благоустройство пространства будущего мо-

нумента. Памятник Муравьеву-Амурскому будет установлен на углу улиц Чкалова и Ленина, около здания иняза.

А. Байбородин. Центральная площадь имеет три сегмента — Тихвинская площадь, площадь Кирова и площадь Сперанского — и я надеюсь, что явится и четвертый, завершающий сегмент — площадь Муравьева-Амурского. Иначе будет нелепо звучать: памятник Муравьеву-Амурскому на площади Сперанского...

Д. Бердников. Если же говорить о юбилейных мероприятиях, то в октябре в Музее истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Сибиряковские чтения», посвященная, в том числе, и 210-летию со дня рождения Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Была подготовлена коллективная монография иркутских ученых «Общество и власть в Иркутской губернии в XIX — начале XX века». Помимо этого, на разных площадках города был прочитан цикл публичных лекций о Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском.

А. Байбородин. Николай Муравьев-Амурский изрядно потрудился и на ниве утверждения православного христианства в восточно-сибирских землях, будучи сподвижником святителя Иннокентия, апостола Сибири и Аляски, митрополита Московского и Коломенского. Не случайно святитель Иннокентий, оберегая товарища от грешного унынья, писал Николаю Николаевичу: «Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь». *Дмитрий Викторович, очевидно, городская власть в подготовке юбилейных мероприятий взаимодействовала с Иркутской митрополией и лично с митрополитом Вадимом?*

Д. Бердников. Для меня стало постоянным принципом в своей работе опираться на мнение горожан, учитывать позиции национально-культурных центров и конфессий. С Владыкой, митрополитом Вадимом, мы работаем в тесном контакте, часто встречаемся, обсуждая вопросы городского развития.

Вы знаете, что мы совместно с митрополией реализовали большой трехлетний проект, связанный с увековечиванием памяти иркутских святителей. Так, в 2017 году город принял активное участие в праздновании 220-летия со дня рождения митрополита Московского и Коломенского, апостола Аляски и Сибири Иннокентия (Вениаминова). Была проведена международная научно-практическая конференция, издан набор авторских открыток иркутской художницы Марины Синишиной с житием святителя.

К празднованию юбилейной даты был открыт сквер у собора Богоявления. Там установили бюст святителя Иннокентия — дар Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла городу Иркутску.

В 2018 году мы широко отпраздновали 100-летие со дня канонизации святителя Софрония (Криспалевского), в честь которого были проведены и большой фестиваль колокольных звонов, и вечера духовной музыки. В дар Богоявленскому собору была передана специально написанная алтарная икона Казанской Божьей Матери, а в сквере у собора Богоявления появился второй бюст — святителя Софрония.

И, наконец, в этом, 2019 году мы установили бюст основателя Иркутской епархии Святителя Иннокентия (Кульчицкого), завершив, таким образом, проект по увековечению памяти иркутских святителей.

Я не говорю о том, что уже более четверти века совместно с епархией мы проводим любимые горожанами Дни русской духовности и культуры «Сияние Рос-

сии». Инициаторами этого фестиваля в свое время были Владыка Вадим, Борис Александрович Говорин и Валентин Григорьевич Распутин.

Совместно с митрополией продолжаем реализовывать и многие другие проекты, о которых в коротком интервью упомянуть сложно. Напомню только, что именно благодаря Владыке и лидерам других традиционных конфессий, при поддержке горожан мы реализуем на протяжении уже трех лет проект реконструкции и благоустройства Иерусалимского кладбища. Построена Иерусалимская лестница, благоустроены пешеходные дорожки, установлены знаки конфессий, информационные стенды, освещение. Историко-мемориальный комплекс «Иерусалимская гора» преобразился благодаря участию города в федеральной программе «Формирование комфортной городской среды».

А. Байборodin. В советские времена считалось, что Новосибирск — город-ученый, Красноярск — город-рабочий, Чита — город-воин, а Иркутск — город-художник. Величание *художник* понималось широко: в Иркутске плеяда талантливых писателей и живописцев, и сам Иркутск, благодаря великолепному деревянному и каменному зодчеству, — город художественный, город-музей. *Дмитрий Викторович, нынешняя городская администрация, осознавая высокое предназначение Иркутска, постоянно и целенаправленно работает над сохранением и возрождением памятников деревянного и каменного зодчества, что прославили Иркутск на весь мир?*

Д. Бердников. Иркутск — один из тех немногих городов Сибири, которому удалось сберечь свой исторический облик. Мы продолжаем работу по сохранению архитектурного наследия.

Для сохранения цельного, индивидуального и узнаваемого облика Иркутска, его исторического силуэта мы внесли изменения в генеральный план города — в центре ввели ограничения по этажности. Там сочетаются 1-2-этажная деревянная застройка и 3-5-этажные каменные дома. Пусть так и остается!

В Иркутске около тысячи зданий — объекты культурного наследия. Большинство из них, как это ни печально, нуждается в восстановлении. Процесс финансово затратный, поэтому работу ведем с помощью отработанных механизмов муниципально-частного партнерства. Инвестор вкладывает деньги в восстановление памятника с сохранением всех его исторических архитектурных элементов и получает не только право использовать здание, но и обязанность поддерживать его состояние на должном уровне.

Благодаря такому взаимодействию новую жизнь уже обрели старинные дома на улицах Горького, Байкальской, Лапина, Карла Либкнехта, Фурье, Тимирязева, а проект по восстановлению усадьбы Шастина на улице Лапина получил федеральную премию «Феникс» и был назван лучшей работой по сохранению и приспособлению объектов культурного наследия в современных условиях. Работа по возрождению памятников ведется постоянно и будет продолжена обязательно!

А. Байборodin. Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал «Сибирь» — издание Иркутского отделения Союза писателей России, которое прославилось в читающем мире именами талантливых писателей, подобно Распутину и Вампилову широко известных и менее известных в России. *Дмитрий Викторович, расскажите о взаимодействии городской администрации с иркутской писательской организацией.*

Д. Бердников. Если говорить кратко, то такое взаимодействие носит постоян-

ный и плодотворный характер. Я регулярно встречаюсь с иркутскими писателями на самых разных мероприятиях и всегда открыт для нашего общения!

Иркутская писательская организация принимает участие во многих проектах Музея истории города Иркутска. Это и литературные вечера, это и презентации книг, и конференции. Иркутские писатели — постоянные члены жюри секции «Литературное краеведение» школьной научно-практической конференции «Мой город».

Встречи с писателями традиционно проходят в библиотеках нашего города во время Дней русской духовности и культуры «Сияние России». В рамках городского фестиваля детского и юношеского творчества «Весенняя капель» реализуем проект «Неделя детской книги». В Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых, да и во всех муниципальных библиотеках города постоянно проводятся презентации новых книг, круглые столы, конференции. В плановом порядке наши библиотеки проводят обзоры произведений иркутских писателей, готовят рекомендательные списки, открывают литературные гостиные.

В 2017 году в Иркутске состоялось уникальное в своем роде событие — VIII Международный Славянский литературный форум «Золотой Витязь». В наш город приехали участники форума — члены жюри, конкурсанты, лауреаты высшей награды форума — золотой медали имени Пушкина «За выдающийся вклад в литературу» Виктор Потанин и Захар Прилепин, русскоязычные писатели и поэты из Беларуси, Сербии, Боснии, Грузии. Более 20 встреч в библиотеках, школах, вузах, концерты в Драмтеатре и ТЮЗе, сольный концерт актера Сергея Маховикова в Театре народной драмы — таким был «Золотой Витязь».

Каждый год в рамках празднования Дня города в сквере Кирова мы открываем «Литературный квартал». В этом проекте принимают участие иркутская писательская организация, все библиотеки города, Музей истории Иркутска, центр Александра Вампилова и другие организации. Иркутские читатели получают возможность встретиться и пообщаться с авторами, приобрести их книги. Писательское слово звучит и на празднике колокольных звонов «Байкальский благовест».

Наши библиотекари с удовольствием принимают участие в мероприятиях Дома литераторов — в представлении новых книг, в презентации новых номеров журнала «Сибирь», в литературно-художественных вечерах. Фонды библиотек постоянно пополняются новыми книгами иркутских писателей и свежими выпусками историко-краеведческого журнала «Сибирь». Только за последние три года в библиотеки поступило более 350 экземпляров. В рамках программы по оцифровке редких и ценных краеведческих изданий сейчас идет его оцифровка, чтобы с трудами иркутских писателей мог познакомиться еще более широкий круг читателей.

Следующий, 2020 год, объявлен в нашей стране Годом памяти и славы. В честь 75-летия Великой Победы в Иркутске запланирована библиотечная акция «Иркутские писатели о войне». Мы ждем, что члены писательской организации поделятся своими мыслями об этом тяжелом времени, расскажут иркутянам о своих произведениях военной тематики, проведут презентацию переизданного сборника стихов иркутских поэтов о Великой Отечественной.

А. Байбородин. *Дмитрий Викторович, завершим беседу традиционно: Ваши пожелания землякам, жителям живописного города Иркутска.*

Д. Бердников. Дорогие земляки! Мы живем в удивительном городе. Иркутск — крупный современный центр Восточной Сибири: не только промышленный, деловой,

но и научный, образовательный и культурный, и это — заслуга многих поколений иркутян! Тех, кто вкладывал в развитие города силы, душу, творческую энергию. Все они: ученые, художники, государственные деятели, строители и писатели — оставили нам свое необъятное, богатое наследие. Возложили огромную ответственность: сохранить его и приумножить! Желаю всем нам, иркутянам, жить и работать так, чтобы копилка истории пополнялась только добрым, нужным и полезным — на благо новым поколениям, на благо городу.

ВИССАРИОН САЯНОВ

На Дьячем острове боярский сын Похабов...

Старый Иркутск

На Дьячем острове боярский сын Похабов
Построил хижину, чтоб собирать ясак...
Прошли года в глухой тоске ухабов,
Века легли, как гири на весах.

САЯНОВ Виссарион Михайлович родился 3 (16) июня 1903 года в семье политэмигрантов, профессиональных революционеров Михаила Вениаминовича Махлина (1882, Гомель — 1938, Москва, расстрелян) и Александры Семёновны Махлиной. Родители сначала были сторонниками Бунда, в эмиграции примкнули к эсерам-максималистам. После возвращения в Россию в 1908 году они были осуждены по делу максималистов и сосланы на каторгу, а потом и на вечное поселение в Иркутскую губернию. Детство писателя прошло на знаменитых Ленских приисках. Позже он взял себе псевдоним по Саянскому хребту. В 1920–1922 годах работал учителем начальной школы в шахтёрском посёлке Тугайкуль (ныне город Копейск) под Челябинском. В 1922–1925 годах учился в ЛГУ, в 1925 году призван в РККА. В.М. Саянов начинал как поэт. В 1923 году вошёл в ЛАПП, в 1926–1929 годах входил в группу «Смена» (был и её руководителем). С 1934 года постоянно жил в Ленинграде. Автор литературоведческих работ «Современные литературные группировки» (1928), «От классиков к современности» (1929) и других. В годы советско-финской войны (1939–1940) и Великой Отечественной войны был военкором фронтовой газеты «На страже Родины». Ответственный редактор журналов «Ленинград» (1942–1944) и «Звезда» (1945–1946). Перепечатал в «Звезде» (1946, № 5–6) без согласования с автором из «Мурзилки» рассказ М. Зощенко «Приключения обезьяны», за который впоследствии Зощенко был подвергнут сокрушительной критике. Ушёл с должности за два дня до выхода постановления ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград». Оправдывался за публикацию следующим образом: «Мы указывали авторам на их ошибки, но у некоторых писателей было суждение такое, что вот война кончилась, теперь они отдохнут и теперь надо развлекать советского читателя... Наша вина, что против таких настроений мы не сумели отделить передовую писательскую часть... Вот, мне кажется, то основное, что следовало сейчас сказать». Член редколлегии серии «Библиотека поэта». Член правления Ленинградского отделения СП СССР (с 1941), Президиума СП СССР (с 1954). Умер 22 января 1959 года. Похоронен в Санкт-Петербурге на Богословском кладбище.

Над летниками тесными бурятов
Сыченый дух да хмель болотных трав;
Сюда бежали, бросивши Саратов,
И вольный Дон, и старой веры нрав.

И город встал в пролете этом узком,
Суму снегов надевши набекрень,
И наречен он был в веках Иркутском,
Окуранный пожарами курень.

Вот он встает в туманах, перебитых
Неумолимым присвистом весны.
Немало есть фамилий именитых —
Трапезниковы, Львовы, Баснины.

Он богател. Его жирели тракты.
Делил полмира белыми дверьми,
И чай везли его подводы с Кяхты,
Обозы шли из Томска и Перми.

Он грузен стал, он стал богат, а впрочем,
Судеб возможно ль было ждать иных
От золотых и соболиных вотчин,
От ярмарок и паузков речных.

Он, словно струг, в века врезался, древний.
Рубили дом, стучали топоры,
Бродяги шли из Жилкинской деревни,
С Ерусалимской проклятой горы.

Он шлет их вдаль. Оборванные парни
Идут навстречу смерти и пурге,
Мрут от цинги в тени холодных варниц,
От пули гибнут смолоду в тайге —

Чтоб богател, чтоб наливался жиром
Купеческий, кабацкий, поторжной,
На весь немшоный край, над целым полумиром
Поставленный купцами и казной.

1933

Волокуша

Ты видел, скажи мне, в тайге волокушу?
Приладив стволы невысоких берез,
Впрягли их в упряжку и едем по суше,
Пока не увидим негаданный плес.

На той волокуше я ездил тайгою
На кроне березы, с вожжами, с кнутом,
Сидели мы молча, и ночью глухою
Нас ждал за пригорком бревенчатый дом.

Был прозван тот волок: «семь кедров, семь елок»,
Он шел по болотам, вгрызался в луга...
Припомнишь былое, как путь наш был долог...
Далекое детство, родная тайга...

Короткую присказку деды сложили,
Когда к океану их паузки плыли,
Что-де повидеешь всего на веку,
Как будто на длинном в тайге волоку.

Я вспомнил сейчас волокушу с «колодкой»,
И старый товарищ рассказывал мне,
Что долго он летней порою короткой
Искал волокушу в лесной стороне.

Искал он в сибирской тайге волокушу...
Но разве теперь сохранилась она?
Большие дороги изрезали сушу,
В борта теплоходов стучится волна,

А в синих раздольях гудят самолеты...
И в зимнюю пору и в летние дни
Небесных дорог над Сибирью без счета,—
Как русская песня, просторны они.

И вовсе уклад изменился дорожный —
С вилюйской зимовки за несколько дней
В большом самолете охотник таежный
Привозит в столицу живых соболей.

1948

* * *

Вот родная земля за Леной.	И тропа отступает, пятясь,
Кони ринулись с высоты.	Снова песня поет в груди,
Восьмигранная мать вселенной —	На обломанных соснах зátесь —
Так зовут тебя якуты.	След пробившихся впереди.

Как прозрачны речные воды	След прошедших в тяжелых катах
И отборны твои леса,	Над раздором лесных путей,
И богаты в горах породы,	По кандалным дорогам каторг,
Ослепительны небеса!	По тропам сорока смертей.

Хоть уйду от тебя далеко,
Хоть не той судьбой заживу,
Всё же в сердце стучит Олёкма,
Кони мнут по лугам траву.

А тайга убегает в горы,
Студенеет страна отцов,
И светлы на заре просторы
Всех пустынных ее гольцов.

1933, 1937

* * *

Года прошли — и сердцу пособили,
И жар остыл неукротимых лет,
По наледям моей родной Сибири
Прошел мой путь, как узкий лыжный след.

И может быть, среди других, мне равных,
Пройду походкой медленной своей,
И невзначай строку повторит правнук,
Когда в снегах, как в думах, Енисей.

В глухую ночь в тайге кричит сохатый,
За много тысяч верст он слышит соловья.
Так я иду, кругом снегами сжатый,
Но знаю, близко выручка моя.

Ведь свет гостил в тех песнях небогатых,
Придет пора — я другу принесу
Сказанья давних дней о кедрах и сохатых,
Тайги сибирской дикую красу.

Два-три словца, в которых бродит солод,
Оставлю я иль песенку одну, —
В седой тайге, где звездный край расколот,
Всё будут славить девушки весну.

И этот край, прославленный и зримый,
Где каждый колос выстрадал я сам,
Как часть твоей судьбы неповторимой
Я по складам потомству передам...

1933, 1939

* * *

А на острове дальнем, где белое полымя вьюг,
Вспоминаю тайгу и ночную тоску перелесиц,
Поторжные дороги, как лето, уходят на юг,
И как ложка кривая — над старыми юртами месяц.

В соболиных следах потеряется след бурундучий,
Кренясь, вновь пробегают над брошенным прииском тучи.

Смута желтых снегов. Над озерами лед голубой.
В дымный край мерзлоты позабытый уходит забой.

Приискатели спят. Страшен прииск богатый в ночи.
С фонарями «летучая мышь» пробегают вдали копачи.

Человеческий фарт. Человеческой жизни удача.
Якуты постоят и на север уходят, судача.

Вдруг заржала кобыла, бежит жеребенок ее,
Это пулю ведет по коротким нарезам ружье.

Я ребенком еще по дорогам Сибири прошел.
Душны ночи ее, а заря — огуречный рассол.

Помню яркие звезды и воздух, как порох сухой.
Мимо летников братских, где кормят нас жирной ухой,

Мы уходим на север — ветер каторжный шастает прочь,
И с любой стороны наступает на прииски ночь.

Нам якут говорил: «Я рубахой клянусь, что не спятил,
Чертов сын в красной шапке, над пихтой подыметесь дятел —

И, как рог, не промерзнет то дерево. Ветви его серебра,
Так, без стуку, над ним пролетит молодая заря».

Что же, сердце мое, ты опять меня смутой томишь?
Ведь уже отшумел по далеким болотам камыш,

И другая тайга от оврага бежит на овраг,
В экскаваторном шуме и яростной поступи драг.

1933

* * *

Заплетается вновь в перелесках весенняя вязь.
Снова горы багряные рвутся ко мне, громоздятся.
Полуденник скользнет — не пройдешь, не отыщешь соседства.
Теплый ливень в гольцах. О, мое бесприютное детство!

Одиночество сердца, не знавшего детства. Глухие
Завитимские дали. За прииском — грохот телег.
В десять лет из отцовского тесного дома побег.
О дорожные камни изранены ноги босые.

И где путники пели — там след мой короткий прошел.
Злая хвоя в тайге осыпалась на дикое поле.
Мимо душных становий и черных загубленных сел
Я, как странник, прошел и узнал всю страну поневоле.

Песню пел мне шахтер о страданиях каторжных лет,
Пел рыбак, что до света в озера закидывал невод,
Как зажжется в снегах на соленых озерах рассвет.
Крепнет в сердце моем это властное слово напева.

То, что слышал тогда от солдат и прохожих людей,
От сказителей верных, в ночи, на дворах постоянных, —
Стало радостью сердца, и лучшею песней моей,
И свершеньем судьбы, и началом надежд небывалых.

1937

* * *

Что же, я знаю, рассказы твои пособили
Радости первой, и воле, и доблести всей.
Каторжный ветер кружил по размытым долинам Сибири...
Реки сибирские: Лена, Иртыш, Енисей.

Сердце вселенной, открытое вечному шуму
Хвойных лесов и грустящих о полюсе рек...
Зоркий охотник таил вековую думу.
В лютых пожарах кончался прославленный век.

Мамонты ходят на древние стены Китая,
Режет глаза поднебесная темная синь,
Зыбким узором снегов азиатских пугая,
Льдами морей и песчаным безлюдьем пустынь.

Детство свое перечту, как старинную повесть.
Стонут орлы, и поблекла трава в сентябре.
Поле в цветах, и безоблачно небо, как совесть.
Я ли тот мальчик, который грустил на заре?

1937

* * *

Журавель задремал у колодца,
Свечи жгут в деревянных церквях,
Поздно вечером песня поется
О летящих в Китай журавлях.

Как мне сызмальства это знакомо,—
Там, где каторжный стынет централ,
В тихой смуте холодного дома
Я старинные книги читал.

Разбираться в кудрявом уставе
Научил меня добрый старик...
Звали вдаль журавлиные стаи,
И орлиный мне слышался крик.

В нищем крае, где с золотом краденым
Шлялись парни в двойных поясах,
Где заря по глухим перекладам
С горных рек собирала ясак,

Где насупились ель да ольшаник
И во мхах не отыщешь следов, —

Мне рассказывал сумрачный странник
О приволье больших городов.

По траве, теплым ливнем примятой,
Стлался медленно дым-вертопрах,
И бежал по возгорьям сохатый
Со звездой на дремучих рогах.

Я до света в мечтах заповедных
Своевольному зову внимал,
Ярым топотом всадников медных
Шумный город меня призывал.

Я мечтал тогда стать капитаном
Иль в счастливые горы уйти, —
По ночам, за пылающим станом,
Все мои начинались пути.

Твоего не забуду наследства,—
Звездный берег грозой потрясен.
Снова кличет из бедного детства
Этот утренний праздничный сон.

1937

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

Амур-батюшка

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Рассвет. Заря горит, и все небо в тончайших нежно-розовых и палевых перистых облаках. Сквозь них видно ясное небо. Прохладно. Из-под тальников тянется серебряная от росы трава.

Звонко кукует кукушка. Кудахчет курица на плоту в бабкином курятнике. Река курится туманом. Лес в волнистом тумане, словно колдуны окутали его седыми бородами. Дальние сопки порозовели. Из-за хребта глянуло солнце и полило лучи через лес и реку на желтую отмель, освещая стан переселенцев, как груды наносника, выброшенного рекой за ночь.

Долговязый парень в казачьих штанах пробежал по стану, созывая переселенцев на осмотр местности. Крестьяне полезли из-под мокрых полов. Женщины раздували в тепле огнищ угли. Ребятишки натаскали хвороста. Весело затрещали костры, повалил дым.

ЗАДОРНОВ Николай Павлович (1909–1992). Родился 22 ноября (5 декабря) года в г. Пензе. Вырос в Сибири. По окончании средней школы в 1926–1941 годах был актёром и режиссёром в театрах Сибири, Дальнего Востока, Уфы. С 1935 года работал литературным сотрудником газет «Белорецкий рабочий», «Советская Сибирь», «Красная Башкирия». В этот период был написан первый роман «Амур-батюшка», а также два цикла исторических романов об освоении в XIX веке российского Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Первый цикл: «Далёкий край» (1946–1949), «Первое открытие» (1969, первое название — «К океану», 1949), «Капитан Невельской» (1956–1958) и «Война за океан» (1960–1962). Второй цикл: романы «Амур-батюшка» (1941–1946), «Золотая лихорадка» (1969), «Цунами» (1971), роман о современности «Жёлтое, зелёное, голубое...» (книга 1, 1967), книга путевых очерков «Голубой час» (1968) и другие. Заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Награжден Сталинской премией второй степени (1952), орденом Октябрьской Революции (1984), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1956, 1969), орденом Дружбы народов (04.12.1979), медалями. Отец писателя и сатирика Михаила Задорнова (1948–2017).

Бойко на весь лес заливается кукушка. Звонко и чисто раздается ее кукование в холодной и торжественной тишине утра.

«Долго ли проживем на этом месте?» — загадывает Наталья, стоя на камне и умываясь прозрачной утренней водой. Птица чуть было не смолкла, словно поперхнулась, но тут же, встрепенувшись, закуковала чаще и веселей, словно дерзко подшутила над Натальей и сразу же поспешила ее утешить.

«Не знай, как понять: видно, что первый год тяжело будет, а дальше проживем, что ли... — неуверенно истолковала Наталья кукушкину ворожбу. — Господи, да так ли? — вдруг со страхом подумала она, подымаясь и вытирая лицо. — Где жить-то станем?» Она оглядела темный лес и реку, несущуюся из тумана.

А кукушка все куковала.

Мужики, вооружившись топорами, собирались к палатке барина. Петр Кузьмич Барсуков был молодой сибиряк, года три тому назад окончивший университет в столице и уже успевший там порядочно поотвыкнуть от своей суровой родины. Недавно его перевели из Иркутска в Николаевск на устье Амура, в распоряжение губернатора Приморской области.

В это утро Барсуков испытывал такое чувство, как будто его отпускали из неволи. Наконец-то он водворит на место последнюю партию переселенцев и сможет подняться в Хабаровку, а оттуда отправиться в Николаевск. Скитания по реке надоели ему.

Несмотря на привычку к путешествиям по тайге и по рекам, тоска, особенно за последние дни, давала себя знать. Это была та странная, внезапно охватывающая человека тоска, которой подвержены почти все, преимущественно молодые, путешественники по тайге. Он знал случаи, когда точно в таком состоянии, какое было сейчас у него, приезжие из российских губерний, военные и чиновники, спивались, либо теряли рассудок, либо кончали жизнь самоубийством. Никакие красоты природы, никакое изобилие дичи, до которой обычно Петр Кузьмич был большой охотник, не могли более развлечь его. Пока шли дожди, он еще кое-как терпел эту тоску и одиночество, но когда началась жара, от которой сгорала кожа, трескались губы и, казалось, таял мозг, терпения его не стало. На ум то и дело приходила семья и все домашнее. Он побуждал себя изучать неведомую и интересную жизнь на Амуре, расспрашивал бывалых казаков, постреливал из ружья, рисовал в альбом и писал дневник, но делал это все единственно потому, что знал — так надо делать, чтобы окончательно не раскиснуть. Но ему очевидно было, что наездился он в это лето досыта, и пора возвращаться в Николаевск.

Однако прежде чем плыть домой, он должен был побывать в Хабаровке, чтобы встретиться с другими чиновниками и выполнить кой-какие формальности. Только по окончании всех этих дел он мог плыть пароходом на устье.

Одна мысль долбила его мозг: поскорей водворить переселенцев — и домой. «Но как подумаешь, — размышлял он, — сколько еще придется отмахать вверх на шестах, а потом снова вниз, то жутко становится. Да еще неизвестно, когда будут в Хабаровке пароходы».

Ночь Барсуков спал плохо. Детишки, которых он этой весной перевез вместе с женой из Иркутска, не выходили у него из головы. С думами о доме поднялся он, как только чуть забрезжил рассвет, и, едва глянуло солнце, велел казаку идти на стан, будить переселенцев и созывать их к палатке.

— С добрым утром, мужики! — встретил их чиновник.

— Благодарствуем, батюшка! И тебе веселый денек! — кланялись мужики, ломая шапки и обнажая длинноволосые головы.

Барсуков предложил подняться на высокий лесистый бугор, видневшийся в версте от стана, и осмотреть местность. Река, широкая напротив отмели, где стояли плоты, резко, крутым клином сужалась к бугру, который выступал в воду мысом. Бугор был высок, с него, верно, хорошо видны окрестности.

— Что ж, пройти можно, — согласились мужики. Толпа, давя ракушки, бодро двинулась по отмелям следом за Кешкой, взявшимся проводить, обходила заливы-чики, которые то сужались, то расширялись, образуя чередующиеся песчаные косы.

— Вот где рыбачить-то, красота! — проговорил Кешка, перебрывая заливы в своих высоких ичигах. — На косах-то неводить без задева.

Недалеко от бугра, там, где за тальниками торчали кочки и буйно росла осока, открылся распадок между релкой и бугром. Пологие склоны его были порублены. Меж пеньков виднелась бревенчатая, крытая корой избенка. За ней торчал крытый жердями и берестой свайный амбарчик. Поодаль густо, сплошной чащей, росли березы и лиственницы.

— Иваново зимовье, — сказал Петрован. — Зайдем, что ль, ваше благородие?

— Пожалуй, зайдем, — согласился Петр Кузьмич.

— Айда, мужики! — повеселел Федор. — Поглядим, как тут люди живут.

Петрован открыл ставень, отвалил кол, и толпа полезла в дверь.

В избе было сыро и темно. В единственное оконце Бердышев вместо стекла вставил пузырь в крепком решетнике, чтобы зверь не залез в избу, когда ставень открыт. Обширная небеленая печь занимала добрую половину избы. Под потолком налажены были полати. У стены тянулись нары, устланные шкурами. По стенам висела одежда и кожаная обувь, на полках виднелась туземная расписная утварь из бересты и луба. Со стропил свешивались связки сушеной рыбы и звериные шкуры.

Мужики молча оглядывали жилье.

— Оставляет добычу, не боится, — заметил Барабанов.

— Кто в тайге тронет! — отозвался Иннокентий. — Но соболей-то не оставит, хорошую шкуру, конечно, прячет.

— А где прячет-то? — с живостью спросил Федор.

— Где!.. — передразнил его казак. — Мало ли где, это уж он знает.

— Топор, пилу имеет, а настоящего старания нет, — заключил Егор, осмотрев избу.

Барин вскоре вышел наружу. За ним выбрались из избы и мужики, почитавшие неудобным торчать там без хозяина.

— Жаль, что Бердышев в отлучке, — сказал чиновник, обращаясь к переселенцам. — Он был бы полезен для вашего брата. Он и сам давно поговаривал, чтобы сюда населили русских.

— Уживемся ли с ним? — спрашивали мужики.

— Да нет вам никакого смысла с ним ссориться, да и не из-за чего.

— Мы-то, конечно, да как он... — отозвались крестьяне, помня рассказы казаков о том, что по здешнему обычаю староселу за приселение надо заплатить или отработать за него.

— Я же говорю, ему давно хочется жить со своими. Делить вам тут нечего будет. Тайга велика, на всех хватит. Да и он как будто ладный мужик.

Казаки снова подперли дверь колом и закрыли ставень, барин сделал какие-то пометки в записной книжке, и толпа стала подыматься. Разводя руками густой зеленый орешник и молодую поросль кленов, разрубая топорами какие-то цепкие

колючие кустарники, перевитые ползучими растениями, мужики кое-как взобрались на бугор.

Вершина бугра была обширна, поросла молодым лесом, кое-где виднелись старые сломы от выгоревших и поваленных ветрами деревьев.

Барин поднялся на груду гниющего, трухлявого буревала и, укрепившись, стал осматривать окрестность в подозрную трубу. Мужики тоже полезли на валежины. Перед ними открылся обширный вид. Могучая река, изгибаясь, разлилась по долине. Один из широких и прямых рукавов ее тек со стороны к главному руслу, пробивая брешь в поемном берегу, и вдали сливался с небом.

— Эх, и река! — удивился Тимошка. — Вон там и берега не видать.

— Наискось верст двадцать будет, — подтвердил Кешка. — А на низу еще шире бывает.

— Эвон и леса залила. А протоки-то, острова-то, как лоскутья нарезаны...

Прямо напротив бугра, за рекой на утесах стоял частый еловый лес. На этой стороне реки внизу, на песках, дымились костры стана и, как букашки у кучи мусора, копошились люди меж плотов и балаганов. Вдоль реки от холма тянулась додъгинская релка, куда, собственно, и поселяли крестьян. По релке рос густой смешанный лес. Ближе к падам и заливам курчавилось чернолесье, высились ясени и тополя, дальше шел красный лес, взмахивали к небу огромными ветвями редкие кедры. Близ стана и до самого распада с бердышевской избой релка поросла березой, осиной, елью и высокими лиственницами.

— Вон и Мылки видать, — сказал Петрован, показывая на обширное озеро, залившееся в тайгу верстах в трех выше стана.

— Я давно собираюсь заглянуть в эти Мылки, — проговорил Петр Кузьмич, направляя трубу на дальние холмы. — Говорят, там была усадьба и жил маньчжурский нойон.

— Никак нет, ваше благородие! В Мылках, на нашей памяти, одни только гольды жили. Маньчжурцы эвон где, на той стороне жили — вернее сказать, иногда наезжали, останавливались напротив этой Мылки, вон, глядите-ка, между гор вроде заливчик и тальники. Это горло в озеро, озеро называется Пиван, вернее сказать, так называется остров и протока за ним, а озеро гольды как-то по-другому называют. На этом Пиване, неподалеку от устья, была городьба, у них была усадьба. Маньчжурцы приплывали сюда и собирали ясак с гольдов. Это я видел, как они плавают на больших лодках. Каждый год ярмарку открывали, торговали с гольдами, гиляками, которых, бывало, догола оберут, обыграют в карты. Тут всякого жулья наезжало. Хватало всего! Как первые-то разы мы с Николай Николаевичем проходили, все это видели. А потом Амур к нам вернулся, маньчжурцы все собрались и пошли домой. Однако решили, что не продержатся; только кто по деревням торговал, те еще остались и сейчас торгуют. Правда, говорят, что один нойон до сих пор сюда ездит тайком и все еще обирает гольдов, но он уж на Пиване не останавливается, а прячется по деревням. А там фанзы и городьба от них остались, и теперь еще колья забиты; если плыть мимо, так с реки видно.

— Не думаю я, чтобы нойоны сюда ездили, — задумчиво возразил барин. — Пограничная полиция знала бы.

— Откуда ей знать! Разве тут усмотришь? Я вам верно говорю.

Барин снова что-то записал в свою книжку.

— Ну, а что же теперь на этом Пиване? — обратился он к казакам, слезая с гнилого ствола.

— Теперь-то уж все кинули то место, никто там не живет, разве гольды когда-нибудь на озеро рыбачить наезжают. Да неужто вы ни разу не были ни в Мылках, ни на Пиване? Да разве не вы назначали места для переселенцев?

— Нет. Это еще до меня были другие чиновники.

— Мылкинские-то одно время на реку с озера выселялись, да как пароходы стали ходить, они чего-то испугались и ушли к себе на озерца. Гольды-то, ведь они так понимают, что в этом пароходе черт сидит и колеса вертит. Дальше-то вон идут озера, они туда и перешли. Озерцо за озерцом так и тянутся, как бусинки, да протоки, почитай, верст на двадцать — тридцать, до самых хребтов. Там рыбы этой!.. Как вода спадет на лугах, как пересохнут протоки — собирай ее руками. А где не возьмешь — лужа высохнет, рыба гниет грудями, птиц налетит тьма. Их пугнешь — аж небо как овчиной накроет. Вон луга-то мокрые блестят промеж лозняков, тут и озерца; гольды там при них и привились, как пчелки.

— Вода да болота, — качали мужики бородами, оглядывая окрестности.

— Кабы, ваше благородие, на Бурее-то нас населили. Вот уж там земелька! — уныло пробурчал Федор.

— Земельку-то, ее, матушку, и везде потом польешь, покуда расчистишь, — возразил Петрован. — Или, думаешь, на Бурее пашни тебе приготовлены, дожидаются? Тоже лес рубить надо, а где луга, так и вода заходит. На островах-то и тут хоть нынче пахать можно. Вон, гляди, бугровой остров тянется, пошто ему пропадать? Делай плот, станови на него коня да соху и сплавляйся туда. Балаган наладишь, да и вали попахивай! Прошлый год высокая вода была, а теперь года два можно не сомневаться: не затопит этот остров; а что кругом мокро, так то сверху кажется.

— А гляди теперь в эту сторону, — вмешался в разговор Кешка, — туда пошли зверятники, там и лось ходит, и кабан, лиса, рысь, соболь, паря, и тигра бывает — хватает всего! Рысь тут ха-арошая, голубая, пятнистая. Всех народов зверь есть.

— Тигру шибко не бойся, она русского не трогает, — подхватил Петрован. — Ты встретишь ее, сам не трогай, и она, если не голодная, уйдет, как человека с ружьем увидит.

— С гольдами завести кумовство — тут князьями зажить можно, — вдруг заговорил долговязый казак Дементий, по прозвищу Каланча.

— Кабы торгованов сюда населить, они бы раздули кадило, — согласился Петрован. — Тут бы зацаревали...

Кешка провел мужиков по кустарникам к западному склону бугра. Из-за елей блестело озеро. Бурная горная река падала в него из долины. Шум ее на перекатах слышен был явственно, словно там бурлили мельничные колеса.

Озеро протокой соединялось с рекой. За Додьгой и далее во все стороны тянулись леса, исчезающие во мгlistой синеве и туманах.

— Вон и самая Додьга пала в озеро. Рыбы там по осени, когда красная пойдет, полно, как у рыбака в корчаге. Лодкам мешают ходить. Городи эту Додьгу и хватай рыбу, кто чем сумеет.

Барин велел казакам провести себя по зарослям вниз, к озеру. Переселенцы последовали за ним. У подножия бугра рос пышный лиственный лес. Ветвистые тополя, толстые, как башни, громадные белокорые ильмы, осины, ясени сплелись густой листвой в сплошной шатровый навес.

Кешка, остановившись в высоких папоротниках подле какого-то стройного дерева с перистой светло-зеленой листвой, вынул нож из кожаных ножен и стал легко резать серебристую морщинистую кору.

— Поди-ка, Кондратыч, — подозвал он Егора. — Глянь, однако, такого дерева нет у вас на Руси.

— Не знаю, что за дерево. Пожалуй, что и верно, такое-то не растет у нас. Кора мякенькая, как бархат, — погладил Егор ладонью ствол.

Мужики столпились вокруг и не могли понять, что это за дерево.

— Э-э, братцы, да ведь это пробка! — заметил Егор, колупнув кору ногтем.

— Это шибко хорошее дерево, — подтвердил казак, снимая срезанный пласт коры и обнажая слой желто-зеленой маслянистой заболони.

— С этой коры первейшие балберы на невода и на сетки ладят. Гольды это дерево берегут, зря не рубят. И вам тут жить — его знать надо.

Подошел барин. Кешка показал ему срезанную кору.

— Вот, ваше благородие, интересовались вы пробкой здешней.

— Так и тут есть бархатное дерево?

— Так точно, оно самое.

Барин отошел в сторонку, где сквозь поредевший навес листвы в темную сырость леса падали солнечные лучи. При свете их он разглядел кусок пробковой коры.

— Да-а, действительно самая настоящая пробка, — вымолвил он. — Что вы скажете? А? Южная растительность на этом Амуре, — обратился он к мужикам.

— Вот то-то и есть!.. — соглашались мужики и вздыхали тяжело, словно в этой самой южной растительности и была для них какая-то загвоздка.

* * *

— Дал бы ты нам, батюшка, денек-другой на раздумье, — говорил Федор, сидя на траве у палатки чиновника. Мужики одобрительно поддакивали ему. — Нам ведь тут жизнь жить, надо бы осмотреться ладом.

— Да какое тут может быть раздумье? Очевидно же, что место не затопляется. Земля, ведь сами же вы смотрели, на четыре пальца чернозем, лучше все равно кругом нигде нет. Леса годны для построек, кедр и лиственница, чего же еще надо?

— Это конечно, — соглашался Тереха, яростно мочал бороду. — Видно, что округ нет получше местности, но все же дал бы ты нам срок, нам ведь тут неспособно селиться. Вот говорили: на Амуре земли много. А где она, земля-то?

— Хм-хм... — недовольно буркнул барин и сморщился, покусывая короткий ус.

— Зря колеса везли, — вздохнул Федор.

— Разве такой лес осилишь? Тебе-то, барин, чем скорей нас водворить, тем лучше, а нам-то как? — с жаром продолжал Тереха. — К пескам пристали, а наверх-то и не взойти.

— Сколько труда в этот лес убьешь, а как земля-то не станет родить? — рассуждал Пахом. — Вон она, сырая. Тут, поди, сгниет все.

— Леса и те погнили. Строиться-то как из гнилья?

— Опять же, знать бы, когда коней доставят.

— По-сибирски, может, тут и ладно... кто ничего не видал.

— Без скотины тут околеешь, — посыпалось со всех сторон на барина.

— Да вы что, подлецы?! — вдруг заорал Барсуков на поспешно повскакавших с травы переселенцев. — Пора тайгу чистить, а вы в затылках скребете. Что вы думаете, глупее вас люди были, когда это место выбирали, слепые, что ли, они были? Чтобы мне сегодня же представить решение! Надо успеть до осени расчистить место под огороды, пары поднять, а вы что? Смотрите вы у меня!

Окрик барина подействовал. Теперь нечего думать и гадать, как бы не упустить хороших угодий. Барин решительно приказывал селиться на релке, и мужики вновь, как и на родине, как бывало и по дороге, безропотно подчинились привычной силе гнета. Противостоять начальству они не могли, но зато, покоряясь ему, становились перед самими собой неповинными на тот случай, если бы место оказалось выбранным неудачно.

— Ладно, барин, раз велишь, чего же, — осмелился наконец седой Кондрат и выступил из толпы. — А ежели мы тут оголодаем, кто за нас богу ответит?

— Ленишься не будете, ничего с вами не станет, дедушка. Тут богатейший край, как это можно оголодать в нем? Это все дурацкие разговоры, наслушались их по дороге. Да ведь вам никто не запрещает занимать подходящие угодья, если они где-нибудь есть поблизости, — продолжал Барсуков значительно дружелюбнее.

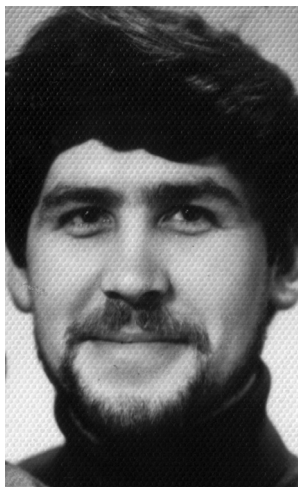
Видя, что мужики идут на попятную, Петр Кузьмич смягчился. Ему неловко стало, что из личного желания поскорее вернуться домой он вспылil и так на них напустился.

— Но сейчас-то надо же где-нибудь селиться, сено тут заготовлено, — говорил он. — Найдете место лучше, затесывайте лес, и уж будет известно, что оно занято. Потом займки там заведете...

Много чего могли бы мужики возразить Барсукову. Вместо богатых, плодородных земель, промучившись без малого два года в пути, они увидели перед собой горы, дикий заболоченный берег, полугнилой, заваленный буреломом лес и необозримую пустынную реку. Но не было охоты высказывать барину всех обид — их было много, и к тому же каждый понимал, что от пререканий толку не будет. Оставался единственный выход: браться за тяжелый и долголетний труд, чистить лес на релке и окореняться там, где высадились...

ВЛАДИМИР СКИФ

Я Приамурье вижу святорусским...

Адмирал Невельской

С ним неразлучен солнца высверк знойный,
Закат багровый, лёгкий бриз морской,
Но Посейдон суровый, беспокойный,
Прибоем бухал: «Кто тут Невельской?»

— Я Невельской! — раздался глас над морем, —
Возрадуйся, бог моря Посейдон!
О царстве в море мы с тобой не спорим,
Я от Амура шлю тебе поклон.

Я Приамурье вижу святорусским,
Из океана ты пошлешь суда
В Амур строптивый, и совсем не узкий,
Чтобы на нём возникли города.

СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Жил на станции Харик и в посёлке Лермонтовском Куйтунского района в большой семье, где воспитывалось пять сестёр и трое братьев. Закончил семилетнюю школу и поступил в Тулунское педагогическое училище. В 18 лет уже работал учителем в родной школе посёлка Лермонтовский. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. В 1975 году окончил Иркутский государственный университет. Автор 29 книг, выпущенных в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. Лауреат Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Остров обителищем портовым
К русскому пространству испокон
Всею своей длинью пришвартован,
Чтоб навеки быть с материком.

...Берегом песчаным и скалистым,
Будто вбитый в эти воды клин,
Всею твердью южно-сахалинской
Высится бесценный Сахалин!

Антон Павлович Чехов

1. Чехов в Иркутске

Российской прозы коренник искусный,
Короткого рассказа исполин —
Великий Чехов побывал в Иркутске
Проездом на далёкий Сахалин.

В сибирском бездорожье пообывкнув,
Он в город мой влюбиться был готов.
Вдоль Ангары прошёлся и воскликнул:
«Иркутск — один из лучших городов!»

Неспешным шагом он промерил город,
Оглядывая крепкие дворы,
Повременил у древнего собора,
Что встал на диком берегу Ангары.

В Листвянке был непревзойдённый Чехов,
Байкальский воздух, как и я, глотал.

Ругался в шутку: «Жаль, что не поехал
Со мной сюда скотина Левитан!»

Какое чудо — эта синь Байкала!
Какой восторг — распадки и леса!
Всё то, что видел Чехов за Уралом,
Родным и близким в письмах описал.

Тебе спасибо, мужественный Чехов!
Не всякий представляет — каково
По всей Сибири лошадьми проехать!
Ведь это подвиг дерзостный его!

Ты был у нас. Я очень сожалею,
Что нет об этом песен и былин.
Иду Иркутском и мечту лелею
С тобою мчать вдвоём на Сахалин!

2. На Сахалине

Опять по небу длинно-длинно
Плывут живые облака.
— Откуда вы?
— Из Сахалина! —
Слова упали сквозь века.

Неужто с острова? Оттуда,
Где шёл я с Чеховым в туман,
И сполохом большого чуда
В меня вливался океан.

Он — то разнузданный, то
льстивый
Щенком ложился подле ног.

А Чехов тихий, не спесивый,
Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха.
Я с ним пытаюсь говорить...»
И замолкал смиренный Чехов,
Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили,
Где в синеве закат дрожал...
Как будто в норы заходили,
В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской
Он занимался много дней,
Лечил, расспрашивал о близких
И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали,
Или не ждали: время — дым...
Но видел Бог — они страдали,
И Чехова направил к ним.

Подлодки

Геннадию Гайде

Тихи, суровы, незаметны —
они всплывают вдруг со дна,
так не похожи на суда
и так похожи на ракеты.

Они несут смертельный груз,
что может выжечь поднебесье,
тем самым огненная Русь
хранит земное равновесье.

А океан огромен, пуст...
Царит в подлодке дух военный.

Космический открылся шлюз:
и мы уже — на дне Вселенной.

Сто грамм «наркомовские» пьём,
минуем Гончих Псов, Находку
и про усталую подлодку
мы песню грустную поём.

Поём во все стальные глотки,
мы — сталью ставшие давно...
Всплывают подышать подлодки
и снова падают на дно.

1967

Старый катер

Звезды нетонущий кристалл,
По борту — скрип тороса.
Железный катер, ты устал
От ветра и мороза.

Тебе пора, наверно, в док:
Сушить винты, товарищ!
Но ты уходишь на восток,
Как только швы заварить.

К тебе приставлены шторма,
Ты служишь на границе.
В упрямстве молодость сама
С тобою не сравнится.

Я волны вместо книг читал
Локатором послушным...
Железный катер, ты устал,
Ты постарел на службе.

На море служба нелегка...
От качки и до качки
Мне снились сны материка
И девушки-морячки.

...В порту потрудишься ещё,
Похожий на титана...
Но ты уходишь, освещён
Улыбкой капитана.

1965

Во время отлива

Светлане Ратаевой

Еще чуть свет. Вода мелка.
Толкутся сны у побережья.
А мы с тобою — два мальчика —
В рассветной дымке
еле брезжим.

Плывём по краю тишины,
По краю пенного припая.
Уже отлив. И, отступая,
Волна уносит чьи-то сны.

На самом краешке земли
Причалы серые маячат.
Уже отлив. А это значит —
Уходят в море
корабли.

Ещё чуть свет. Но на причал,
Укутав зябнувшие плечи,
Приходят женщины.
О, час,
Когда час от часу не легче.

О час, когда бастует мгла.
О, предрассветная молитва,
Когда подобием крыла —
Рука метнётся над заливом.

Взлетит и, кажется, вдали
Коснётся корпуса стального...
С тоской уходят корабли
От притяжения земного.

1966

Притча о странной рыбе

Поутихла моря глыба,
в ночь уткнулись катера.
Снилась мне чудная рыба,
чуть поменьше осетра.

Эта рыба не простая,
точно, что не из простых!
Вроде и не золотая,
но в чешуйках золотых.

Эта рыба знала шутки,
пела тонким голоском
и топорщила чешуйки,
будто маленький дракон.

Нет, она хвостом не била,
очень смиренная была,
плавниками шевелила
и к моей душе плыла.

А душа — к солёной зыби
привыкала — и тесней
приникала к странной рыбе
и плыла, играя с ней.

Дух мой нежился, купался
в водах, солнцем налитых.
...Я под утро просыпался
весь в чешуйках золотых.

1966

Прибой

А я приду, у моря сяду,
где в небо просится прибой,
пытаясь каменные гряды
и мол — оставить за собой.

Он бьётся дико, скалы точит,
деревья, как верёвки, рвёт,

отброшенный, скулит, клокочет,
и вновь, взъерошенный, ревёт.

Пустую отмель огибая,
взбирается на валуны
и долго плачет, погибая
среди полнотной тишины.

1967

Приморье. Серый день

У моря — дождь и околесица,
наждачный, кремевый песок,
угрюмых скал крутая лестница,
японский дот — наискосок.

Воды бессчётное количество
и сотни крабов между скал.
Прибой, как зверь доисторический,
в пещерах варево лакал.

Мальки кипели в этом вареве,
медузы скользкие цвели.
Моллюски, рыбы, головастики
на дне друг друга стерегли.

Утёс, как будто бог языческий,
в междоусобицы вникал,
и видел он, как я панически,
прижатый к берегу, искал

вдали какую-нибудь лодочку,
вблизи маяк или жильё...
Но пустота висела плотная,
как одиночество моё.

Вокруг царило только серое:
на скалах, в облаке, на дне,
росло с востока, с юга, с севера
и подступало всё — ко мне.

С камней, с небес цветное содрано,
остались серые куски...
И понял я, что это собраны
произведения тоски.

Сегодня мне узнать положено
всё то, что сделала тоска,
хотя я — малая горошина
среди прибрежного песка...

1967

Бакен

Сырая мгла окутывает бакен,
Похожий
На светящийся зрачок,
А рядом,
Разучившийся рыбачить,
Разбитый бот на берег извлечён.

Тяжелой цепью к берегу привязан,
Как будто пёс,
Скулит из темноты
И затихает, и теряет разум,
Навеки отлучённый
От воды.

Подоблачную серую шинелью
Укрылось небо.
Вечер догорел.

Подслеповатый бакен
Спит над мелью:
Он тоже вместе с ботом постарел.

Он по ночам печалится о друге,
Взывает к буре,
Штилю вопреки.
И вот у моря
Лопнули подпруги
И заходили волны-желваки.

Прибой взлохматил пену,
Словно перья.
Забился бакен, затумячил глаз
И оторвался,
И упал на берег,
И вместе с ботом медленно угас.

1968

Песок

Песок, он наверно с глазами,
Он видит и вечность, и час,
Не зря становился часами,
Чтоб длиться от неба до нас

Песком или сумрачным снегом,
Что сыплет Господняя длань,
Он между землёю и небом
Стирает незримую грань.

Песка чуть заметную горстку
Возьму и просею в руках:
Песок Мирового Погоста
Взметнётся, как прах, в облаках.

Песок, он, наверно, с глазами...
Летучее время любя,
Песочными — стану — часами,
Чтоб помнить в песчинках тебя.

Танцующие змеи

Я видел змей, танцующих под небом
Среди песка и тёсанных камней.
Их танец тайной для природы не был,
Он был изыском красоты скорей.

А змеи танцевали, обнимались,
Шипели, поднимались над песком,
То распадалась, то опять свивались
Живым узлом, клубящимся клубком.

Мы — матросня — тяжёлыми ломами
С лица земли срывали старый дот,

А змеи дот японский обнимали
И людям загораживали вход.

Но вот мы смертный круг образовали
Над ними, танцевавшими в кругу...
О, как мы их ломами убивали,
Крошили на пустынном берегу!

Потом купались и орали громко
У океана Тихого в горсти...
И только Мишка Яковлев из Ровно
Сказал змее растерзанной: — Прости!

Край света

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело — мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую
И край света,
и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

Шёл Иван или ехал куда,
Чуял сердцем — плохая примета:
Ужимались земля и вода,
Подвигались до крайнего света.

Кто-то баял, что будет в раю
Жить Иван среди вечного лета...
А труба-то свистит на краю,
Вот и прибыл Иван
на край света.

* * *

Так хочется чистого снега
И света колючего дня...
А помнишь, как было: с разбега
Ты, ахнув, уткнулась в меня!

Уткнулась... И вздрогнули парки,
Качнулись деревьев верхи,
Цвели поцелуи-подарки
И падали с неба стихи.

Кружилась луна, словно лира,
А мы среди лунной земли
Не видели бренного мира
И видеть его не могли...

Свет бил из небесного лона,
И ворон над нами кружил,
Он помнил туман Альбиона,
Где Дарвин, наверное, жил.

А мы позабыли про время,
Про тайную суть ремесла...
Мы жизнь поцелуями грели,
Чтоб мимо она не текла.

Такое бывает не часто,
Быть чуждым оно не могло,
И белое дерево счастья
Из чистого снега возшло.

80-летие со дня рождения

АНДРЕЙ СКАЛОН

Живые деньги

ПОВЕСТЬ

На едином дыхании

О повести А. Скалона «ЖИВЫЕ ДЕНЬГИ»

Повесть ли это?

Это скорее рассказ, и рассказ большой силы. Автор, когда закончил его, наверное, почувствовал эту силу, литую тяжесть и, подумав, написал — «повесть». Ну повесть так повесть.

СКАЛОН Андрей Васильевич — русский писатель. Родился в 1939 году в Улан-Удэ, тогда же вместе с родителями переехал в Иркутск. Выпускник факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, работал в Восточно-Сибирской охотустроительной экспедиции, плавал на научно-исследовательском судне, изучавшем миграцию китов на севере Тихого океана. В 1969 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Двумя годами позже вышла в печать повесть «Живые деньги», которая принесла автору подлинную известность в читательском мире. Повесть высоко оценили критики и собратья по перу, в частности, Василий Шукшин, написавший предисловие к первой публикации. Следом за повестью опубликован роман «Панфиловы и Данилыч», ключевой в творчестве писателя. В 1973 году Андрей Скалон принят в Союз писателей РСФСР. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Подъём». Основные издания: «Стрела летящая»: рассказы (М., 1969), «Красный бык» (М., 1973, Молодая проза Сибири), «Живые деньги»: роман, повесть, рассказы (М., 1974), «На бугре»: рассказ, повесть, роман (М., 1978), «Рыжая лисица счастья»: рассказы (М., 1982), «К старшему брату»: роман, повесть, рассказы (М., 1989). Произведения А. Скалона отличаются яркостью изображения, сибирским колоритом, мастерским народным словом, сказовой манерой письма и психологической глубиной. Живёт в Москве.

Ещё потому «повесть», что этого, например, хватило бы на целый художественный фильм, но только если бы он был поставлен по тому обязательному закону, по какому это произведение написано, по закону «единого дыхания». Начни тут режиссёр специально «выявлять характер» и «ставить акценты» — вещь умрёт. То есть станет больше одной лентой про бяку-браконьера, и только.

Впрочем, написать «на едином дыхании» ничего нельзя, тем более повесть. Надо возвращаться, переделывать, двигаться дальше — то легче, то труднее... Но вот повесть есть, и прочитывается залпом. И кажется, что она так и писалась — с разгона, а наверное же, нет. То есть, думаю, что здесь — мастерство, а не чудо.

Чем же «берёт» повесть А. Скалона?

Она хорошо выстроена, хорошо написана и правдива. Автор словно бы начал собирать повесть по мелочам. Подробно-подробно рассказано, как покупаются собаки, какие собаки, какого возраста, с каким характером... Попутно — про собак вообще: «Кобельки против сук запаздывают на полгода-год в своём развитии». Я, грешным делом, подумал: «Опять про козу Ивановну!» Про собак, про волков, про коров, про коней. Соблазн большой, а умеет редко кто. Догадка насторожила, однако читать не расхотелось. Дальше — больше, включил на кухне малый свет, пролистал повесть до конца — сколько он здесь наворочал, удастся ли соснуть до работы?

Повесть втянула в себя и уже не выпустила. А ведь не детектив, не страшная история... Мужик настрелял соболей, а две собаки остались в тайге. И вот тут-то, когда всё прочитано до конца, понимаешь, зачем автор так подробно описывал собачек на первых страницах. Он их, если так можно сказать, «очеловечивал».

Жили себе собаки среди людей, одна собиралась оцениться. Но вот хищная умелая рука человека же вовлекла их в кровожадную азартную охоту, пробудились занеженные древние инстинкты, откуда взялись сноровка, страсть, злость, сила. Сколько-то дней жизни, полной риска, трудов, отваги, самозабвения, — и конец: человек сделал своё дело и предал их. Дальше им — смерть, которая настигнет их в образе такого же четвероногого, но чей род не переставал кормиться охотой и убийством. Вот где сказалось пристрастие автора к подробности, к детали — всё это вдруг привело к большой горькой мысли: да за что же?! Да что уж такого драгоценного можно купить за эти проклятые деньги, которые он, человек, получит за соболей? А сколько жизней загублено! И как подло!

И тут невольно поворачиваешься к тому, кто «не самый худой человек на сибирских просторах, хоть, разумеется, далеко и не лучший», к герою повести, к Аркане.

Появляется желание вдуматься в его судьбу и в назначение его в этой жизни. Арканя неглуп, опытен, вынослив, идёт на риск (такие удачливы!), и это должно вызвать к нему сочувствие и почти вызывает... но лишь до того момента, пока он не предал собак. Дальше — при всём своём опыте — он безобразен, мерзок.

Это очень строгий суд над человеком. И как точно автор ведёт к тому, что за человеком встает чёрная тень его чёрного дела.

Можно легко увидеть — и это тоже заслуга автора, — как Арканя сидит в кабине вертолёта, посматривает вниз и немножко жалеет собак. Сведены воедино, в один круг, разум человеческий, его необозримые возможности на земле (ружьё, вертолёт) и доверчивость собаки, её привязанность к человеку... Круг распался — и вышла одна голая жестокость, немилосердность. Зачем же он тогда выдумывает и выдумывает всё новые машины, зачем ему такие, почти неограниченные возможно-

сти, если он всего-то навсего жесток! Нет, это не вообще о человеке, и не последняя это заключительная мысль, но это тоже есть в человеке, и что же, это приветствовать, что ли? Этому и следует удивляться и ненавидеть. Не злой же увидел в другом злое, а добрый. Иначе бы и повести не было. Такой, по крайней мере.

Я думаю, если бы не возник в повести дед Аркани, такой фартовый прохиндей, как и внук, и не наладилась бы, таким образом, этакая наследственность у Аркани, всё было бы в повести не менее убедительным, а может быть, более. Дед, мне кажется, от литературы, от заданности. Этот дед ещё лишний раз, наверно, продиктовал слово «повесть». Всё же это рассказ — большой, умный, мастерски написанный. Он так сцеплен внутри себя, что всякое отступление в сторону «повести» вроде «С деда началась охота», не воспринимается как обязательное, хотя оно тоже интересно.

Ещё два слова о построении повести. По закону «единого дыхания» она сделана или не по закону («жмёт» меня в этом определении какая-то броскость, красивость), но что она строилась ещё по закону совести, это так.

Не могу ещё не порадоваться умелости автора в том, как он пишет. Вот Арканя проснулся после тяжелой выпивки, больной («с годами стал болеть на похмелье»). Пошёл проведать купленную вчера собаку. «Собака показалась сильно маленькой. Брюхо у неё было заметно отвисшее. Даже сильно отвисшее». Два раза «сильно» — раз за разом — это как-то качает короткие три фразы и бьёт в одно место, как бьёт колесо, смещённое с центра; так тупо — толчками — болит похмельная голова, человека покачивает, а мысль возвращается и возвращается к чему-то случайному, нелепому. И этому же — ощущению похмелья — помогает такая вроде небрежность, несурзанность: «сильно маленькая». И уточнение: «...заметно отвисшее. Даже сильно отвисшее». Видно, как человек медленно ворочает головой, разглядывает собаку и медленно, с трудом соображает. А всего-то три короткие фразы!

А вот из народных запасов подмечено, услышано, стало как вкопанное. Про деньги речь: «Не понесёт же их такой солидный, самостоятельный мужик — с таким-то брюхом! — под зеркало! На месте расстреляет!»

А вот сравнение. О бесхозном богатстве тайги. «Любой бродяга — с договором, без договора — приходи, черпай до дна. Как Мамай». Здесь и богатство, и горькая мысль, что богатство это можно безнаказанно грабить. И грабят. Одно слово вырвалось — и толкнуло чуждостью, вероломством. И как это страшно! Как понятно!

Это всё — живой язык. Такими неуловимыми подсказками, где работает интонация, отдалённый намёк, автор освободил себя от прямого морализирования, этого «пережитка прошлого». И остался граждански ясным до конца.

Вольное повествование, живой умный язык, некрикливая сама эта история — всё обратилось цельностью.

Живёт тайга, живёт и действует, а порой преступно действует в ней человек. Композиция рассказа и есть сама эта жизнь, несколько дней, и только дед — от институтских учений, он ослабляет напряжение. Но всё равно напряжение в повести большое. Она как пружина в руках: держишь и чувствуешь её скрученную энергию, отпусти — больно ударит. И бьёт-то в самое сердце, в самую нежную мякоть его. С таким расчётом и сделана.

*Василий Шукшин
1972 год*

В Шунгулешский промхоз Арканя приезжал уже не в первый раз. Он быстро оформил договор, получил небольшой аванс и десять банок говяжьей тушёнки в счёт пушнины, смотался в соседнюю экспедицию, где всегда можно было застать вертолёт, договорился с лётчиком на пятнадцатое, через три дня, число и вечером уже сидел у своего старого знакомого Пикалова за столом.

Летчик в экспедиции попался какой-то новый. Фиксатый, прыщавый, тоненький, в шелковом шарфике, папироску жуёт. Арканя подвалил к нему будто спросить про Дормидонтова — летает ли, дескать, старик. Но вертолётчик Арканю правильно понял; молодой-то молодой, а ухом не поворачивайся, откусит. Да это и спокойнее, потому что если человек на деньги падкий, то он и дело сделает. Прилетит. Договорились: сотню сразу и сотню или пару соболей, — это видно будет, — за обратный конец.

Арканя привык жить удачливо, фартово, и Пикалов слушал его не без зависти, удивлялся и радовался за своего оборотистого друга. Арканя же поучительно цедил сквозь зубы:

— Это вы здесь сидите и сопли на кулак мотаете!

Шунгулеш — село действительно тёмное, отсталое. Здесьние жители измеряли трудности не деньгами, а по старинке: лошадьми, которых можно перекалечить, перетопить в болотах; лодочными моторами, которые можно переломать на перекатах, мелях и порогах; временем, которое потребно на заходы и выходы, особенно на заходы — с продуктами-то.

Арканя человек другой, его аршин — деньги. Никаких лодок, никаких лошадей. Кому надо уродоваться без пользы? В любом районе, где действует вертолётная служба, Арканя без хлопот попадал на место. Механика не сложная, да не всякий понимает. Вертолёт — не попутка на шоссе, трояк не сунешь. Вроде бы. А если не трояк? Так ведь на большую сумму рука у деревенского не поднимается, он конями лучше пойдёт.

Гуляли эти дни с Пикаловым отменно, на водку у Аркани было, но и дело он не забывал, а между прочим толковал со знакомыми охотниками про намеченные места. Он не говорил прямо, что собирается на Нерку, на Предел, в самые дальние и недоступные тайги, в верховья Шунгулеша, а наводил на эти места разговоры будто незначай, вскользь, пока не выяснил, что, кроме него, туда никто не собирается. Там уже годá никто не бывал. Кто в молодости хаживал, кто слышал только, кто летом, по большой воде, на рыбалке был. Чтобы досконально знать эти далекие таёжные места — таких не оказалось людей. Говорили разное, вроде бы и есть там зимовья, а вроде бы и нет. Будто из Красногвардейского района заходили туда охотники, и даже строились. Но точно было, что давным-давно охотились там легендарные уже братья Балашовы, а в последние времена стояли геологи в бараке.

Что зверь в тех местах есть — в этом никто не сомневался. Зверь там есть. Ждёт смелого человека.

Было у Аркани ещё более важное дело, чем собирание сведений, — собаки! Отсутствие собак коренным образом отличало сезонного охотника Арканю Алферьева от истинных и настоящих охотников. У Пикалова, и у того бегала по двору собачка охотничьего вида. Хоть он и на лесопилке работает, а всё-таки в субботу-воскресенье да на отпуск отбегает в ближние места соболей погонять.

Но и тут Аркане повезло: совсем кстати случилось со знакомым Пикалову пасечником несчастье — обезножил разом матёрый охотник и на сезон остаётся дома.

Завели пикаловский мотор и поехали в Фёдоровку на пасеку.

Пасечник сидел в сарае и колотил улейки. По нему видать было, что уже не охотник этот здоровенный и молодой ещё мужик. В сарае пахло чистым деревом, мёдом от висевших по стенам рамок. Тут же в стружке лежала и собака — Дымка, низкорослая лайка лет шести, с белым ухом, серая, с провислой спиной и мягкими ногами.

Дымка вышла, когда в столярку ввалились пахшие вином и безобразием гости.

Арканя поставил вино на верстак, бутылки сыто стукнулись друг о дружку. Пикалов сходил, вызвал из дому хозяйку, она стала греть на таганке под навесом похлёбку, принесла в рассоле огурцов и чеснока с салом.

Хозяин смотрел настороженно, не зная, зачем пожаловали гости, а когда они сказали, что приехали за собакой, раздумался:

— Продать? Почему не продать. Нынче не пойду в тайгу-то.

— За деньгами не постоим, — сказал Арканя.

— В тайгу нынче не пойду, — не обращая внимания на торопательность Аркани, продолжал пасечник. — Но ведь и то сказать — собака вроде хорошая. Достойная. Так что приходится, хозяйева, сорок рублей просить. И то всё равно что даром отдавать. Вот что получается, дело-то какое. Поеду в город лечиться. Деньги нужны.

— Возьми сорок, — сказал Арканя, подтолкнув коленкой Пикалова под верстаком, чтобы тот не начал торговаться и не портил бы картину. Любил Арканя, по-городски легко относившийся к деньгам, озадачить медленно зарабатывающего и медленно тратящего деньги деревенского человека. Лихость эта Аркане обходилась недорого. Вот и теперь — в лучшем случае пятёрку можно было выторговать, не больше. Цена и без того оказывалась бросовая, сотню Арканя приготовил на собаку! Своих он не держал с тех пор, как переехал из собственного дома в квартиру (ванна, газ, огород от комбината ежегодно нарезали под картошку), так что заранее готов был платить за собаку сколько спросят. Дымка эта самая бывала в тайге, вернулась оттуда живая, — значит, понимает в охоте. Отщипнул Арканя четыре красненькие, портмоне — в карман, деньги — на верстак.

— Вот только сукотная она. Потому и прошу мало, — медленно продолжал пасечник, не обращая внимания на деньги. — Будь она пустая, например, меньше чем за восемьдесят не отдал бы.

— О, паря, чё делатца! — сказал Пикалов.

Замолк и Арканя, прикидывая. Сукотная, оказывается, Дымка...

— И с брюхом работать будет, она старательная. Оценится, день-два полежит, не шевели её. Потом опять начнёт ловить. Это уж такая собака, я тебе доложу. Она как человек, за кусок уж она отблагодарит.

Выбора не было, совсем никаких собак в это время по Шунгулешу не найдёшь. Арканя тряхнул кудрями, подвинул пасечнику деньги и в знак согласия разбросил на троих вторую бутылку.

— Покупать с лёгким сердцем надо. Это правильно, — сказал Пикалов, беря стакан.

Пасечник закурил, а пачку «Беломора» положил на деньги.

— Куда собираисся?

— Да вот на Нерку наметился. Не знаю, что будет. Есть там соболя, нет ли. — Слова Арканя растягивал по-здешнему. У него была такая привычка, подстраиваться под разговор, рассуждение, интонацию. Он ценил это умение в себе и других как признак ловкого и сильного человека, который берёт своё вежливо и обходительно, а не прёт грубо, как бульдозер.

— В раскольниковское зимовье, — кашлянув, подсказал Пикалов.

— Говорят, есть на Фартовом ручье избушка. Не знаю, худая, не знаю, целая ещё?

— Хорошо на Нерке, — вздохнул пасечник. — Бывал. Надо на геологический барак рассчитывать. Ночевал я в нём.

— Слышал я про этот барак. Да не сильно верю, казёнку строят. Вот если балашовские избушки целы...

— Сгнить уж должны. Я-то в них когда ещё зимовал, парнем был молодым. Тебе надо на геологический барак держать. Всё же там партия стояла. Орлов ещё зимовал у них, когда они хозяйство оставляли там. А балашовским избушкам — им сто лет в субботу. Разговоры от них одни остались.

— Ты мне вот лучше скажи, — повернул разговор Арканя. — Если от Предела, от хребта, значит, взять нашу сторону, то Фартовый — это будет направо, так? А который левый — это будет Малый Верблюд, а за ним Большой Верблюд? Так или нет?

— Если от Предела? — пасечник задумался. — Нет, не так. Значит, направо будет Большой Верблюд, потом Малый Верблюд. А Фартовый упадёт налево. Вот как получается. Верблюды пойдут направо, а Фартовый — налево.

— Ну как же так? — удивился Арканя, хорошо знавший карту и начавший всю эту географию, чтобы поближе подвести пасечника к разговору.

— Да уж так! И перетакивать тебе не приходится, если я там с Колей Макандиным зиму зимовал.

— Дак ты не обижайся, а давай разберёмся.

— Об чём речь, я без обиды.

— Он без обиды, Арканя, ты это не смотри. Вот по стакашу мы сейчас придумаем, и все пути нам откроются. Сквозь пойдём!

— Значит, налево будет Фартовый, направо — Верблюды пойдут?

— Кто прав?

— Обоим правы, — засмеялся Арканя, — ты же против меня сидишь. Это у тебя какая рука? Левая?

— Левая.

— А у меня — правая.

— Во, паря, мужики! Во, деревня бестолковая! — засмеялся пасечник.

Засмеялся и Арканя. Пикалов суетливо заглядывал то одному в глаза, то другому, весело ему было с хорошим разговором.

— В общем, значит, не держать особую надежду на балашовские избушки? Твой такой совет?

— Да ведь что я тебе скажу. Сколько лет я там не был! Пойти-то бы пошёл — помню хорошо. А сказать — что скажу? Вот Ухалов, Петр Панфилович, тот везде бывал, и там был. Вот с кем поговорить! Только он тебе тайгу не откроет, камень. Заготавливали они прошлый год там северного оленя. Пятнадцать голов с Мишей Ельменовым забили и вывезли. Вот тебе и дело с концами. А что остальным охотникам ни одной лицензии не досталось — это их не касается. И моё — моё, и твоё — моё! Понял? На вертолёт залетали. Промхоз платил. На вертолёт — не на ногах, куда хочешь можно залететь, хоть к черту на рога.

— Обыкновенно, средство транспорта. В других промхозах вертолёты небось нанимают, бригады забрасывать. — Арканя засмеялся.

— Средствие, говоришь? Для Ухалова средствие, а для меня, значит, не средствие? Я от этого без ног оставайся? Справедливо получается?

— Про справедливость я молчу. Каждому свой интерес. Кто успел, тот и съел, как говорится. Я квартиру получал. Мне следующий дом дожидаться надо, а голова на что? Председатель профкома комбинатский у меня на кухне неделю бюллетенил. Баба только мелькала в магазин. Поддавали. Ящик водки и ящик портвейного — квартира моя. Надо по современности соображать. Ухалову вертолёт, лицензии, а вам фиг с маслом! Так они, наверно, и план кинули промхозу, и мясом по губам помазали в домашнем обиходе. Всем и хорошо.

— Чёрт с ним, с Ухаловым. Жизнь у него так в деньги и ушла, у Петра-то у Ухалова.

— Зря ты на него говоришь. Сумел человек — сразу завидовать. Деньги у него, конечно, есть, — возразил Пикалов, уважавший богатых людей. — Но и большого ума мужик, не отымешь. Большого. Он и в промхозе умеет — на хорошем счету, передовик, и в газетке про него писали, фотографию помещали.

— Вот именно, — подчеркнул Арканя. — Вот то-то и оно.

— Эва! — согласился пасечник. — Так-то если смотреть — оно все правильно. А уж только ни я, ни ты, да никакой самостоятельный охотник в соседи к нему не согласится идти. Так?

— Значит, было раньше на Фартовом, а теперь нет, — вернулся Арканя к интересовавшей его теме.

— Всё там было. Там, может, скит был! — Пикалов даже обернулся, сказав про скит, будто опасаясь подслуша. — В общем, поселение у них там целое было.

— Раньше ведь большими сёлами в тайге не жили, — сказал пасечник. — Большие сёла были трактовые, на больших пашнях да на приисках, где промышленность развивалась. А глубинку осваивали заимками, починками. Три семьи живут, у них и пашни на три семьи, и сена — на своих коров, они и перебиваются с пасеки на скот, со скота на охоту. Тайга, она — мать, если с умом брать! Орехи те же, ягоды.

— Это так тоже нельзя рассуждать, — упёрся Пикалов, — кого же тогда в колхозы организовывать? Пока Петька до Ваньки добежит, распоряжение принесёт! А электричество? По всей тайге линии гнать прикажешь? И пользы от них государству никакой, сидят, самогонку варят! А тут, допустим, ЛЭП для них ведут! Понимать надо, линия-то! Я работал, знаю...

— Долдон ты, Пикалов, долдон! Столбов, видишь ли, пожалел, линий! А откуда обозы в город шли по зимникам? А пушнина? С малых поселений, отвечу тебе! Это же ресурс для снабжения строек и промышленности!

— Частью ты прав, а частью опять же нет, — мотнул Пикалов головой. — Ресурс, это и мы понимать можем, в тайге сена на десяток коров любая полянка даст, это ладно. Но ведь ты продавать хочешь, за что же тебе тогда пенсия, если у тебя личная собственность?

— Это кто же личная собственность? Своими руками если? А! Пенсия! Дети были у каждого заместо твоей пенсии, понял? Да с тобой, с дураком, чего спорить!

— Спорить и не надо, одно другому не мешает, — вмешался Арканя. — Можно бы и пенсию, и детей, и пасеку, и колхоз, и технику. Тайгу осваивать надо. Мне вот, например, это до фонаря. Я приехал, взял что хотел, — и Арканей звали. Но общую пользу я понимаю — осваивать надо. Тут одно к одному получается. Летом — пашня, скот, сено, ягоды; зимой — охота. Осенью твоя баба корову продаст, поросёнка. А если пять продаст? Это сколько денег в семью?

— Что ему доказывать. Вот Балашовых взять, правда, они здоровые были, как лоси, за ними не всякий утянется. Но в чём дело всё — в том, что тайга твоя, и

без тебя в неё никто не пойдёт, не нарушит. Занимались они как раз этой тайгой на Нерке. На Фартовом у них базовое зимовье было. Далеко, туда никто не ходил, а им спокойнее. Обстроились, и в такие концы — всё пешками! Идут, посвистывают. Плашник¹ у них был хороший. Избушки-ночёвки, в каждой продукты заготовлены. Они не таскали на спине, заранее завозили. Котомочка маленькая у него. Пришёл — всё готово. Обсушился, пушнину обработал, поел, на лыжи — и дальше. На Фартовом и на Нерке стояли у них базовые зимовья. На Верблюдах, между прочим, кругá тоже были налажены. — Пасечник чертил толстым ногтем по иссеченной и изрезанной доске верстака. — Они и за Предел ходили. И там, говорят, тоже кругá имели. Во сколь тайги обрабатывали. Из наших мужиков тоже сильные охотники были, но за этими лосями не утягивались. Походили-походили по балашовским местам и отстали, уж сильно далеко. Ведь вот соболя в те поры кончили в тайге, а Балашovy приносили. И воровского заведения не было, чтобы куда-нибудь налево пускать. В Центросоюз, в Заготконтору, всегда сдавали государству. А теперь и люди специальные появились — скупать стали. Испортился народ. Контора тебе сколько даёт? А скупщик?.. Вот то и оно. Да сразу на лапу, чистыми! Государству урон получается, скупщики барыши между собой делят, а охотник поёживатца — сёдни не посодят, завтра заберут. И куда денешься — рад бы сдать, дак ведь против живых денег не поплывёшь!

— И правильно, — сказал Арканя, глаза у него блеснули. — Если соболя деньги стоит, ты и бери за деньги. Скупщику выгодно сотню платить, а почему конторе невыгодно?

— Ну, кабы контора под скупщика цену подняла, тот бы сразу усох, как муха на морозе. Кому хочется жить на воровском положении, в честном доме оно теплее.

В столярку снова пришла Дымка, стала в дверях, поставив лапки на порог. Арканя на правах хозяина подозвал её, она подошла, но под руку не далась и легла в углу.

— Плюнешь в морду, если плохо ловить будет, — сказал пасечник. — Вот сам не могу, а то бы не продал! — Покачиваясь на табуретке, пасечник стал рассказывать, как хорошо он охотился с Дымкой, какая она вязкая, как хорошо идёт и держит; рассказывал, как он молодым ещё ходил далеко, и за Предел, и на Нерку, в поисках хорошей тайги, чтобы сорвать большую взятку; рассказывал, как простуживался и болел. Теперь ноги отниматься стали, пухнут, но иногда он понемногу ходит. Что-то с сосудами. Врач не велел пить, но особенно — курить. С одним таким же, как он, приходилось ему лежать в больнице. Ни курить, ни пить тому нельзя. А он и пьёт, и курит. Курево в больницу жена носила. Плачет, дура-баба, а носит.

— Не принеси она, дак... — отозвалась со двора проходившая мимо столярки жена пасечника, незаметно приглядывавшая за мужиками, неосторожно курившими на стружках, и, не договорив, махнула безнадежно рукой и ушла в дом.

— Да, носит дура-баба. Ноги отрезали по щиколотку — не кури! Отрезали ему пальцы на руках — всё это у него отнимается, закупоривает кровяные сосуды. Отрезали, значит, пальцы, а он своё: неси, жена, «Беломор», и непременно фабрики Урицкого. Двумя култьями папиросу берёт и курит. Так и умер с папиросой. Под конец врач говорит: теперь пусть курит!

— Теперь пусть курит! — эхом повторил Пикалов и радостно мотнул головой. — Во мужик!

¹Плашка — ловушка. Плашник — цепь ловушек на тропе охотника.

— Молодец, — презрительно сказал Арканя.

Пасечник замолчал, повесив большую кудлатую голову на грудь, — в волосах и в бороде с сединой перепутались мелкие стружки, — потом вскинул голову и стал смотреть долгим внимательным взглядом на лампочку, засиженную мухами, глаза у него наполнились слезами.

— Отходил, — зарыдал грубым голосом, — отходили мои ноженьки-и!

— Вот те раз, хозяин! Да ты чё? — засутился и тоже сморщился Пикалов. — Ты чё, хозяин!

— Ревишь, а я бы имел пасеку налаженную! — утешал Арканя. — Я бы разве килограмм сдал сверх плана? За твою зарплату? Ни в жизнь! Всё в город — по пятерке! Хочешь не хочешь, покупать будут! Благодарить будут, слышишь, ну?

— Спичку не зароните. Шли бы в избу, — говорила жена пасечника, стоя в дверях и глядя на плачущего мужа.

Замахиваясь на кого-то невидимого, ворочая безногим туловищем, пасечник повёз рукавом по верстаку и уронил стакан. Арканя тоже махал руками, и Пикалов тоже начал махать. Они смутно пришли к общему согласию, и каждый считал, что именно он прав и все с ним согласились в чём-то важном. Арканя объяснял жене пасечника:

— В город бы вас, на комбинат. С магазина попитаться. Надо уметь вертеться! Учи вас, долбаков деревенских! Отделение-е! Слушай мою команду!

Стакан мягко подпрыгивал в стружке, катался под ногами...

Дымка упиралась, когда её на веревке-удавке затаскивали в лодку. Арканя тянул, Пикалов толкал сапогом сзади. Потом они плыли вниз по Шунгулешу, Пикалов всё пытался завести мотор, но у него не получалось. Плыть вниз можно было и без мотора. Шунгулеш — быстрая река. В лодке они запели песни. Дымка смотрела назад, пока её везли в лодке, нарыскивалась прыгнуть за борт. Подплывали к селу, и Дымка стала смотреть вперед, навстречу доносившемуся по воде чужому собачьему лаю. Пикалов простуженно напевал:

*Посмотрите, как пляшу,
Я бродни с напуском ношу!*

Арканя смутно прорастал воспоминаниями в дальние годы детства: когда подпивали его дед и бабка, у которых он воспитывался, то на пару пели частушки и песни, и вот эту, про бродни с напуском, тоже, а он, маленький, в красной рубашонке, плясал босой посреди избы. Он пытался подпевать и теперь, но слова плохо помнились, забыл их, а помнил «Ландыши-камыши» и «Ладушку».

Лес в темноте осенней светился по берегам, светились в основном берёзы и осины, редкие, вперёд других скисшие лиственницы. Ещё не сильно было темно, а так, сумеречно.

2

Утром Арканя проснулся тяжело, — с годами стал болеть на похмелье, — пошёл проверить собаку, которую привязали ночью в стойке. Вчера она укусила кого-то, то ли его, Арканю, то ли Пикалова, — Арканя вспомнить не мог, — но укусила. Собака показалась сильно маленькой. Брюхо у неё было заметно отвисшее. Даже сильно отвисшее. На промысле оценится. Арканя принёс ей варёной

картошки и половину хлебного кирпича. Дымка не ела и от нового хозяина отворачивалась. Лапки, ошибочно показавшиеся Аркане при первом взгляде разнотравными, были хорошими комочками, только женски длинноват был следок. Вполне хорошие лапки.

— Собачку мы с тобой зряшную сосватали, — сказал Арканя не то, что думал.

— А ты чего хотел перед промыслом?

— Да я так просто. С пузом ишо. Дам сапогом, высыпятся!

— Не-е, это нельзя. Она совсем тогда не стодится.

Они опохмелились с Пикаловым и решили, что надо искать ещё одну собачку, для страховки. Какую ни на есть. Бывает, возьмётся за соболя и вообще какая-никакая дрянь. Всю жизнь под воротами пролежит, а потом раз и на тебе! — пошла соболей ловить. Таких историй они рассказывали друг другу несколько и, убедившись в своей правоте, пошли думать со знакомыми мужиками в деревню.

Арканя был действительно озабочен второй собачкой и поэтому к разговорам относился серьёзно, пил поменьше и соображал, как бы обмануть какого раззяву-охотничка да купить у него принародно за хорошие деньги собаку. Это случилось в Арканиной биографии. Это, говоря прямо, был его коронный номер. Выпьет охотник — море по колено, тут его и начинай вертеть. Особенно ловко выходило, если вдвоём, если напарник подпевает. Опомниться не успеет охотник — деньги у него в кармане, собачка в чужих руках. Всё при свидетелях, никакого мошенства. И чем больше уплачено, тем дело честнее. Плачет иной наутро, — а чего ты, ворона, вчера куражился?

— Дворового купи? — в шутку предлагали мужики, но Арканя не обижался.

Вечером в каких-то гостях, — уже по избам гулянка пошла, потребсоюзковский шофёр предложил Аркане своего дворового кобелька, дескать, есть надежда, что в нём талант проявится, потому что одним боком кобельёк произошёл от известной в недалёком прошлом по Шунгулешу сучки Альмы. Сам хозяин его не пробовал, а держал во дворе.

Кобельёк толковый, понятливый, правда, во все драки завсегда лезет, и посейчас у него лоб распластан, отец у Верного (так звали кобелька) был драчун известный, шеленковский лабазный кобель, Верный и характером пал в отца, — но мать его, Альма, сука добрая была. Её брали на медведей, на сохатых, соболей она тоже хорошо находила. На морде у сохатого Альма и погибла.

Шофёр на охоту не ходил из-за лени и огромного брюха, он и за столом-то сидел боком, и руль брюхом приваливал, когда закуривал в машине на ходу.

Арканя про себя потихоньку соображал, что вот если купить кобелька подешевле, как бы по пьяному делу, то он немного потеряет. Деньги, оставшиеся от продуктов, он всё равно пропьёт — тридцать рублей, не брать же их с собой в тайгу, для вертолёта деньги под плексигласом лежат неприкосновенно. Чего ж ещё. Всё собака. Не хрен с маслом. Деньгам один конец. Вот если он их сейчас отдаст шоферу, то деньги эти, при умном поведении, всё-таки будут совместно пропиты. Не понесёт же их такой солидный, самостоятельный мужик — с таким-то брюхом! — под зеркало! На месте расстреляет! (Но в таком рассуждении Арканя дал просчёт, потому что в этой деревне пропивали мужики от десятки вниз, а от десятки вверх клали под зеркало.)

Кобель был рыжий, крупный, мясистый (мясо не картина, в первые дни сойдёт), не сказать, чтобы дурного сложения, локотки разве сильно разведены да хвост дворняжий, провисает между ног, но глаза у него были умные, воровские,

челюсть бульдожья, а грудина широкая. По глазам судя, непростой кобелёк, хоть особых надежд на него возлагать не приходилось.

— Ты чё, тятя, пьяной? — удивленно спрашивала девочка шофёра, когда отец вытаскивал на улицу — в дом Арканю с Пикаловым не приглашал — за цепь упиравшегося кобеля. Присутствующие посмеивались. Верному надели на шею веревку (цепь Аркане была не нужна, хотя хорошая, самокованная), привязали к заплоту. Девочка поняла, что Верного продали, заплакала, стала просить отца. Вышла хозяйка, пристыдила мужа, что из-под цепи собаку продал, а шофёр, тоже смехом будто бы, отдал ей тридцатку, но не шутя, а совсем отдал, со словами: «Бери-ка, Алевтина, Верный у нас поросёнком отелился!»

Пришлось посмеяться и идти от чужих ворот не солоно хлебавши. Девочка шофёрская плакала, убивалась, бежала следом, целовала Верного в морду. Аркане стало жаль девочку, сказал, что ничего, Верному хорошо будет: «Мы с ним в лес пойдём, соболей ловить будем!».

— Соболей, — усмехнулся Пикалов, которому было жаль пропавших из общего дела денег, — в самомлучшем случае рагу из него получится. На нём мяса, как на телке!

Лет Верному было около трёх-четырёх, шофёр и его жена разошлись во мнении по этому поводу. Он говорил, что сначала стайку построили новую для коровы и телка, потом Верный появился, а она, призывая в свидетели отсутствующих своих родителей, припоминая, сколько она слёз пролила, пока заставила мужа делать новую стайку, доказывала, что Верный появился за год до этого счастливого события. Стайка, выходявшая задом на перекопанный огород, была видна. Хорошая, тёплая, с сенником, срублена она была из старой бани с добавкой новых хороших бревён на нижние венцы. А три-четыре года для кобелька — это такое время, когда изменения ещё могут произойти, может, и толк в нём окажется. Кобельки против сук запаздывают на полгода — год в своём развитии.

3

Поблескивала на дне леса Нерка — приток Шунгулеша, — отражая случайно пробившиеся сквозь таёжную темень солнечные лучи, поблескивали кое-где болотинки, озерки. Арканя сверху жадно схватывал, запоминал тайгу, широко открывавшуюся ему: там гарь, поворот река делает, там болото, там россыпи, вот он, почти рядом, голец...

До Фартового не долетели, покружили где-то над ним и вернулись на гарь, километрах в пяти, очень густо было для посадки — кедрач, ельник, плотная сильная старая тайга с буреломом и валежником. На гари трава, пышно разросшаяся за лето, сжалась, спеклась, укутала колодины, полегла, причёсанная и зализанная ливнями. В ямках стояла вода и зеркально вспыхивала. Арканя махнул летчику: «Давай тут». Всё равно, подумал он, перетащусь, если найду жильё на Фартовом, а если не найду, если погнили и погорели зимовья, здесь и балаган сочиню, на краешке гари.

Чувствовалось сверху пространство свободной, незанятой тайги. Сколько её пустует из года в год! Кто здесь последний охотился? А освоенная тайга тесней год от года, и площадь её сокращается. Ближние удобные тайги дорожают, из-за них и охотники ссорятся, их и рубят в первую очередь, их и переопромышляют.

Трещат доступные тайги от охотников! А здесь — во! И всё оттого, что как будто всем всё равно. Не моё, даже не наше! Всё, что встретил, — моё, сегодня возьму всё, что смогу взять, а то завтра другой возьмёт. Любой бродяга — с договором, без договора — приходи, черпай до дна. Как Мамай. Да что бродяга, бич, сезонник! Мелочь какая-нибудь бестолковая, туристишка, забредёт и спалит всё дотла. Ничья тайга...

Волновала Арканю тайга, расстилавшаяся внизу бесхозно: хоть вверх по хребтам, хоть вниз по урманам, по перевалам — всё твоё! Успевай, Арканя!

Вертолётчик равнодушно взял приготовленную четвертными сотню.

— Ни пуха ни пера! Так, что ли, у вас говорят?

Завертелся как дух и полетел в своей ступе над тайгой. Вертолётчик сильно рисковал, забрасывая Арканю, а охотник уважал риск во всём: будь он вертолётчиком, тоже не ленился бы, а калым сшибал.

Собаки разбрелись по гари, нюхали, смотрели.

Арканя строил план, как искать зимовье. Сидя на горелой валежине, — теперь уже не важно, чистые, не важно, в саже его штаны, — шарил взглядом по сопкам, свыкаясь с новой этой землёй, с этими, по слухам, сказочно богатыми местами, про которые он давно уже, несколько лет как мечтал и в которые, наконец, забрался, и где он теперь, на этот только сезон, хозяин.

Баракла было два тючка лёгких, — продуктов, разява, опять недобрал. «Зато нести легче, — подумал Арканя о продуктах. — Ничего! Зверька завалим рогатого, строганину будем есть».

Судя по карте-синьке, идти следовало вниз, за маленький перевальчик, и если там будет ключ, то, значит, Фартовый, а если ключ будет справа, на той стороне Нерки, то, значит, лётчик — долбак, значит, далеко сели, и будут идти один за другим Малый и Большой Верблюды, а выше их — маленький ручей Болонгуй.

Арканя достал из мешка топор и ружьё, которое сразу собрал и зарядил. Ружьё было не очень подходящее, но счастливое, «Зимсон» шестнадцатого калибра, с вынутыми за ненадобностью и экономией эжекторами. Вот с топором он сплеховал, и сейчас уже об этом пожалел — башка у топорика болтается. Пьянствовал, а надо было о топорике позаботиться. Когда-нибудь застынет как пёс, и всё из-за беспечной лени, халатности и излишней смелости — «авось не пропаду».

Пока что действительно не пропадал. А возможно, и будут гнить в тайге его косточки, мышки обточат, дождинки обмоют, травка прорастёт, никто не найдёт. На вертолёте — не на спине, взять надо было у Пикалова большой топор, у него их вон сколько. Хоть бы тот, который в сарае лежал, в дровах. Если сломается эта тонковатая ручка, то куковать ему да куковать.

Захватив с собой немного продуктов, Арканя сделал, как решил: одолел перевальчик, спустился и внизу увидел ключ слева, как и положено было по карте и по предположениям, а самое главное, по чутью, на которое Арканя единственно и в жизни, и в тайге полагался. Значит, Фартовый.

По ключу Арканя и повернул вверх, сделав, от греха, затёс на том месте, где надо было поворачивать на гарь, к вещам. Хотелось Аркане найти старые зимовья, хоть они и погнили, разумеется, но он был не против и не сильно развалившегося барака, хоть его и не натопишь. В таком бараке всегда пила найдётся списанная, топоры брошенные. А если раскольничье зимовье искать, то смотреть надо в отнорочках, пазушках, в щёлочках каких-нибудь, в распадочках боковых, неожиданных, они свои зимовья прятали.

Набрел Арканя на старый затёс, заплывший на широком боку кедра, — значит направление у него правильное, и пошёл веселее. Потом второй затёс — совсем правильно: тропы ближе к зимовью стягиваются со всей тайги в пучок, в фокус. Кто-то не из больших охотников орудовал здесь, если затёсы такие ему были нужны частые. Не иначе — геологи. Настоящий охотник для мальчика или для женщины затёсы делать будет тоже. Геологи, вернее всего, те ходят тропы — тешут.

Внизу идти было сильно мокро. Вода сочилась по всему дну распадка, и там, где виднелась старая тропа, было мокро совсем — значит, это только зимняя тропа, и выше по склону должна оказаться тропа сухая, летняя. Чтобы не путаться и время не проводить, Арканя шел всё низом, низом. Бродился он в рабочих казённых башмаках, взятых для зимовья на сменку, у него в запасе были белой резины японские сапоги — «ботфорты», на которые теперь пошла мода: ходят в них в тайгу хоть зимой, хоть летом, махнув рукой на ревматизм. А для зимы у него была ценная вещь — полудомашние ичиги. Сделал ему их один случайный старичок. Им уже третий сезон, только промокать начали подшитыми стельками. Хорошей кожи не нашёл, пришлось фабричную ставить, и осоюзил фабричной кожей (а то бы горя горького не знал про резиновые сапоги).

Нынче сибирские охотники домашнего производства ичиги давно уже не делают, поразучились. Сначала поступали фабричные, потом и фабричные кончились. Кто же будет делать уродливые право-левые, лево-правые ичиги за девятнадцать рублей? Да и не нужны такие никому. Кожа не та. И бродни плохие. Кожу делают для городской носки, другим способом, чем раньше в деревне, химия другая, вот и промокают. А собрать бы старичков, кто помнит, научить молодых, артель организовать. Десять стариков десять деревень обули бы таёжной обувью. Перешли на резинки!.. Ревматизм от них только. Старики вот перемрут, как с броднями тогда быть?

Зимовье Арканя просто почувствовал. Остановился и почувствовал. Вот если бы он не был слесарь-золотые руки на химкомбинате, а был бы штатный охотник, — конечно, кабы контора по живой цене принимала пушнину, — то тут бы, на Фартовом, и была его тайга, именно здесь бы он поставил свою главную базу. На излучине этой. Сделал бы переход через ручей. Пробил бы круги плашника, кругов пять-шесть по сотне ловушек. Тут как раз похоже на лужок, коню сена накосить летом. Епифанов-балагур говорит: «Одному коню горстям нарву». Зачем «горстям», литовочку бы занёс. Для зимовья место удобное, сухое, и вода рядом. Кедрач кругом отличный, не молодой, не старый, самый колотун, шишки на нём висят, как гранаты-лимонки. Баню бы поставил! Не чета местным долбакам, сладости не понимают, по сезону не моются. Да у них и стимула нет, при обезличке угодий, — построишь, а участок как раз и передадут Федьке. Будет он париться да смеяться: спасибо, мол, друг, хорошая баня!..

Зимовье тут и стояло. Тропки к зимовью, то есть к геологическому бараку, конечно, через чащу стекались, заросшие. Пять на пять — гараж! Труба буровая на фундаменте. В трубу сена пищухи натаскали, им, пищухам, всё равно. Упавшая лесина, криво зарубленная, жжённая с этого же боку: смола накопилась, а дурачок какой-то поджигал, баловался; упала от бури, зацепила, сдвинула крышу. Щепа побурела уже. Стёкла же остались целы, и только двери не было. Внутри сырость, и в нескольких местах стены белели плесенью, зияли щелями. Печка совсем прогоревшая, но был очаг и выходное отверстие в стене — «хлебальник» — для дыма. Очаг был большой. Жёг тут сторож Орлов целые лесины, не ленился таскать.

«Вот только кто-то дверь снёс. И кто это насвинячил?!» — с обидой думал Арканя, радуясь в то же время, что не надо строить балаган, что не придётся дрогнуть ночами на морозе, не придётся сезон вертеться по-собачьи клубочком под тентом, который он на всякий случай приволок. Дворец! Дверь сделать — полдня делов, вон нары на десятерых, половину разобрать на дверь, гвозди вынуть. Петли от сожжённой каким-то проходимцем-туристом двери Арканя нашёл в костерике, они были словно из музея, истлевшие, но в дело годились.

Арканя натаскал сушняка, разжёл его на очаге, набил им печку полняком и на четвереньках выполз из-под дыма на улицу — дым валил из всех щелей. Пусть сохнет, а он побежал за мешками.

Дымка встретила на дороге. Потом за кустами мелькнул и Верный. Они пришли к Аркане на службу. Другого человека, получше, они не нашли, сколько ни искали.

Мешки Арканя потащил сразу оба, чтобы зараз отпотеть, устроиться и вступить во владение. Где-то недалеко вроде бы взлаяла собака. Аркане было тяжело, отдыхал он через каждый километр и думал при этом: на кого же лают собачки?

Лес был разноцветный, прохладный по-осеннему и по-осеннему солнечный. В заводях ручья было набито листьев и хвои. Плавилась маленькие ленки, гонявшие в ручье харьюзков. Рябчики встречались и на том пути, и на обратном тоже встретились. Прошумел где-то глухарь. Хлоп-хлоп крыльями, хлоп-хлоп. Было два следа изюбровых на мокрой тропе, по болоту виден был след сохатого. Но это всё, конечно, не занимало Арканю, беспокоил его собачий лай.

Верный тоже через время голос подал, толстый голос, грубый, отрывистый. Хоть голос хороший, и то ладно, на такой километра за четыре зимой идти можно. Дымка лаяла заливисто, страдательно.

В барак Арканя притащился затемно, ноги после городского безделья дрожали, пиджак промок по всей спине. С темнотой наступил сильный холод, от травы встал пар. В бараке пахло грибами, было сыро ещё, и ночевать в нём Арканя не решился, стал ладить костёр. Устроив ночлег и навалив дров в очаг, чтобы и ночью барак сушился, Арканя попил чаю у костра, покурил хорошо, да так и заснул от усталости первого дня сидя. Время от времени он просыпался, взбадривал костёр, смотрел на малознакомых собак, на индевеющую под луной тайгу и снова засыпал, кутаясь в курмушку и в железный презент.

Много таких Арканей дремало сейчас у костёриков на просторах остекленевшей тайги Саян, Бурятии, Якутии, Эвенкии, Иркутской, Хабаровской областей, Красноярского края. Остывало, простуживалось, дышало дымом чужих зимовий. Все эти сезонники-любители имеют общую черту — удивительную приспособляемость, способность переносить наравне с четвероногими все трудности таёжного доисторического быта, способность мёрзнуть и голодать, способность бежать весь день и не помереть, лежать под снегом сутки, способность слышать и видеть как зверь, и обмануть зверя, как человек. Они плохо оснащены сравнительно с профессиональными штатными охотниками (хотя штатные тоже наполовину неотличимы от любителя), не имеют своей, за долгие годы оборудованной тайги (у настоящих профессионалов тайга оборудована и превращена почти в цех, в огород) и уж, разумеется, не имеют никаких гарантий. Оттого и пушнина идёт на лево, и происходят с ней всяческие чудеса. Говорят, и есть тому свидетели, что на хабаровской барахолке, в воскресенье, среди белого зимнего дня, нормальный мужик продавал шкурку зайца-беляка за десять рублей! И, говорят, шкурку эту купи-

ли на шапку. Казённая цена беляка — рубль. Только хабаровчане утверждают, что неправда, что продавали этого злосчастливого белячонку на иркутской барахолке.

Скоро, скоро закипит тайга...

Арканя не самый худой человек на сибирских просторах, хоть, разумеется, далеко и не лучший. И у него имеется надёжное местечко, куда он пушнину понесёт. А рублей на триста-четыре, для отвода глаз, сдаст в контору промхоза: надо выпить-закусить, надо оставить после себя квитанции. Сдаст всю белку да несколько соболишек — вот неудача, всего и добыл для вас, товарищи!

4

Солнце вставало не по-городскому, медленно.

Арканя дрожал спросонья от сырого, мозглого холода. Быстро раскопегарил костёр, размялся, пробежав по стеклянной траве за водой, с ледяными плёнками принёс котелок, протянул руки к огню и удивительно быстро и радостно очнулся, огляделся и повеселел.

Повставали и собаки, смотрели, ждали харчёвку. За спиной зияла тёплая дыра барака, свистели синицы на кедре над головой, на вершинах деревьев на восточном склоне Фартового ручья, о котором Арканя мечтал на перекурах и пересменках за домино, лежала, прожигая и плавя под собою землю, большая — больше сопки — половинка солнца.

Арканя перекусил, покормил хлебом собак и взялся ладить дверь, отвалив доски от нар. Барак он опять затопил, пол побрызгал, подмёл. Траву, пролежавшую на нарах неизвестно сколько лет, вытащил и сжёг вместе с нашедшимися тут гнилыми портянками и дырявыми носками. Под травой оказались журналы и газеты, он отложил их до лучших времён. У родника нашёл вкопанную косо — в склон трубу, из которой бежала вода особого вкуса. Воду эту Арканя, полагая, что она полезная, и стал пить.

В обед он прорубил в новой двери пазы для шипов-поперечин, и осталось только насадить дверь, когда раздался недалеко совсем звонкий, с заливавшимися на высоких нотах визгливыми концами голос Дымки. Сердце у Аркани заходило, как рыба на крючке.

Дымка лаяла на белку, конечно, а не на соболя. Верный ходил вокруг дурачком, время от времени взлаивал, смотрел на дело со стороны. Арканя, похваливая собаку, выстрелил. Верный, чему Арканя очень обрадовался, не испугался выстрела, а, наоборот, озлобился и кинулся к медленно падавшей сквозь ветви белке. Он даже закусить её хотел, но Дымка взвизгнула и ударила его по загривку верхними клыками. Верный отпрянул, не заворчал, присел и, как показалось Аркане, сразу всё понял в охоте. В повадке Дымки видна была собака характерная. Быстро обрезаю лапки, сдёрнув с белки носочек шкурки, — краснохвостка, отметил про себя, выходная, — разрубил на валежине тёплую тушку ножом, кинул задок Дымке, передок Верному. Цепной пес схамал на лету, а Дымка для приличия подержала в зубах, вывалила в траву, отошла.

Дымка была охотничьей собакой, и белок ей всегда варили, из уважения.

— Фу-ты ну-ты! — засмеялся Арканя, — гордая, значит? Нау-у-чим!

Зимовье Арканя оборудовал прекрасно. Он даже законопатил щели мохом, вспоминая при этом, как за таким же занятием — за собиранием моха — одного

из братьев Игнатьевых задавил медведь, пока старший брат отлучался на минутку. Старший брат подскочил и стрелил медведя наповал, но было поздно. Стол Арканя вымыл, выскреб, размёл от порога дорожку шагов на пять, вырубил корытце собачкам из колодины, чтобы пища дольше не замерзала. В журнале нашлась репродукция — женщина, белая, полная, даже розовая, будто распаренная, сидит в газовом платочке, а возле неё негритенок стоит на коленях. Женщину щепочками к стене над столом приспособил и поглядывал.

Вечером было уже три белочки, добытых между делом около зимовья. Все три были выкунявшими — готовыми, а это Арканя считал признаком близкого снега.

Теперь сидел он, наслаждаясь тишиной тёплого вечера, последних тёплых деньков, планировал, в какую сторону идти-подаваться, откуда начать блицтурнир. Решил Арканя быстро, стремительно взять всё, что можно, и встретить снег полным мешком пушнины. Вспоминался комбинат, жена, Колька, главный инженер цеха, от которого он ушёл, как колобок. Последние дни Арканя работать не лез особенно, жил предпразднично. В третьем цехе случилась авария, трубы разошлись, хлор попёр, Арканя в заваруху не сунулся, сделал вид, что ему переодеваться не хочется, а был он в свитере новом, в костюме своем лучшем, синем, — в управление с бумагами ходил.

Конечно, не из-за одежды, поостерегся просто, наглотаешься газа, как в шестьдесят седьмом наглотался, долго ли до греха, попадёшь в больницу — и плакала пушнина. Осень наступила. Значит, увольняться пора. Без содержания месяц никто не даёт, хоть и пишет заявление, на всякий случай показывает — вот, мол, по семейным обстоятельствам. Не пройдёт — сразу из другой руки: прошу уволить по собственному желанию. Заработанные дни он, мудрый человек, уже отгулял.

Иванов взбесился. Конечно, занеглел Арканя, уже при Иванове он свою штуку откалывает третий раз, пользуется нехваткой рабочих высокой квалификации, золотых рук. Так каждую осень у Иванова по куску от сердца отрывает.

Пальцем постукал Иванов по столу:

— Не приходи больше, Алферьев, больше не возьму. Ясно?

Стучи пальчиком, пальчик твой.

— Александр Викторович! Кто вам лучше работает? Может, Минягин? Кто вам вентили подгонял? Пока кто другой додумается — у Алферьева всё готово! Правильно? Обидно, конечно. Я о себе уважаю хорошее мнение как о специалисте.

— Иди, Алферьев. Ты рвач. Летуны и рвачи так рассуждают, а не советские люди. Нужен цеху человек моей специальности до зарезу каждый год и каждый день — значит, то и ворочу, что мне выгодно. Прежде, значит, мои собственные интересы, а потом производственные. Они подождут?

— А как же? Если я о своих интересах не подумаю, так вы за меня будете думать? Смешно вы рассуждаете. Интересы!

— А квартиру получал, ты что на местком говорил? Как каялся?

— Это дело прошлое, я не против...

На том они и кончили базар. Никуда не денутся, возьмут. Не возьмут — на любом производстве с руками оторвут.

Арканя всё понимает прекрасно, мозги ему не надо вправлять, он сам разговорчивый человек. Труба из легированной стали была, они её с Васей Конем на бочки порезали, особо устойчивые бочки получают под соленья, маринады, — стоят, сколько швы держат, а сам материал как новенький. Полста рублей штука. На миллион лет рассчитано, под кислоту идут, штучно делали на каком-то заводе

в Свердловске. Конь договорился с крановщиком, тот и закинул трубу на свалку, в металлолом. Полежала она там, пока её обыскали и новой заменили, а потом подходи, спрашивай — в мусоре нашли, жалко, что ли? Особая сталь? А нам откуда знать, мы не инженерá, видим, лежит, для смеху бочечки поделали, для себя.

Закончил Арканя и ножичек охотничий с наборной ручкой из клееной кожи. Отникелировал, выточил. Игрушка. Охотничьи ножи — Арканина страсть. В этом только году сколько сделал, а сколько всего произвёл их за сознательную жизнь! Он, может, из-за них и слесарем стал. Арканина марка известна — ножи у него бриткие, острие держат хорошо, гнущие ножи, не ломаются. Строгать хорошо, шкурку снимать хорошо, консервы открывать — пожалуйста. Несколько ножей у него получилось — гвозди рубили. Каждый слесарь делает ножи, не редкость, технология известная: подшпиниковая, рессорная сталь, отковать, оформить, закалить, выточить. Ручку можно плексигласовую, кожаную, из берёзовой щётки. А вот один нож получается ломкий, другой мягкий, третий не заточишь, четвёртый на морозе ломается.

Секрета Арканя не выдавал, его ножи были особые. Как-то после драки в снегу возле столовой нож нашли, посмотрели, попробовали — Арканин. Пивоваров — капитан — пришёл, расспрашивал. Вещественное доказательство! Кому давал, за сколько? Цена, фактическая вещь, четвертная, а вот как он в драку попал — это уж вы, товарищ капитан, разбирайтесь. Нож сделал — виноват, больше не буду. Делал дома, не на работе. Остальное не моё дело.

Пивоваров по своему профилю большой мастак. Знает на комбинате ходы-выходы. Его сюда прикрепили, когда растащили электромоторчики. Моторчики снимут, а машина — миллионы стоит — работать не может из-за мелочи такой, тем более, машины-то заграничные. Капитан даже жить наладился на комбинате, но прекратил. Никого, между прочим, не посадил, ни одного человека, а мог бы. Моторчики очень хорошо годились для насосов, огород поливать. Под конец они подешевели, по пятнадцать рублей шли. Ведь как сделал капитан? Готовые насосы с трубами привезли — магазин завалили, приходи, плати сорок пять рублей, включай, радуйся! Капитан проверять грозился, у кого что стоит на огороде. Не надо проверять, ворованное честному всегда уступит, это и так понятно. Ведь от соседей стыдно. От капитана можно в землю зарыть, а от соседей? Совести условия создать — она свое возьмёт!

Ножи чем хороши — ножик подарить можно. Пикалову, например, или какому-нибудь охотнику, охотоведу, даже директору. У любого сердце дрогнет, если на его глазах с гвоздя стружка под лезвием побежит. Вот с топором у Аркани неувязка. Отковал он как-то в кузнице один топор. На поковку смотреть противно, такая она культиapistая, делать её не хотелось, кусок железа, и всё. То ли дело ножичек — лежит на верстаке рыбка, вид у него личный, прогонистый такой, о молодости хулиганской напоминает. Ходил Арканя с таким ножичком за голенищем хромовых сапог. Шарфик вязкий белый, курмушка из нового сатина, стёганная узором кожаная шапка с каракулем, в меру наколотый, в меру прилпатнённый. Срок маленький мотнул, два годика. Как выскочил — ша, семья и свобода ему дороже всего. Арканя научился жизнь понимать, теперь пусть другие которые...

Заготовочку топорную кто-то не поленился, свистнул, унес раззява какой-то. Так уже больше Арканя и не делал топора. У соседа как-то взял один, согнал углы на наждаке, обух спустил — полегче чтобы стал, но бросил всё же на обратном пути в лесу — тяжело показалось. Да кто хороший топор даст? Чаще сам

в зимовьях под нарами шарил, случалось, находил — если пошарить под нарами глубоко, на чердаке, по углам, под печкой; найдётся почти в каждом зимовье или пила, или топор. Пользуйся. Сколько раз бывало. Но однажды чуть насмерть не замёрз. Всё дурная голова ногам покоя не даёт. Не сделал топор, таскается с каким попало. Вплоть до туристских из магазина, людям на смех. Сколько раз с топорича топор соскакивал, в ногу попадал, в снег заваливался — час приходилось с матюгами по снегу голыми руками шарить во тьме кромешной, а костёр тухнет! И теперешним топориком попасть в лиственничный сучок — развалится.

Беда здесь не в том, конечно, что топор себе никак не запасет, не в лени дело, а в том, что жизнь у него половинчатая. Каждый год у него делится на принудительную-работу — комбинат, и на праздник — азартную, как карточная игра, выгодно-доходную и в то же время радостную охоту, в которой и труд, и свобода Арканиного характера сливаются в одно, во что-то третье, среднее между ними. Но охотники зарабатывают два-три месяца в году, остальное время зубы ихние хранятся на полке, или труд их разливается куда-нибудь на погрузку-выгрузку, в истопничество какое-нибудь, известь какую-нибудь жгут, чёрт знает чем занимаются. На комбинате же, с премиями, двести у Аркани твердых, всегда и по гроб жизни. Поневоле пойдешь обратно в цех.

Каждый раз на выходе из тайги Аркане кажется, что последний раз он был на охоте, каждый раз с лёгкостью бросает он тяжелый топор. Случись, изменится положение на комбинате, текучка прекратится — всё, не рискнет Арканя уходить. Так что дело получается не в топоре, а в обстоятельствах жизни, да и стаж прерывистый может плохо сказаться на пенсии, договорная промхозовская бумага — надежда плохая.

Эту ночь Арканя ночевал в зимовье, дверь подогнал хорошо, ручку сделал из сучка. Слушал маленький транзистор, глядел в огонь и мечтал, мечтал... Нюра сейчас, наверное, спит, раскинулась, халат у неё нейлоновый, такого заманчивого цвета — розовый, стёганный. Добрая баба. Девушкой досталась Аркане. Он и бросал её, другими увлекался, но вернулся к ней всё же, такая она вроде бы и безответная, а тянет как магнитом, надежная жена, из колонии ждала, из армии ждала, письма писала. Кольку родила. До самой больницы по дому летала, прямо от печки увезли, два раза охнула — парня родила на четыре кило. Чтобы по пиджакам получку шарить, чтобы упрекнуть когда выпившего?! Знала, что если выпил Арканя, значит, надо было; если денег мало принёс, значит, надо было; если друзей привёл — молча собери на стол, улыбнись, пригуби, в разговоры не свои не мешайся.

Особо красивая Нюра была, когда Кольку родила, — пышная, белая. Кольку кормила — проснётся ночью, глаза закрыты, лампу включит, Кольку приложит к груди и сама опять спит, а малый наестся до отрыжки и тоже спит. Тогда надо Аркане вставать, сцену эту демонтировать. Очень он боялся, что она со сна мальчишку задавит, и доглядывал, тоже просыпался. Кольку в кровать, и Нюру в кровать. Тогда он ещё пол в старой хате не перестилал, и понизу несло холодом, снежинка упадёт у порога и не тает всю ночь. Ноги у Нюры озябнут, бывало.

Вот за эту свою жизнь Арканя мог и в хлор полезть, и в любую другую аварийную обстановку, мог и по хребтам пластаться, замерзать и мокнуть, и на пушнине рисковать. Пушниной капитан Пивоваров тоже интересоваться начал, видно, распоряжение такое вышло.

Охота началась.

Больше всех старалась Дымка, она искала с жаром, со страстью, не успевал Арканя выстрелить, а она уже мчалась на поиски, вот уже за сопкой лает, и бежать туда Аркане полчаса бегом.

Семь белок сгоряча добыли, у Аркани глаза помутились, взопрел с отвычки, развёл костёрчик чай пить. Пришёл сразу откуда-то Верный, лёг у костра обессиленный, язык вывалил. Видно было, что в охоте Верный чувствует что-то и своё, но вот как немтырь — сказал бы слово, да язык не шевелится. Мотается Верный за Дымкой, тоже поднимается лапами на ствол дерева, кору скребёт когтями, а толку ещё не понимает. Видит, что спутники азартным делом занимаются, вроде собачьей драки, но не нашёл ещё себе места в работе. Характер у Верного показывается умный, даже хитрый. На хозяйских глазах бегом бежит, даже хвост в полкалача подождёт деловито, — оглянется, мол, стараемся, товарищ инженер, к обеду готово будет! Но лаял без толку. Белка уже ушла на соседнее дерево, а он под прежним сидит и гавкает толсто. Дымка новое убежище показывает беличье, вьётся от нетерпения, готова как кошка на дерево заскочить, а Верный дураком сидит: гав да гав!

Дымка летала по кустам, по валежинам, не подумаешь, что сукотная. Старательная собачка, самоотверженная, радоваться невозможно. Такие вот собачки всю охоту и делают, весь план по пушнине, валюту. Бегают по тайге собачки, ищут, зовут охотника.

Дымку Арканя старался кормить, давал ей больше.

В зимовье вернулись таким порядком: сначала пришёл Верный, он уж давно, видно, у зимовья околачивался, набегался, устал и повернул домой раньше всех; потом пришёл Арканя, а Дымка ещё где-то старалась. Но у Аркани уже сил не было идти на голос доброй собачки, только чаю попил, белок сварил — не ела сырых Дымка, упиралась, — да и завалился без задних ног и заснул, как умер. И снилось ему, что лаяла Дымка на соболя, на такого красивого — светился соболёк.

К чему такой сон приснился?

К снегу...

Мелким снежком ночью пробежалась зима по осенним ещё владениям, отволгло небо, помутнело, посерело, разбухло.

Похолодало. Бегать стало ловчее, легче, или сам Арканя подтянулся, усох, согнал воду, укрепил жилы, дыхание прочистил крепким осенним воздухом, выдышал, выплевал комбинатские вредные осадки и стал нестомчивее.

Дня три-четыре не было соболей. Похоже становилось, что Дымка-то бельчатница, и хоть грешить на такую счастливую собачку было бы стыдно, всё-таки закрадывалось Аркане в душу сомнение. Капканов у него всего двадцать штук с собой, много ими не наловишь. Ещё и снег нужен для капканов. Может, соболей здесь мало? Тоже снега не было — проверить. Снег выбелил только склоны гольцов, лёг полосой по вершинам хребта. Туда и отправился Арканя, наскучив белочками, проверить соболей.

Случается, что собака привыкает к видимому следу соболя, а на один запах не берёт; такие бывают, что по снегу возьмёт, а по чернотропу белочку предпочтёт облаять. Может, и соболя сейчас повыше держатся, может, им мыша по следу легче искать? Такие соображения погнало Арканю вверх, а чувствовал он себя уже хорошо в ногах, в плечах и в груди и готов был, в случае чего, если есть наверху соболя, ночевать там.

След, мягонький и свеженький, Арканя обнаружил, отойдя от зимовья километра три-четыре. Позвал Дымку, она не шла, потом оказалась наверху, на этом же следу, и на морде у неё была забота. Арканя подозвал её и потыкал всё же носом в след. Дымка конфузилась и отворачивалась, отбежала, встряхнулась и ушла куда-то. А через час подала голос. Голос был уже не по белке, особый. Рядом грубо забухал Верный.

Это был соболю. Славный такой, светленький, маленький, молоденький соболю. Первый.

По горсти сахару дал собакам Арканя и по сухарю.

Ночевать остался наверху, где уже был зимний холод и льдистый снег-чир. Ночевал Арканя, по своему обыкновению, по дедовской ещё науке, у искори. В затишке нашёл вывороченную кедрину с корнями, торчащими вверх, настелил против корня запаленного лёжку из лапника, натянул за собой простынку-экран, для отражения тепловых лучей. Корень смолевой может всю ночь гореть ровным жарким пламенем. Конечно, много значит удача, хорошо, если корень попадётся подходящий, а другой начнёт тухнуть — снова его надо будет палить, таскать среди ночи сушняк. Но с удачным корнем можно спать почти как в зимовье, особенно осенью.

Зимой, конечно, не разоспишься. Зимой ночь с год.

На радостях Арканя зашиб пару рябчиков и заварил супцу, мочил в супе сухари и давал собакам. За соболю.

Ночью шёл снег, а тент Арканя по легкомыслию натянуть не позаботился и слегка промок и озяб, хоть корень и горел ровно.

С утра его ломало от сырости. Он пошёл опять вдоль хребтика. Дымка искала, а Верный крутился всё время около, хитрый и ленивый, предпочитая халтуру старательной работе. Арканя попинал его, когда пёс подвернулся под ноги. «Не вертись под ногами! Не вертись, паразит!» Но когда далеко залаяла Дымка, — а залаяла она, как показалось по голосу её, на соболю, — Верный, без всяких понуканий, на махах, исчез в чаще и буреломе, оставляя прямой след к Дымке. Это оказалось удобно. По следу Верного Арканя напрямую и прибежал, задыхаясь, с колотью в боку. Дымка уже вырыла в корнях целую нору. Соболю сидел в дупле, в корнях, где-то в глубине, и уркал.

Дымка то судорожно скребла когтями землю и взвизгивала от страсти, то замирала, вслушиваясь, высовывалась на божий свет — морда у неё была засыпана землёй, снова кидалась рыть, углубляясь в корни. Излишне азартная оказалась собачка. По норам и щелям опасно закапываться. Арканя с матерком оттащил её за хвост от выкопанной ямы и сунул в нору капканчик, загораживая соболю выход. Дымка капкан понимала и опасалась, лезла в нору сбоку, а Верный дураком сунулся, получил капканом по носу, заскулил, стал тереть о лапы ушибленную нюхалку. Арканя снова насторожил капкан и в дыру, прорубленную сбоку трухлявого пня, напихал травы и горящей бересты. Соболю не выдержал дыма и, чудом миновав капкан и собак, выметнулся на низкорослый кедр и сразу упал оттуда, сбитый быстрым Арканиным выстрелом.

Соболю оказался тёмным, дорогим. Усы у него были опалены. «С перманентом», — пошутил Арканя. Брюшко у соболя было сытое, полное, тёплое, голубовато-шелковистое, на носу красная рубиновая капелька крови, коготки кривые, острые.

Собаки взвизгивали, заглядывая Аркане в руки, и подпрыгивали, выражая азартную злость к добытому зверю.

По ночам шли небольшие снега, местами навалило уже по щиколотку. Арканя ночевал чаще в бараке, он уже привык к нему и возвращался почти как домой. Охота шла, не сглазить, хорошо. Набралось уже за сотню белок и одиннадцать соболей. Дымка, совсем уже отощавшая, как ни старался напихивать её Арканя хлебом и тушёнкой, совсем избегавшаяся на охоте, уже задевавшая отвисшим пузом снег, поскуцнела и собралась щениться.

Ночью она завозилась в своём углу за ржавой печкой, заскулила. Глаза у неё сверкнули, когда Арканя чиркнул спичку, чтобы растопить камелёк. Арканя сидел на нарах под слоем синего, медленно двигавшегося по потолку дыма, и наблюдал за собачьей жизнью. Верного, за излишнее любопытство, Арканя выгнал на мороз. На улице шёл мелкий сухой снег. Щенка происходила некрасиво, даже страшно. Арканя освещал подробности происходящего головнёй, матерками подбадривал собаку, Дымка отворачивалась, ползала, живот у неё необычно шевелился.

Всего сеанса Арканя не выдержал, заснул на середине.

Утром Дымка лежала счастливая, пластом, подгребая под себя расплзавшихся из общей кучи щенят. Делать было нечего, и Арканя весь день спал-отдыхал, поставив на всякий случай пару капканов с наживкой на следах поблизости от зимовья.

Дымка благодарно лизнула хозяйскую руку, к самой её морде поднесшую тёплую тушёнку на доске, давшую воду в консервной банке. В глазах у собаки светилась невыразимая любовь и гордость за свой выводок.

Арканя обезжиривал шкурки, общипывал жирные огузки, зашивал незаметно ободравшуюся одежду. Дымка покусала Верного, неосторожно зашедшего за печку и сунувшегося к щенкам. Вечером Арканя сбегал пострелял рябчиков, наварил супу, долго пил чай и читал у камелька старый «Огонек».

Ночью прорубь уже затягивалась крепким льдом, а по всему ручью в этом месте, в затишке, на медленном течении с глубиной, лёд был толстый, и по нему можно было пройти без опаски, он только потрескивал и был прозрачен местами, как витринное стекло. Из травы в заводи мелькнули тени трёх следовавших одна за другой небольших рыбёшек. Тут был рядом омут, куда скатывалась с ближайшей части ручья на зиму рыба. Они шли, будто прикасаясь спинными плавниками к ледку витрины, и в движении казались большими, солидными рыбами. А были в ладошку. Поймать — на уху сгодились бы. Арканя провалил резиновым сапогом ледок, утопил в бурливом слабом течении обломки. Вода тихо шуршала на бегу.

Шапка тянула грамм семьсот. Щенята ползли куда-то в темноте своего неведения, они не ползли в действительности и не могли бы ползти из шапки, так как лежали кучей друг на друге, они производили такие ползущие движения, тянулись к жизни. Щенята открывали куда-то в пространство свои маленькие розовые пасти. Вода сразу унесла их под лёд. Арканя выбил шапку о колено и, криво посмеиваясь, натянул её на голову, потому что подмораживало.

Оставив Дымке пару варёных белок в бараке (в поилке ещё были сухари), Арканя, от греха, пошёл с Верным на охоту, — уж так хотелось ему отпинать Дымку за её проделки, за скулёж и беспокойство. С Верным добыли пару белок и безуспешно гоняли по россыпи соболя. Верный не успевал сообразить за соболем, зазёвывался, отходил, когда отходить не надо было. Не хватало кобелю вязкости и старательности, хоть смысл охоты он уже понимал и разделял желание хозяина поймать и задавить зверька с определённым запахом и видом.

Арканя вернулся уставший и злой от неудачи. Дымка пулей выскочила в от-

крывшуюся дверь из-под ног Аркани и стала суматошно искать своих детей вокруг барака.

— Ну, дура! Поломаешься мне ещё, поломаешься, сучий потрох! Во! Черти понесли! — ругался Арканя.

Оставленных белок Дымка не съела, не тронула и сухари в корыте, всё это быстро сожрал Верный.

Дымка подходила к Аркане, смотрела ему в глаза, спрашивала: «Где мои дети?». Арканя отпихивал её ногой, а один раз ударил рукавицей по глазам: «Пошла, дура! Нашла время щениться, охоту срываешь!»

На следующий день Арканя опять решил попустить охотой и зря с глупым кобелём ноги не ломать. Дымке надо было отдышаться, она ничего не ела, болела, у неё перегорало молоко. Арканя слушал радио и смотрел «Огонек».

Дымка вспыхивала глазами в тёмном углу, она то лежала, то ходила, скребла лапой дверь, искала детей. Арканя жарил у камелька спину, по потолку плыла горячая дымная наволочь, ходить по бараку можно было только низко нагнувшись, видно, под потолком рубить «хлебальник» Орлову было неудобно, и он прорубил его очень низко, и низко потому ходил дым. Слышно шумел вершинами ветер в тайге, сыпался в окно снег, сухой и мелкий. Верный скулил за дверью, просился в избушку. Дуло откуда-то из-под нар, из щели; когда Арканя поворачивался туда спиной, горячая кожа чувствовала сквозняк. Арканя соображал по этому поводу, что если ударит сильный мороз, то придётся топить барак круглые сутки. Дымка опять просилась наружу.

— Да идите вы, мать-перемать, куда хотите! Козлы вонючие! — крикнул Арканя, вышиб дверь пяткой и ещё пинком поддал Дымку. Так она и улетела кубарем в свежий молочно-белый снег. На Верного, приниженно скользнувшего лыстивой тенью к теплу и к свету, Арканя тоже прикрикнул:

— Лежи здесь, фраер горбатый, а то я тебе сделаю!

Куда делись щенки, Дымка не могла понять. Она сонно, как пьяная покачиваясь, ходила вокруг жилья, задевала снег горячими набухшими сосцами, скулила в тоске, просилась обратно в барак, где сильнее пахло детьми, скребла лапой. Арканя хоть и был страшно зол на беспокойную собаку, но терпеливо матерился и запускал Дымку в тепло, чтобы она не застудилась, горячая и слабая после щенки. Утром Дымка не волновалась. Она не смотрела на Арканю, лежала в своем углу, свернувшись калачом, как чужая.

И ещё на один день для гарантии оставил собаку в бараке Арканя. Сказал ей ласково, несмотря на её неприятный вид: «Поправляйся, Дымка, вон соболей сколько, а мы лежим. Долежимся до глубокого снега, и всё, накроется наша охота!»

«Мы лежим», «наша охота», — двулично это звучало, будто «нам» соболей надо. Дымке соболя были теперь не нужны, ей нужны были её маленькие тёплые щеночки.

В тот день Арканя с Верным хорошо ловили. Верный самостоятельно загнал соболя, держал его, хоть и отбегал за хозяином, оставляя зверька без присмотра. Оказалась хорошая соболюшка. Верный на радостях порвал ей заднюю ногу, когда она упала, давливал её. Арканя и это простил ему, бить Верного сейчас было нельзя, не полюбит сам ловить соболей. Вот пойдут снова с Дымкой, и уж как попадётся Верный на грехе, тут его Арканя отмолотит. Добыли и белок три штучки, хотя белкам Арканя внутренне не радовался, как бы чувствуя в каждой из них какую-то подмену соболя и во времени затраченном, и в снаряде — патронов оста-

валось маловато. Но уж очень хороший был снег, новый, следки на таком ночью упавшем снегу короткие, свежие, называется такой снег — пеленовка, пеленова. Новая пелена, пелена новая.

Спугнули изюбрей, и Арканя стрелял по ним картечью. Верный погнался за ними немного, но сразу вернулся на зов хозяина. Изюбрей гонять бесполезно, это специальная охота. На обратном пути распугали и перебили выводок рябчиков. Они глупо слетели с косогора в распадок, расселись и смотрели, как охотится на них человек. На выстрелы и примчался сверху Верный, начал лаять из всей дурацкой мочи и носиться по распадку, здесь-то и выяснилась основная страсть Верного — гонять птицу. По голосу отличал кобель птиц от остальной живности, на птиц он лаял с подвизгом, радостно, по-щенячьи, а на белку и соболя лаял не особенно старательно, отдельными гав-гав, гав-гав.

Вечером ели рябчиковый суп с перловкой. Дымка тоже ела, по виду её казалось, что она всё забыла, утомилось и сошло на нет материнское горе. Она даже обрадовалась их возвращению: когда они вышли на тропу возле барака, она услышала их в резонаторе прогоревшей печки и поскуливала в ответ на басовитое гавканье Верного.

Дымка бегала вокруг своих сотоварищей, обнюхивала, улавливала запах соболя, белок, тайги, погони, страсти. Она заметно окрепла после щенки. Но что-то осталось, что-то изменилось в её характере. Это было заметно, когда она лежала в своем углу и вдруг взглядывала на Арканю, положив острую свою легкую морду на лапы. Взглянет — и отведёт глаза. Аркане не нравилось, когда она, безрадостно лежа в углу, вдруг уставится на него долгим взглядом. Он кидал в неё за это правилкой, ложкой, ичигом, и она глядела украдкой. В спину. Взглянет — и отведёт глаза.

Арканя был немного суеверный, в деда.

6

Не зря ключ был Фартовый.

Волшебное золотоискательское счастье и удача обозначились на языке пропойцы-деда именно этим словом. Не просто неожиданная удача, повезуха, а именно фарт. Необъяснимо это — фарт есть фарт, это как бы особые правила, особые законы, которые вот здесь, например, предназначались именно для Аркани, а может, и для кого-нибудь ещё неизвестного.

Даже в кое-как поставленных, на арапа, капканах лежало два соболя. Один был живой; пока Арканя дошёл к нему, Верный его уже задавил, обогнав и Дымку. Теперь часто кобель шёл впереди, он постепенно матерел, а Дымка была ещё слаба, но уже старалась по-прежнему, рыла, что называется, землю, плакала-кричала, со стоном каким-то облаивала соболя или белку. Торопливо приходилось стрелять, чтобы только поскорее отпустить, в надежде на соболя, собаку. С ней какие-то кликушеские истерики стали случаться от сильной её страсти к охоте, она даже кусты стала перекусывать вокруг, где облаивала зверька.

Уверившись в капканах, Арканя перестал есть рябчиков и драл их для приманок. Он расставил капканы по покати водораздела, с которого сбегал Фартовый ключ, а сам, — проснувшись уже неразумная жадность, — пошёл дальше, в не обловленную ещё тайгу... Дальше... Там, ему казалось, соболей видимо-невидимо, кишмя кишат. Он и принёс за пять дней мученических блужданий, бессонных у

костров ночей семь штук, и ему казалось, что охота получилась счастливая, редкая, что надо хватать, седлать удачу. Если бы он подумал спокойно, то не стал бы ловить с надрывом семь соболей, а предпочёл бы без напряги, сохраняя здоровье, поймать пяток.

Его уже кружила игра, гнал азарт.

Планы разрастались, он уже глядел за белки, на Предел. Ему снились ускользающие соболя, собаки, гон, ловля. В оставленных капканах он с чувством некоторого разочарования, — уж разыгралось воображение, притупилось чувство реальности, — обнаружил только трёх соболей, и у двух мех был пострижен мышами, бравшими мех для тепла в гнёзда.

Арканя собрал капканы и свалил в барак. В одном была кедровка, он присокупил её к не съеденной мышами приманке и сварил для собак суп. Некогда с капканами, пока снегу мало, надо ходом с собаками, раз позволяют условия.

Обувь у Аркани развалилась, весь он оборвался, провонял потом и оброс щетиной. Борода, он заметил, была не такая, как прошлую зиму, теперь она оказалась сильно седая. Серединой, от нижней губы к кадыку, шла целая полоса седины. Глаза от недосыпа, дыма и от того, что в лесу Арканя не умывался, — здесь всё чисто, — стали красными. Ногти были обломаны. Пороху и дроби осталось мало. Добыть мяса, как он планировал раньше, ему не удалось, да он и не сильно стремился, чтобы не терять на это времени. Теперь он сам обгрызал беличьи задки и время от времени не гнушался стрелнуть кедровку и зажарить её на вертеле прямо в перьях; грудку он разгрызал сам, а остатки, обколотив угли о пенёк, отдавал собакам. Верный жрал всё, в том числе обгорелых кедровок. Беря планы вперёд, Арканя принимал теперь во внимание как продукты и те несколько десятков беличьих тушек, которые он наморозил в хорошие времена и оставил на полке под крышей. Две с небольшим недели оставалось до вертолёта — пятнадцать дней, если брать на сытое брюхо, а на голодный желудок — полмесяца. Срок большой, загнаться можно. «В случае чего, — говорил он при таких мыслях Верному, истрепывая его по загривку, — на рагу тебя пустим. Для качества!» Верный юмора в этих словах не улавливал, отворачивался.

Соболя бежали в Фартовый ключ со всех сторон. В один счастливый день Арканя добыл трёх. Правда, выпадали и снежные дни, когда Арканя если и выходил из жадности на охоту, то и следка не находил.

В такую плохую погоду случилась неприятность с Дымкой. Она загнала на коротке под корень соболя и долго рылась одна, только изредка выскакивала на поверхность, взлаивала. Она лаяла, конечно, и в корнях, в откопанной норе, но голос из-под земли не доходил. В это время проклятый кобель гонял глухаря и делал много шума, отвлекая внимание Аркани, пока они вдвоём не обманули глухаря и он не упал к ним, сламывая ветки, чёрным стогом с лесины. Найдя Дымку, Арканя едва оторвал её от соболя. Полузадохшаяся сучонка рвалась из рук, кусалась, чтобы только дали ей рыться, рваться к злобно уркавшему собольку. Арканя вынужден был привязать её на ремень, а сам поставил капканчик, постучал топором, и соболёк выскочил — лязгнуло, как живое, прыгнуло железо. Дымка чуть с ума не сошла, так раздражил её соболь, едва отошла, очухалась.

Верный смотрел на Дымку с недоумением, он тоже понимал теперь: охота — страсть, азарт, игра, но не до такой же степени, ведь соболя, ненавистного зверя, тяжёлую эту добычу, забирает в конечном счёте рукастый Арканя и кладёт в мешок. Они же, собаки, даже есть-то не могут соболятину, разве от большой нужды.

Верный был рассудительный, хладнокровный пёс, мир понимал объективно и свои интересы в нём старался соблюдать. Для видимости — при подходе, например, хозяина — мог и подпрыгнуть, в ярости якобы, со вспышкой будто бы ослепляющего азарта, на дерево, скребя кору когтями, даже мог кунуть направо-налево кусты и ветки, ногами пошаркать, раскидывая снег, грязную траву и мох под ним. «Хитрым станет к старости, воровать будет», — думал про него Арканя.

Как-то бык и корова с телком мелькнули — оставили три слившихся в одну тропу следа. Телка можно было ещё достать картечью, но картечи не осталось, разошлась по глухарям — любимой птице балбеса Верного, втравливавшего в это глупое дело хозяина, потому что Арканя влёт не попадал. Верный и Дымка прибежали на сохатинный след, но сделать они, конечно, ничего не могли. Верный, поди, и не сообразил, что это охота — лоси. Он их за пеструх каких-нибудь принимал, наверное.

Собаки уже составили пару, артель, они вместе дружно тянули в россыпи, например, потому что там соболей легко было находить, и соболь долго сидел в камнях, откуда выкурить его для Аркани не было никакой возможности, и горячил охотничье чувство у собак своей близостью. От этого часто весь день пропадал — вязкая сучонка раз за разом возвращалась к какой-нибудь пропахшей соболем безнадёжной каменной щели даже после того, как Арканя пинками отгонял её и утаскивал, упиравшуюся, на ремне. Верный в таких случаях не особенно страдал, стоило крикнуть ему — и он уходил от запаха. Он не перемогался, не надсаживался, а приносил соразмерную корму пользу человеку. Дымка же работала самоотверженно, с восторгом жертвенности, гнала — как летела. Со стоном, с последним хрипом закапывалась в норищу, задыхалась там, исходя предсмертной слюной...

7

Арканя ценил радость форта, именно потому тянуло его перевалить водораздельный хребёт Предел и проверить на удачу таинственную, неизвестную страну за ним. Если бы его не сдерживал недостаток припасов, он бы уже давно не выдержал, — ему представлялось, что там охота ещё более удачливая, чем здесь. И сказался характер деда: взяв последние продукты, оставив в запас мороженных белок и мешочек перловки, подвешенный на гвоздь на балке от мышей, взяв глухариную голову, шею, лапы, пошёл Арканя «просто посмотреть», дня на два хотя бы — туда-обратно — в запредельную тайгу.

Вышел он очень рано, день выдался отличный, и часам к трём Арканя уже был на линии голых вершин, нашёл перевал, и при полном солнце перед ним раскрылась с перевала неизвестная эта тайга, состоявшая из таких же лесов, падей, ключей и рек. Это была широкая, полого и очень далеко спускавшаяся покать, прорезанная послеполуденными тенями, ключами-падями; кедровый лес был голубовато-зелёным, тёмным в своих глубинах от сильного солнца.

На высоте чувствовался ветер больших пространств, летящий над континентами. Арканя посидел на камешке. Сориентировался на возвращение: сосчитал распадки, отметил все вершины и, в необъяснимой уверенности, граничившей с наглостью, стал спускаться вниз, за собаками, которые уже оставили следы на нетронутой пелене этой новой тайги. Здесь, наверху, были только цепочки глухариных следов — глухари любят такие места и берут на них камешки.

С вершинки корявой сохлой лесины на границе леса с отчаянным и пугающим криком самоубийцы сорвался, упал вниз, плавно взмыл, спланировал на другое дерево жесткопёрый, с разбитой будто бы, красной головой дятел. «Только бы не навалил снег, — ворожил Арканя. — Только бы не снег. Не ровён час...»

Тайга заманчиво шумела легкими ветрами, обдувавшими снежную пыль с жёлто-зелёных, синих и чёрных её лап. В темноте могучих кедровых крон соболя играли друг с другом, сияя мехом дивной красоты. На пригретых щедрым солнцем лёжках спали звери...

С деда началась охота. Дед и назвал Арканю Арканей, в память об удачливом своём напарнике, который обогатился в молодые годы, создал дело, а потом, когда счастье отступило от него, загулял широко, запил и погубил, пустил всё прахом. Судьба друга всю жизнь волновала деда, и он в тайне своей тёмной души мечтал и внуку своему судьбы смелой, наглой, развивающейся по особым волшебным законам фарта.

Дед на памяти Аркани был горбатый, ревматичный алкоголик. Бабка под его кулаками и пьяными проклятиями напрятала золотишка маленькими частями, и это только спасало их в тяжелые времена от голода. В войну бабка ползала на пункт, сдавала золото на боны. Носила в чекушках, в пузырьках аптечных, в спичечных коробках, на доньшке. Дед ждал её у окна, матерился и колотил, если не приносила спирта.

Голодовка, как сказал врач, спасла деда от неминуемой смерти. И действительно, после военных лет дед как-то приободрился, стал ходить недалеко от прииска, строил планы обогащения за счёт охоты на зверя. Случалось, что, терпеливо высижив, он подстреливал косулю. Бродил и терпеливо сидел с дедом и Арканя, таскавший оружие и харч. Стрелять дед ему не доверял. Стрелял Арканя первый раз по раненой косуле, она висела на кусте недалеко от стога сена и всё равно никуда бы не ушла, её прирезать можно было, у неё был отбит зад. Арканя сбежал вниз, стрельнул и потащил косулю волоком. Деду видно было, что внук хочет стрелять. «Стрельни уж!» Руки у Аркани дрожали, он прицеливался в голову, повернутую к нему. В сарае и в огороде он стрелял по пугалу, но тут забыл прижать. Щека распухла. Это дед заметил, что распухла щека, сам Арканя не чуял ног от радости.

В посёлке потом говорили, что он охотник. Мясо дед продавал и пропивал. Он даже был в своеобразной кабале у завскладом Пухачёва.

Пухачёв наливал в баклажку спирт из цистерны, и Арканя восхищался таким количеством драгоценного продукта и видел в Пухачёве некое спиртовое божество. Пухачёв делал отметочку карандашом в тетрадном листке. Дед знал, что это идет в долг, вперёд, за мясо. Но на спирт дед перевел бы всё на свете, разве только кроме внука Аркани. Любил он незаконного сына своей заблудшей, потерявшейся в неизвестности несчастливой дочери.

Дед был сильно тронутым. Идёт по грибы, по ягоды, на охоту, а как увидит плёсики по ручью, побредёт, ноги намочит, так и лезет в воду. Арканя в таких случаях должен был «отпугивать счастье» и говорить бабкиным голосом, оттягивая деда за рукав: «Деда-а, брось, а? Деда-а! Нет тебе щастя-я на золото-о! Не ходи в воду!»

Бабка его научила говорить так, потому что помяни про золото — оно пропадёт. Сердился дед. Один раз Арканя повторил заклинания бабки, дед сел на камешек здесь же, ноги в воде, и заплакал. Очень его дразнило, когда отпугивали счастье. Бабка золото ненавидела, проклинала. В молодости дед после большой

удачи уехал в Россию с красивой мещанкой из приисковых и бросил бабку с дочерью, и пропадал так до двадцатого года. Вернулся весь больной, постаревший, алкоголик конченный. Он каялся и просил прощения на коленях, а бабка тоже встала на колени перед ним, как она любила вспоминать впоследствии, и простила ему всё, сводила к ссыльному священнику отцу Егорию, и тот побеседовал с дедом. Не помогли ни зароки, ни клятвы. Временами он опять приносил золото, хвастался, трезвонил. А это уже значит — не в себе человек, если кричит на мир. Золотом добрые люди не хвастаются, а таят его, как болезнь и возможную смерть. Пил, гулял. Бабка же отщипывала золотишко щепоточками и прятала, прятала бедная старуха с молитвой, в бутылочках, во флакончиках, в тряпочках, в кисетах, по крупиночке на больную, голодную старость, в огороде прятала, на покосе, в палисаднике, в лугах, под камнями прятала в тайге, на старой — бывшей её отца когда-то — заимке, даже в печку замуровывала при побелке.

Арканя золота боялся из-за бабкиных рассказов и из-за материнного, через всё тех же приискателей, несчастья и своего сиротства. С гулящими людьми мать Арканина затерялась. Но слушать дедово враньё про заветные слова, про исчезающие жилы, про кости и черепа, про давние времена и про сегодняшнее производство Арканя любил. Дальше охоты он не пошёл, но фарт и азарт воспринял от деда, наверное, с кровью.

Вечер наступил очень быстро, так что первый день собаки ничего найти не успели. День пропал невыгодно, в Фартовом же без соболька такой хороший ходовой день не обошёлся бы.

Для ночёвки Арканя нашёл большой корень-выворотень и запалил его. Пока он устраивался, корень разошёлся так, что на соседних пихточках снег сбежал с лапок, стеной стоял огонь, смолевой корень дышал жаром столь сильным, что, закрыв глаза и качаясь на корточках против жара, Арканя вспомнил берег реки и солнечное тепло, и знойный день, жар песка, жену свою горячую, сильную, разметающуюся, лень вспомнил, истому. Вспомнил Кольку, бегущего по воде.

У него было с килограмм сахара, несколько сухарей — чёрных, с забитыми мучной пылью ноздрями, мешочек перловки и сколько-то шоколадных конфет. Конфеты в мешок напихал Колька, своих не пожалел, бесёнок. Конфеты эти до сих пор Арканя не ел, суеверно таскал с собой, они измялись, исплющились, и от этого таившаяся в них сладость была особенно заманчивой.

Собакам он отдал тощую кедровку, обуглив её на костре, сам попил чаю с сахаром, съел сухарь. Спал он всё равно плохо, перед рассветом сила сна и слабость тела не могли пересилить холода, он уже не спал, ворочался, задрёмывал, подкладывал в огонь сушины, развесил сохнуть портянки и ичиги. Ичиги сильно промокали, когда таял на них снег перед огнём, они обтёрлись, смазка истратилась, побелели швы. Собаки замечали перемену и усталость в хозяине, поднимали голову, из клубков превращались в длинные тени, снова ложились.

К утру мороз прижал чугуно, Аркане хотелось с головой залезть в костер, в жар его, сладостный, как парная баня. До самого рассвета Арканя варил в котелке глухаринные остатки с перловкой, чтобы как можно сильнее разварить калорийную «шрапнель». Подкладывал в котёл снегу, когда вода выкипала, засыпал сидя на корточках с протянутыми к огню руками. Суп Арканя разделил с собаками — уж сильно он обжуживал их последнее время, запивал получившуюся кашу кипятком, обжигая губы и рот. На боль Арканя слабо реагировал. Ему хотелось, чтобы прилетел скорее вертолётчик и увёз домой, где Нюра сварит из забитого её роди-

телями на праздники подсвинка натуральный борщ. Ещё ему хотелось пирожков с потрохами и печёнкой. «Если плохо пойдёт — сегодня же вернусь, — решил Арканя, — напрасно сменял Фартовый на эту тайгу»...

Но из игры своей волей не выходят. В кедровнике внизу Дымка загнала соболя, и тут же залаял, забухал в другом месте Верный. «Дымка всё равно не отпустит, — быстро прикинул Арканя, — а Верный ненадёжная собака, ему и подвалит счастье, так отвернётся», — и побежал по уже глубокому снегу наверх, к Верному.

Верный долго мотал Арканю, не мог найти соболя в четырёх росших на поляне отдельно огромных кедрах, таких высоких, что дробью до вершин достать было бы трудно. Кроны нависали как черно-зелёные облака, и маленький зверёк терялся в гуще веток и хвои. С болью слышал Арканя доносившийся снизу слабый лай Дымки, лай временами терялся, и Арканя жалел, что связался с балбесом Верным. Верный метался между кедрами, лаял то на один, то на другой. Арканя выгребал из-под снега камни и кидал вверх, стучал по стволам тяжёлым суком. Наконец, соболёк, в которого Арканя уже перестал верить, мелькнул в вершине. Арканя ещё раз пугнул его, и зверёк опять пробежал и затаился, высунув только мордочку. Арканя выстрелил и ранил соболя. Соболь зацепился в сучьях и дёргался там, раненый, потом затих и запал окончательно. Хвост у него из развилки свесился. Сбить его дробью теперь невозможно, нужно или лезть за ним, или рубить кедр в четыре обхвата. Внизу лаяла Дымка. Арканя бросил соболя и Верного, недоуменно лаявшего вверх, и побежал.

Дымкиного соболя Арканя взял сразу.

От возбуждения и усталости не хотелось есть, появилась какая-то настырная злость, удача-неудача, светлый соболя, тёмный соболя, головокружащее движение, подобное карусели или калейдоскопу, в котором встречались под ногами собственные следы, крики насмехающихся кедровок, собачий лай, костры, валежины, рвущие одежду ветви, дым в глаза — всё смешалось, сдвинулось и пошло мелькать перед глазами, кружась, заманивая, увлекая и, что самое страшное, подчиняя сознание Аркани.

Соболя сделались похожи один на другого, и он их будто бы не столько ловил, сколько хватал, как однажды хватал его дед кошельки во сне. Кошельки с деньгами висели на ветках в лесу, по которому дед бродил всю ночь, а проснулся пьяный и обобранный, в Петрограде. Дед рассказывал Аркане, и мальчик это запомнил и воображал в детстве такой лес, увешанный кошельками. Ещё воображалась ему удача в виде чекушки с золотом на три пальца, тяжёлым и маслянистым, как дробь. Чекушку эту он видел, проснувшись от драки, которую устроили дед и бабка. Чекушка стояла на столе у керосиновой лампы, холстинка была расстелена: видно, золото пересыпали. Утром все лицо у бабушки было синим, она лежала под полотенцем, охала...

Если не считать пропавшего на дереве, добыл Арканя трёх соболей. «Жадность фраера губит», — помыслил Арканя и не полез за соболем на тихо и угрожающе качавший высокой вершиной кедр: голая колонна ствола без длинной веревки была непреодолимой. Хвост виднелся. Перекурив, Арканя взял себя в руки и повернул назад, на хребёт, чтобы перевалить в спокойствие, к обжитому бараку. Но собаки не дали ему вернуться, опять залаяли, и опять далеко внизу. Четвёртый соболёк укусил его за палец, пока Арканя сворачивал ему головку, поймав на лету раненого.

Ночь застала его на середине подъёма, и он заночевал, отаборившись кое-как на скорую руку. Он механически ободрал соболей, насадил тушки на прутья —

жарить, шкурки комком сунул в мешок. Для себя Арканя мимоходом добыл рябчика, но драть его не решился, боясь чутьём за завтрашний день. Вообще, кроме кружения удачи и полёта, Арканя чувствовал какую-то непонятную угрозу, он, например, не захотел бы поймать теперь пятого соболя.

Он вдруг с тревогой заметил, что собак с ним нету. Он перестал шуметь снегом и сучьями и уловил далеко внизу зовущий, как бы заманивающий его в коварную темноту ночи Дымкин голос. Ему показалось также, что кто-то опасный подделывается теперь под Дымкин голос. «Не пойду», — ответил вслух Арканя и расслабился перед пылавшим костром. Он отломил у одной тушки задок и с отвращением стал жевать, запивая сладким чаем. Ноги немели, мокрые, зябла влажная спина. Телогрейка задубела. Ещё донёсся безнадежный призыв Дымки. Арканя задрал телогрейку и подставил огню голую спину. Спина накалилась, и стало сонно, безразлично: «Пропади ты пропадом, Дымка, лай ты там, хоть разорвись!» Арканя не мог в уме сосчитать, сколько же у него теперь пойманных соболей, и это его немного обрадовало, как хорошая примета для суеверного человека. К голосу Дымки подключился Верный. Арканя заставил себя жевать ещё один соболиный задок — обгорелое, с углями, противно отдававшее псиной мясо.

«Этот прибежит», — подумал Арканя. И вскоре из темноты вывернулся Верный. Он поскуливал, отбегал в темноту, звал за собой, возвращался. Это злило Арканю, будто Верный понимал предательство. Он подманил Верного и кинул ему обжаренную тушку. Верный не устоял, захрустел, замолот челюстями. «Пусть она лает, пусть лает, дура!» Арканя задремал в сообществе с Верным, а проснулся — Верного рядом опять не было. Хотя дремал Арканя недолго.

Дымку было не слышно, или вой вплетался в ровный шум леса. Потрескивали, лопаясь в огне, суставчатые угли. Он опять заснул, а заснув, пошел в темноте к Дымке, через сплетение кустарниковых ветвей и еловых и кедровых лап, через глухой непролазный пихтач, ноги легко несли его вниз, и там он упал на пихтовые мягкие лапы, пружинисто повис и заснул на солнечном припёке, обессиленный сенокосом, и сквозь сон лениво отмахнулся от паутов, липших к нему, потному... Жена ходила по кухне и стучала чугунами, Арканя ещё велел ей, перед тем как ложиться спать, накормить собак его, Капсика и Найду, но увидел, что Колька еще совсем маленький и лежит в зыбке. Это испугало Арканю, он сообразил, что чугуны и Капсик с Найдой были у них ещё в старом доме, до переезда. Он проснулся в цехе, на стуле в курилке; в цехе была авария: из-за неплотно пригнутой и разошедшейся заслонки необычной конструкции шёл видимый газ, глаза щипало, заваливало дыхание, кто-то со сваркой подошёл к нему сзади, Арканя схватился за раскалённый прут и закричал: «Назад! Мать-перемать!» Прут светился в руке, верхонка пошла пламенем.

Вскочил Арканя от страшной боли, махая руками, он сбросил рукавицу и стал хватать правой рукой снег. Рукавица тлела, сохраняя вокруг огненной каймы форму полусогнутой горсти. Было тихо, как под одеялом, но Арканя этого не заметил, его била дрожь от боли и холода, он забыл про собак, про то, что где-то лаяла перед сном Дымка. Корень горел вглубь, в ствол, и оттуда, как из жерла, выходил толстый, жаркий, сухой заслон. Уголь, видимо, отскочил от торчащего вверх и горевшего шупальца. Потом Арканя вспомнил, что нету собак, и выстрелил два раза, с продолжительным интервалом, в воздух и снова лёг, свернувшись в клубок, спиной к огню, зализывая, как учил его дед, ожог, прикладывая к нему снег, и незаметно снова заснул.

Снег выпал за остаток ночи и к утру покрыл землю рыхлой добавочной тридцатисантиметровой толщей. Шёл снег и утром, густой, как простокваша. Толща снега росла, на глазах замуровывая тайгу. Влажная одежда сковала простуженное тело, мозжили колени, спина, крестец. Из снега в ногах встал Верный. Дымки не было. Арканя вспомнил, что он стрелял ночью, вспомнил, как он перестилал влажное своё логово, как сушился и переобувался, как уползал в сугроб и как кормил Верного. Верный к чему-то прислушивался, встряхнулся, и снежная попона свалилась, а через минуту снова выросла на рыжей худой спине с выдавшимися лопатками.

Снег валил густо, толсто, едва слышно шелестел. «Дымка!» — крикнул Арканя, и безголосость горла его испугала. Простыл. Верный взлаял с подвывом. Снег как подушка придавил звуки.

Они позавтракали, откопав, нашарив под снегом полуобожжённые тушки соболей и ободрав рябчика. С первыми же шагами, когда они пошли вверх в молочной стене снегопада, Арканя заметил в ногах какую-то слабость, было что-то не так, как вчера, было что-то мешавшее широте и лёгкости шага, было похоже на необычную болезнь. Арканя сначала не понял и посмотрел себе под ноги: было такое ощущение, будто он наступает себе на размотанные портянки. Но это был снег, в котором нога утопала выше колена. Снег валил и валил! Из страха выкопнулась мысль: «Скорее, пока не завалило по горло, с головой! В барак, через хребёт!»

Верный испуганно заглядывал в глаза, терялся, отплывал по снегу в сторону, забивался под ветки. «Чего смотришь? Пропадём мы с тобой, с оглоедом!» — кричал на пса Арканя. Верный отпускал Арканю вперёд и трусливо нырял за ним по ямистому следу.

Ориентир был один — идти прямо вверх, другого не было. Идти вообще не надо было, Арканя поддался панике, надо было сидеть под ёлкой у костра, терпеливо ждать, балаганчик соорудить, запалить корень, экономить силы. Но в горячах Арканя далеко уже отгребся от ночевки. В тайге было пусто, мёртво, не было ни соболей в этой тайге, ни белок, ни сохатых, не было вчера ни азарта, ни росомахиного следа, ни Дымкиного тоскливого предсмертного голоса, никакие вороны вчера не летали в небе. Каша там в небе, там рыбы большие могут плавать, в такой гущине.

Арканя бы так и шёл, не остановился, пока не упал бы, если б не набежал на свой свежий, но уже мягко заваленный снегом след. На следу стоял Верный и, извиняясь, вертел хвостом. Арканя вспотел от страха. Он испинал, свалил собаку в снежную яму. А пинать, подумал он, остынув, не надо было, дело такое... Может, подманивать ещё придётся, чтобы патрон не тратить. Такого блуждания у Аркани ещё не бывало. «Кружит», — подумал Арканя про кого-то.

Ночёвка была в двух шагах. Выворотень горел ровно. Арканя перетряс лежку и, нарубив елок, соорудил плотный балаганчик, настелил пихтового лапника.

Голодная политика проста: пить чай и спать в тепле, пить чай в тепле и в тепле спать. В полудрёме он провёл весь день, балаган нагрелся и протекал подтаивавшим на нём снегом. Мысли плыли, сменяя друг друга, забывались, стирались. Начинали звучать забытые голоса, он с ними переругивался, сердясь на возражения. Снегопад может продолжаться день, два, три. Можно сожрать Верного и всё равно пропасть в глубоких снегах, замёрзнуть. Только соболей найдут в зимовье, если лётчик заявит. Мыши соболей не достанут. Ссохнут, заплесневеют соболя к лету. Лётчика с работы выгонят...

Мысль осенила Арканю в полудрёме. Он успокоился. Перед глазами у него встала до тонкостей запомнившаяся картина: освещённая трёхчасовым солнцем покать — кедры, гольцы, морщины распадков — пять почти параллельных долин, и он сейчас находится в третьей от верха. Распадки углублялись и подчёркивались глубокими от сильного солнца тенями. Идти надо через низ, спустившись туда, подниматься вверх по дну, по ручью. Долина обращена к небу, как большая ладонь с пятью пальцами, и между указательным и безымянным лежит подъём на перевал. Не выпасть из этой ладони, не свалиться в край. Идти ручьём, буровить прямо по снегу, лес по сторонам не даст сбиться с пути хоть днём, хоть ночью. Этот ручей поднимается ближе всех к перевалу. Дотянуть до россыпей, там ветер, найти спуск к Фартовому... На той стороне он уже всё знает.

Дымка залезла под корень, звала. Задохлась... Не пошёл... Вот за что на тебя все навалилось! «Верного сожрёшь — совсем пропадёшь!» — сказал Аркане на ухо простуженный голос.

Идти надо было скорее. Арканя встал и пошёл прямо вниз. Ручей оказался совсем рядом, снег на нём лежал ровный, как постель. Идти было можно, только тянуло лечь. Верный плыл рядом. Иногда Арканя сбивался с пути, но ветви деревьев толкали его обратно в ручей, ноги упирались в обрывистые берега под снегом, во вмёрзшие в лёд коряги, окостеневшие водопады Арканя перелезал на четвереньках, ручей петлял, измеряя Арканины силы, но тем не менее прощая ему бездумную азартную вину, вёл вверх. Стало светать. Арканя часто присаживался. Верный тоже сразу ложился.

На безлесье россыпи снег летел косо, здесь уже был ветер высоты, ровная завеса снегов прерывалась время от времени, открывая впереди ориентиры: пятно стланика — к нему Арканя дошёл; большой бык-камень, останец, — и к нему Арканя дошел, а потом в разрыве увидел весь гребень Предела и седловинку, через которую он нагло входил в эту негостеприимную волшебную страну. Над седловинкой сторожем стоял белый, закутанный до плеч в одеяло снежных синих облаков пик гольца. Но пик этот был всё-таки далеко, и рядом только казался. Арканя обернулся и увидел, как внизу, в покинутой им долине, будто пена в стиральной машине, клубятся серые и синие на слабом рассвете облака. Облака стекались и возились в долине, как стадо больших зверей.

Верный посмотрел на Арканю, напоминая, что в этой стране осталась Дымка. Верный всё понимал. На миг Аркане показалось даже, что Верный — не собака...

Фартовый ключ дался под ноги сразу, его вершину Арканя знал отлично. Снегу здесь было меньше, ветра больше, и небо светлее. В барак Арканя ввалился чуть живой, натаскал на очаг бревён, сунул между ними всю растопку, оказавшуюся под рукой, чиркнул спичку. Он не забыл снять с балки соболей и перловку, спасая их от дыма. Просыпался он уже не в обросшем ином бараке, а в жаре, скидывал одежду, сдвигал обгоревшие брёвна, подкидывал новые, снова возгорался и нагревал жильё огонь, и снова ссыхался и уменьшался барак от накапливавшейся в нём жары, и опять остывал, растягивался и увеличивался в прозрачном бездымном холоде.

Проснувшись окончательно, Арканя съел перловку и кинул Верному двух мороженных — варить не было сил — белок.

В тайгу прокралось солнце, лучи его пробежали между кедрами, и всё зашумело, заиграло блеском свежего снега, льда, легкой висячей пыли. Сойка с лазоревым пером села против зимовья, Арканя убил её и изжарил, выел грудку, остальное отдал Верному.

Между Арканей и Верным все отношения начались сначала, от того как бы момента давнего, когда первый человек накормил первую собаку и за это купил всю её со всеми поколениями.

8

Арканя ничего не делал, спал, доедал перловку, пил чай с сахаром и курил махорку. За два дня он набрался сил, и всё проявилось в голове. Он подранил кедровку и привязал проволокой к сушине; чтобы она кричала, пошевеливал её палкой. На крик товарки слетались глупые подруги, над бараком стоял стрекот и чекот. Стараясь зацепить одним выстрелом двух птиц, Арканя случайно зацепил и манную кедровку, и охота прекратилась, дав кучу перьев и кучку мяса.

Верный стал уходить куда-то от жилья. Однажды он залаял близко, на другой стороне ручья. Арканя сходил и убил соболя, сидевшего на низенькой берёзке. Верный, пока пришёл хозяин, вырыл большую чёрную яму под берёзой. Эта яма удивила Арканю: очень было заметно изменение повадки у Верного.

Арканя разбирает пушнину, подчищал её, чесал соболей, разрезал и зашил, вырезав остриженные мышами куски, капканных соболей, зашил соболя, порванного Верным.

От хорошей жизни Арканя окреп и сделал наброд к гари, чтобы в вертолётный день пройти это расстояние без задержки.

Семь хороших соболей Арканя отложил для того, чтобы сдать их с белкой в промхоз по договору. Тридцать соболей он оставил для Дяди — так звали серебристоголового старика, который жил в центре соболиного края, занимаясь крупными скупками пушнины. Белок Арканя увязал бунтами по двадцать штук.

Чай был последний, с мусором. Много было только махорки: с голоду Арканя меньше курил, не тянуло.

В вертолётный день Арканя проснулся ещё раньше обычного, обмусолил соболиную ножку, сказал, поворотившись на очаг: «Спасибо этому дому», и на свете они с Верным уже были на гари. Тут же на краю гари Верный указал в вершине кедра соболя. Сначала Верный выгнал этого соболя из валежника, а когда на шум и драку подбежал, задыхаясь под грузом, Арканя, соболю уже был на кедре. Верный действительно изменился, может быть, оттого, что ему теперь не на кого было сваливать всю тяжесть собачьей работы, может, от голода, может, от пережитых страхов. Прорезалась в нём Дымкина старательность и самоотверженность.

Видя открывшийся в кобеле талант, Арканя с благодарностью думал, что Верного не продаст, как намеревался, а возьмёт в город. С Нюрой можно будет договориться, а Кольке будет хороший товарищ. Арканя три раза выстрелил, прежде чем достал соболя дробью на такой высоте, обдирать добычу сел уже у балаганчика, разжёл давно заготовленный костер. Верный сел тут же, ожидая подачку. Собака и хозяин были довольны друг другом, тяжёлый срок подходил к концу. Обуглив на рожне тушку, Арканя отломил себе задок и отдал Верному всё остальное. Они хрустели костями. Подлетевшая ещё на собачий лай кедровка долго сокращала дистанцию наблюдения, и, перейдя границу дозволенного познания, тоже попала в костёр. Обугленный, дымящийся кусочек мяса, начиненный пластинчатыми костями, съели быстро, и оказалось ещё много времени. Арканя решил обойти гать таким образом, чтобы всё время держать на виду балаган, чтобы успеть и не задерживать лётчика. «Левый» вертолёт не может ждать. Проснулся поостывший

было азарт, потерявшие было в его глазах цену соболя опять стали казаться ему новенькими сторублёвками.

Верный ходил старательно, местами плавал в глубоком снегу, а когда они незаметно для себя поднялись вверх, далеко убежал по обдутым россыпям и дал отчаянный, новый, сильно похожий на Дымкин голос. Отчаянный и старательный. Как ни торопился Арканя, но чувствовал, что силы его подорваны, что он теперь очень слаб и что надо было оставить мешок у костра: только сумасшедшему может показаться, что лётчик схватит пушнину и улетит, бросив его помирать в тайге. В ушах стучало, пришлось идти шагом. Потом он не смог идти прямо вверх и стал подниматься зигзагами, ударился коленом о камень и сел. Верный лаял на виду, вскакивал, припадал, разбрасывал снег и щебёнку, совал морду в камни.

Россыпь, камни, навряд добудется соболь. Азарт сплошной. Щёлка, где сидел и слышно поуркивал соболь, казалась небольшой, но чтобы поднять камни, чтобы разворотить укрытие, потребовалось бы граммов двести аммонала. Арканя торопился, мешок он бросил на пути, и под рукой ничего не было. Он расстегнулся, стянул и, пластая ножом, клочьями сорвал с себя, не снимая рубахи, майку. Майка была черная от копоти и жирная от пота. Он проверил спичкой тягу, потянуло в камни, но неуверенно, слабо. Майка, забитая в щель, вонюче задымилась, но дым выходил рядом и, видимо, на соболя не действовал.

Затарахтел внизу вертолёт, косо перерезал долину, плывя по воздуху, завис на минуту над балаганом, покачиваясь и вздымая снежное облако, сел. Арканя помахал лётчику и побежал вниз к мешку, отзывая Верного. Сначала у Аркани мелькнуло — договориться с лётчиком, притащить бересты, выкурить соболя, но мысль эта заметалась между мешком, черневшим на склоне, лётчиком, стоявшим у вертолёта, и завывавшим на россыпи Верным, ожидавшим близкой победы.

Мешок лежал в снегу как пьяница, был легким сравнительно с объемом, но и сладостно тяжёлым. Вертолётчик в собачьих унтах, расстёгнутый, похаживал и присаживался возле костерка. Верный посылал азартный зов.

9

Лётчик видел, как человек мелькает между деревьями, сплывает с лавой снега вниз, падает, торопится, переваливается через валежины; через гарь человек почти полз, будто придавленный огромным своим мешком.

— Два часа у меня времени на всё про всё. Если через час не буду на аэродроме, я пропал, понял? — сказал летчик, когда Арканя, хватая его за брезентовую куртку, униженно шептал, вскрикивая время от времени вверх, в россыпь: «Верный! Верный!».

— Собачка у меня там, собачка! — шептал Арканя.

Лётчик не узнавал кудрявого хвата, щедро кидавшего четвертные, в этом худом, изголодавшемся, клочками обросшем сумасшедшем.

Арканя вынул из-под плексы портмоне две четвертные и взял сверху из мешка приготовленную пару соболей.

— Полста добавлю, друг! Полста. Сбегаю за собачкой?

Арканя выстрелил вверх, но Верный не понял и ответил лаем.

— И за сто не могу, ты пойми! — летчик положил мешок с пушпиной в машину, а пару своих соболей не глядя небрежно сунул в карман.

— Котелок берёшь?

— Не надо котелок! Сто — последняя цена. Верх!

Летчик пнул котелок, круглое дно черно и отрицательно глянуло из снега.

— Слово — золото! — сказал летчик. — Садись!

Арканя выстрелил последним патроном и прислушался. Верный работал...

Летчик, докуривая папиросу, глянул сбоку:

— Месячный заработок — сходим за собакой! Риск — благородное дело.

Гудящий в вершинах ветер больших пространств донёс в последнее перед рёвом мотора мгновение истошный голос Верного. Арканя услышал. Верный звал.

— Что ты, друг, — опомнился Арканя, почувствовав подвох, — у тебя же две чистыми идёт, однако?

Оглушительный рёв мотора потопил все звуки и чувства — один грохот, и больше ничего, и снежная пыль.

— Три у меня идёт! Три! — лётчик на мгновение оторвал руку от штурвала и показал три пальца. — Три!

Арканя помахал головой. Понял. Вспомнил, как небрежно и легко обошёлся с лётчиком, когда они познакомились, и толкал его деньгами на левый рейс.

...Внизу, глубоко, уже где-то на дне, как будто в стакане воды, болталась тайга. Взгляд скользил по косой плоскости. Арканя закрыл глаза и уже больше не слышал голоса собаки. Всё-таки больше сотни она не стоила. Кто бы мог подумать, что в этом Верном такая хорошая собака откроется. Платить такие деньги за будущую охоту? Он, может, на будущий год в Гагры поедет вместо тайги. Он и без охоты проживёт.

А хорошие собаки были! Надо же...

1971 г.

Публикацию подготовил Андрей Антипин

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ТАРАСОВ

Здесь любовь и разлука на причалах живут

Дальний Восток

Очертанья державы
Без него не полны,
Как вулканы — без лавы,
Как Амур — без волны.

Нелегка здесь наука —
Океанский маршрут...
Здесь любовь и разлука
На причалах живут.

Не охвостье России,
А начало её —
Этот край не осият
Ни чума, ни ворьё,

Ветры свежие воют
Над скрещеньем эпох.
Принимай эту хвою,
Как живительный вдох!

Для кого-то он — дальний...
А для нас — ближе нет.
Здесь мой предок опальный
Бил тропу на рассвет.

Всё плохое — убудет.
Так здесь было всегда:
Настоящие люди
И большая вода.

ТАРАСОВ Николай Антонинович родился в 1947 году в Одессе в семье военного юриста. Детство провёл в Сибири и на Дальнем Востоке. Один год отработал на авиационном заводе учеником каменщика-бетонщика, затем учеником слесаря в оружейных мастерских. Срочную военную службу проходил в 1966–1968 годах в радиотехнических войсках в п. Сокол в Сахалинской области. Учился на факультете русского языка и литературы Южно-Сахалинского государственного педагогического института, который окончил в 1974 году. В 1974 году был участником зонального семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, в 1975 — VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. В 1981 году принят в Союз писателей СССР. С 1988 года Николай Тарасов избирается ответственным секретарём Сахалинской писательской организации (Сахалинское региональное отделение Союза писателей России). Был делегатом учредительного съезда Международного сообщества писательских союзов (1992), семи съездов Союза писателей России. Член правления и секретарь Союза писателей России. Живёт в Южносахалинске.

Землепроходец

В тайге я видел крест еловый.
А на кресте, как сквозь туман,
Когда-то врезанное слово,
Дождём чернёное: Иван...

Чья позабытая могила
Тайгой укрыта от людей?
Чьё имя смутно проступило
Среди негнущихся ветвей?

Ему свои сложить бы кости
В родном краю, что так далёк...
Но он не думал о погосте,
Торя дорогу на восток.

И здесь упал он среди елей,
От дома отчего вдали.
Да звёзды те не отгорели,
Что на восток его вели!

Друзья срубили крест Ивану
И, помолясь без суеты,
Пошли упрямо к океану.
По следу их — кресты, кресты...

Потом по чёрным вехам этим,
Как по зарубкам, люди шли.
И падали стволы столетий,
И приближался край земли.

Бород лопаты индевели
От стылых северных ветров,
И на восходе пламенели
Знамёна острых топоров.

Не все дошли до океана.
Кто не дошёл, — того прости...
Россия, помнишь ли Ивана,
Чей крест стоит на полпути?

Кто не страшился расстояний,
Не выбирал себе погост
И верил, что когда-то встанет
Россия в свой великий рост.

Кто ведал в дальности резоны,
Из дома уходя в бега,
Кто открывал нам горизонты
И выводил на берега.

* * *

На земле своей зелёной,
На холодном берегу
Я под Северной Коронай
Проживаю, как могу.

Жду-пожду зимой июля,
А в июле — января,
Эту землю карауля,
С этим морем говоря...

Пусть идут по кругу даты,
Знаки, звуки, имена, —
Знаю — новые агаты
Утром выкатит волна.

И всеильным чудом речи,
Жаром уст и светом глаз —

Обещаньем новой встречи
Жизнь обдаст ещё не раз!

Снова море манит далью,
Самоцветами — прибой.
Всё, что кончилось печалью,
Начинается — тобой!

Продуваем лихолетьем,
Зацепившись за карниз,
Между веком тем и этим
Век мой шариком завис.

Я под Северной Коронай
Всё готов принять с лихвой
На земле своей холодной,
На голодной, на глухой.

* * *

Поздней осени свет
Всё не сходит на нет —
В лунных отсветах длится
И длится.
Накануне зимы
Вязь узорной тесьмы
Вяжет инея тонкая
Спица.

В чащах Охотомор
Свой ведёт разговор
Мелким дождиком
По чернотропам.
Пасмурнела река,
И летят облака
Над рекой сумасшедшим
Галопом.

Берегов наших близ
Бродит утренний бриз —
Поводырь для волны
Полусонной.
Но уже недалёк
Зреет юго-восток:
Сизоброухий, тягучий,
Муссонный.

Свой последний салют
Клёны в парках дают,
И в тайге — за прорехой
Прореха.
А как дунет Якут, —
Мухи в окнах уснут,
Тут и станет нам всем
Не до смеха.

Кедровый стланик

Не перелесок, не лесок —
Стоит невзрослый, как подлесок,
Как к лесу маленький довесок,
Что коренаст и невысок.

Так ниточка доверья вдруг
Протянется невесть откуда,
И возникает в мире чудо —
Синицы посвист, дятла стук...

И тихо наполняет грудь
Одно желанье — не нарушить,
Гнездо лесное не разрушить,
Не потревожить. Не вспугнуть.

Кого мне здесь благодарить
За чувство трепетное это,
За хвойный дух на склоне лета,
За эту тоненькую нить?

Остромысовка

Александру Смирнову

На развалах Остромысовки —
Вулканический узор.
Мы с тобою, как на выставке,
Расширяем кругозор.

Спят туманы по урочищам,
Где не всё осилишь вброд.
Да горбуша плеском-полчищем
По распадам в гору прёт.

Звёздной полночи бескраицу
Ни постичь, ни перейти...
Звёзды в море осыпаются
Прямо с Млечного Пути.

Ночью все дела решаются:
Медвежатные следы
Каждым утром умножаются
У речушечной воды...

Где сегодня вижу сети я,
На пустынном берегу,
Айн — тому назад столетие —
Кремнем вострил острогу.

Войны, плахи, революции...
Всё просохло — следу нет.

Не успеем оглянуться мы,
Как нам стукнет по сто лет!

Августовского затмения
По Европе бродит тень...
А у нас — ни дуновения.
Ночь как ночь. И день как день.

* * *

С равнин восточного Китая
Сорвавшись, может быть, вчера,
Клин длинношеих — птичья стая —
Летит на наши севера.

До тундры ягельно-оленьей
Или подальше куда...
Ни засухи, ни наводнений
Там не бывает никогда.

Курлычут птицы в небосводе
Над краем, где хоть волком вой.

Над нашим горестным бесплодьем,
Над вытопанною травой.

Их голоса за дымкой тают.
И кто-то думает: поют...
Да не поют они — рыдают,
Наш озирая неуют,

Туда издревле пролетая,
Где ледовитый ветер свеж!
Куда вернёшься, хоть зарежь, —
С равнин восточного Китая.

Таёжный посёлок

В стороне от проезжих дорог,
Средь грибных и брусничных угодий,
Невеликий посёлок залёг,
Будто улей в дремотной колоде.

Непогода его не берёт.
Вековой он повязан заботой, —
В буреломной глуши круглый год
Валит лес, промышляет охотой.

Здесь и в стужу теплы очаги
И дома с их приветностью чинной...
А по праздникам здесь пироги
И с грибной, и с брусничной начинкой.

Весь посёлок — большая семья.
Каждый житель — крутого посолу.
И под стать им растут сыновья,
Постигая начальную школу.

Прост язык их. И взгляд не лукав.
Мир приемлют они по-сыновьи.
Что-то есть от деревьев и трав
В их несуетном немногословье.

Так живёт — не шумлив, не велик —
Тот посёлок, не зная извода.
И питает, как чистый родник,
Неизбывную реку народа.

Тропка

Перед глазами сопка,
И за спиною сопка.
Над головою туча —
Вот островной мой юг,

Но из распадка робко
Тайная моя тропка
Тянется к перевалу,
Ломит тугой бамбук.

Солнечен, дик и светел	Только на целом свете
На перевале ветер.	Нет ни другой, ни третьей
Небо впадает в море,	И никакой дороги,
Страшен в просторе путь!	В сторону чтоб свернуть.

Шикотан

Шикотан!
 Как кувшины водою спокойною,
 Твои бухты наполнены тихой водой.
 А на выходе-входе, — там взрывы прибойные,
 Там ветра горловинные тянут бедой.

Шикотан!
 В твоих бухтах лишь камни валунные,
 Как остывшие ядра утихнувших войн.
 Так спокойна вода, так далеки бурунные,
 Там — у выхода-входа — взвихрения волн!

Шикотан!
 Шорох пены в твоём слышен имени,
 Крики чаек шальных над валунной грядой,
 Посвист ветра над скалами несокрушимыми
 С дымкой утренней
 Над укрощённой водой.

На этом закате

На этом закате,	Прожить, не робея
У этих снегов	Чумы и сумы,
Прожить бы полжизни,	На этом закате,
Не зная долгов.	Средь этой зимы.

Вдали от сомнений,	И верить, и ведать,
Измен и беды,	Что ты не один
На этом закате,	На этом закате,
У этой воды.	У этих осин.

Вторые полжизни —	...И взгляд успокоится
Прожить торопясь,	В бездне воды
Со счастьем и горем	В предчувствии света
Знать равную связь.	Вечерней звезды.

* * *

Широка — не видать берегов —
 Амплитуда российских снегов.

В дымку наших позёмок и пург
Смотрит выкрестом ваш Петербург.

Издрыавил отеческий дом,
Прорубая окно за окном.

Нарумянивши рожу едва,
Открестилась гулёна-Москва

От высоких широт, от снегов,
От младенцев и от стариков.

Но — неправде её вопреки
Выживает село у реки.

Кровь морозцем бодрит северок,
Да, видать, разгуляться — не срок.

На дяляне

На нетронутой дяляне
Снег пока ещё глубок.
Хорошо в таёжной рани
Подышать морозцем впрок.

Мой попутчик, вдаль кивая,
Говорит: — Гляди сюда,
Красота, гляди, какая!
Да, гляжу я, — красота.

Светом солнечным облита
Вся, как есть, тайга с утра.
Говорит он: — Вот обида,
Что не взял я топора.

Ёлки здесь, я примечаю,
Все стоят, как на подбор...
— Да, — ему я отвечаю, —
Хорошо, не взял топор...

Справа, в кустиках мелькая,
Заяц вверх пошёл, кружа.

— Ах ты, жалость-то какая,
Что не взял с собой ружья!

Я б распутал понемногу
И его, и лисий след...

— Нет ружья — и слава Богу, —
Говорю ему в ответ.

Ни ружья, ни пулемёта,
Ни гранаты про запас...
У тайги свои заботы,
Ей хватает и без нас...

Там, где ёлки-пихты были,
Завтра, грянув с высоты,
Обдадут морозной пылью,
В белый снег ложась, хлысты.

И у них обрубят ветки
Расторопный паренёк,
Может быть, не самый меткий,
Может, вовсе не стрелок.

75-летие со дня рождения

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

Амурские ворота

РАССКАЗ

На город заходила огромная черная туча. Жалея, что не захватил с собой зонтик, я прикидывал, успею или нет добраться до театра, но трамвай не торопился, позванивая, он проезжал мимо древних, утопленных в землю деревянных домов, которым было далеко за сотню лет, должно быть, они помнили Муравьева-Амурского и еще многое-многое другое. Я сошел у магазина на бывшей Заморской, а позже Амурской улице, глянул на Крестовоздвиженскую церковь, колокола которой приглашали на вечернюю службу, вспомнив, что в ней, перед экспедицией на Амур, которая завершилась открытием Татарского пролива, в середине позапрошлого века венчался будущий адмирал Невельской.

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич, прозаик (род. в 1944 г. в Иркутске). После окончания средней школы поступил в Бугурусланское лётное училище гражданской авиации, которое окончил в 1964 году. Прошел профессиональный путь от простого летчика до командира корабля, пилота 1-го класса. В 1975 году поступил в Иркутский государственный университет на отделение журналистики, которое успешно окончил в 1981 году. Член Союза писателей России. Автор книг: *Опекун*: Повести и рассказы. (М., 1980); *Отцовский штурвал*: повести (М., 1984); *Почтовый круг*: повесть. (М., 1982); *Приют для списанных пилотов*: повести (Иркутск, 1984); *История таежного аэродрома*: рассказы (Иркутск, 1986); *Звезда и крест генерала Рохлина* (М., 2004); *Сербская девойка*: пьеса (М., 2004) и многих других. Награжден премией Ленинского комсомола (1980) — за книги «Непредвиденная посадка» и «Опекун», премией Международного кинофестиваля «Золотой Витязь» (2004); Международной авиационной премией «Авиация глазами журналиста» (2006); Большой литературной премией России (2011); премией им. Валентина Распутина (2018).

Напротив церкви, на месте стоявших когда-то Амурских ворот, был установлен камень в честь присоединения амурских земель к России. Помню, меня всегда охватывала досада; и это все, что оставил город себе в наследство из своего славного недавнего прошлого. Именно отсюда управлялись земли огромного Восточно-Сибирского края, куда входили и заморские территории: Аляска, Алеуты и Калифорния.

Узкими дворами, укорачивая путь, быстрым шагом пошел в сторону драматического театра.

Но для меня драма началась, когда я почти добрался до театра: небо исполнило свое обещание, ледяной стеной хлынул дождь, и через пару минут моя одежда стала чем-то вроде хлюпающей водосточной трубы.

Я добежал до служебного входа, но там меня ждало новое разочарование; охрана сообщила, что директор еще не приехал, и посоветовала подождать. Я подумал, что мне бы сейчас в самый раз раздеться и отжать одежду, она липла к телу, туфли, словно жалуясь, хлюпали, на кафельном полу подо мной расплывалась лужа. Мимо спешили служащие, они сворачивали зонты и ныряли в темное нутро театрального лабиринта. Я посмотрел в окно, за стеклом с водостоков потоком лилась вода, ударяясь об асфальт, она потрескивала, словно на сковородке, дождь набирал силу.

«Придется сохнуть здесь», — обреченно подумал я.

В этот момент распахнулась дверь, и, минуя вахтеров, из лабиринта вышла молодая женщина, приготавливая для улицы пестрый зонт. Оглядев ее ладную, затянутую в плащ фигурку, я приподнялся со скамейки и удивленно произнес:

— Валя! Как ты тут оказалась?

Ответить она не успела, неожиданно мы почти одновременно увидели под окном на полу крупную денежную купюру. Вот как она там оказалось, я не успел понять, сделав удивленное лицо, я кивнул на смятую бумажку.

— Кто-то выронил?

— Наверное, это я обронила, — запнувшись, сказала Валя.

Я сделал вид, что мне нет дела до валяющихся бумажек, мало ли чего может оказаться на полу. Она одним движением преодолела пространство, подняла оброненную бумажку и сунула в карман.

— Ой, да ты совсем промок! — оглядев меня, воскликнула она. — Пойдем ко мне, я тебя обсушу.

Валя взяла меня за руку и повела в театральное обиталище.

— Это со мной! — уверенным голосом сказала она вахтерам.

Охранники кивнули, и Валя двинулась по коридорам и лестницам театра. Я, хлюпая размокшими туфлями, искоса смотрел на свою спасительницу, припоминая, что когда-то Валя была бортпроводницей, и мы летали в одном экипаже. Я вспомнил, что впервые обратил на нее внимание, когда она, тогда еще только начинающая стюардесса, на вечере в аэропорту спела шуточную песню.

Какой чудак придумал самолет?

Какой чудак решил летать как птица?

Кузнец Вакула первый был пилот,

Солоха — первая бортпроводница.

Песня имела успех, и Валу в аэропорту стали даже шутливо именовать первой бортпроводницей. Мне не верилось, что передо мною стоит именно она, которая когда-то мне очень нравилась. Да и она, когда заходила в кабину, смотрела на меня

влюбленными глазами. Теперь это была уже другая, уверенная в себе красивая женщина и, судя по поведению, в театре она занимала немалую должность. Меня это позабавило: оказывается здесь, в этом логове Минотавра, как шутя про себя я называл директора театра, у меня есть знакомый человек.

Валя завела меня в комнатку, приказала снять одежду, сунула мне красный махровый халат, и я, подчинившись, стянул с себя липкую одежду, закутался в халат и стал наблюдать, как она ловко расправляется с моими мокрыми брюками, приводя их в надлежащий вид.

«Кто прошел службу в авиации, тот годен для любой работы», — подумал я, поглядывая за ловкими движениями Вали. Она почувствовала, что я смотрю на нее, поправила волосы и легким движением откинула их назад. Обычно, прилетая в новый аэропорт, я брал Валу с собой, мы ходили по улицам, музеям и магазинам незнакомого города. С ней было интересно: живая, открытая, красивая и, что меня особенно подкупало — начитанная. Общаться с нею было одно удовольствие.

Пока она занималась моей одеждой, я стал думать о своих непростых отношениях с директором театра. В городе ни одно мало-мальски известное культурное событие не проходило без его одобрения или участия. Это была моя третья попытка поставить пьесу в драматическом театре. Первая была давно, еще при Советской власти. В город приехал новый главный режиссер Эдуард Симонян. Ознакомившись с местной пишущей и играющей публикой, он неожиданно для многих предложил поставить мою повесть «Приют для списанных пилотов».

«Живя на земле, не забывай смотреть на небо», — сказал Симонян, как бы отвечая на вопрос, почему он выбрал именно меня.

Я знал, что в Архангельске Симонян ставил Федора Абрамова, «Бременских музыкантов», «Трех мушкетеров». Когда я принес ему переделанную под пьесу повесть, Эдуард Семенович быстро прочел ее, хмыкнул и повел меня в зал, где были вывешены портреты актеров, и начал перечислять, кого из них он предполагает назначить на роли, которые я обозначил в пьесе.

— А вдруг что-то произойдет, и вы уедете из нашего города? — спросил я, прощаясь и пожимая руку Эдуарду Семеновичу.

— Все может случиться. Но, как говорится, рукописи не горят. Пьесы тоже, — улыбнувшись, сказал он.

Лучше бы мне не говорить этих слов: через месяц Симоняна сняли, и он уехал в Комсомольск-на-Амуре.

Следующая пьеса, которую я, спустя несколько лет, предложил театру, была «Точка возврата» о летчиках дальней авиации. С режиссером из Барнаула Виталием Пермяком мы долго перезванивались, затем встретились на театральном фестивале. Чтобы режиссер ощутил красоту летной профессии и характеры летчиков, я договорился с летчиками, и мы на учебном самолете, на котором военные отрабатывали заходы, полетели на бомбежку полигона в Наратае. Пожалуй, Пермяк был единственным театральным режиссером, которому довелось увидеть настоящую работу военных летчиков.

— Все, будем ставить! — сказал он, возвращаясь с аэродрома. — Я заметил, летчики — суеверный народ. Не фотографируются у самолета перед полетом, не любят слово «последний», предпочитая говорить «крайний». Это в пьесе надо обязательно обыграть.

На другой день мы встретились с ним в зимнем саду драматического театра, чтобы определить последующие этапы работы над пьесой. И неожиданно он на-

чал расспрашивать о финансовой составляющей проекта. Тогда я считал, что главное — это сама пьеса, и начал отвечать уклончиво, полагая, что проблему можно будет решить во время работы. Лишь немного позже я начал догадываться, что Пермьяк, возможно, хотел заручиться авансом. Но я был не готов к такому повороту. И это обстоятельство стало решающим, моя встреча с заезжим режиссером оказалась последней. На другой день, когда я позвонил, чтобы обговорить наши последующие шаги, он ответил мне уже из Барнаула, что передумал, поскольку у него нет здоровья летать туда-сюда на сверхзвуковых скоростях. Для меня это было чувствительным ударом, отказ произошел, когда мне казалось, что все идет как надо, и впереди ждет интересная работа. Вот так неожиданно корабль наскочил на риф.

«Все псу под хвост!» — выругался я.

Верно говорил один из героев Булгакова, что театр — самое сложное сооружение, придуманное людьми.

Неожиданно Минотавр предложил написать пьесу о Святителе Иннокентии, как он сам выразился, нашем великом земляке.

— У меня вот здесь в столе лежат шесть вариантов, — сказал он. — Шлют со всей России. Одна авторша прислала жизнеописание, вернее сюсюли, про сына деревенского дьячка, который прославился тем, что осчастливил туземцев в Америке. Я не знаю, о чем будешь писать ты: об иркутских купцах, пьющих дьячках, о войне, мне это неважно. — Минотавр расстегнул рубашку и почесал свою волосатую грудь. — Погодин написал пьесу о кремлевских курантах, и они зазвонили на всю Россию. Вот что такое война? Война — это оборванные связи. Когда раздаются первые выстрелы, начинается настоящая драматургия.

Его предисловие мне понравилось, Минотавр давал не шанс, фактически карт-бланш, чтобы проверить, на что я способен в честной конкуренции с другими авторами. Директор театра, желая поддержать меня, добавил, что помнит и ценит мою повесть «Приют для списанных пилотов». К моменту разговора в народном театре уже была поставлена моя пьеса «Уроки сербского». За нее мы с главным режиссером театра Михаилом Стеблевым получили диплом международного театрального фестиваля, проходившего в Москве, с формулировкой «за братство славянских народов».

И тут новое лестное предложение. Прилетев в Москву, я поехал в миссионерское общество, там мне дали кое-какую литературу об Иннокентии, затем я съездил в книжное подворье при Сретенском монастыре, купил книгу Барсукова о жизни и деяниях святителя Иннокентия.

Знакомясь с жизнью Вениаминова, я сделал для себя несколько открытий. Одно время наш самолет базировался на аэродроме в Анге. Каждый день, собираясь на полеты, мы ходили мимо дома, в котором родился и некоторое время жил Вениаминов, ставший впоследствии святителем и главой Русской Православной Церкви. Дальше — больше. В городе, куда его отправили на учебу, он учился в той же школе, в которой я проучился свои первые четыре года. Только в мое время это уже была самая старая в городе начальная школа при монастыре, а не духовная семинария.

Дочитав до конца книгу Барсукова, я понял, что прикоснулся к жизни сибирского самородка, который и печи клал, и часы делал, при необходимости мог и музыкальные духовые инструменты изготовить. Но истинная мощь его личности заключалась в ином, он сумел понять значение слова Божьего и донести его до

диких племен далеких Алеутских островов. Иннокентий в совершенстве овладел языками туземцев и смог стать для них простым и близким человеком, за которым они были готовы идти хоть в огонь, хоть в воду. А его краеведческая книга «Записки островов Уналашского отдела» стала известна всей читающей России, язык автора, его наблюдательность привели в восторг Николая Васильевича Гоголя.

Но больше всего меня поразила его государственная позиция в отношении восточных территорий, благословение генерал-губернатору Николаю Николаевичу Муравьеву на занятие Амура дал именно он, человек духовный, миссионер, сделавший, пожалуй, больше всех для приобщения коренных народов далекой Русской Америки, Якутии и Амура к Православной Церкви. Все современники отмечали его самообладание, когда во время Крымской войны, которая стала фактически мировой войной Запада против Российской империи, в Аяне англичане объявили, что берут его в плен. Англичане были настолько обескуражены самообладанием Иннокентия, что оставили в покое не только его, но и сам поселок. Более того, освободили уже захваченных под Петропавловском-Камчатским пленных.

Я сидел в тесной комнатке в женском халате, пил горячий чай, встречаясь с Валиными глазами, гадал, чем же в театре занимается она. Когда мы раньше встречались при выполнении рейсов на Север, она рассказывала о полетах в составе других экипажей, изображая в лицах, верно передавала характеры моих коллег. Была она наблюдательна, остроумна, ей бы не в стюардессы, а в артистки.

*Нам в небе стюардессы создали уют,
Который дома нам не снился.
В полете чай и кофе подают
Прелестные Солохи — проводницы.*

Согреваясь чаем, я с удовольствием напевал про себя ту Валину песню, смотрел, как у нее из-под утюга вылетают клубы пара, и размышлял над превратностями судьбы. Еще полчаса назад я не мог вообразить, что окажусь в этом своеобразном приюте для списанного пилота, и бывшая стюардесса будет сушить мою одежду.

Она отутюжила мой пиджак, набросила его себе на плечи и принялась за брюки.

— Я бывших летчиков узнаю сразу же, — улыбнувшись, сказала она. — По штанам. Пиджак можно заменить, но лишить бывших летчиков привычки к синим штанам все равно, что лишить младенцев памперсов.

Я промолчал, намек на памперсы был ударом под дых, но возражать не имело смысла, промок до трусов.

*Галлы сбросили штаны,
Тоги с красным им даны —*

отшутился я, вспомнив высказывания римских сенаторов о варварах.

— Что тебя привело в театр? — неожиданно спросила Валя.

— Я написал пьесу.

— Вот как! — Валя удивленно и, я бы сказал, с каким-то сожалением посмотрела на меня. Такими глазами обычно смотрят на больных детей. — О летчиках?

— Не угадала. Здесь-то я свои штаны выпячивать не стал, — отшутился я. — Написал пьесу о святом.

— Понятно! — помолчав немного, протянула Валя. — Сейчас многое поменялось. Все стали ходить в церковь.

— Я и раньше ходил, — усмехнувшись, ответил я. — Но не афишировал. А вот что в этом храме нашла ты — не пойму?

— С чего начинается театр?

— Немирович-Данченко говорил — с вешалки.

— Я работаю здесь гардеробщицей. Заодно заместителем директора по хозяйству. Кстати, многие наши девчонки работают на театр. Авиации мы стали не нужны, а в театре нас приютили. Если тебе будут нужны билеты, ты скажи. Все устроим. О чем пьеса?

Меня позабавила та легкость, с которой Валя готова была бросить мне спасательный круг.

— Я уже сказал, она о святителе, о людях, которые жили в нашем городе почти двести лет назад. Она историческая и в прямом, и в переносном смысле. С ней в обнимку я сплю уже более пяти лет.

— В обнимку обычно спят сам знаешь с кем, — поддела меня Валя. — Да, дела твои неважные. А в другие театры предлагал?

— Предлагал, — помедлив, ответил я. — Но сейчас пьесы стали товаром. Хочешь поставить — плати: за освещение, изготовление реквизита. А золочёные эполеты на мундир генерал-губернатору Муравьеву надо заказывать непременно в Софрино. В общем, за все. И заламывают цену — мама моя!

— Да сейчас все стали прагматиками.

— Ну, скажем, не все.

— Не все, — согласилась Валя.

— Скажи, я похож на графа Монте-Кристо?

— Скорее на общипанного мокрого цыплёнка, — засмеялась Валя. — И сколько просят?

Я ожил. Наконец-то появился слушатель, который знает театральное закулисное, и которому можно доверить свои печальные мысли, связанные с устройством пьесы.

К этому времени я уже догадывался, в чем мой просчет. Мне казалось, что все кроется, как говорил Минотавр, в несовершенстве пьесы, в неумении нащупать нужную драматургическую пружину. Я старался исправить текст, сверяя его не только с творениями древнегреческих авторов, но и с пьесами Шекспира, Гоголя, Чехова. Но вскоре до меня дошло, что если бы к директору пришел Чехов с его литературной «Чайкой», боюсь, результат был бы таким же, как и у меня. Издать книгу, не имея имени — дело обычное. Там тоже нужны деньги, но ведь находят и издают. Театр — это другая планета. Здесь к автору и его творению другой подход. По сути, в успехе спектакля заинтересован не только автор, но и режиссер. Он полноправный творец того, что зритель увидит на сцене. А еще актеры, которые своей игрой доносят до зрителя задуманное.

Обо всем этом мы говорили с директором, после его точных и нередко справедливых замечаний я летел к себе обратно в Москву и заново правил текст. После очередного свидания, когда он в порыве чувств припал ко мне на плечо и произнес уже знакомую мне фразу: «Ты знаешь, старик, драматургом надо родиться. Конечно, твое упорство похвально. Но вот, допустим, мы поставим, ты получишь гонорар, зрители похлопают. Что дальше?». Директор сделал паузу. В наступившей тишине мне послышалось то, чего он почему-то не произносил: мол, уймись, смири гордыню и займись тем, что получается. Вот только почему он не давал мне окончательный от ворот поворот, я не мог разгадать, возможно, я интересовал Минотавра как любопытный экземпляр, который, желая обеспечить постановку пьесы, решил предложить простую схему. И она, как мне казалось, заинтересовала не только его.

От землячества обосновавшихся в Москве сибиряков, которые не только обжились в столице, но буквально проросли сквозь камень, мне посоветовали организовать письмо губернатору с просьбой посодействовать в реализации данного проекта, зная, что в наш провинциальный город намечается визит патриарха, и постановка такой пьесы была бы кстати. В письме я указал, что после премьеры можно будет организовать гастроли театра аж в самую Америку, где, по слухам, авторитет Святителя был велик, и американские законодатели до сих пор считают его одним из самых выдающихся миссионеров. Известно, губернаторы пьес не читают, на беду надо было такому случиться, что в нашем городе они менялись с частотой пролетающих электричек. Однажды мне все же удалось поговорить с новым назначенцем, он, выслушав меня, спросил про цену вопроса и, услышав ответ, воскликнул:

— Да ты ломишься в открытые ворота!

Возможно, он был прав, я действительно начал ломиться. Какими будут эти ворота — Амурскими, Московскими — я не знал. Я догадывался, что при разговоре с теми, кто определяет, ставить или отказать в постановке, губернатор не обязан держать сторону автора, здесь он безусловно доверялся мнению состоящих на его службе специалистов по культуре. Но апеллировать к ним не имело смысла. Уже давно известно, что культура, медицина и, пожалуй, еще метеорология — самые что ни на есть непредсказуемые вещи.

Так оно и случилось: моя письменная просьба, заверенная печатью земляков, была передана по назначению, в министерство культуры. И там застряла надолго.

Но кроме власти административной, существовала невидимая цензура. Общаюсь с режиссерами, я сделал для себя два любопытных открытия. Выяснилось, что в разговорах с автором почти всегда незримо присутствует коммерческий интерес: якобы близкие тебе по духу люди — как правило, крестясь на образа, называли такую цену, что можно было выносить всех святых. Было еще одно наблюдение, размышляя над ним, я понял причину, почему провинция недолюбливает москвичей: самый второразрядный столичный театр назначал за постановку цену во много раз большую, чем самый заметный провинциальный театр. За свою жизнь я привык к небольшим цифрам, здесь же с меня запрашивали такую цену, что, ощущая ее своим неразвитым финансовым сознанием, я ахал, это все равно, чтобы без подготовки забраться на Эверест. Утешало меня одно: любовь к денежным знакам существовала с незапамятных времен. После своего кругосветного путешествия из Америки в Петербург главный герой моей пьесы Иннокентий зашел к столоначальнику с намерением прописать паспорт. Тот сделал вид, что очень занят. И когда Вениаминов напомнил о своей просьбе, очинил гусиное перо и крупно написал на белом листе бумаги: «Двадцать пять рублей». Иннокентий сделал вид, что не понял. Тогда столоначальник исправил написанное цифрой «Пятнадцать». И здесь гость из далекой Америки сделал вид, что не понимает сути происходящего. Столоначальник попытлся и написал: «По крайней мере — десять».

Священнослужитель, усмехнувшись, сказал, что сейчас же без доклада войдет к его начальнику.

— Вас оштрафуют!

— Тогда деньги поступят в казну, — сказал Иннокентий.

Убедившись, что не на того напал, столоначальник тут же прописал паспорт. Много воды утекло с тех пор, современные столоначальники сменили гусиные

перья на стальные, обзавелись телефонами и научились решать свои сверхзадачи, используя методику Станиславского. Прописать пьесу в театре оказалось гораздо сложнее и дороже, чем паспорт.

— Наш директор хорошо играет в шахматы и считать умеет, — поставив уют «на попа», точно прочитав мои мысли, сказала Валя. — А еще у него есть один козырь. Да, да, ты догадался — Козырева! Как-то он вызвал меня к себе. Вот что можно увидеть в кабинете? Портрет президента, губернатора. Ну, при большой любви — собственный. У него на столе портрет Козыревой.

— Понятно, уж если портрет вешать, то хозяйки?

— Да, да! — засмеялась Валя. — Думаю, они, конечно же, меж собой обсуждают, кого поставить, а кого задвинуть на дальнюю вешалку. Уверяю, за всё пишущее пьесы человечество она переживать не будет. Ей достаточно и своих проблем.

Я засмеялся: она точно не будет. Когда однажды, отчаявшись, я дозвонился до Козыревой по телефону, она милым, вполне дружелюбным голосом ответила, что те деньги, которые выделяет администрация для постановок пьес перспективных авторов, это ее деньги, и на них мне не стоит рассчитывать.

«Выходит, я не прохожу по этой статье», — мелькнуло у меня в голове. Я что-то пытался возразить, но она рубанула сплеча, сказав, что вот если бы я принес и положил на стол искомую сумму, то пьесу бы поставили. Я отреагировал, как крестьянин, у которого на рынке из-под носа только что увели дойную корову. Я сказал, что если бы у меня в кармане лежали такие деньги, я бы пошел в любой театр, и пьеса была бы поставлена. Я был доволен своей находчивостью. Но ненадолго, всего лишь несколько секунд. Есть правило: если просишь, держи язык за зубами. Я нарушил его и тотчас же поплатился, услышав отдаленные телефонные гудки.

— Портреты — самый недолговечный товар, — сказал я. — Сегодня висит, завтра в чулане лежит.

У Вали зазвонил мобильный, она достала его из сумочки.

— Меня зовут, — сообщила она. — Одежду я подсушила. Можешь одеваться. Кстати, директор уже здесь, и гости, в том числе и московские.

Я быстро оделся. Брюки еще были сыроваты, но вполне годились для выхода в свет.

— Ты звони или заходи, — произнесла Валя знакомую и ненавистную мне по Москве фразу, обычно ее произносят, когда тебя не очень-то хотят видеть.

— Нет, ты действительно заходи. — Должно быть, Валя что-то прочитала на моем лице. — Назови мне свой номер.

Я продиктовал, она тут же набрала и, услышав ответный сигнал, спрятала телефон.

— Вот что, если у тебя есть второй экземпляр, оставь мне. Я прочитаю быстро и все тебе скажу. А если понравится — передам владыке. Пусть он почитает.

Это был беспронимательный ход, если владыка откажет, то и лезть даже в распахнутые самим губернатором ворота не имело смысла. Я достал свободный экземпляр и протянул Вале. Она улыбнулась, прижалась ко мне щекой. И я, окрыленный этой неожиданной лаской, хотел поцеловать ее, но она, отстранившись, погрозила пальцем.

— Мы так не договаривались!

Я начал смущенно шутить, может, она похлопочет и узнает, есть ли в гардеробе для меня вакансия.

Женские халаты — вещь опасная. Кутаясь в него, я почувствовал давно забытое тепло, и почему-то в голову пришла странная, давно не посещавшая меня

мысль: ну чего суечусь со своими писаниями, разговорами, пьесами, когда рядом нет обыкновенного женского тепла и участия. К чему все эти пустые хлопоты? Я, медля, застегнул пиджак на все пуговицы, еще раз улыбнулся Вале и, вздохнув, шагнул в коридор.

Директора театра в кабинете не оказалось, я спустился вниз в фойе и присел в кресло, если пойдет, то миновать меня будет трудно. В просторном холле былолюдно, туда и сюда сновали актеры, какая-то публика. Минотавр на своей площадке проводил очередной театральный фестиваль, и околотеатральной публики собралось предостаточно. Неожиданно я разглядел, видимо, приглашенную для освещения фестиваля московскую диву, которая писала рецензии в столичных журналах. Фамилия у нее была Коклюшева.

Надо признать, директор был профессионалом, и театральное дело вел со столичным размахом. Коклюшева, как и положено человеку с именем, держалась уверенно, точно ледокол в Арктике, грудью взламывая провинциальные льды поклонников, двигалась куда-то вглубь фойе. Я проследил глазом предполагаемую траекторию движения и увидел чеканное лицо Минотавра. Он шел, твердо ступая по мраморному полу, кудрявые с проседью волосы красиво обрамляли загорелое лицо, голову он держал прямо, сидевший на нем костюм напоминал тогу патриции. Рядом с ним в красивом платье плыла Козырева.

Я привстал, чтобы обозначить свое присутствие. И сделал это зря, даже минутная беседа или встреча с провинциальным Шекспиром не входила в их планы. Слегка кивнув мне головой, Минотавр прошагал к Коклюшевой, чтобы личными объятиями засвидетельствовать свое уважение и пригласить акулу пера на ужин.

Я вышел из театра. Дождь прекратился. Обходя лужи, пошел обратной дорогой вверх по бывшей Заморской улице. Вдыхая свежий осенний воздух, дошел до камня, где за забором огромным клином прямо в центр города выползали старые деревянные дома. Остановился на мокром взгорке, где в честь присоединения к России земель по Амуру после Айгунского договора с Китаем была установлена величественная арка. Простояла она полвека, уже в советское время ее снесли, как обветшалую.

Я знал, что рядом, за деревянным забором, притаился девятнадцатый век, с дворами и вековыми выгребными ямами, с высокими из мощных бревен крылечками, летом все скрывалось за кленами и тополями, зимой утопало в снегу. С ближайшего склона исторический околоток разрезали ручьи, они торили себе удобную дорогу через охранную зону, как им вздумается, под уклон в сторону большой реки. Так было при Муравьеве, советской власти, при всех бывших и нынешних градоначальниках. И все же очередной губернатор, уроженец Питера, тот, который объявил, что я ломлюсь в открытые ворота, к юбилею города решил снести развалюхи и построить на их месте деревянный квартал. Думаю, что решение о сносе было правильным, намечался приезд многочисленных гостей, и терпеть все эти запахи и бегающих по дворам собак в сотне метров от театра было просто неприлично.

Прогулка под дождем не прошла для меня бесследно, неожиданно для себя я заболел. Вечером меня начало знобить, я померил температуру и вытянул губы: больше тридцати восьми. Горячий чай, лимон не помогали; они были для меня, что для мертвого припарки. На другой день я все же вышел на улицу, доковылял до аптеки, спросил у провизора, что нужно принимать при простуде.

— Тут не принимать, тут надо врача вызывать, — с сочувствием в голосе сказала аптекарша. Дальше потянулись дни, которые можно было спокойно вычеркнуть из жизни. Слабость, тошнота, иногда мне казалось, что за мной вот-вот войдет Харон и посадит к себе в лодку. Я просыпался в холодном поту, менял одежду и вновь проваливался в небытие. На меня наваливались странные видения, откуда-то из темного угла наплывала театральная сцена, на ней в позе триумфатора стоял Минотавр, он держал в руках только что врученное ему «Золотое руно». Прямо перед сценой уже были накрыты столы с сибирскими яствами: копченым омулем, сига́ми, солеными груздями и рыжиками, отдельно в салатницах горкой была насыпана спелая брусника. А по залу метались грифоны и гарпии, они ждали звонка для своего выхода на арену, удерживая в закутке приведенную для ритуала молодежную публику.

Днем я пытался передвигаться по квартире, но, обессиленный, садился на кровать. Сходить в аптеку не было возможности, все дни лил дождь. Я совал себе под мышку градусник, смотрел на осеннее небо, обжигаясь, пил горячий чай и думал, что жизнь совсем не вовремя преподнесла мне еще один неприятный сюрприз, я надолго застрял в своем-чужом городе, которому было глубоко наплевать на мои переживания и болезни.

В один из тяжелых для меня дней неожиданно подал признаки жизни телефон. Звонила Валя. Она сообщила, что в городском музее намечается выставка, посвященная святителю Иннокентию, и что на ней будет владыка.

— Рукопись я передала, но не знаю, прочитал он ее или нет, — добавила она. — С кем из наших общался?

Вялым голосом я сообщил, что лежу и каждый день в основном общаюсь с гарпиями.

— С кем, кем? — не поняв, переспросила Валя.

— Стерегу от духов золотое руно, — вяло пошутил я.

— Ты что, один? — спросила Валя.

Вопрос застал меня врасплох. Вокруг было много людей, целый город. Но тех, к кому я мог обратиться, которые раньше то и дело звонили мне, их как будто вымели. Остатки того, что мною было здесь накоплено, переехали прорастать на камнях в Москву.

Мне пришлось сообщить Вале, что я заболел и что третий день не выхожу из дома. Валя помолчала, затем спросила адрес. Я поинтересовался: зачем? И тут же услышал, что она сейчас прилетит ко мне домой санитарную авиацию.

Санитарной авиацией оказалась сама Валя. Она принесла какие-то, по ее словам, целебные снадобья, таблетки, быстро навела порядок на кухне, заварила чай. Было видно, что это доставляет ей удовольствие, все она делала быстро и в охотку, подошла, приложила прохладную ладошку к моему лбу. Я тут же потянулся к ней губами.

— Тебе сейчас нужно только горькое, — улыбнувшись, сказала Валя.

— Уж чего-чего, а этого мне хватает, — отшутился я. — И если говорить честно, я уже начал выздоравливать.

— Прямо сразу?

— С твоим приходом.

— Кашель есть?

— И кашляю, и чихаю, — признался я. — От своей пьесы, от театра, от той пыли, что накопилась в моей квартире и душе.

— Да, надо бы пройтись тряпкой, — сказала Валя. — Кстати, чтобы поднять настроение, расскажу о недавнем визите Патриарха в наш город, — заговорила Валя. — Особых сюрпризов ему не придумали, но они то и дело появлялись на ходу. Когда я читала твою пьесу, то подумала. Директор упустил прекрасную возможность. Так вот, мы у себя в приходе почистили, прибрали, навели порядок. Подготовили двух девчушек, чтобы они вручили ему цветы и сказали несколько слов. Но Патриарх задержался. Поджидая его Святейшество, девочки очень устали. Когда он появился, к нему по сценарию подошла девочка, которая, вручая цветы, должна была прочесть стихи. Но она, все забыв, сделала Патриарху замечание.

— Мы вас ждем, ждем, а вы где-то пропали!

Спасла положение вторая девочка. Она, улыбнувшись, добавила:

— И все равно мы рады, что вы приехали!

Патриарх буквально расцвел от этих слов.

— Ну вот, не надо писать пьес, — пошутил я. — Лучше этих девочек не скажешь.

— Скажи, а вот те, кто ушел, кого нет с нами, они за нас переживают? — помолчав немного, спросила Валя.

— Они за нас молятся, — подумав, ответил я.

— Что, и твой святой? Он-то хоть догадывается, что ты здесь хлопочешь, ругаешься, болеешь?

Валин вопрос застал меня врасплох. В последнее время я жил пьесой, и все остальное казалось мелочью. Я не предполагал, какие испытания меня поджидают, но жаловаться, что передо мною в театре не распахивают двери, не хотелось. Значит, еще не пришло время, значит, я еще не все сделал, чтобы рукопись разрывали на части режиссеры.

— Он со мною рядом и дает мне силы, чтобы я преодолел все трудности. Думаю, и он молится за меня. Я это чувствую. Господь посылает нам испытания. Если это благое дело, то надо потрудиться и потерпеть. Главное — не опускать рук.

— Но бывает, бьешься, хлещешься, и все без результата.

— Бывает, все бывает, — подтвердил я.

— А потом вдруг враз все случается, — неожиданно всплеснула руками Валя. — Происходит все вроде бы само собой, и лишь позже догадываешься — помогли. Начинаешь думать, может, не надо было ломиться в открытые ворота и подождать, когда плод сам созреет.

— Где-то я уже это слышал, — рассмеялся я.

— Театр — сложная штука, — помолчав немного, сказала Валя.

— Сложнее некуда!

— В театр ходят все. Хоть раз в жизни, но ходят.

— На рынок тоже ходит много народа.

— Ты не путай пресное с соленым, — засмеялась Валя. — Древние греки говорили, что театр — школа для взрослых. В нем воспитывают чувства. Наш директор — умелый руководитель. Сохранить коллектив, выплачивать вовремя зарплату и держать баланс внутренних взаимоотношений — такое удастся не каждому.

— Ты что, пришла защищать своего начальника? — откашлялся я. — Думаю, он в твоей защите не нуждается.

— Это точно, не нуждается. У него любимого на все есть два мнения. Его собственное. Все другие — неправильные и ошибочные. Но только затронь его

интерес, сомнет в порошок. Только он обладает правом судить и рядить всех и вся. Когда Козыреву в очередной срок не назначили на должность, а новый приезжий губернатор, неожиданно для многих, назначил на это место Стеблева, что тут началось! Истерика. Надо спасать культуру от дикарей с прогрессирующим комплексом неполноценности, которые хотят сварганить местечковый феодализм под знаменами новоимперских амбиций. Вся Москва была поднята на уши. Вмешался даже Кобзон. И народного режиссера убрали. В новой для себя должности он пробыл всего две недели.

Я решил повернуть разговор в другое русло, мне хотелось узнать, читал ли пьесу владыка. Я предполагал, что у пьесы, конечно же, как и полагается, есть сторонники и противники. Противники иногда даже рядились в сторонников. Делали это, чтобы показать осведомленность и свое независимое суждение обо всем, что происходит в культурной политике нашего города. Хотя я точно знал, пьесу читали всего два человека. Большинству было все равно, поставят или не поставят, пьеса — это же не курица, которую могут подать на стол. Если написал — хорошо, попросили заплатить — ищи гроши. За тебя никто деньги искать не будет. А поставят — садись в зале и наслаждайся. И мои претензии к директору, по большому счету, писаны на песке. Договора с ним у меня не было. Он предложил, я — согласился. Как говорил один из героев Шекспира: «из жалости я должен быть суровым». Если и есть претензии, то, прежде всего, к самому себе.

Я понял, идти на выставку надо. Но попасть на ее открытие, где предполагались первые лица, оказалось непросто. Выручила Валя, позвонила и сказала, что пригласительный будет на проходной.

Иногда бывает интересно посещать провинциальные выставки. На входе мне отыскивали пригласительный, и я растворился в общем потоке посетителей, с удивлением отмечая, что почти не встречаю знакомых лиц. И тут заметил Валю. Она улыбнулась, потом подошла и шепнула, чтобы я не считал воробьев, а шел сейчас же прямо к владыке. Рядом с ним стояли Козырева и отец Максимилиан.

— Я прочитал, мне пьеса понравилась, — улыбнувшись, сказал владыка. — Что можно сделать, чтобы она была поставлена?

Краем глаза я увидел, что Козырева напряглась, она никак не рассчитывала на этот не предусмотренный протоколом мой разговор с владыкой.

«Наверное, в этот момент она жалеет, что рядом нет Минотавра», — подумал я.

— Все, что вы можете сделать, — это благословить, — сказал я и посмотрел на министершу. Она с казенной улыбкой на лице смотрела сквозь меня.

Владыка перекрестил меня и, улыбнувшись, добавил:

— Всего-то. Ну, тогда с Богом!

В этот момент я ощутил себя губернатором Муравьевым, который получил благословение на занятие Амура.

Буквально через день мне был звонок от главного режиссера театра Папкина, он предложил встретиться и обсудить вопросы, связанные с постановкой пьесы.

Я возликовал. Наконец-то моя флотилия отчалила от берега и начала сплавляться по Амуру.

Режиссер оказался молодым, коротко стриженным, в спортивной майке человеком. Я знал: в театр его пригласили из Москвы, куда он летал ставить модные спектакли. Он предложил мне переделать пьесу, для столкновения сил добра и зла ввести образ черта или чертенка. Я стал протестовать, в своих проповедях Иннокентий представлялся мне как человек государственных начал, который, размыш-

ляя над смыслом бытия, отрицал всякую чертовщину. Это Михаилу Булгакову в «Мастере и Маргарите» захотелось посмотреть на человеческую сущность с темной стороны. Почему мы должны следовать за ним? Папкин рассеянно послушал меня и предложил подумать над образом умершей матери Иннокентия, которая в пьесе была бы судьей и эдаким оппонентом батюшки. Это несколько смягчало ситуацию, но не убирало вмешательство потусторонних сил полностью.

Я сказал, что подумаю. Затем Папкин, как бы мимоходом, осведомился, есть ли ответ на письмо земляков губернатору.

Уже наученный прошлыми промахами, я осторожно ответил, что помощь, конечно же, будет, поскольку сам губернатор сказал, что я ломлюсь в открытые ворота. Ответом мне была слабая улыбка Папкина, со мной вел переговоры стреляный московский воробей.

На этом мы расстались. От разговора у меня осталось послевкусие, покопавшись в памяти, я вспомнил Пермьяка. «Возможно эта встреча с Папкиным, как и с предыдущим барнаульским режиссером, станет последней, а не крайней» — думал я, вспоминая свой разговор с Папкиным.

Психологи говорят, мысль материальна, далее в моих отношениях с театром возникла пауза. Через некоторое время Папкин отказался от постановки, заявив директору, что Иннокентий — не его тема. И дальше пошли непонятные странности. Тех режиссеров, которые хотели и могли бы поставить пьесу, Минотавр начал отвергать с порога, впрочем, тут же называя фамилии неизвестных для моего слуха столичных и питерских режиссеров, мол, надо бы предложить пьесу им, возможно, они и возьмутся. Но ни один из них мне не позвонил, и их мнение о пьесе так и осталось для меня тайной за семью печатями.

Впрочем, интерес к пьесе все же был, московский театр «Спас» готов был приступить к постановке, но с определенными оговорками. Они не были озвучены, но в тот момент я был готов на любые условия. Поскольку у театра не было своего помещения, то я объездил за ним всю Москву, чтобы лучше познакомиться с репертуаром и с игрой актеров. Но не получилось и со «Спасом». Все произошло, как в известном афоризме: хотел как лучше, а получилось как всегда. Окончательный разговор о договоре вновь был по телефону, жена режиссера, заслуженная артистка, назвала мне сумму за постановку, и я чуть не свалился со стула, Минотавр и министерша были голубями по сравнению с московскими театральными грифами.

— Вы что, думаете за мой счет построить себе театр? — растерянно спросил я.

— Это не ваша забота! — сухо ответила актриса.

Прав был Минотавр, война обрывает связи. В моем случае со жрецами и жрицами Мельпомены не было боевых действий, было прощупывание намерений, меня с моим желанием поставить пьесу, когда я сообщал, что не в состоянии оплатить запрашиваемую сумму, тут же ставили в неудобное положение. Да, война, но в другом измерении, где любое желание должно быть оплачено. Вспомнился мой приход в литературу, когда чуть ли не каждый ковырялся в моей первой повести «Одиноким полет», высказывая свое категорическое суждение, стоит ли мне вообще заниматься литературой, или бросить это дело сразу. Свою первую повесть я переписывал одиннадцать раз, пока один добрый человек не посоветовал бросить возиться с «Одиноким полетом» и сесть за новую вещь.

Был еще разговор с московской театральной критикессой, которая предлагала убрать всю канву по присоединению Амура и написать театральную новелку о

последних днях жизни Иннокентия. Размышляя над ее предложением, я вспомнил последние слова Святителя: «От Господа стопы человеку исправляются».

«А от бесполезной беготни — стираются», — с грустью добавил я про себя.

За время, что я провел, работая над пьесой, мне открылся совсем неведомый мир, о котором я и не подозревал. Люди из прошлого напомнили о своем былом присутствии на земле, заговорили, протянули мне руку. Я понял, что жизнь не прерывается, она продолжается в ином качестве и другом измерении. И если мы, допустим, решили сплавляться по Амуру, то должны помнить, кто из наших предков первым ступил на его берега. Больше всего меня согревало, что пьесу читал владыка и благословил ее. Он как бы подал знак от самого святителя, мол, не кручинься, иди и работай; рано или поздно зрители все равно увидят ее на сцене.

Перед тем как улететь в Москву, я договорился о встрече с Валей. Мы встретились возле памятника Вампилову, и под монотонный шум дождя пошли в театральное кафе. Там буфетчицей работала еще одна бывшая стюардесса — Эля Хабибуллина. Несколько лет назад меня пригласили сюда бывшие коллеги из службы бортпроводников. Разговор для меня получился непростым. Бортпроводники были возмущены, что государство обошлось с ними несправедливо, поскольку при начислении пенсий они не попали в категорию кабинного экипажа и по сравнению с летчиками не имели даже крохотной надбавки. Разговор не клеился, передо мною сидели постаревшие, обозленные женщины, которые получили возможность выкрикнуть все свои обиды на власть своему бывшему коллеге, который, оформив льготную летную пенсию, взял и укатил в Москву. Нет, это были уже не те милые стюардессы, которые обычно с улыбкой встречали меня у самолета. В голове все время вертелся мотив песенки про Солоху:

*Пилоты не похожи на чертей,
Хотя, как черти, по ночам летают.
А наши стюардессы, вот ей-ей
Порой на ведьм похожими бывают.*

— Так вы сами голосовали за эту власть, какие претензии ко мне? — пытаюсь утихомирить бывших стюардесс, говорил я. — Вы ругаете меня, который, возможно, единственный, кто в Думе пытается помочь вам.

— И какой толк! — вскричала Хабибуллина. — На выборах я голосовала за тебя, больше не буду.

По сути, шел разговор немного со слепыми. Моим бывшим подружкам хотелось сделать мне побольнее, и самые веские аргументы на них не действовали. Выходило, виноваты все: власть, депутаты, руководство авиацией. Только пожаловаться им, бедным, некому. Вот и попался я им под руку.

«Все верно, жизнь — театр» — вспоминал я Шекспира.

И вот новая встреча все в том же театральном кафе. Здесь, судя по всему, Валя была своим человеком, она подошла к Хабибуллиной, о чем-то поговорила, затем показала мне глазами, чтобы я занял столик в углу.

— Ну как там в Москве? — спросила Валя через пару минут, усаживаясь рядом за столик. Я вспомнил, что на той встрече с бывшими бортпроводницами ее не было, но, судя по всему, детали разговора она знала.

— Многим кажется, что там для нас все намазано маслом, — пошутил я. — Это далеко не так.

— Да я все понимаю, — сказала Валя. — Провинция недолюбливает москвичей, но если представится такая возможность, поползут туда на карачках. Вернем-

ся, как говорится, к твоим делам. Скажу прямо, директор ставить пьесу не будет. Сделает все, чтобы затянуть, а там или ишак сдохнет, или падишах умрет.

В это время к нам подошла Хабибуллина. Она накрыла столик и, прежде чем отойти за барную стойку, с ехидцей в голосе задала привычный вопрос:

— Что-то вам не сидится в Москвах?

— Да вот, на родину тянет, — в тон ей с улыбкой ответил я. — Ничего поделать не могу. Где я в столицах смогу встретиться и поговорить с теми, с кем мерз на Северах, кто согревал нас чаем.

— Ничего хорошего здесь нет, — с какой-то безразличностью в голосе сказала Эля. — Так, одна мышинная возня и пьянство.

Она отошла на свое место. Что ж, у буфетчицы было собственное представление о качестве и смысле жизни в провинции. Но настроение мне она не испортила, я, глядя на ее сжатые губы, решил: зачем жду подвоха, расстегну-ка я на пиджаке все пуговицы и постараюсь быть тем, кем был раньше, поскольку присутствие рядом со мною Вали подсказывало, что не все так уж и плохо в нашем городе и в моей жизни, и что здесь, рядом с нею, можно было говорить все, что думаешь и ощущаешь.

— Да плюнь ты на наш театр и поищи возможность постановки в другом месте, — сказала Валя, когда я вернулся за столик. — Ну, так сложилось! Освободись от иллюзий. Продолжай работать и думать, как сделать пьесу лучше. А потом ты еще спасибо скажешь моему директору, что не распахнул по первому звонку ворота, что дал возможность ближе и полнее познакомиться с Иннокентием.

Что ж, мои размышления нашли реальное подтверждение. Валя протягивала мне нить, чтобы я выбрался из театрального лабиринта. В нем мой самолет был уже давно в воздухе, но где он приземлится, куда лететь, я не знал. Помнится, обучая меня летному делу, инструктора говорили, что движение порождает сопротивление, и что опираться можно только на то, что стоит твердо, что держит крыло в полете. Бежать по болоту — непросто. Но никто не брал передо мною обязательств мостить по нему дорожку. Мости и преодолевай сам.

— В нашем городе есть еще два театра, один народный, другой Театр юного зрителя. Кстати, там ежегодно проводят Иннокентьевские чтения. Чего ломиться туда, где тебя не хотят ставить. Может, попробовать там, — вслух размышляла Валя. — Есть еще театр в Омске, «Галерка», там все выпускники нашего театрального училища. Всегда должен быть выбор.

— Губернатор, тот, который строит деревянный квартал, предлагал поставить пьесу в родном ему Петербурге. Но я отказался, мне хотелось в нашем городе, — сказал я. — Где когда-то державно звонили колокола, сияла русская слава и русская правда. Где замысливались и исполнялись великие дела. Здесь даже когда-то ворота в честь присоединения Амура стояли.

— Где они сейчас? Разломали! Кто еще помнит здесь о подвиге Невельского? Или твоего святого? А вот в Благовещенске стоит памятник Иннокентию, во Владивостоке — Муравьеву-Амурскому. В Николаевске-на-Амуре — Невельскому. А что у нас? Даже улицу Амурскую и ту переименовали. Вычистили все под корень. А ведь присоединение Амура задумывалось именно здесь, в нашем городе. Чем бы сейчас без него был наш Дальний Восток?

— То-то и плохо, что не помнят, — сказал я. — Если ты не возражаешь, я пойду, закажу у Эли коньяку. Вспомним, что было забыто, и начнем, как мы раньше говорили, делать погоду. А то этот дождь совсем ошалел.

— Я за все заплатила, — вдруг сообщила мне Валя. И, как бы извиняясь, добавила. — Решила потратить тот неожиданный гонорар, который упал мне с неба. Ты не возражаешь?

Нет, я возражал, сказав, что если у меня нет денег на постановку пьесы, то на ужин найдется.

Я встал и пошел к Хабибуллиной.

— Не суетись, — усмехнувшись, сказала Эля. — За все уплачено.

— Тогда, если не затруднит, принеси, милая, бутылку хорошего вина или коньяка и коробку конфет, — попросил я Хабибуллину.

— Нет проблем, — улыбнувшись в пол-лица, сказала Эля. — Сделаем.

Успокоенный ее услужливым тоном, я вернулся за столик.

— Сибиряки, настырные они, — веселыми глазами встретила меня Валя.

— А ты что, не сибирячка?

— Нет, я хохлуша, меня маленькую привезли сюда их Харькова. Знаешь, почему я пошла работать в театр? Моя дочь Катя учится в Москве, в Щуке. Получается, теперь у нас театральная семья.

Раздался звонок на мобильный Вали.

— Да, да, мы здесь! — засияв лицом, громко заговорила Валя. — Сидим в кафе у Эли.

— Тебе будет сюрприз, — спрятав мобильный в сумочку, сказала Валя. — Ты не пугайся. Моя дочь захотела познакомиться с автором пьесы. Тем, который когда-то давал провозку ее маме по Северам, — запнувшись, добавила она.

Через пару минут в кафе с шумом, как и полагается воспитанным дамам, вошли женщины. Впереди всех, отмеряя метры своими высокими каблуками, шла бывшая бортпроводница Инга Цыкун, худая, нескладная, как я успел определить, одетая по самой последней китайской моде с Шанхайки. Я уже знал, она работает у Минотавра билетным кассиром. Помнится, ее многие в авиации побаивались. Была она человеком простым и прямолинейным, и при случае резала правду-матку в глаза.

— Ей бы обслуживать грузовые составы, — бывало, подшучивали летчики. На своих каблуках она смотрела на мир почти с двухметровой высоты, и видимо ей это доставляло особое удовольствие. Держась рядом, где-то под рукой, семенила маленькая полненькая хохотушка с нарисованным во все лицо ртом. «Ритка-пончик» — вспомнил я ее прозвище. Замыкала шествие молоденькая красивая девушка, в которой я признал Валину дочь.

— Все в сборе, можно проводить послеполетный разбор. — Я решил сразу же взять инициативу в свои руки. Но не тут-то было, та власть, которая была у меня над ними в прежние времена, уже давно улеглась на покой.

— Вот еще чё надумал! — закричала Цыкун, растопырив руки для объятий, очутившись на досягаемом расстоянии. — Никаких разборов, никаких совещаний! Будем гулять!

Не успел я опомниться, как бывшие стюардессы обцеловали меня, затем стали аккуратно реставрировать мое попорченное временем и театральными переживаниями лицо, очищая его салфетками от губной помады.

— Ты что, командир, залетел в эту долбанную Москву и глаз не кажешь! Только по телевизору и видим. Ну, мы люди не гордые, хорошее помним. Валя сказала, что ты здесь революцию готовишь или, наоборот, решил всех научить святости. Вот мы и решили узнать суть твоего нынешнего понимания жизни и, если потребуется, помочь.

— Даже помочь? — Я оглянулся на Валю. Та сделала вид, что она здесь ни при чем, и, прервав наш разговор, радостно сообщила:

— А это Катя, моя дочь!

— А я вас представляла другим, — сказала Катя.

Голос у Кати был ровным, хорошим. Мне в ней приглянулось все, глядя на нее, я вспомнил Валю, которая впервые пришла на рейс, чтобы лететь со мной в Якутск.

— Так какие у нас проблемы? — прямо в лоб спросила меня Инга. — Обижают?

— Это меня-то обидеть! — возмутился я.

— Обидеть можно каждого. Ты нам расскажи, авось и мы лишними не будем.

— Минутку!

Я встал, подошел к барной стойке и заказал для вновь прибывших закуску и выпивку.

— Вы знаете, я прочитала вашу пьесу, — сказала Катя, когда я вернулся за стол. — Если вы позволите, я скопирую ее. Вы не обидитесь?

— Почему я должен обижаться?

— Так вот, я покажу ее в Москве нашему руководителю. — Она назвала фамилию довольно известного театрального деятеля, — возможно, мы постараемся на курсе попробовать поставить.

— Я не возражаю, — засмеялся я. — Вы мне покажите человека, который бы отказался от такого предложения.

— Кстати, твой директор живет со мной рядом в Шаманке! — вдруг сообщила Инга. — Иногда просит, когда надолго уезжает, чтобы я покормила его собак. Они у него злые, года два назад чуть местных ребят не загрызли. Теперь я ночью буду проходить мимо его дома и кричать в трубу страшным голосом: «Почему не ставишь пьесу!?» Только ты скажи, хорошая она или плохая? — Инга забросила ногу на ногу. — Может, возьмешь нас, и мы сыграем ее. Не в театре, а здесь, в этом кафе. Соберем наших, пригласим актеров, может, чему-то они и у нас научатся. Мы девки еще хоть куда!

Ингу после коньяка понесло, я видел, что все посетители кафе смотрят в нашу сторону.

— Недавно наш директор стал руководителем «Народного фронта», — сообщила Валя. — Говорят, на съезде встречался с самим президентом.

— Вот и обратитесь к нему, — сказал я. — Пусть попросит президента прибавить вам пенсию.

— Держи карман шире, — засмеялась Инга. — Многим кажется, что у нашего царя всегда под рукой мешок с золотой крупой. Только попроси, он тут же сколько надо отсыплет. Держи карман шире! А с нашим директором я все равно поговорю. Пусть он собак не спускает. Когда встречаюсь — хороший мужик. Воспитанный, культурный. Но попробуй тронь! Мне кажется, у него на месте прически появляются рога. Говорят, от него, после постановки пьесы, один автор даже сбежал в Канаду.

Я смотрел на ее разгоряченное лицо и сделал для себя вывод, что пьесу подружки не читали, но представление о ней уже имели. И реакция была простой и понятной — наших бьют! Меня это порадовало, оказывается, не все готовы были ругать меня за доставшуюся маленькую пенсию. Я поймал себя на том, что благодарен своим бывшим подружкам даже за вот такую солидарность, напомнившую то далекое время, когда мы, собравшись возле телевизора, коротали время в летних профилакториях Нюрбы, Тикси или Якутска.

Из кафе мы уходили уже одной командой. Под моросящий дождь даже пытались петь строки из песни про Солоху-бортпроводницу.

— Ушла на пенсию Солоха, говорят, — во весь голос кричала Инга.

— Врачи Вакулу начисто списали, — в тон ей подпевал я.

«Много ли человеку надо, посидели, поговорили и вроде бы решили все проблемы. Ворота, если они есть, все равно откроются. Даже если они подперты изнутри кольями».

Особенно меня позабавило предложение Инги кричать в трубу Минотавру. Это было революционное предложение. Я представил, на какую высоту поднялось бы театральное дело, если бы за него взялись бывшие стюардессы. Мне бы встретить их пораньше, тогда бы не пришлось поднимать в воздух алтайского режиссера, чтобы пробить брешь в стоящих предо мною воротах. Что ни говори — каждый бомбит цель по-своему. Я улетел в Москву и на какое-то время забыл о пьесе.

А потом был неожиданный телефонный звонок от директора Театра юного зрителя Олега Слесарева с просьбой прислать пьесу. Его я знал мало, буркнул что-то нелестное. И чуть было не испортил все. Спасла ситуацию уже другая Валя, с которой в детстве мы жили на одном болоте. К тому времени она стала замечательной русской православной писательницей. По телефону она сказала мне главное: Слесарев намерен поставить мою пьесу.

С Минотавром мне довелось встретиться в столичном театре. Быстро пролетел год, и он вновь привез на столичную сцену в Художественный театр имени Чехова пьесу сибирского классика «Еще не время». Про себя я решил, что нужно обязательно посмотреть ее. У автора пьесы было чему поучиться.

Стояла пасхальная неделя. Над Москвой, то в одном, то в другом месте, наполняя собой небо, нарастал колокольный звон. Он радостно плыл над домами, улицами, затененными окнами. В эти праздничные дни каждый прихожанин мог забраться на колокольню и присоединиться к таким же, как и они, по-детски любящим медный державный звук, который, обволакивая, проникал в каждого, обещая весеннюю чистоту, тепло и долгую, спокойную жизнь. Звучавшая медь как бы на время соединяла всех с небом, выправляя и успокаивая приостывшие за долгую зиму души.

С Минотавром мы столкнулись в дверях театра, звон столичных колоколов его не трогал, он прошел мимо, даже не кивнув. Через минуту я понял причину его сосредоточенности, директор спешил припасть к плечу новому губернатору, который, пользуясь случаем, решил посетить московскую сцену.

«Неужели Инга все же говорила с Минотавром, — мелькнуло у меня в голове. — Зачем? Чтобы еще раз утвердить, как говорил сам директор, что война обрывает связи? А там одно правило: от уважения до ненависти один шаг. Инга была права, хорошему актеру подвластно многое: он должен уметь как в закупоренном сосуде держать свои чувства и намерения. И говорить на людях только то, что требуется по тексту. Главное — сохранить лицо», — думал я, поглядывая на слегка приплюснутое лицо директора. Иногда отсутствие намерений говорит красноречивее любого объяснения, раньше, встретив меня, он начал бы говорить привычное: старик, не время, вещь слаба. И при этом неизменное актерское, годами отработанное припадание головой к плечу собеседника.

Уже позже, когда пьеса начнет собирать в залы народ, нанятая жрица древнейшей профессии напишет статью «Капнист пиесу накропал громадного размера», где в поднятых на сцене парусах увидит карту будущей имперской экспансии и амбиций Путина и Патриарха. Ну что поделаешь, баба-яга, у которой, как она

сама признается, ослаблены экзистенциональным голодом мозга, конечно же, будет против. Бесы плачут, бесы скачут!

И все же свой хлеб директор ел не зря. У него было обостренное чувство сцены, неважно, где в этот момент она находилась: в фойе, на улице, в кабинете у высокого начальства. Здесь ему одновременно приходилось быть актером, режиссером-постановщиком, конферансье, держать в руках нити, чтобы все шло по намеченному плану. И не было у него случайных людей, все было продумано и отрепетировано заранее. На столичную постановку пьесы «Еще не время» были приглашены известные критики, которые должны были написать необходимые рецензии, столичные актеры, режиссеры, депутаты; все укладывалось в отработанный и продуманный сценарий. И даже билеты распространялись по отработанной схеме. Директор не любил слово «авось».

Какая свадьба без генерала! Минотавр привез в театр с больничной койки автора пьесы, который должен был своим присутствием придать законченность всему действию. Он стоял рядом с губернатором, поседевший и постаревший, точно прикованный к обозначенному месту цепью, молчаливо, хмуро и устало поглядывал на театральную суету. Чуть поодаль, в своей неизменной форменной черной без ворота тужурке, за автора уже вещал на камеру похожий на поседевшего семинариста златоуст Комбатов, чуть поодаль готовилась сказать свое слово Коклюшева. Все были на месте, каждый знал для чего и зачем он присутствует здесь.

Раньше мне уже не раз приходилось смотреть пьесу, в ней я знал каждую реплику, каждое слово. Я вспомнил, что первоначально она была повестью, затем для театра автор сделал инсценировку. Несколько лет назад директор уже привозил ее на Международный театральный фестиваль и получил одну из главных премий.

Я еще раз посмотрел спектакль по пьесе уважаемого всей Россией классика, пытаясь разгадать, что же в ней такого, что заставляет плакать и переживать пришедших в театр зрителей. Да, она была поставлена главным режиссером театра Папкиным. И актеры выложились — не каждый день приходится играть на столичной сцене. На этот раз Папкин взял в союзники не потусторонние силы, а выписанного с мастерством вполне привычного для России зеленого змея, хмельными чарами которого была отравлена мужская половина персонажей пьесы, которые даже у кровати умирающей матери, не стеснясь, звенели стаканами. Уже перед финальной сценой, стараясь не привлекать к себе внимания, я вышел из зала и двинулся к выходу. Краем глаза успел отметить, буфет уже готовился к фуршету, как было и заведено у Минотавра, на столы выставлялись привезенная байкальская водка, рыжики, омуль и сиги. Все было просчитано и учтено: приготовленные к последующему действию журналисты и прочая приглашенная публика то и дело оглядывали сибирские угощения на столах, директор не любил экспромтов.

Едва я ступил на брусчатку Камергерского переулка, как тут же моя нога по щиколотку провалилась в бегущий водяной поток. Сибирский дождь догнал меня и в столице, он с торопливой легкостью и настойчивостью смывал все следы, всю наносную пыль, которая имело свойство накапливаться в больших городах. Несмотря на дождь, колокола продолжали свой радостный перезвон; как бы повторяя пасхальное слово Иоанна Златоуста, который утверждал, что в эти часы щедрый Владыка принимает и последнего, как и первого, он и о последнем печется как о первом, и дела добрые оценивает и все намерения приветствует и деятельности любого человека отдает честь.

ВЛАДИМИР СЕМЕНЧИК

Легла дорога на Восток

Северная элегия

Дикий ветер рыскает во фьордах,
тычется в просветы между скал,
а на их замшелых, битых мордах
то улыбка брезжит, то оскал.

Облачко, упавшее с востока,
словно флаг на шпиле маяка.
Маяку теперь не одиноко
на твоём краю материка.

Ты стоишь, где мёдом пахнет вереск,
где виднее первая звезда.

Ты поёшь о том, во что не веришь,
и чему не сбыться никогда.

Дикий ветер в космос улетает,
вырывая вереск из земли,
флаг над маяком дрожит и тает,
и бегут на запад корабли.

Почему горит твоё сердечко,
и над кем в ночи парит ладонь,
знает только тающая свечка
да снежок, летящий на огонь.

СЕМЕНЧИК Владимир Владимирович родился в 1962 году в городе Казатин Винницкой области. Детские и юношеские годы прошли в Белоруссии. В 1984 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. С 1984 по 1988 годы работал корреспондентом газеты «Советский Сахалин». В дальнейшем — редактор художественной литературы Сахалинского отделения Дальневосточного книжного издательства. Публиковался в журналах «Неман», «Рабочая смена», «Парус», «Аврора», «Уральский следопыт», «Мурзилка», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Рубеж», «Юность», «Литературная учёба», в сербских журналах «Свеске» («Тетради») и «Повелья» (Povelja), в «Литературной газете», в альманахах «Истоки», «Стихи этого года», «День поэзии», в антологии современной литературы «Наше время», в литературно-художественных сборниках, других коллективных сборниках и альманахах, выходивших на Сахалине и Дальнем Востоке, в Москве, Санкт-Петербурге, Туле и Смоленске. Рассказы переведены на сербский и украинский языки. Лауреат премий журналов «Парус» и «Дальний Восток», премии Сахалинского фонда культуры, премии Губернатора Сахалинской области, общенациональной Горьковской литературной премии. Член Союза писателей России.

* * *

Мы живём на одном полушарии.	согреваем в карманах лето,
Мы летим на одну звезду.	подбираем мотив скворцу...
Гладим ёжиков слепошарых,	Мы на разных боках планеты
заплутавших в ночном саду.	засыпаем — лицом к лицу.
Созываем на ужин чаек,	Просыпаемся — вновь не с теми...
чертим карты для мотыльков,	Ах, на счастье иль на беду
неизвестно кого встречаем	бестолковое наше время
на асфальте в тени веков,	заплутало в ночном саду?

* * *

Пресвятая Богородица Колымская, Дева Пречистая
на горбатой фанерке плакатной гуашью писана.
Просто Гришке-богомазу, лагерному художнику
для наглядной агитации больше ничего не положено.

Невеликая беда, что от сырости краска лущится.
Гришка заново напишет — и печальней, и строже получится.
И на лик золотой заглядятся, надеждой охвачены,
и вчерашний комиссар, и мужик, дотла раскулаченный.

«Богородица Колымская приговор отменит несправедный,
вразумит Пречистая глупых мальчишек-охранников,
покарает иуд с палачами — нету креста на них!
Всё расскажет про нас дорогому товарищу Сталину...»

* * *

Слушая звуки российской окраины,
дикого моря, горбатой земли,
вышел он — тощий, работой исправленный,
шиш в чемодане, душа на мели.

Вроде безгрешен, а всё не отвяжутся
в суетной дрёме вокзальных ночей
гул лесопилки, брань трехэтажная,
окрик охранника, гром кирзачей...

Господи! Что же теперь — подневольному
век доживать, коли раз согрешил?
В тамбуре — тесно. Горька «беломорина».
Плюнул — и спрыгнул в безвестной глуши.

И закружились под тучами рваными,
затрепетали в дорожной пыли
вольные звуки российской окраины,
дикого моря, горбатой земли.

Родина! Что за проклятье наложено
на безответных твоих сыновей —
слушать в неволе дыхание тревожное
вольных просторов и вольных морей?

Снег ли плывёт над озябшею пожнею,
солнце ли плавит асфальт в городах —
рвётся из горла дыхание тревожное,
сдавленным криком кипит на губах.

Где ж она — воля?! Мы все не безгрешные,
все отбываем пожизненный срок.
Лишь долетают ночами крошечными
вольные звуки — будто в острог.

* * *

А.

На берегу Байкала,
в тени отвесных скал,
волна меня толкала
и ветерок ласкал.

Глаза — как два Байкала,
черны и глубоки.
Она меня ласкала
касанием щеки.

Как золотая чаша,
плыла в воде луна.
И улыбалась Саша,
как ветерок нежна.

Попутчица — и только,
пушинка на ветру...
Но отчего ж так горько
прощаться поутру?

Дымок смолисто-сладкий
струился от костра.
Прижались мы украдкой
друг к другу до утра.

Пока рокочут струны
и рушатся миры,
мы так беспечно юны,
так старчески мудры!

* * *

Легла дорога на восток.
Довольный собственной судьбою,
ты обернулся — за тобою
летел берёзовый листок.
Ты понял: осень налетела,
берёза дома пожелтела...
Но некогда. Вперёд, скорей!
Вдруг камушек попал в ботинок.
Ты сел и вздрогнул — паутина
приклеилась к щеке твоей.

Ты вспомнил: осень налетела,
и мама дома поседела...
Но некогда. Вперёд, вперёд!
Там загораются рассветы,
там прорываются ракеты
сквозь небо, серое, как лёд.
И вдруг споткнулся! Пыль взвилась
над злостью, болью. Встал, шатаясь.
Пошёл... Колдобина осталась,
где с домом связь оборвалась.

* * *

Когда над странами Магриба
звезда плакучая встаёт,
всплывают каменные рыбы
из глубины сибирских вод,

он вышел в круг — в крови копыта,
пошёл впрыска под гармонь,
о том, что сердце не разбито,
а брошено раздуть огонь,

в кальдерах западной Камчатки,
на стыке пламени и льда,
грызёт свои же отпечатки
термитов белая орда,

что перед вечностью убогой
никто не в силах уберечь
то, что даровано дорогой,
и не об этом вовсе речь,

а за киоском «Пиво-воды»,
где чахлый скверик и уют,
ехидны водят хороводы
и птеродактили поют,

а лишь о том, что серой глыбой
нависла ночь, и навсегда
взошла над странами Магриба
твоя плакучая звезда,

там плачут девы, ржут мустанги,
там под беспечный звон гитар
испить святой водицы в Ганге
собрался юноша-кентавр,

её пророчества — обманны,
её душа — белым-черна,
неуловима и желанна,
и тихой нежностью полна.

* * *

Такое небо снится по ночам,
что ты кричишь, себя не узнавая.
А рядом — море бьётся о причал,
созвездья на плечах вздымая.

И ты один. Впечатавшись в песок,
стоишь с такою ясностью во взоре,
что горизонта нет — и небо с морем
смыкаются у самых ног.

* * *

Усталое облако прямо на сопку легло.
Над розовой бухтой — прозрачная дрожь паутины.
Качается лодка, и к ночи у чайки крыло
немее от долгой путины...

Мы вместе сегодня. Мы слушаем эхо глубин —
скольжение медузы, пугливую крабью охоту
и щебет дельфинов, и жалобный писк субмарин,
и храп кашалота.

Качается лодка. Качаясь, уходит луна
за гребень скалы и оттуда глядит осторожно.
Любимая, что же ладошка твоя солона
и сердце стучит так тревожно?

Мы вместе сегодня — и горстку закатных минут
у нас не отнимут до смерти ни бесы, ни боги.
Послушай, как весело рыбы под нами поют,
и в бубны стучат осьминоги!

Взгляни на созвездья, которых давно уже нет,
не их ли огонь разгорается в нас понемногу?
Качается лодка. Сияет божественный свет.
И тянет в дорогу...

* * *

Чудна моя жизнь в этом теле, чудна и бедова,
не то, чтобы в тягость, а крылья расправишь — тесна...
Так в детстве бывает: под вечер примеришь обнову,
а утром наденешь — уже не по росту она.

Проснуться бы заново — где-то в ином измеренье,
где небо просторно и зыбко, земля солона,
где каждая речка вливается в стихотворенье,
и жизнь непонятна — как тело твоё — и чудна.

* * *

Зима садится, торжествуя,
На землю задом ледяным.
Мне странно, что ещё живу я
И из ушей пускаю дым.
Мне удивительно упрямство,
С которым прямо подо мной
Кружится в сумрачном пространстве
Зеленокудрый шар земной.
А где-то в сутолоке снежной,
В рассветной зыбкой тишине,

Любимая ладонью нежной
Ерошит память обо мне.
Ей хорошо — как на пружинке
Держать меня перед окном,
Крошить серебряные льдинки
В бокал с сиреневым вином.
С зимою ей одной не сладить.
И потому — тоской гоним —
Я топаю, как на параде,
И из ушей пускаю дым.

* * *

Качает ветер лодочку
на ласковой волне.
Как весело под водочку
плывётся нынче мне!

Земля, быть может, круглая —
да плоская вода...
Вы спросите: умру ли я?
Да что вы! Никогда!

Как здорово под водочку
и под бакланий ор
ловить треску-селедочку
и рыбу пинагор.

Пока плыву на лодочке
в неведомый простор.
Пока клюет селедочка
и рыба пинагор,

Залив дрожит и светится,
вдали блестит причал.
Земля, возможно, вертится,
но я — не замечал.

Пока хохочет солнышко
и прыгает волна,
и лижет лодку в донышко
така-ая глубина!

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ

И вновь осенние леса на Сахалине расцветают

Таёжный ручей

Бывало, пробираясь чащей,
Где даже птицы не слышны,
Наткнёшься на ручей журчащий,
И этой встрече нет цены.

Над ним склонишься, и по новой
На жизнь согласишься веселей,
Как будто долгожданным словом
Тебе откликнулся ручей.

Из глубины какого века
Спешит он в дальние края,

И где, какие полнит реки
Его холодная струя?

Ни наши хлопоты, ни козни
Ему неведомы вовек,
И после нас, и после, после
Он будет продолжать свой бег.

Казалось бы, какая малость —
Ручей таёжный повстречать...

Но чувствуешь — прошла усталость,
И стало легче путь держать.

ПЛОТНИКОВ Владимир Иванович — автор шести книг. Публиковался в журналах «День и Ночь», «Дальний Восток», в коллективных сборниках «Сахалин», «Бухта Лузурная», в «Литературной газете» и других изданиях. Названия его книг — говорящие. Они сразу же настраивают читателя на определённый тон, создают требуемый настрой для восприятия стихотворений: «*Перекрёстки разлук*», «*На круги своя*», «*Люблю навсегда*», «*Пока есть время*», «*Тропинка к роднику*», «*Вспоминания радости*», сборник избранных произведений «*Такая жизнь...*». В них стихи о любви, философская лирика, иронические стихотворения. И пронзительные подчас строки о своей малой родине — Сахалине. Негромкая, не эффектная внешне, не экзотическая — его поэзия простыми словами, традиционными средствами создаёт такой душевный настрой, такую доверительную атмосферу, которой может позавидовать любая «громкая» поэзия. Член Союза писателей России.

* * *

На норд-осте застыл старый флюгер,
Все суровее туч череда,
К нашей Богом забытой округе
Подступают опять холода.

Ведь ознобных ветров беспрестанность
Нам привычнее тихих погод,
И, наверное, было бы странно
Жить, не ведая вовсе забот.

И не скоро теперь возвратится
Долгожданной весны благодать,
Но земля продолжает крутиться,
И в уныние глупо впадать.

А печали, пришедшие всеу,
Как и прежде, скрадет тихий снег,
И мороз на окне нарисует
То, что видится только во сне.

Лебеди прилетели

Как из сказки, были-небыли,
Прочертив крылами синь,
Прилетели гуси-лебеди
В нашу северную стынь.

Пусть всегда с весной попутные
В наши дальние края
Прилетают птицы чудные,
А не стаи воронья...

Этих птиц, как песню нежную,
Ненароком не спутни.
Пусть на землю нашу грешную
Снова спустятся они.

Не сбылись мечты хрустальные,
Но и сказка не врала —
Шлют привет из детства дальнего
Эти белые крыла...

У горы Балаган

Сюда не каждому добраться
И за красивые глаза,
Где горы в облачном убранстве
Уходят прямо в небеса.

Не каждому взойти до пика,
Как он наивно полагал,
Но есть и вовсе закавыка:
Гора зовется — Балаган.

Какой чужак свой след оставил?
Плутал, а может быть, гостил?

Себя безвестного прославил,
Так эту гору окрестив.

Но что название? Просто слово.
Другое видится окрест:
Неповторимая основа
Природой сотворенных мест.

Где от веков хранит приметы
Суровая лесная тишь,
И будто в храме, сам при этом
Ты зачарованный молчишь.

* * *

Землякам-широкопадам

Поселок, где явился я на свет,
Сегодня — словно призрачная дата.
В архивах пыльных затерялся след
Того, что было родиной когда-то.

На деревянном пирсе — ни души,
Сюда не правят сейнеры с уловом,
Никто не крикнет вслед: «Ну ты пиши,
Не поленись черкнуть хотя бы слово!»

Отныне праздник встретить земляков —
Всех развели житейские заботы,
В домах, где сроду не было замков,
Выводит ветер траурные ноты.

Здесь все бурьяном сплошь позаросло,
Тропинкой стала бывшая дорога...
На берегу прогнившее весло
Лежит случайной памятью былого.

В лесу

Средь вековых стволов смолистых
Блаженно думать и дышать,
И впору тихо помолиться
На эту Божью благодать.

Где предок загодя винулся,
Невольный чувствуя укор,
И в лес войдя, сперва крестился,
Лишь после брался за топор.

И от нужды, а не в охотку,
Стволы звенящие валил,

Чтоб справить избу или лодку.
И домовины мастерил.

А уходя в приют последний,
Душой ничуть не оскудев,
Наверно, верил — есть наследник
У величавых тех деревьев.

И вот бреду домой под вечер,
Вдыхаю горький хмель хвои,
И даже оправдаться нечем
За искушения свои.

* * *

Шелестят о камни волны.
Сонно так, неторопливо,
Протрубив во мгле валторной,
Корабли идут проливом.

Отражен в воде осколком
Свет, мигающий в окошке,
На окраине посёлка
Коротаем ночь в сторожке.

Пахнет рыбой и смолою,
И гудит печурка жарко,

За соседнею скалою
Вышла на берег русалка.

Так не хочется, чтоб скоро
Наступал рассвет туманный,
За душевным разговором
Этой ночи слишком мало.

Ведь назавтра те же волны
Будут на берег катиться,
Но без нас уже валторна
Протрубит и растворится.

* * *

Девятый вал обрушится на скалы,
И тяжкий гул прокатится вдаль,
Душа успокоения искала
Не зря на самом краешке земли,
Где океан и небо неразлучны,
Восходит солнце прямо из пучин...
И это есть тот самый редкий случай,
Когда ты просто счастлив без причин.

Мой остров

Удач все реже полоса.
Надежды молодости тают.
Но вновь осенние леса
На Сахалине расцветают.

Прощальный птичий переклик,
Прощальный дождь по лужам бродит.
И всякий раз прекрасен миг
Привычных перемен в природе.

В любые райские края
Меня манить, пожалуй, поздно.

Любовь последняя моя —
Вот этот богом данный остров.

Где предков добрые следы
Укажут верную дорогу,
Где в случае какой беды
Друзья надежные помогут.

И ни к чему гадать-рядить.
Давно был сделан выбор просто:
Я научился здесь ходить,
И крепко держит меня Остров.

* * *

Между сопок по распадку
Речка светлая текла.
В ней вода не только сладкой,
Но живительной была.

За водой и порыбачить,
Поплескаться там, где брод,
Да и просто посудачить
Приходил сюда народ.

Затерявшись в мирозданье
На родимой стороне,

Эта речка без названья
Всех других дороже мне.

Мои детские мечтанья,
Мои лучшие года
Там, у речки без названья
Остаются навсегда.

Канут в Лету лица, даты,
И другой пойдет отсчет...
Жили-были мы когда-то.
Только речка все течет.

* * *

С недавних пор причуда манит,
Когда невмочь, спасаюсь ей:
Куплю домишко в глухомани,
Чтоб скоротать остаток дней.

Копаться буду в огороде,
Ходить по травам босиком...
И, видит Бог, в честном народе
Не слыть залетным чудаком.

Жить, не страшась молвы досужей,
Соседей знать по именам.
Ведь родина не стала хуже,
Какой бы ни была страна.

Река и лес, гнездо под крышей,
Земли полуденной тепло...
Все это не бывает бывшим,
Куда бы нас ни занесло.

И всякий раз себе в утеху,
Когда охота волком вить,
Я представляю, что уехал,
Чтобы по-новому зажить.

Но наступает день хороший,
И забывается хандра.
А домик, что стоит заброшен,
Порушат время да ветра.

* * *

Я все равно останусь там,
Где запах моря и тайги.
Где я за дедом по пятам
Свои отмеривал шаги.

Где цел еще родимый дом.
Где бьют живые родники.
Где каждый жил своим умом,
Но вместе были земляки.

Там, в тридевятой стороне,
Сегодня сказочной почти,
И слово честное в цене,
И дело доброе в чести.

А потому листаю вновь
Страницы пролетевших дней.
И да храни меня любовь
К далекой родине моей.

АННА САФОНОВА

Прилив каждый день приходит

* * *

Над Лебяжым¹ ветер свищет,
Погоня бурелом.
Одиноко ворон рыщет.
На далёкий птичий стон
Развернётся вмиг стрелою,
Заклоочет и помчит.
Душно, как перед грозой,
Сердце бешено стучит.
Здесь, как будто после драки,
Гул чуть слышимый стоит,

Лишь на станции собаки
Лаем встретят наш визит.
Вот оно, моё владенье —
Распряmlённый суходол,
Плеск волны, колёс гуденье
И затихший старый мол.
Здесь не лебедь кличет солнце,
Не к любви рассвет зовёт...
Песни призраков-японцев
Колея сквозь дым поёт.

САФОНОВА Анна Алексеевна родилась в 1979 году в посёлке Новоалександровске Анивского района Сахалинской области. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «День и ночь», «Дальний Восток», в «Литературной газете», журнале «Азия» (Сеул), в литературно-художественных сборниках «Остров», «Сахалин», «Сахалинский альманах», в коллективных сборниках «Современная проза Сахалина», «Писатели Сахалина», в других изданиях. Автор пяти книг стихотворений и трёх книг прозы. Лауреат премии губернатора Сахалинской области в номинации «Литература и искусство» (2010), лауреат премии Сахалинского фонда культуры (2014). За вклад в литературу и сохранение русского языка награждена золотой медалью «Василий Шукшин». Член Союза писателей России. Живёт в Южносахалинске.

¹Озеро на юге Сахалина

* * *

Владимиру Санги

Сыну нивхинки кроткой Полдох,
Внуку мудрой и славной Хыткук,
Чей разносится песенный вздох,
Первородный расходится звук,
Посвящается песня-любовь,
Посвящаются наши труды.
Пусть же лиственниц терпкая кровь
Разбежится по кромке воды.
И опять, как и в древние дни,
Прилетит вдруг из небытия,

Обгоняя и звёзды-огни,
Одна утка — праматерь твоя.
И гнездо её — дом твой, тораф —
Защитит краснодревый к'ыс,
Оградит, из пучины восстав,
Мыс Надежды — великий мыс.
И средь бурь вековых уцелев,
Впредь здоров будь и красноречив —
Сын великих и древних дерев,
Внук земли, что зовётся Ыг-миф!

* * *

Негодует, как ордует,
Ветер северо-восток —
То с прохожих шляпы сдует,
То с девицы рвёт платок.

Перестань, — кричу, — нет мочи!..
Усмехнётся мне в ответ
И опять весну отсрочит,
Всё тепло сведёт на нет!

Знать, другую дань он ищет,
Вдоль по улице спеша.
Обирает даже нищих,
Лихоманская душа!

Ничего, и он уймётся,
Нагулявшись, наконец.
Завтра вылупится солнце —
Поздний северный птенец.

* * *

Сложу китайский зонт
И выйду прогуляться —
На лавовом плато
Под камнем заяц спит.
Прозрачен горизонт,
Дышу — не надышаться!
Хоть кутаюсь в пальто,
От радости знобит.

Тростник вдали звенит,
Играет с ветром в прятки,
Озёрная волна
Сбегает на восток...
Как подлинник, хранит
Звериные повадки
Поднявшийся со дна
Таинственный росток.

И Будда молчалив...
Над током и полями
Ладонями покрыл
И сдвинул небосвод.
О солнечный разлив —
Полмира под ногами!
И шорох птичьих крыл
Под облаком плывёт.

Прогулка удалась,
И я — китайский Будда —
Свободная расту —
Мешает потолок.
Откуда я взялась?
Не ведаю — откуда...
Но если расцвету,
Возрадуйся, Восток!

* * *

«Приходит каждый день прилив,
как в дом газета...»

Раймон Кено

Как приходит газета в каждый дом, Так прилив каждый день приходит. Сколько сил незримых сокрыто в нём — Вместе с солнцем и он восходит.	И стада его к берегам бегут, Оставляя редчайшей формы Камни, что ладонь океана жгут, — Будто выпавшие из горна.
Тишь да гладь давно отрицает он И прибрежные точит скалы, Чтобы, как цветы, расцвели потом Всеми красками минералы.	Так и мир земной — океан чудес: То волною прилив накатит, То отлив придёт, оставляя блеск Халцедоновый на закате.

* * *

*Андрею Черткову,
капитану сухопутного плавания*

Ну что вы, кэп!
Ещё не отстучали
Седьмые склянки нам на корабле!
Ещё не время думать о причале
И предаваться сумрачной печали,
Покуда норд — недвижно на нуле!

Ну что вы, кэп!
Неужто это правда,
Давно открыты все материки?
Посмотрим, что вы скажете мне завтра,
Когда свои потёртые пиастры
Вы обменяете на шёпот куйпоги.

Ну что вы, кэп!
Забыли ликование,
Когда вам в спину смотрит океан?!
Кладите курс — ребята в ожиданье,
И боцман трезв, как чёрт, по расписанью,
И дух тревожит отблеск дальних стран.

Присядем, кэп...
Не выпить ли нам рома
За старые моряцкие дела?
Успеем, кэп, мы отсидеться дома,
Где будет нам подстелена солома
У каждого неверного угла...

Прощайте, кэп!
Мне утром на дежурство.

И так развязан слишком мой язык!
Пусть отдохнут индейцы и маньчжурцы,
И горький запах северных настурций
Пусть снится вам под чаек мирный крик!

* * *

Налипание мокрого снега
На провода...
Отключение электричества —
Вот чем грозит непогода.
А я рада, я счастлива,
Счастлива, как никогда —
Налипание мокрого снега
Впервые за эти полгода...

Это значит, что ночь тишины
Обеспечена каждому в городе.
Это значит, что мы —
Отключены
От драк и батальных сцен...
И мы просто плывём — вроде бы —
Через снег, через дождь
В брежневке
Под прикрытием облупленных стен.

* * *

Я тебя вспоминаю...
Над жилистой выцветшей рощей
Опрокинулась синь
Сахалинского редкого дня:
Я как будто в соборе,
Деревьев нетленные мощи
Сладким миром своим
Исцеляют больную меня.

Я тебя вспоминаю...
И, кутаясь в лёгкую куртку,
Дотянуться хочу
До излучин нас сведших дорог.
Через несколько дней
Превращусь в рядовую снегурку,
И твой западный край
Не нагонит мой дикий восток.

Поэты Приамурья об освоении Дальнего Востока и о Муравьеве-Амурском

ПЁТР КОМАРОВ

Зея

Никогда в такой грозе я	Как трясла их злая качка,
Не видал еще реки:	Где стремнина глубока,
В берега стучится Зея,	Как даурская рыбачка
Ординару вопреки.	Поджидала рыбака...
Не из царства ли Бохая,	У забытого причала
В новый век устремлена,	Я бы слушал допоздна,
Белой гривой полыхая,	Что волна мне отвечала,
По камням бежит она?	Да растаяла волна.
К ней сегодня подойду я,	Отошла, утихла буря.
Молча на берег взгляну	Только ветер верховой,
И подслушаю седую	С тальниками балагурия,
Непокорную волну:	Шелестит над головой.
Как над нею среди ночи,	Да белеют из тумана
Нависая, плыл туман,	Ветви яблонь у воды:
Как по ней гребные кочи	Это внуки атамана
Вел Поярков-атаман,	Здесь раскинули сады.

К началу XVII века Приамурье являло собой слабозаселённую территорию. На огромном пространстве от устья Шилки до берегов Тихого океана и от Амура до сумрачных громад Станового хребта обитало не более 35–40 тысяч человек.

Самым крупным племенем были дауры, поделённые на княжества (Лавкая, Десаула, Туйгудара, Толчи и др.) и дючеры (общая численность примерно 10 тысяч человек). Граница их расселения проходила в междуречье Зеи и Буреи. В верховьях Зеи, Буреи и Амгуни кочевали эвенки (не более 4 тысяч человек). Кроме того, жили натки, гиляки, потомки нивхов и тунгусы.

С XVII века начинается постепенное проникновение из Сибири русских первопроходцев. Центром русских владений был г. Якутск. Но суровые климатические условия и, как следствие, невозможность выращивания сельскохозяйственной продукции, заставляли изучать перспективы присоединения более благоприятных южных территорий.

Первой экспедицией на юг была отправлена группа под руководством В.Д. Пояркова в составе 133 человек, но она была неудачна из-за слабой организации и враждебного отношения местного населения. Хотя Поярков достиг берегов Амура, большая часть его соратников погибла.

Более успешной оказалась экспедиция Е.П. Хабарова, под предводительством которого «охочие люди» разных сословий достигли места слияния двух могучих дальневосточных рек: Амура и Зеи. В 1653 году здесь был заложен острог.

На краю России

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной.
Ни церквей на холмах зеленых,
Ни плакучих берез в полях —
Только кедры на горных склонах,
Где за соболем шел гиляк.
Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
Ты и здесь обжилаась, Россия,
С неподкупной своей судьбой!
Дни летят косяком гусиным...
Сопки. Мари. Тайга. Вода.
С Ерофеем — крестьянским сыном
Ты из Вологды шла сюда.
На чукотский всходила берег,
Где туманы плывут с утра,

Где над скалами поднял Беринг
Государственный флаг Петра.
Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть!
Не найдешь той минуты краше,
Когда люди сказать смогли:
Все здесь русское, все здесь наше
От Москвы до конца земли...
Где-то есть, под Рязанью, что ли,
Не такие, как здесь, места:
За селом — с васильками поле,
Неба звонкая высота.
Что же, пусть небеса другие
Опускаются надо мной —
Ты и здесь мне мила, Россия,—
Край суровый мой, край родной!

Нерчинский договор 1689 года между Россией и Цинской империей почти на 200 лет приостановил освоение русскими людьми Приамурья.

Долгое время Амур считался несудоходной рекой, думали, что на востоке его устье теряется в песках. Благодаря поддержке Н.Н. Муравьева, прозванного позднее Амурским, генерал-губернатора Восточной Сибири, были организованы экспедиции под руководством Г. Невельского (1849–1855 гг.) и открыт выход Амура в Тихий океан.

В заливе Счастья

Шапку сняв на твоём берегу,
Я напомним тебе пилигрима,
Но прибрежного кустика мимо,
Как чужой, обойти не смогу.
Я губами к воде припаду,
Если воздух полуденный жарок,
Постою у тебя на виду,
Распугав куликов-камышарок.
Может, так же стоял день-деньской,
Не сказав ни единого слова,
У Петровской косы Невельской,
Чья звезда поднимается снова.
Он сюда пробирался не зря,
И легенда рождалась в народе,

Как нарушил он волю царя
И суровый запрет Нессельроде.
Сколько писем, доносов, угроз
Он оставил тогда без вниманья,
Чтобы знамя России взвилось
Над волною в Амурском лимане!..
Ни жилья за спиной, ни дымка.
Только ветер шалит над заливом.
Двадцать лет стерегли моряка,
Но тогда он был самым счастливым.
Пусть и я на твоём берегу
Не увижу рыбацкого дыма,—
Я прибрежного кустика мимо,
Как чужой, обойти не смогу.

В лесной стороне

Наш дом стоял один среди лесов.
Мы по утрам угадывали рано
Тоскливый голос дикого гурана
В недружном хоре прочих голосов.
Кричал фазан под окнами, и бойко
Кого-то передразнивала сойка.
Отец вставал и выходил во двор
И торопливо возвращался снова:
— К нам гость пришел из логова лесного! —
И проверял берданочный затвор.
В тот год частенько из тайги осенней
Лисица к нам навевывалась в сени.
О ней ли говорил тогда отец
Иль о другом шатающемся звере,
Что нас, как вор, подслушивал у двери
И за углом скрывался наконец?..
Здесь я провел мальчишеские дни,
Ходил по марям пьяной голубицы,
Где лисий хвост, как желтый дым, клубится,

А в синем небе — коршуны одни.
И много лет не зарастала тропка,
Где мы с отцом бродили неторопко,
Где вечерами крики вещей сов,
Сверлящих тьму своим кошачьим оком,
Меня пугали в детстве одиноком —
Неопытного жителя лесов...
Ты и сейчас, лесная сторона,
Вдруг прозвенишь синицей у окна.
К тебе прикован молчаливым взглядом,
Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою с твоей поставил рядом.
С холмов, напоминая о лете,
Мне и сейчас протягивает плети
Амурский переспелый виноград.
Пусть наши годы быстро пролетели,
Лесных черемух белые метели
Еще не раз над нами прошумят!

В мае 1858 г. в маньчжурском городе Айгуне был заключен договор, окончательно закрепивший левобережье Приамурья в составе России. В том же году царскими указами от 8 декабря 1858 года Приамурский край был поделён на две области: Приморскую и Амурскую — и был учреждён город Благовещенск. Большую роль в этом сыграл генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

ВИКТОР ЯГАНОВ

Баллада о Муравьеве-Амурском

К дальним землям,
Пушнинным и рудным,
За Байкал уводя казаков,
Сплавом шел
К берегам бесприютным
На привольный Амур Муравьев.
И, казацкую скинув папаху,
Говорил:
«Будем с миром идти,
И чтоб порохом дымным
Не пахло,

И не сеять вражду
На пути».
О добре
И Отечестве помня,
Наклонясь
Над студёной волной,
Он стакан,
Словно кубок,
Наполнил
За удачу
Амурской водой.

В Хабаровске, на берегу Амура стоит памятник графу Николаю Муравьеву-Амурскому, выдающемуся человеку, стараниями которого Россия закрепила за собой территорию Дальнего Востока. Автор скульптуры Александр Опекушин, он же автор известного памятника Пушкину в Москве.

ЕВГЕНИЯ ЩЕЛУКА

Взошёл в Москве на пьедестал
поэт великий русский,
а на востоке гордо встал
граф Муравьёв-Амурский.

В столице признанный поэт
в почёте и во славе
как символ Музы, в войнах лет
не снят, не обезглавлен.

Его же бронзовый собрат,
великих рук творенье,
был свергнут, временем распят
без страха и стеснения.

Быть тёзкой деспота-царя
и царским чином высшим?
Такого не прощали зря
Советы, даже бывшим.

Амурский памятник снесли...
И стан, что был разрушен,
заслуги графа не спасли
и имя «Опекушин».

И только город Петербург
хранил в музее Русском

модель и память первых рук
о бронзовом Амурском.

Хоть время не воротишь вспять,
но видно судят свыше —
и в бронзе памятник опять
на пьедестал свой вышел!

Трудился Аристов теперь,
достав макет из шкафа,
чтоб воссоздать нам без потерь
привычный образ графа.

Чтоб вновь на гладь Амурских вод
смотреть с народом вместе,
вернулся в город граф! И вот
стоит на том же месте!

И вновь уверен его взгляд
и мудрых мыслей полный,
назвал он много лет назад
границей эти волны!

Его здесь труд, и потому
граф встал на землю эту —
тропа не зарастёт к нему,
как и в Москве к поэту!

ВЛАДИМИР ИОВЛЕВ

Граф Муравьев-Амурский — доблестный воин, мудрый губернатор и патриот...

Красавец фрегат был ещё не стар, но и не молод. На воду его спустили всего каких-нибудь двадцать лет назад, в 1832 году с Охтинской верфи Санкт-Петербурга. Пятьдесят два орудия по бортам давали серьёзные аргументы в его пользу, а три мачты с классической оснасткой убеждали в резвости хода при неслабом ветре под всеми парусами. Фрегат назывался «Паллада». Красивое, звучное имя. Афина Паллада в греческой мифологии — богиня победы, мудрости, знаний, искусств и ремёсел. Первым командиром судна был легендарный Павел Степанович Нахимов. Тогда капитан-лейтенант, впоследствии адмирал, разбивший турецкий флот при Синопе, и герой Севастопольской обороны.

В октябре 1852 года «Паллада» стояла у причала в Кронштадте с четырьмястами человек экипажа в ожидании отплытия. Команда «отдать концы» откладывалась со дня на день. Наконец, всё уладилось, и 7 октября отчалили. Путь лежал в Японию с дипломатической миссией, возглавляемой адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным при командире корабля капитан-лейтенанте И.С. Унковском. К экспедиции были прикомандированы капитан-лейтенант Константин Николаевич Посьет и Иван Александрович Гончаров, уже тогда известный своей «Обыкновенной историей» писатель. По возвращении в Россию он напишет по совету друзей чудное повествование — «Фрегат “Паллада”». И в наши времена тем, кто не портил своего вкуса акунино-пелевинским чтивом, кого Господь отвёл от такой «язвы», чтение этих очерков может доставить весьма большое удовольствие.

По официальной версии экспедиция должна посетить русские земли в Америке и прилегающие острова, но скрытой задачей было всё же установление дипломатических связей с Японией. Кроме «Паллады» в экспедиции участвовали шхуна «Восток» под командованием В.А. Римского-Корсакова и корвет «Оливуца» под командованием Н.Н. Назимова. Позднее, по ходу плавания, присоединился транспорт «Князь Меншиков». Шли более длинным путём вокруг Африки, хотя по планам должны были пройти огибая Южную Америку у мыса Горн. Но задержка в пути из-за вынужденного ремонта фрегата не позволила воспользоваться этим маршрутом. В то время года в южных морях ярились сильные шторма.

ИОВЛЕВ Владимир Ильич родился 21 апреля 1947 года на Дальнем Востоке в семье офицера. Окончил Московский электротехнический институт связи. По институтскому распределению приехал в Иркутск. Член Союза журналистов и член Иркутского фотографического общества. Глубокий исследователь русской истории и философии, блестящий полемист, очерки, статьи, эссе печатал во многих русских патриотических журналах и газетах. Живет в Иркутске.

Цель моего повествования — не пересказ путевых очерков И.А. Гончарова, но упоминание некоторых эпизодов, связывающих Иркутск, иркутское генерал-губернаторство с освоением земель, которые называются Русским Дальним Востоком.

«Паллада» пришла в Японию в августе 1853 года, т.е. спустя 9 месяцев после отплытия из Кронштадта. До января 1854 года велись переговоры, но в связи с началом Крымской войны, не достигнув заключения договора, экспедиция покинула Японию. К июню того же 1854 года фрегат подошёл к берегам территории, названной позднее южным Приморьем. Несколько попыток войти в какую-то незнакомую и не нанесённую на карты бухту вначале были неуспешными. Мешал туман, сменяемый порывистым ветром. Наконец... (цитирую по И.А. Гончарову):

«На другой день к вечеру я вышел наверх; смотрю: все толпятся на юте. «Что такое?» — спрашиваю. «Входим», — говорят. В самом деле, мы входили в широкие ворота гладкого бассейна, обставленного крутыми, точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемым для взгляда мелким лесом — сосен, берёз, пихты, лиственницы. Нас охватил крепкий смоляной запах. Мы прошли большой залив и увидели две другие бухты, направо и налево длинными языками вдающиеся в берега. Вода не шелохнётся, воздух покоен, а в море, за мысами, свирепствует ветер... Мы стали на якорь».

По прошествии некоторого времени бухта стоянки внешнего рейда фрегата будет названа Рейд Паллада, налево — бухта Экспедиции, направо — бухта Новгородская. На разделяющем их мысе будет отстроен порт Посьет, названный по имени Константина Николаевича Посьета, представителя обрусевшего древнейшего французского рода, выпускника Морского кадетского корпуса. Состоял в экспедиции «по научной части», под его руководством впервые описаны восточные берега северной Кореи и южного Приморья. Отмерены глубины. Понадобится ещё без малого шесть лет, чтобы в апреле 1860 года из Николаевска, что на Амуре, вышел транспорт «Японец» с командой матросов и снаряжением, предназначенным для основания поста. В залив судно прибудет 11 апреля. На берег бухты Новгородской сойдут лейтенант Назимов, мичман Бенкович, фельдшер и 21 моряк из нижних чинов. Отсюда до легендарного озера Хасан рукой подать.

Торжественное поднятие Андреевского флага ознаменует основание военного поста Новгородского, впоследствии порта Посьет. Но до этого события многому необходимо было произойти для того, чтобы восточные земли и земли южного Приморья стали называться российскими.

* * *

Николай Николаевич Муравьёв, сын статс-секретаря Николая Назаровича Муравьёва, родился в 1809 году в Санкт-Петербургской губернии. Окончил Пажеский корпус с отличием. Ошибки не будет, если его отнести к элитной молодёжи того времени. Воспитание и ближайшее окружение поддерживали в нём высокое самолюбие и честолюбие, качества далеко не последние в формировании устремлений, а главное, в выборе средств для достижения целей. Карьера была на первом месте в целях и задачах его жизни. Уже в 17 лет он считал, что «в мирное время не стоит служить, потому формуляр слишком медленно пополняется». Вполне здоровое рассуждение юноши, у которого вся жизнь впереди. Поэтому, поступив на службу прапорщиком в лейб-гвардию (1827 г.), он через год был в действующей армии на Балканах. По окончании боевых действий за проявленное рвение

в службе получил два чина, орден и Высочайшую благодарность. Вернувшись в Россию, до 1830 года служил адъютантом у друга своего отца или даже дальнего родственника — командира пехотной дивизии генерала Головина. «Не оставлять своим покровительством Колю» старый генерал обещал приятелю, и слово своё сдержал. Однако служба мирного времени тяготила юного офицера, и Николай Николаевич подал прошение об отставке, при которой получил положенный следующий чин и пенсию по болезни.

Началась польская война 1830 года, называемая польским антирусским восстанием. Началась она с попытки польских офицеров убить великого князя Константина Павловича. Константин бежал из Варшавы. Польский сейм провозгласил независимость Польши, лишил польского трона Николая Первого. От России потребовали территории в границах 1772 года для восстановления Польши от моря до моря — земель Украины, Литвы, Белоруссии. Николай Николаевич снова поступил на службу к своему благодетелю генералу Головину адъютантом. В августе 1931 года после ожесточённых боёв русская армия под командованием Паскевича заняла Варшаву, и к февралю 1832 года восстание было жестоко подавлено. В дальнейшем в Европе в спорах вокруг событий в Польше стало преобладать мнение, расценивающее восстание как национально-освободительную войну против деспотического российского самодержавия. Во-первых, мнение это формировалось под воздействием польской пропаганды. Во-вторых, когда Европа поддерживала Россию в тяжёлые для России времена? Никогда! Поэтому Европа однозначно встала на сторону Польши, а политики, журналисты, поэты были едины в своём порыве сочувствия Польше и во враждебности к России. Однако А.С. Пушкин, и далеко не он один, был убеждён, что существование в то время Польши как независимого государства противоречит интересам России. Он также отрицательно относился к революциям и мятежам. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» — стихотворения, доказывающие это утверждение. Как известно, и Николай Николаевич Муравьёв придерживался того же мнения. Он, будучи участником тех событий, был хорошо осведомлён, на что способна польская шляхта в борьбе «за нашу и вашу свободу» от русского «варварства».

*«О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою.
Вопрос, которого не разрешите вы...»*

* * *

*«...Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственной набат,
Клеветники, враги России!..»*

Меня всегда раздражало мнение некоторых историков, сформированное на потребу дня, а ещё хуже, побуждаемое этническими мотивациями. Публикация в иркутской «Областной» газете в июле 2006 года избранных глав книги «Иркутск,

Иркутск. Рассказы из жизни старого города» заинтересовала меня тем, что в одной из них, касательно взглядов Николая Николаевича Муравьёва, автор выражает недоумение, называя это парадоксом и сетуя, что «Передовой деятель России граф Амурский первым из русских губернаторов поднял вопрос об освобождении крепостных крестьян. (...) Но этот же просвещённый человек словно не понимал, за что боролись польские повстанцы». Всё он понимал, — и в отношении польского восстания 1830 года, и 1863 года. Разница между этими событиями была невелика. Последнее усугублялось первым.

Если задаться целью найти в человеке греховную его составляющую, больших навыков не надо. Кто без греха?.. Но непозволительно приписывать то, что несвойственно натуре человека, или то, в чём он неповинен. Да, Н.Н. Муравьёв один из первых поднял вопрос об освобождении крепостных крестьян. Но он руководствовался не столь критериями справедливости и человеколюбия, сколь рациональности и пользы, продолжая быть сыном своего времени и касты. С подчинёнными он был строг, а порою и груб. Отношение к Польше имело и личный характер. Ранение пулей в левую ногу давало о себе знать всю последующую жизнь. Опыт действительно личный, постигнутый не из пересказа тех событий.

Польская кампания окончилась. Снова наступило мирное время.

«Служи, терпи, молчи и смотри с почтением на тех, которые награждены без заслуг и перескочили меня во всех отношениях, вот моё назначение. Словом сказать, во всей армии нет человека, менее меня награждённого», — пишет он своему брату. Но поторопился... Награды нашли своего героя. Целых три. Польский знак «За военные достоинства» 4-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью: «За храбрость». Чуть позже произведён в штабс-капитаны. Св. Анна 3-й степени у него уже была.

Поэтому, удовлетворённый, Н.Н. Муравьёв в 1833 году снова вышел в отставку с пенсией, т.е. отошёл на исходные в имение своего отца. Ненадолго. Эх, молодость, молодость...

* * *

Прошло некоторое время, Евгения Александровича Головина назначают на Кавказ командиром отдельного корпуса. Не раздумывая, Николай Николаевич поступает к нему штаб-офицером для особых поручений. За шесть лет службы он дослужился до генеральского чина и получил несколько орденов. Было за что. За «отличие, мужество и благоразумную распорядительность, оказанные против горцев». Но в 1846 году снова вышел в отставку с пенсией, и снова — ненадолго. Отличия в кавказской войне были замечены Николаем I, и Николай Николаевич становится тульским военным губернатором. Тогда же он женится на мадмуазель де Ришмон, француженке.

Свойства натуры молодого губернатора были таковы, что, умея чутко улавливать умонастроения своего круга и соотносить некоторые из них с критериями пользы, он подаёт на Высочайшее имя несколько проектов по улучшению управления губернией. В том числе, проект освобождения крестьян от крепостной зависимости, в составлении которого он был одним из девяти подписантов. До конца щедринской «пошехонской старины» оставалось ещё 14 лет. Возможно, это проявление либеральных наклонностей, на которые Император ответит, что «вопрос об освобождении крестьян ещё не созрел», подтолкнёт его к решению

отправить Н.Н. Муравьёва в Сибирь. В сентябре 1847 года таковое назначение на исполнение должности иркутского и енисейского генерал-губернатора было подписано. На смену В.Я. Руперту прибыл Николай Николаевич Муравьёв. Ещё находясь в С.-Петербурге, перед назначением на высокую должность, знакомясь с сибирскими делами, Николай Николаевич встретится с капитан-лейтенантом Геннадием Ивановичем Невельским, который поделится идеей экспедиции на Амур и планом присоединения восточных земель к России. Эта идея овладеет молодым деятельным генерал-губернатором.

Книга, изданная в Москве в 1891 году к 10-летию смерти Н.Н. Муравьёва-Амурского Иваном Барсуковым, начинается следующими словами: «Доблестный воин, прошедший строгую школу Николаевского времени, мудрый администратор и патриот, Муравьёв является лицом выдающимся как своими заслугами, так и свойствами своего чисто русского самобытного характера».

С 5 сентября 1847 по январь 1861 года необходимо было многому произойти с приложением огромных усилий, чтобы чрезвычайно важные государственные свершения удалась в том виде, в котором они достались нам в наследство.

Перед отъездом в Сибирь Муравьёв заручился подробнейшими сведениями о многих грязных делах иркутского чиновничества и частных лиц. И в силу своего характера, и в силу наставления Императора Николая Павловича, мол, «в Сибири народ распущенный, так ты возьми их хорошенько в руки», крушил направо и налево, зачастую не разбирая, и правых и виноватых.

По прибытии в Иркутск Николай Николаевич со свойственной ему пылкостью и горячностью принялся за нововведения. Сменил большинство чиновников, уличённых в казнокрадстве и взяточничестве. Ставка была сделана на молодёжь. В планах у генерал-губернатора были три идеи: увеличить количество добываемого золота на Усть-Карийских промыслах, увеличить количество войск в пределах своего управления и после исследования левого берега Амура до устья овладеть им. Спустя год Н.Н. Муравьёв представит на Высочайшее рассмотрение записку «Различные предложения по Восточной Сибири в отношении военном, политическом и административном», в том числе и перечисленные выше. Высочайшее одобрение было вскоре получено.

Для реализации первого пункта плана сняли с мест всех каторжных и часть горнозаводских рабочих из Акатуя, Нерчинского завода, Култуминского, из Алгачей. Из-за спешки, бездорожья и возникающей в таких случаях неразберихи много народу перемерло от болезней или обморожений. Подробно, но с большой долей субъективности эти события описаны в книге Гамалея Степановича Гантимурова «По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы» (1912). Добыча золота была удвоена. Но какой ценой?! Какими лишениями?!

Второй пункт плана был принят к исполнению в июне 1851 года по прибытии фельдъегерей из С.-Петербурга с Высочайшим повелением о формировании из горно-заводских крестьян забайкальских казачьих частей. До этого крестьяне, приписанные к горным заводам, занимаясь хлебопашеством, с успехом снабжали хлебом не только всю свою область. Большой излишек вывозился в Монголию, Маньчжурию, Якутскую область. Когда часть пахарей была поверстана в казаки, хлеба стало не хватать даже для собственных нужд. Дело дошло до закупок в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Так продолжалось до 80-х годов, когда с прибытием в Забайкалье достаточного числа

поселенцев производство зерна достигло требуемых объёмов. Но дело, начало которому положено Н.Н. Муравьёвым, было успешно завершено и сослужило службу в освоении земель Дальнего Востока. Казачество здесь сыграло перво-степенную роль.

* * *

Да, Николай Николаевич Муравьёв — личность, конечно, неординарная. После его отъезда из Сибири многие авторы излагали свои впечатления о нём, зачастую противореча друг другу. Прибывший в Иркутск молодым офицером для прохождения службы князь Пётр Алексеевич Кропоткин, будущий теоретик анархизма, писал в дневнике в 1863 году: «Судьба Н.Н. Муравьёва в Сибири замечательна. Взгляд на Муравьёва ещё не выяснился... Ещё труднее говорить о пользе и вреде, принесённых Муравьёвым: первая, выразившаяся в толчке к жизни, сообщённом Сибири, в некотором искоренении взяточничества и т.д. и в вреде, состоящем в направлении, в характере управления, в деспотизме, усвоившемся здесь, во влиянии личностей и т.п.»

В другом месте, в «Записках революционера», он его характеризует как умного, обаятельного, желающего работать на пользу края, но «в глубине души деспота».

Михаил Иванович Венюков, один из адъютантов Н.Н. Муравьёва, участник известных сплавов 1857 и 1858 годов по Амуру, русский учёный-исследователь, первым из россиян пришедший на Уссури, даёт подобную характеристику Н.Н. Муравьёву, более восторженную.

Подробное описание его деятельности можно найти в «Записках об Амуре...» иркутского первой гильдии купца и пароходовладельца Прокопия Ивановича Похолкова, сопровождавшего Н.Н. Муравьёва в его поездках по Амуру:

«Без всякого сомнения, личность эта занимает одно из видных мест между деятелями России в эпоху половины девятнадцатого столетия. (...) Муравьёв перестроил и поставил на высшую степень благородства все присутственные места, искоренил до основания взяточничество, в этом случае он даже перещеголял многие Российские губернии. (...) Муравьёв, как вообще все люди, делал много ошибок, и важных ошибок... он явился в Сибирь раздражённым, между прочим, порядочно досталось и купечеству... впрочем, полиберальничать, покорчить из себя гуманного республиканца, — это был его конёк... Личное общение с людьми изображало собою две резкие противоположности: в минуты его раздражения он был в высшей степени резок, не стеснялся никакими выражениями. С другой стороны, когда он был в хорошем расположении духа, он умел до того быть любезным и в полном смысле обворожительным, что ему не стоило большого труда своим обращением настолько привязать к себе, что всякий готов был идти за ним в огонь и воду».

Верно писал Прокопий Похолков, что «некоторые меры, имеющие в своём основании дурные принципы, в результате достигают удовлетворительной цели». Это в какой-то мере касается деятельности Н.Н. Муравьёва в Сибири.

Чтобы закончить портрет генерал-губернатора, хотя перечень публикаций современников о нём весьма велик, обратимся снова к Г.С. Гантимурову. Более желчная и злобная характеристика в его повествовании об «амурских делах» мне не попадалась:

«Господствующими страстями амурского завоевателя были честолюбие низшей пробы и самолюбие, основанное на мыльном пузыре. Для удовлетворения

их он был неразборчив на средства. С подчинёнными был деспот и ни во что не ставил закон и справедливость. На крестьян, рабочих и солдат смотрел как «на скотов» и ни во что не ставил солдат в буквальном смысле этого слова». Далее следуют примеры и пересуды его действий.

* * *

В несколько лет закончив в основном задуманные преобразования, Николай Николаевич занялся Амуром. Было известно, что американцы проявляют интерес к северо-восточному побережью Азии, рассматривая Тихий Океан как Средиземное море. Впрочем, спустя 150 лет, они и на Чёрное море смотрят как на Средиземное. Последние события в Осетии и Грузии в августе прошлого года пример тому. С их точки зрения было бы недурно экономически притянуть всю Восточную Сибирь к Тихому океану. Янки торговали успешно по Миссисипи, азиатский Амур тоже похож на большую американскую реку.

Первый сплав вниз по Амуру был связан с началом Крымской войны. Выполнялся он под личным руководством генерал-губернатора. В составе — 48 лодок, 29 плотов и около 800 человек сопровождающих. Сплав доставил в устье Амура боеприпасы, продовольствие и 2-ю конную бригаду Забайкальского казачьего войска. Вот когда пригодились казаки... По пути следования располагали посты, в низовьях Амура заложили русские сёла — Сергеевское, Иркутское, Богородское, Ново-Михайловское. В то же время вдоль восточного побережья пока ещё ничьей земли в поисках удобных бухт для стоянок курсировала англо-французская эскадра из нескольких кораблей. Фрегат «Паллада», оставленный нами на стоянке у входа в бухту, впоследствии названную бухтой Экспедиции, снялся с якоря и перешёл севернее в устье Амура.

Здесь, в устье, 12 августа 1854 года и состоялась встреча Николая Николаевича Муравьёва с экипажем фрегата «Паллада». Пять лет прошло, когда «в первый раз военный транспорт «Байкал» (под командованием Г.И. Невельского) решил не решённую Лаперузом задачу. Он послал шлюпки, которые из Охотского моря прошли Амурский лиман, и таким образом оказалось, что Сахалин не соединён с материком, как прежде думали», — писал в своих записках И.А. Гончаров.

«Паллада» требовала капитального ремонта. Корпус разбит штормами и ураганом в Китайском море. Образовались течи. Начало Крымской войны изменило первоначальное назначение фрегата и цель его пребывания в восточных морях. В бухту Де Кастри уже пытались зайти несколько английских и французских военных судов. Произошли мелкие стычки, большого дела пока не оказалось. Из опасения перед внезапным нападением было решено ввести судно в Амурский лиман для заграждения входа в Амур, но большая осадка не позволила этого сделать, поэтому «Палладу» отвели южнее, в Императорскую гавань, дабы не дать возможность вражескому флоту занять удобное место отстоя судов. Те, кто бывал в Советской Гавани, бывшей Императорской, на берегу Татарского пролива, могли бы это оценить. Здесь же впоследствии фрегат затопят из-за ветхости корпуса, сняв вооружение и такелаж.

Второй сплав по Амуру состоялся в следующем, 1855 году. Подготовка началась ещё осенью. Из письма Н.Н. Муравьёва М.С. Корсакову в С.-Петербург 20 ноября 1854 года, где тот находился по делам службы:

«Мы здесь готовимся к будущему плаванью не на шутку: 100 тыс. пудов муки, 500 шт. рогатого и другого скота и прочие мелочи отправляются на 60

плашкоутах. Я пишу обо всём Его Величеству и прошу отправить Казакевича в Америку для заказа пароходов и винтовых корветов; а ты привезёшь мне сюда необходимые чертежи для здешних построек и, может быть, корабельного инженера. Без этого мы не можем приступить ни к машине, ни к пароходу».

Но главный груз при этом сплаве состоял из тяжёлых 150-пудовых крепостных орудий для Николаевского форта.

Когда отправлялись первая и вторая экспедиции к устью Амура, на расстоянии почти 3000 вёрст по Шилке и Амуру встречались только несколько кочующих таборов орочей. В районе реки Зея — редкое маньчжурское население. И от устья Уссури до Николаевского поста изредка встречались гольды и гиляки. Земли правого и левого берега Амура были практически пустынные. Поэтому необходима была тщательная подготовка не только самого сплава вниз, но и возвращения сопровождавших грузы отрядов назад домой для подготовки следующей экспедиции. В 1856 году не рассчитали. Распоряжение о выходе с устья было сделано, но поздно. Людей захватила поздняя осень и начало зимы. Стало не хватать провианта. Возвращались пешком по льду Амура. В результате — большая смертность от голода, болезней и обморожения.

В 1858 году Н.Н. Муравьёв со свитой в начале апреля выехал из Иркутска в Сретенск и уже оттуда во время ледохода в сопровождении епископа Иннокентия Камчатского сплавился вниз по Шилке и Амуру на баржах в сопровождении двух вооружённых катеров. Величественная картина наблюдалась редкими жителями с берегов Шилки и Амура, когда громаднейший караван из трёхсот и более барж и десятков паромов и плотов двигался сначала по Шилке, а затем по Амуру, растянувшись на 30–40 километров. По 10–15 барж при назначенном начальнике рейса. На каждой из них 4,5 тысячи пудов, а это значит до 80 тонн груза первой необходимости для устройства переселенцев.

Первыми были казаки с семьями созданного несколько лет тому назад Н.Н. Муравьёвым Забайкальского казачьего войска. Цепь поселений выстраивалась по берегам Амура на свой страх и риск, поскольку договор с китайской стороной ещё не был подписан, а территория левого берега Амура по Нерчинскому договору 1689 года относилась к сопредельной стороне. Правда, в этом договоре было много огрехов и разночтений, которые можно трактовать в ту или иную пользу. Но договор есть договор. Первая партия казаков числом 450 семейств была ещё в 1857 году посажена на плоты и отправлена на Амур.

Места поселений назначались с соблюдением условий, наложенных генерал-губернатором. Ошибки часто возникали потому, что никаких исследований места в части пригодности для жизни и ведения сельского хозяйства не производилось. Вот пост Усть-Зейский и слобода Хабаровка разместились настолько удачно, что стоят по сию пору и называются Благовещенском и Хабаровском. Хотя как военные посты они начинали отстраиваться ещё в 1854 году. Условия размещения посёлков в первую очередь были таковы, чтобы место удовлетворяло двум принципам: они должны располагаться на берегу Амура или вблизи на расстоянии около тридцати вёрст для организации почтовой гоньбы и в то же время рядом с фарватером, позволяющим причалить пароходу или какому другому судну без опаски сесть на мель. Третье условие — возможность сеять хлеб и наличие покосов. Естественно, удовлетворить в полной мере упомянутым требованиям было зачастую невозможно, тем более, губернское начальство не склонно заручаться условиями местности, но следовало предписаниям губернатора. Не

зря Амур в переводе с китайского, маньчжурского и монгольского языков означает «Чёрная река». Разливы в паводок его таковы, что совершенно невозможно угадать, как такая прибыль воды отразится на переселенцах. Отсюда множество случаев переноса станиц на другие места, лишения и голод поселенцев, дополнительные расходы казны.

Позднее, в 1868 году в Иркутске ходил пересказ одного факта.

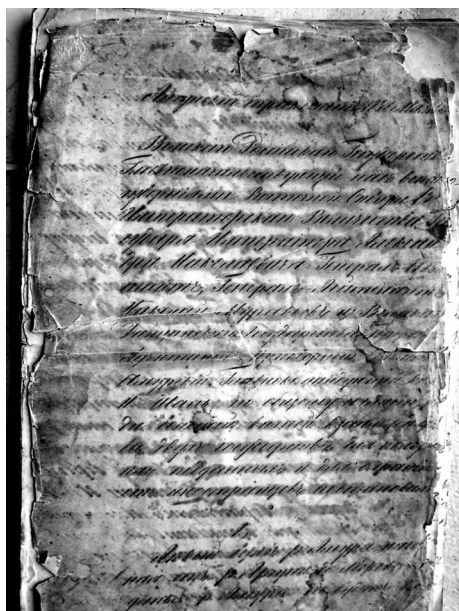
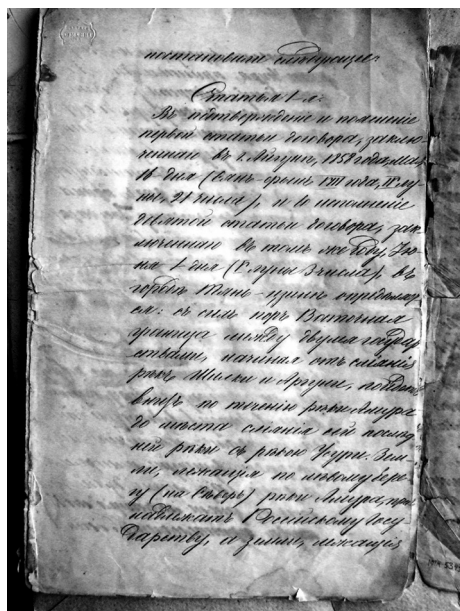
Военный губернатор организованной к тому времени Амурской области Подашенко однажды вздумал посетить староверческие селения, возникшие на призейских равнинах в отдалении от Амура на 50–100 километров, и к удивлению своему нашёл их цветущими уже на 3-й год основания.

— Славно же вы живёте, братцы, — говорил он крестьянам, — гораздо лучше, чем казаки. Даром у них Амур под боком. Отчего бы эта разница?

— А-а-а, батюшка, ваше превосходительство, оттого, что мы от начальства подальше.

В этом простодушном ответе кроме нечаянной иронии была вся правда того времени с привязкой к Забайкалью.

Добравшись до города Айгуна, генерал-губернатор встретился с представителями китайских властей. Здесь с 10 по 15 мая 1858 года был подписан договор о переходе к России левобережья Амура и русско-китайской торговле в Приамурье. В его свите при подписании договора были: архиепископ Иннокентий, управляющий губернской дипломатической канцелярией Е.К. Бюцов, управляющий путевой канцелярией В.Д. Карпов, из чинов министерства иностранных дел П.Н. Перовский, генерального штаба — полковник К.О. Будогоский, капитан М.П. Венюков, подполковник В.Е. Языков, переводчик Я.П. Шишмарев, священник о. Александр Сизых. Эти имена отлиты на бронзовой плите, прикреплённой к постаменту памятника Н.Н. Муравьёву в Хабаровске.

На снимке первые два листа Айгунского трактата, подписанного Н.Н. Муравьёвым и китайской стороной.

Представьте себе, насколько могли пригодиться для этого случая такие качества Николая Николаевича, как его природный ум, обаяние и красноречие.

Радости не было предела. По возвращении в Усть-Зейский пост заложили храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и одновременно с этим 21 мая пост был наименован Н.Н. Муравьевым городом Благовещенском.

Архиепископом Иннокентием отслужен благодарственный молебен, и в честь этого знаменательного события им была сказана следующая речь, величающая царя и его губернатора Муравьева: «Наконец Господь помог вам совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог наш, вложивший в сердце монарха нашего такую мысль и избравший тебя, богоизбранный муж, в орудие такого великого дела, и укреплявший, и укрепляющий тебя своею силою! Благословен Господь Бог твой, и благословен ты Богом Вышним, устроившим это дело так вожденно, мирно, дружелюбно и без средства оружия!

Нет надобности говорить здесь о том, какие выгоды, какие блага могут произойти от этого края для России. Это очевидно при самом простом взгляде. Скажем только, что это есть вместе благо и счастье для самих соседей наших, ибо рано или поздно они через нас просветятся светом Христовым. А этого какое благо может быть выше и прочнее? Не время также и не место, да и не по нашим силам исчислять или оценивать все твои заботы, усилия, труды, борения, твои подвиги, понесённые тобою к достижению этой одной из главнейших твоих целей. Их вполне может оценить только будущее население сего края и история. Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда, никогда не забудет тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмов. А ты, богоизбранный муж, открыл возможность, надежды и виды к устройению тысячи храмов в сём неизмеримом бассейне Амура. Но нет сомнения, что и в настоящее время если и не вся Россия, то вся Сибирь, и все благомыслящие россияне, и все твои сподвижники с радостью, с благодарностью и с восторгом примут известие о совершенном тобою ныне деле».

В этот же день с фельдъегерем отправлено донесение Государю Императору о заключении договора с Китаем, а наказной казачий атаман по вверенным ему войскам Забайкалья издал приказ следующего содержания:

«Приказ № 11

Станица Благовещенская, Мая 21 дня 1858 г.

Генерал-губернатор Восточной Сибири господин генерал-адъютант Муравьев, по случаю заключённого им с Амурским главнокомандующим Дзяндзюном И-Шань договора о присоединении к России левого берега Амура 18 мая сего года после совершения в станице Благовещенской благодарственного молебствия изволил отдать следующий приказ:

Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы, — Амур сделался достоянием России; Св. Церковь молится за Вас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр II и процветает под кровом его вновь приобретённая страна, — Ура. Объявляя о сём по Забайкальскому казачьему войску и военным управлениям по Амурской линии и по Амурскому военному отряду, предписываю приказ этот прочесть во время сборов баталионов и сотен Забайкальского казачьего войска».

Командовал войском о ту пору Наказной атаман генерал-майор Корсаков (будущий иркутский генерал-губернатор, заступивший на должность после Муравьёва). Здесь надо бы заметить, что для казака любой город, где расположилась казачья управа, есть станица, будь то Париж... Копенгаген или Благовещенск.

* * *

На следующий день 22 мая экспедиция направилась дальше вниз по Амуру. Год был богат на события. При впадении реки Уссури в Амур основано поселение 13-го линейного батальона, названное Н.Н. Муравьёвым Хабаровкой. К 10 июня добрались до Николаевска. После 1855 года, когда генерал-губернатор был здесь в последний раз, Николаевск из нескольких домиков, кучкой ютившихся на берегу Амура, растянулся на полторы версты. Только частных домов было более 200. И это за какие-то три года... Вернувшись в Иркутск по Амуру, а он раньше возвращался через Аян, считая этот путь более удобным, Н.Н. Муравьёв, не задерживаясь, отбывает в столицу. Отдавая должное его характеру, можно себе представить, как стучало сердце генерала в предвкушении наград за хорошо и своевременно выполненное большое дело. Иркутск ликовал. Отстроились к прибытию генерал-губернатора Амурские ворота на Амурской улице (ныне ул. Ленина), при которых толпы горожан ждали своего губернатора. Но Николай Николаевич почему-то проехал в свою резиденцию через Глазково, впрочем, это не умерило всеобщего ликования...

В первое своё путешествие в 1854 году Н.Н. Муравьёв открыл Амур для себя, сообразуя свои впечатления с идеями Невельского о необходимости изучения этого края. Во второе своё путешествие в 1855 году он пытался защитить восточные берега от притязаний врагов. В третье, в 1858 году, присоединил Амур к России. Так закончилось дело жизни Иркутского генерал-губернатора Муравьёва, начавшего службу Отечеству в 1827 году прапорщиком.

Из С.-Петербурга, ставши графом Амурским, Н.Н. Муравьёв шлёт в Иркутск приказ (*привожу только извлечения из него выборочно по сословным и должностным группам награждаемых*):

Приказ

по войскам, военным и гражданским управлениям, в
Восточной Сибири находящимся.

Иркутск, 14 декабря 1858 года.

Государь император, лично рассмотрев представленные мною списки о наградах разных лиц, участвовавших в присоединении Амурского края к России, соизволил собственноручно назначить лицам, поименованным в прилагаемом при сём списке, награды, против каждого означенные, за особые труды их, усердие и самоотвержение, в этом деле оказанные.

О таковой Монаршей милости, изъяснённой в отзыве ко мне г. Председателя Сибирского Комитета от 20 ноября с. г. за № 544, объявляя по войскам, военным и гражданским управлениям в Восточной Сибири находящимся, предписываю пожалованные награды внести в формуляры именованных в списке лиц.

1) Военный Губернатор г. Иркутска и Иркутский гражданский Губернатор генерал-лейтенант ВЕНЦЕЛЬ — орден Белого Орла и продолжение получаемого им арендного производства по две тысячи руб. серебром в год ещё на 6 лет по 29 октября 1868 года;

2) Военный Губернатор Забайкальской области и Наказной Атаман Забайкальского Казачьего войска генерал-майор КОРСАКОВ — орден Св. Станислава первой степени и пожизненный пансион по две тысячи руб. серебром в год;

3) Исправляющий должность Начальника Штаба при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири полковник БУССЕ — чин Генерал-майора и пожизненный пансион по 1500 руб. серебром в год;

7) Обер-квартирмейстер Штаба войск, в Восточной Сибири расположенных, подполковник БУДОГОСКИЙ — орден Св. Анны 2-й степени;

15) Командир 8-го пешего баталиона Забайкальского Казачьего войска ИВАНОВ — орден Св. Владимира 4-й степени;

24) Исправляющий должность Дистанционного смотрителя провиантских магазинов Приморской области Восточной Сибири коллежский асессор ОСТРОВ — орден Св. Анны 3-й степени;

29) Командующий 2-ю ротой Сибирского линейного № 15 баталиона штабс-капитан ТРУСЕВИЧ — орден Св. Анны 3-й степени;

43) Состоящий по Армейской пехоте и при Корпусе топографов ЩЕПИЛИН-2-й — орден Св. Станислава 3-й степени;

73) Командир лёгкой батареи Забайкальской линейной артиллерийской бригады капитан САВИЧ — следующий чин;

87) Вдова бывшего Командира роты Сибирского линейного №15 баталиона, умершего на Амуре капитана, Карпицкая — полный пансион по чину мужа с распространением оного на детей до совершеннолетия их, в случае смерти или замужества матери;

89) Мать топографа 2-го класса унтер-офицера ЧЕРНЫХ — пожизненный пансион 100 руб. серебром в год;

97) Командующий 2-ю сотнею 4-го конного полка Забайкальского Казачьего войска хорунжий КОРОБКОВ — полугодовой оклад жалования;

110) Унтер-офицер, топограф 2-го класса 4-й роты ПОЧЕКУНИН — 150 руб. серебром;

170) Младший чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири коллежский секретарь МААК — орден Св. Станислава 2-й степени;

189) Нерчинский коллежский асессор ЯЗЫКОВ — 500 руб.;

193) Почётный гражданин КУРБАТОВ — медаль с надписью «За усердие», золотая, на Владимирской ленте;

196) Тайша инородцев Хоринского ведомства ОЧИРОВ — медаль с надписью «За усердие», золотая, на Аннинской ленте;

.....
198) Волостной голова Мухоршибирской волости БРАТЕННИКОВ — медаль с надписью «За усердие», серебряная, на Аннинской ленте.

Подписал: Генерал-Губернатор Восточной Сибири и Командующий Войсками в оной расположенными, Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютант, граф Муравьев Амурский».

* * *

Несмотря на свой характер, вследствие которого, как уже говорилось, было сделано немало ошибок и просчётов, без сомнения личность эта занимала одно из первых мест среди государственных деятелей России второй половины столетия. Можно считать оправданием тот факт, что урождённые Муравьевы в «родове» своей отличались довольно вспыльчивым и «совершенно диким» характером, но при этом были умны. По воспоминаниям современников, он мог полиберальничать, изобразить из себя гуманного республиканца — это был его конёк, особенно в последние годы губернаторства. При личном обращении с людьми являл две противоположности. В раздражённом состоянии «не стеснялся никакими выражениями», но умел быть любезным и обворожительным.

Последнее путешествие на восток Н.Н. Муравьева состоялось в апреле 1859 года. 2 мая выехали из Кяхты по поручению Государя-императора, т.к. в то время в Пекине дипломатом Николаем Павловичем Игнатьевым велась работа по подготовке Пекинского договора с Китаем. По замыслу территория по правому берегу Уссури должна была отойти к России. Уже работали геодезические экспедиции для нанесения на карты предлагаемых к рассмотрению вариантов проведения границы. Если по северному Приморью раздел был прост, т.к. Уссури составляла естественную линию раздела, то южная часть требовала большой работы. В Петербурге в дипломатических кругах шли дебаты — какова должна быть граница с Китаем. Рассматривался совет Г.И. Невельского провести границу от устья Сунгари напрямую к устью Тумангана (крайний северо-восток нынешней Кореи).

В Лондоне осенью 1957 года вышла карта всего мира, изданная официальным английским картографом Стенфордом. На ней российская граница была проведена таким образом, что вся Маньчжурия признавалась русской территорией. Пустили слух, что якобы по просьбе Николая Павловича Игнатьева, а тот в свою очередь выразил мысль Императора. Это, конечно, как потом выяснилось, были «игры» и крайний цинизм английской дипломатии того времени.

Территория по правому берегу Уссури постоянного китайского населения не имела, поэтому вопрос в пользу России решался проще, чем если бы это было иначе.

Кстати, Николай Павлович Игнатьев был родным братом Алексея Павловича Игнатьева, назначенного в 1885 году генерал-губернатором Восточной Сибири. В 1889 году он этот пост покинул. Когда-то Николай Павлович был гордостью семьи, подающим большие надежды, но закончил жизнь полунимом, разорившимся на финансовых авантюрах. Он был одержим старинными формами «русского парламентаризма» — «Земскими Соборами», настойчиво предлагая Государю различные проекты реформы управления, за что «в благодарность» от Александра III получит

собственноручно написанную им лаконичную записку: «Я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем. Александр»... Но пока этого не произошло, дипломат А.П. Игнатьев с усердием исполнял свои обязанности в Пекине.

В конце мая граф Н.Н. Муравьев-Амурский прибыл в Николаев, а 4 июня в Де-Кастри, откуда подробно осматривал побережье, лежащее южнее вплоть до устья реки Тюмень-ула (Таманган, или Туманная) в районе озера Хасан. Муравьев назвал всё это пространство заливом Петра Великого. В бухте Золотой Рог он определит место под застройку будущего города и даст ему название Владивосток. Ровно через год по отданному тут же распоряжению на этот берег с борта транспорта «Манжур» высадятся под командованием прапорщика Комарова солдаты 4-го отдельного линейного батальона — основатели города Владивостока. По прибытии в залив, где пять лет тому назад бросал якорь фрегат «Паллада», Н.Н. Муравьев сделал непродолжительную остановку. Здесь на южной оконечности Залива Петра Великого он нашёл для себя, по его словам, одну из лучших гаваней — Новгородскую. Там же он встретил геодезическую партию Будогоского, которая наносила на карту предполагаемую границу Китая с Россией. Оставалось ожидать утверждения этой границы в Пекине, куда должна быть отправлена составленная экспедицией карта.

«Бухту Посьета мы отмежёвываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы её захватили при первом разрыве с Китаем. При устье реки Суйфуна немного северо-восточнее бухты Посьета множество прекрасных заливов. Вообще это пространство морского берега от Посьета до поворотного мыса вёрст 200 изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) всё захватили бы, тем более, что в 1855 году они все эти места видели, описали и даже карты издали... На первый случай в навигацию будущего года я переведу сюда Енисейский гарнизонный батальон, а в 1862 году переведу сюда же и Иркутский гарнизонный...», — пишет Муравьев Корсакову в Иркутск 19 июля 1859 г.

Из поездки Н.Н. Муравьев возвращался в Иркутск поздно осенью и вскоре в зиму 1859/60 года уехал, как тогда говорили, в Россию. В следующем, 1860 году между Россией и Китаем будет заключён Пекинский договор, разделяющий территории Приморья в тех границах, в которых они существуют и поныне, а в январе 1861 года он покинул Сибирь навсегда. Прошение об отставке ввиду болезни было принято.

***«Исполняющему должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири,
Командующего войсками, в оной расположенными, Господину свиты
Его Величества Генерал-Майору Корсакову.***

Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что Государь Император, снисходя на просьбу мою об увольнении меня по расстроенному здоровью от должности Генерал-Губернатора Восточной Сибири (...) рескриптом сего 19 февраля Всемиловитейше соизволил назначить меня Членом Государственного Совета и пожаловать Кавалером Ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 1-й степени с мечами над орденом, а Высочайшим приказом Своим того же 19-го числа соизволил назначить Ваше Превосходительство исправляющим должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири и командующим войсками, в оной расположенными, с оставлением в Свите Его Величества. Препровождая вследствие сего к Вашему Превосходительству:

- а) Копию с вышеизложенного Рескрипта Государя Императора на моё имя;
- б) Высочайший Приказ от сего 19 февраля;
- в) Последний Приказ мой по войскам Восточной Сибири.

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать их известными по принадлежности.

Член Государственного Совета, Генерал-адъютант, граф Муравьёв Амурский. Февраля 19 дня 1861 года».

* * *

Это было последнее из служебной переписки графа письмо при исполнении им должности генерал-губернатора Восточной Сибири. Жить он будет на родине жены в Париже, изредка наезжая в столицу для участия в работе Государственного Совета. Но, будучи далеко от Сибири, он не порывал общения с теми, с кем служил свою четырнадцатилетнюю службу. К нему часто приезжали сибиряки с гостинцами и за советом, чему Николай Николаевич был каждый раз несказанно рад. Он умер в 1881 году. Сохранилась запись в метрической книге Свято-Троицкой Александро-Невской церкви при российском посольстве в Париже: «Ноября 18 скончался от гангрены граф Николай Николаевич Муравьёв Амурский». Гангрена была результатом ранения в ногу в польской кампании 1830 года. Он пережил своего Императора, которому служил свои лучшие годы, всего на восемь с половиной месяцев. Тогда невозможно было предположить, что улицы ставшего ему родным губернского города Иркутска назовут именами двух из пяти казнённых убийц Александра II — Софьи Перовской и Андрея Желябова.

Памятуя об участии Н.Н. Муравьёва в польской кампании 1832 года, все же хорошо, что не оказалось среди современных иркутских топонимов имени Игнатия Гриневитцкого, бросившего ту роковую бомбу под ноги Императору. Видимо, у большевиков была особенная этика, согласно которой не все террористы удостоивались чести увековечивания памяти в названии улиц советских городов. Сам Игнатий называл себя литвином, а единомышленники из поляков считали его поляком, но по-польски он изъяснялся плохо, по-русски как на родном. Обрусел, не перестав быть католиком...

Сразу же после смерти Н.Н. Муравьёва общество выразило желание поставить ему памятник. Были многочисленные обращения иркутян к действующему в то время генерал-губернатору Анучину. Как только эта инициатива стала известна Императору, Александр II разрешил сбор добровольных пожертвований и установку на собранные деньги памятника в Благовещенске. Но впоследствии решение изменили, и в 1891 году бронзовую статую, как говорили, с большим портретным сходством, установили в Хабаровске. Памятник стоял до 1925 года, когда скульптура была снята с постамента и уничтожена. Так же, собственно, произошло и у нас в Иркутске с памятником Александру III.

Прошли десятки лет. Настало время перемен... Вот уже в Хабаровске одной из главных улиц города вернули имя Муравьёва-Амурского с восстановлением утраченного памятника. Во Владивостоке главной улице также вернули прежнее название Светланская в честь захода в порт фрегата «Светлана» с Великим Князем Алексеем Александровичем, сыном Императора Александра II. Событие знаменательное для далёкой окраины российской земли. Прах бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва Амурского перенесли из фамильного

склепа родственников его жены, урождённой Де-Ришмон, из Парижа во Владивосток и перезахоронили в центре города с установкой закладного креста.

Я бывал в Хабаровске и Владивостоке. Какие это замечательные города... В сравнении с Иркутском отличия очень велики, несмотря на то, что наш город на 200 лет старше. А раз так — у иркутян было больше времени вложить в него и труда своего, и внимания, и, если хотите, любви. Другое дело, имелось ли в наличии и первое, и второе, и третье.

В 2006 году, будучи во Владивостоке, я зашёл в Приморский Государственный музей им. В. К. Арсеньева. После приватного разговора с сотрудниками узнал, что в музее на хранении находится оригинал Айгунского трактата 1858 года. С благоговением я взял в руки этот пожелтевшей бумаги ветхий документ в несколько листов и стал читать подлинник:

«Великого Российского государства главноначальствующий над всеми губерниями Восточной Сибири, его императорского высочества государя императора Александра Николаевича генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Муравьёв и великого Дайцинского государства генерал-адъютант, придворный вельможа, амурский главнокомандующий князь И-Шань, по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных, постановили:

1. Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до реки Усури, владением Дайцинского государства; от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу реки Амура от реки Зеи на юг до деревни Хормолдзинь маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2. Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств.

3. Что уполномоченный Российского государства генерал-губернатор Муравьёв и уполномоченный Дайцинского государства амурский главнокомандующий И-Шань, по общему согласию, постановили — да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена, для чего Российского государства генерал-губернатор Муравьёв, написавший на русском и маньчжурском языках, передал Дайцинского государства главнокомандующему И-Шань, а Дайцинского государства главнокомандующий И-Шань, написавши на маньчжурском и монгольском языках, передал Российского государства генерал-губернатору Муравьёву. Всё здесь написанное опубликовать во известие пограничным людям двух государств.

Город Айхунь, мая 16 дня 1858 года.

(На подлинном подписали):

— всемилостивейшего государя моего императора и самодержца всея России

генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант и разных орденов кавалер Николай Муравьев;

— службы его императорского высочества, государя и самодержца всея России, по Министерству иностранных дел статский советник Пётр Перовский;

— амурский главнокомандующий И-Шань;

— помощник дивизионного начальника Дзираминга».

Иркутск всё же странный город... Отцами города у нас до сих пор значатся Маркс, Ленин, Урицкий, Свердлов, Володарский, Каландаришвили, Ширямов, Желябов, Халтурин, Трилиссер, Либкнехт, а матерями Люксембург Роза с Цеткин Кларой и Перовской Софьей. Могила же тысяч и тысяч иркутян, кому Россия обязана была за труды их и подвиги воздать должное, были затоптаны в увеселительных аттракционах на Иерусалимском кладбище Иркутска.

Случилось так, что первый иркутский губернатор (до установления в России должностей генерал-губернаторов) генерал-майор Карл Львович Фрауендорф умер в Иркутске и, будучи лютеранином по вероисповеданию, был похоронен в 1767 году на лютеранском кладбище, находившемся в районе пересечения улиц Ленина (Амурская) — Седова (Верхняя Амурская) — 3 июля (Нижняя Амурская)... Могила его утрачена полностью вместе с кладбищем. Следы не осталось.

Когда-то отсюда, с этих улиц губернского города Иркутска, начиналась дорога на российское Приамурье и российский Дальний Восток.

«Край (дальневосточный) отныне можно считать русским»

О ДОБЛЕСТНОМ ПОРУЧИКЕ ВЕНЮКОВЕ, СПОДВИЖНИКЕ ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО

В г. Хабаровске, на знаменитом Амурском утёсе стоит многострадальный памятник выдающемуся деятелю Российского государства — графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Почему «многострадальный»? Был он возведён в 1893 году, автор — знаменитый скульптор А. Опекушин, один из творцов памятника Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. Но после Октябрьского переворота, когда сносились почти все памятники нашим самодержцам и их ближайшему окружению, вне зависимости от реальных заслуг таковых перед Отечественной историей, подобная же участь постигла и графа Муравьёва.

Его дружно окрестили «царским сатрапом» и «душителем прогресса», фигуру сняли и переплавили, а постамент почему-то оставили. Уж больно хорош казался он новым пролетарским властям. И, дабы тот не пустовал, на него мигом водрузили гипсовую фигурку (конечно же!) вождя мирового пролетариата. И никого не смущало, что карликовый В.И. Ленин был явно несоразмерен своему пьедесталу. А простоял он на нём почти шесть десятков лет!

Но с началом «перестройки» нашлись разумные головы, отважившиеся снять с массивного цоколя крохотную фигурку и поставить туда высоченную колонну и парусник. Что сие должно было означать? Ну, вероятно, подвиги безвестных русских землепроходцев. Простоял он, правда, недолго. На средства, собранные хабаровчанами, их стараниями была найдена модель памятника. Его отлили заново, и 31 мая 1992 года, в день рождения города, гордая фигура графа, неусыпными стараниями которого мы живём на этой земле, достойно увенчала пьедестал. А на оборотной его стороне был выбит длинный список имён тех, кто вместе с ним осуществлял эту грандиозную эпопею.

«М.И. Венюков» — одно из них. Это молодой поручик Михаил Иванович Венюков, сын мелкопоместного дворянина, участника войны 1812 года, дважды раненного при взятии Парижа, и вышедшего в отставку в чине майора. Родился Михаил в имении отца, селе Никитском Рязанской губернии 28 июня 1832 года. Начальное воспитание и образование получил в семье. Тринадцатилетним подростком он был принят во второй класс кадетского корпуса, где сразу приобщился к точным наукам и естествознанию. В 1850 году Михаил был выпущен из корпуса в звании артиллерийского прапорщика.

Служить ему пришлось на батарее, но юного офицера не оставляли мысли о занятии научными трудами, и он вернулся в свой кадетский корпус в качестве репетитора физики, а через год поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1856 году, уже в чине поручика. Положено начало блестящей карьере, но Михаил мечтает о путешествиях и открытиях, и судьба идёт ему навстречу.

В начале мая 1857 года, после изнурительной пятитысячевёрстной дороги — то в санях, то в телеге, то пешком, молодой поручик прибывает в г. Иркутск, в штаб войск генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва. Николай Николаевич, назначив

его старшим адъютантом, предлагает Венюкову отправиться в путешествие по Амуру. «Лучшего поощрения к работе нельзя было сделать, — записывает тот в свой дневник. — Мечта моя быть на Амуре, представляющем в то время крупный политический интерес, сбывалась». Это была четвёртая экспедиция, которую осуществлял деятельный генерал-губернатор. На Амур отправлялись 13-й и 14-й сибирские линейные полки и 450 переселенческих семейств, должных навсегда обосноваться на берегах великой реки.

В конце мая 1857 года по реке Шилке тронулся большой караван барж, плотов, лодок с людьми, и всё это называлось «Амурским сплавом». Ранним утром 7 июня Венюков впервые увидел Амур. И записал в дневнике: «Смотря на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из нас думали: там, где-то далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, и это море — Великий океан, единственный путь из России не в Швецию, не в Турцию, не в Персию, а в Америку, Австралию и Южную Азию!»

Но на этом пути уже стояли русские «остроги» или, по-тогдашнему, «караулы». Один, при впадении в Амур реки Зеи, назывался «Усть-Зейский военный пост». Теперь это город Благовещенск. Год назад сюда высадились сотня казаков и пережила трудную зимовку. Двадцать девять человек умерли от голода и болезней. Муравьев, вместе с ближайшими подчиненными и священником, решил посетить место их захоронения. (Оно существует и поныне.) Архимандрит Аввакум готовился отслужить панихиду.

Вот что записал в своём дневнике Венюков: «Мы собрались, с непокрытыми головами, в одной небольшой пади или ложине, где стояло несколько крестов, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здесь, на далёком Востоке Азии, все мы, живые и мёртвые, правые и левые, красные и зелёные — члены одной великой русской семьи, что когда-нибудь история вспомнит и о скромном кладбище под увалом левого берега Амура и о тех, кто в виду его готовились... кто знает? Может быть, тоже лечь в могилу в том же далёком от родины краю. Утешением могло быть одно, что край этот отныне можно было считать несомненно русским».

Удивительные слова! Написал их двадцатипятилетний поручик. А кажется, будто они прозвучали сегодня. Ёмкие, точные, сокровенные и патриотичные, звучащие прямо из сердца, безо всякой рисовки и выспренности. А если учесть, что Михаил был не только ближайшим помощником Муравьёва, а в лодке-душегубке вместе с казаком плавал от берега к берегу, производя промеры глубин, и рисковал жизнью — то эти слова обретают ещё более значимый смысл.

В лето 1857 года на Амуре и его притоках было заложено 15 станиц, с почти двумя тысячами жителей. Десятилетия спустя Венюков писал: «Я много работал потом на разных далёких окраинах России, в Небесных горах, на Кавказе, в Польше, но ничего подобного той общей преданности делу, как на Амуре, — говорю по совести, — не видал; и если эта преданность есть залог успеха дела, если вдохнуть её в сотрудников есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н.Н. Муравьёва перед Россией неизмеримо велика. Многие ли были в состоянии сделать то, что совершил он, с личным составом помощников до смешного малым, но делавшим многое, во всю мощь нервов и мускулов?»

Это действительно так. И сам Михаил Иванович — живой тому пример. Возвратившись глубокой осенью в Петербург, он тщательно обработал материалы, сам вычертил карты, будучи великолепным топографом и картографом. А в ноя-

бре 1857 года, в тогдашней столице России, появился и сам генерал-губернатор. Встретившись со своим адъютантом, он предложил ему отправиться в экспедицию по реке Уссури, чтобы, минуя хребет Сихотэ-Алинь, попытаться найти выход к Японскому морю. Ну, как тут можно было отказаться?

И весной следующего, 1858 года, Венюков на перекладных приехал в Иркутск. Неугомонный Муравьев готовил очередной «сплав». Судя по всему, этот был грандиозней предыдущего. Предполагалось заложить по Амуру и Уссури более трёх десятков поселений. Заложили тридцать пять! Собрав воедино свою недюжинную энергию и настойчивость, ломая все преграды, чинимые важными сановниками, особенно министром иностранных дел, графом К.В. Нессельроде (британским «агентом влияния»), Николай Николаевич решился заключить мирный договор с Китаем, бывшим тогда под властью маньчжурского императора.

Договор был заключён, но в отсутствие Венюкова. Заложив военный пост Хабаровку, Михаил Иванович отправился по таинственной реке Уссури с небольшим отрядом казаков и проводником-гольдом. Но по пятам за ними следовали маньчжурские солдаты-соглядатаи. Они часто опережали отряд, заезжая по пути в крохотные селения, где жили голды (нанайцы), и запрещали им общаться с русскими. Однако те двигались всё выше и выше по таёжной реке и, наконец, добрались до озера Ханка.

Оказавшись на его берегах, Венюков провёл глазомерную съёмку и определил, что оно в пять раз больше Женевского озера. Но знаменитые лотосы ещё не расцвели — не пришло время. По берегам озера разместились около десяти гольдских деревушек. Михаил был первым из русских, кто видел всё это. Проводник-гольд, которого всё-таки запугали маньчжуры, отказался показывать дорогу, пришлось искать другого. И отряд пришлось сократить почти наполовину — не хватало на всех продовольствия. От озера Ханка поплыли к истокам Уссури, берущей своё начало в горах Сихотэ-Алиня. Конечной точкой маршрута была бухта Владимира, один из заливов Японского моря.

Нашли проводника-ороча, который знал туда дорогу. Маньчжурские шпионы, наконец-то, отстали. Уже два месяца, то в лодке, то пешком, зачастую под проливным дождём и порывами штормового ветра, двигалась к истокам таёжной реки небольшая команда. Гольдские и ороchonские деревушки встречались крайне редко, но зато появились китайские селения. Хотя по императорским указам китайцам вплоть до 1879 года запрещалось выходить за «Великую стену» и селиться на «священной» земле маньчжур. А это были преступники, по-тогдашнему «хунхузы». Однако к русским они относились вполне миролюбиво.

30 июля 1858 года, оставив уже ненужную лодку, Венюков с казаками подошёл к китайской деревушке. Хозяин одной из фанз предложил русским отобедать у него. Те согласились. Потом Михаил писал: «Из гостеприимства хозяин непременно требовал, чтобы мы употребляли для еды его припасы. Соль, быть может, и не имела ничего ядовитого, но заключала в себе какую-то непривычную для европейца примесь, потому что имела странный, сладковатый привкус». Но особого значения этому усталый путешественник не придавал. А на следующий день они отправились далее.

Но где-то к полудню Михаилу сделалось плохо. Он почувствовал шум в ушах и резь в желудке. Хорошо, что в запасе, на всякий непредвиденный случай, у него был рвотный порошок. Приняв его, он выпил несколько ковшей холодной воды. После обильной рвоты ему чуть полегчало, однако боль и резь не прекратились. Казаки пе-

репугались. Но постепенно Венюкову становилось лучше, и всё-таки, после почти бессонной ночи, идти дальше ему пришлось, опираясь на руки казаков.

А спустя сутки, когда он отдыхал, лёжа на траве, невдалеке послышался беспорядочный шум. На поляну, где расположился отряд, с дикими воплями выбежала толпа китайцев, числом больше втрое. Крича и размахивая палками, они что-то кричали проводнику ороchonу. Тот изменился в лице. Когда его спросили, чего хотят преследователи, он ответил, что китайцы грозят его убить за то, что он показывает «луса» (русским) дорогу. Пришлось вмешаться Венюкову и даже пригрозить китайцам оружием, если они не уберутся восвояси.

Они ушли, но ушёл и проводник. И маленькому отряду пришлось идти к морю уже без провожатого, благо желанная бухта была видна с вершин Сихотэ-Алиня. И двадцатилетний поручик был первым из русских, одолевшим переход через знаменитый хребет. Потом, четверть века спустя, его маршрутом прошёл Николай Пржевальский, затем, уже через полвека — Владимир Арсеньев. И оба они свято хранили благодарную память о бесстрашном первопроходце, который отважился проложить нелёгкий путь в неизведанные и непроходимые края.

Тщательно оформив все материалы и написав подробнейший отчет, молодой поручик отправил его в Императорское Русское географическое общество, где получил хвалебный отзыв самого Семёнова-Тяньшанского. Его тут же приняли в члены общества. Потом он путешествовал по Кавказу, был в горах Тянь-Шаня, изучал Африку и Южную Америку. Даже, будучи сотрудником Генерального штаба, вёл разведывательную деятельность в Китае и Японии, представляясь там рядовым торговцем углем. Оставил блестящие заметки о своих нелёгких скитаниях и рискованной работе, полные редкой наблюдательности и своеобразного юмора. Его первый начальник и покровитель — граф Н.Н. Муравьев — как видим, умел подбирать себе талантливых и толковых помощников.

ЯКОВ ДЕМЬЯНЕНКО

Из сибирских воспоминаний

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРОШЕДШЕЙ ЭПОХИ: НЕДОРАЗУМЕНИЯ В САХАЛЯНЕ

Публикуемый материал касается двух эпизодов из истории отношений Китая и России. Происходившее в российском Благовещенске и китайском Сахаляне в 1911–1912 гг. отразил в своих воспоминаниях 1959 г. полковник Яков Афанасьевич Демьяненко. Понятно, что возможности человеческой памяти не безграничны, и ряд неточностей отражен в комментариях. Однако это нисколько не умаляет ценности свидетельства русского офицера, начавшего в 1910 г. свою офицерскую карьеру, а 25 сентября 1917 г. удостоенного за особенную доблесть ордена святого Георгия 4-й степени. Воспоминания Я.А. Демьяненко наглядно показывают, как события российско-китайских отношений воспринимались и трактовались в русской военной среде. Как видно, среди офицеров бытовало немало мифов и заблуждений по поводу буквы и духа межгосударственных соглашений. Например, о запрете плавания по Амуру для китайских судов или ограничении числа воинских частей на Дальнем Востоке. Весьма интересны и упоминания о прогнозировании советско-китайского конфликта в 1960-х годах.

Вольно или невольно главным героем воспоминаний Я.А. Демьяненко стал Эрнест-Август Фердинандович Раддац (1868–1918). Раддац родился в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) в дворянской семье лютеранского вероисповедания. По окончании Николаевского кавалерийского училища выпущен офицером во 2-й Санкт-Петербургский драгунский полк. Раддац участвовал в русско-японской войне сначала командиром конвоя командующего 1-й Маньчжурской армией, затем конвоя Главнокомандующего на Дальнем Востоке. Был ранен. Со 2 ноября¹ 1908 г. и по 23 октября 1913 г. — командир Амурского казачьего полка, затем 1-го Сибирского казачьего полка.

Оправдал ли полковник Раддац снисхождение своего императора? Очевидно, да. Во время Первой мировой войны 22 декабря 1914 г. под российским, а ныне турецким городом Ардаганом русская конница совершила один из самых изумительных подвигов. По глубокому снегу и обледенелым горам Сибирская казачья бригада, имея в авангарде 1-й Сибирский казачий полк, атаковала турецкий отряд, опрокинула его и захватила 900 пленных, 2 орудия и знамя 8-го Константинопольского полка. Очевидец вспоминал: «Бригада, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели зацелиться. Это было что-то особенное и даже страшное, когда мы смотрели со стороны и восхищались ими, сибирскими казаками. Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел из них...»². На месте боя осталось до 500 убитых турок и 15 погибших казаков. За атаку Ардагана Раддац был награжден орденом святого Георгия 4-й степени, произведен в генерал-майоры и назначен начальником Сибирской казачьей бригады. Участникам боев на Кавказском фронте отважный генерал Раддац запомнился молодым, изящным и прытким, все время собиравшим командиров полков и сотен бригады и все выискивающим, как бы всей бригадой пробраться в тыл к туркам. С мая 1916 г. он возглавил 1-ю

¹Даты до 1918 г. по старому стилю.

²Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. – М.: Воениздат, 2001//<http://militera.lib.ru>.

Кавказскую казачью дивизию, состоящую из кубанских и терских казаков. После выхода России из войны весной 1918 г. Раддац вывел дивизию на Кубань. В Армавире большевиками был арестован весь офицерский состав дивизии, после чего Раддаца и еще 67 офицеров расстреляли.

*П.А. Новиков,
доктор исторических наук, профессор ИрНИТУ*

I. Айгунский договор 1861 г.³

По русско-японскому мирному договору в Портсмуте в 1905 г. Россия обязалась не иметь в Сибири числа воинских частей больше того, какое было до 1904 года⁴, то есть до начала русско-японской войны. Из этого, ослабившего русскую мощь, положения, наше военное министерство вышло тем, что все Сибирские стрелковые полки, которых было 36, перешли в 1910 г. на состав по штату военного времени, а двухбатальонные резервные части были также переформированы в Сибирские четырехбатальонные полки, которые образовали таким образом новые две Сибирские стрелковые дивизии⁵. Кроме того, некоторые из Сибирских дивизий в случае войны на Дальнем Востоке должны были развернуться⁶ каждая в две дивизии, для чего в их полковых оружейных складах должно было храниться вооружение на два полка, равно как и удвоенный состав полкового обоза.

В связи с этим произошла и перемена дислокации войсковых частей в Сибири в 1910 году. Я, будучи в это время в городе Никольске-Уссурийском младшим офицером 3-го Восточно-Сибирского⁷ стрелкового полка, был выделен из него в составе одного полного батальона на сформирование из Сретенского резервного пехотного полка 37-го Сибирского стрелкового полка, который должен был войти в состав гарнизона города Благовещенска, образованного из двух Сибирских стрелковых полков (37-го и 38-го), Амурского казачьего 4-х сотенного конного полка и одного дивизиона 10-й Сибирской артиллерийской бригады. Людской состав её прибыл из Владивостока, после расформирования там крепостной артиллерии. Гарнизон был подчинен генерал-губернатору этой области, в это время Валуеву⁸.

Не успели новые части еще как следует сплотиться, как вскоре произошли два события, которые чуть не вызвали войну с Китаем.

³Здесь и далее автором была допущена ошибка, и следует читать: 1858 г. (П.А.Новиков)

⁴В данном случае Демьяненко ошибается, поскольку ни одна из 15 статей Портсмутского мирного договора 1905 г. не предусматривала ограничения числа русских войск. Однако действительно и то, что к началу русско-японской войны Россия имела на Дальнем Востоке 9 Восточно-Сибирских стрелковых бригад, в январе 1904 г. получивших штат дивизий. Также в регионе находились 2 пехотные бригады, переброшенные из Европейской России для «проверки провозоспособности Транссиба». Итого к началу 1904 г. 11 бригад, а в 1910 г. 11 дивизий, то есть число соединений формально осталось прежним. Отсутствие договорных ограничений подтверждается и тем, что принятая в 1913 г. «Большая военная программа по усилению состава армии» предусматривала формирование 12-й Сибирской стрелковой дивизии и отдельной бригады в Приамурье.

⁵Штаб 10-й Сибирской дивизии с 37-м и 38-м Сибирскими полками расположились в Благовещенске, 39-й полк — в Хабаровске, 40-й полк — в Николаевске (на Амуре). Штаб 11-й Сибирской дивизии с 43-м и 44-м Сибирскими полками — в Омске, 41-й полк — в Новониколаевске (ныне Новосибирске), 42-й — в Томске.

⁶При мобилизации 7-я Сибирская стрелковая дивизия, квартировавшая в Иркутске, выделяла офицеров и солдат для развертывания 12-й Сибирской, 8-я Сибирская в Красноярске — для 13-й Сибирской, 11-я Сибирская в Омске — для 14-й Сибирской.

⁷В 1910 г. Восточно-Сибирские полки были переименованы в Сибирские.

⁸Валуев Аркадий Михайлович (1881-1935) — генерал-майор, с 20 октября 1910 г. военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска. 9 августа 1913 года произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы. С началом Первой мировой войны возвращен на службу, исполнял обязанности Архангельского генерал-губернатора, затем на различных командных должностях. После Гражданской войны в эмиграции в Югославии.

Надо сказать, что в начале второй половины минувшего века генерал Муравьев, получивший за свою плодотворную деятельность на Дальнем Востоке титул графа и прибавку к его фамилии слова «Амурский», выясняя и определяя точно с китайским правительством границы России в 1861 году, заключил договор в городе Айгуне (на берегу р. Амур), по которому река Амур от своих истоков до реки Уссури является границей между русскими и китайскими владениями, причем сама река в этом месте делается русской, и китайцы не имеют права ни на судоходство по этой реке, ни на рыбную ловлю, вероятно, потому, что р. Амур от города Хабаровска и до самого устья течет уже по русской территории, и генерал Муравьев хотел сделать реку Амур всецело русской, да и сделал.

Договор был заключен на 50 лет, и срок ему истек в 1911 г. В этом году дипломатия обеих сторон подняла вопрос о его пересмотре и возобновлении на следующие 50 лет, причем китайцы потребовали предоставить им право как судоходства, так и рыбной ловли на Амуре⁹. Создалось дипломатическое осложнение, так как русские требовали оставить договор в прежнем виде¹⁰. Китайцы упорствовали. Мы, военные, на эти переговоры обращали мало внимания, полагая, что осложнение незначительное, которое никакой угрозы не представляет. Как вдруг гарнизон города Благовещенска (потом стало известно, что и гарнизоны Хабаровска, Имана и Никольск-Уссурийского) получил приказ командующего¹¹ Приамурским военным округом немедленно быть готовым к военному походу.

Все части получили немедленно полный боевой комплект ружейных и пушечных патронов и стали в полной боевой готовности, одни на берегу р. Амура, другие у себя во дворах в ожидании дальнейшего приказа.

В утренних местных газетах¹² на другой день прочитали русский ультиматум китайцам, в котором говорилось, что если китайское правительство не согласится на русские условия, то Императорское российское правительство оставляет за собой свободу действий. У всех пробежала одна мысль: «война с Китаем». И действительно, скоро стал известен и маршрут для нашего гарнизона: идти на город Цицикар в Маньчжурии. Все, и военные семьи и горожане, лихорадочно бросились в магазины за покупками.

Так продолжалось два дня. На третий или четвертый день из газет узнаем, что китайцы уступили русскому настоянию и подписали договор на старых условиях. Гарнизон получил приказ перейти на мирное положение. Срок этому договору истекает в 1961 году. Кто знает, не явится ли он в это время опять осложнением для советско-китайской дипломатии и не окажется ли причиной

⁹В начале 1911 г. между Россией и Китаем возник политический конфликт. Причиной было стремление Китая пересмотреть не Айгунский договор от 16 мая 1858 г., а Петербургский «торговый» договор от 12 февраля 1881 г. Желая избежать не только самого пересмотра, но даже переговоров о нём, российское правительство 3 февраля 1911 г. передало китайскому правительству ультимативную ноту. Через три дня текст ноты был опубликован в русских газетах. В дальневосточной прессе оперативно печатались и отклики европейских держав, и последовавший ответ Китая. См.: Приложение «ИЗ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ».

¹⁰Подробнее см.: Белов Е.А. Русско-китайский спор в 1911–1912 гг. по вопросу пересмотра Петербургского договора 1881 г. // Восток. — 1993. — № 5. — С. 143–154.

¹¹Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1921) — генерал-лейтенант, с 14 апреля 1913 г. генерал от инфантерии. С 23 декабря 1910 г. командующий войсками Приамурского военного округа, а впоследствии один из наиболее победоносных русских генералов Первой мировой войны — с 9 августа 1914 г. по 18 апреля 1917 г. командующий 9-й армией. Умер в московской тюрьме.

¹²Эхо, Благовещенск, 5 февраля 1911 г., № 681 — 11 февраля 1911 г., № 686; Приамурские ведомости, Хабаровск, 8 февраля 1911 г., № 1669.

войны между этими двумя соседями на Дальнем Востоке, которую некоторые предсказывают на 1962 год¹³.

II. Взятие казаками китайского города Сахалин

Амурское казачье войско, занимавшее территорию на левом берегу р. Амура от Благовещенска и к востоку до села Благодатного было молодое, малочисленное и могло в мирное время¹⁴ дать только один 4-х сотенный полк, которым командовал в это время полковник Раддац, служивший ранее в гвардейской кавалерии.

Это был обаятельный и любимый всеми в полку командир: умел заботиться о своих подчиненных, и его казаки были одеты не хуже юнкеров, всегда чистые, в подогнанной одежде, всегда дисциплинированные и корректные на улицах в городе. Сам он в свободное время всегда был среди своих молодых офицеров¹⁵ в полковом собрании, а когда бывал на полковых праздниках¹⁶ у стрелков, всегда усаживался среди молодежи, любил он ее и говорил: «Среди молодежи и я себя чувствую молодым».

Надо сказать, что против Благовещенска на правом берегу Амура был небольшой китайский город Сахалин-Гоу, в котором стоял батальон китайских войск, обученных инструкторами по немецкому образцу. В это время китайцы вообще имели в виду сформировать, при помощи немцев, таких войск 36 дивизий, и это формирование еще шло.

Русские офицеры нередко в этот городок ездили ради покупки и любопытства, благо это делалось по какому-то негласному соглашению с обеих сторон, а китайцы приезжали в Благовещенск, главным образом, торговцы огородной зеленью «люка и огулеса» (лук и огурцы).

Случай, о котором я рассказываю, был в феврале месяце 1912 года, когда полковник Раддац после ужина в своем полковом собрании, по предложению одного из сотников, поехал в компании четырех офицеров верхом в Сахалин пить кофе с бенедиктином, который там стоил дешевле, чем на нашем берегу. Амур, крепко скованный льдом, мог выдержать не только всадников, но и запряженную легкую пушку.

Вошли в небольшой китайский ресторанчик, в котором обычно усаживались, и заказали кофе.

Что потом произошло, точно сказать трудно, ибо было несколько версий: версия штаба генерал-губернатора и версии казачьих офицеров. Передаю ту, которая у меня лучше осталась в памяти.

После сделанного заказа полковник Раддац, поднявшись и сказав офицерам: «Мне нужно сходить в аптеку, я сейчас приду», — вышел из ресторана. Офицеры, обеспокоенные тем, что полковник долго не возвращается, попросили одного из своих выйти и узнать, в чем дело. Тот вышел и вдруг слышит невдалеке в темноте какой-то необычный шум толпы. Приблизившись на этот гул, он вдруг увидел

¹³Конфликт у острова Даманский на р. Уссури произошел 2-21 марта 1969 г.

¹⁴Во время Первой мировой войны Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска из предусмотренных 5 полков 3-й очереди развернули только 1. Другие казачьи войска выставили не только все полки 3-й очереди, но и некоторые части сверх. Причина различий — стремление иметь резерв на Дальнем Востоке на случай осложнений с Китаем или Японией.

¹⁵В Амурском казачьем полку было 34 офицера. Среди них был и знаменитый впоследствии Р.Ф. барон Унгерн-Штернберг, служивший в Амурском казачьем полку с 28 февраля 1910 г. в чине хорунжего, а с 5 октября 1912 г. и до зачисления в запас в июле 1913 г. в чине сотника.

¹⁶Праздник 37-го Сибирского стрелкового полка — 6 августа, 38-го Сибирского стрелкового полка — 21 июля.

своего командира, прижатого к стене аптеки с обнаженной шашкой и окруженного толпой китайцев, швырявших в него комья снега и угрожавших если не его жизни, то побоями. Офицер немедленно возвратился к товарищам, сказав в чем дело, и все бросились на выручку своего командира. Когда они приблизились к толпе и увидели, в каком положении находится полковник, два из них, поручив остальным наблюдать и защищать Раддаца, немедленно бросились к своим лошадям и помчались в Благовещенск, где подняли по тревоге весь полк, состав которого был, впрочем, далеко не полным вследствие выпавших в этот день на полк больших нарядов. Во всяком случае, две сотни со всеми офицерами, свободными от службы, не предупредив начальника гарнизона, лихо бросились через реку в Сахалин.

Что же произошло с полковником Раддацем? Почему он оказался в таком положении? Как выяснилось, все это случилось неожиданно и без особых оснований. Когда он вошел в аптеку и попросил какое-то средство от желудочной боли, аптекарь то ли его не понял, то ли боялся дать не то, что надо, или потому, что было время закрывать аптеку, ему отказал в просьбе, заявив, что не понимает, что хочет «капитан»... Тогда Раддац сам начал пересматривать стоявшие на полках банки, перевернул одну из полок, банки полетели на пол, некоторые разбились, и аптекарь, выскочив на улицу, поднял крик о самоуправстве русского офицера. На его крик немедленно собралась любопытная, сначала небольшая толпа, и вышедший вскоре из аптеки полковник, видя перед собой такую толпу, ему угрожавшую, обнажив шашку, прислонился к стене, собираясь защищаться.

В таком положении застали его офицеры, которые, между прочим, были безоружны, так как с оружием переходить на ту сторону границы запрещалось. На этот шум и беспорядок прибыл вскоре дао-тай (начальник города), который один толпы разогнать не мог и призвал на помощь командира китайского батальона. Этот последний, знавший полковника Раддаца, легко прошел через толпу, приблизился к Раддацу и, чтобы вывести его из толпы, взял его за руку, что-то говоря по-китайски. Раддац, почувствовав, что его кто-то взял за руку и не узнав впопыхах кто, взмахнул шашкой и отрубил ему руку.

Здесь толпа окончательно разъярилась, бросилась массой на Раддаца, схватила и двух оставшихся офицеров и с дикой радостью и криками потащила их за город на расправу.

Ворвавшийся в Сахалин Амурский полк быстро догнал толпу, взял её в плети и пики и немедленно освободил своего командира и офицеров, у которых были уже сорваны погоны и истрепано обмундирование. Возбужденный Раддац резко приказал полку немедленно взять Сахалин, разоружить китайский батальон, взять под охрану его казармы, занять казначейство, двор дао-тая и почту и, когда это было исполнено, он донес кратко начальнику Благовещенского гарнизона о взятии им города Сахалина и пленении китайского батальона.

Разбуженный около полуночи генерал-губернатор Третьяков¹⁷, сменивший к этому времени генерала Валуюева, получив такое донесение и не понимая в чем дело, на всякий случай поднял по тревоге бригаду стрелков, а полковнику Раддацу послал приказание покинуть Сахалин и возвратиться в Благовещенск. На это приказание Раддац ответил и послал в Благовещенск китайского подполковника с отрубленной рукой на излечение в русском лазарете. Стрелковые полки заняли такое же положение, как и при пересмотре Айгунского договора.

¹⁷Третьяков Николай Александрович (1854–1917) — генерал-лейтенант, с 28 февраля по 12 октября 1911 г. — начальник 10-й Сибирской стрелковой дивизии. Затем начальник 3-й Сибирской стрелковой дивизии, а с 12 августа 1914 г. 1-й Сибирской стрелковой дивизии. В 1916 г. командир 37-го армейского корпуса.

Началась усиленная переписка по телеграфу Благовещенска со штабом Приамурского военного округа, во главе которого стоял генерал Лечицкий, и с Петербургом. Переписка эта кончилась тем, что последовало Высочайшее повеление полковнику Раддацу покинуть Сахалин, а генералу Лечицкому — разобрать это дело и поступить согласно военным законам. Было назначено военное следствие, полковник Раддац смещен с командования полком и подвергнут впредь до суда домашнему аресту. Судом он был приговорен за самочинные действия, если память мне не изменяет, заключению в крепости на один год, но, так как всякий военный приговор над штаб-офицером утверждался Императором, то командующий войсками округа получил на деле Раддаца такую резолюцию Императора: «Дело полковника Раддаца прекратить и восстановить его в прежнее положение. Я его знаю».

Полковник Раддац вновь вступил в командование своим полком, китайский подполковник выздоровел в нашем лазарете и получил такое вознаграждение от русского правительства за потерянную руку, что считал себя счастливым. Все хорошо, что хорошо кончается. Инцидент был исчерпан.

Переведясь из Сибири в Финляндию¹⁸, я, продолжая интересоваться своими прежними сослуживцами, в дни Гражданской войны узнал от одного из офицеров Кавказского фронта, что полковник, а потом генерал Раддац, действуя со своими казаками, закончил войну начальником Сибирской казачьей дивизии, имел ордена святого Георгия 4-й и 3-й степени¹⁹, а в дни революции, едучи в отпуск, был убит по дороге солдатами, пытавшимися снять с него погоны. Вечная ему память».

Источник: Журнал «Военная быль», Париж, № 37, июль 1959. — С. 18-21.

*Публикацию и комментарии подготовил
доктор исторических наук,
профессор ИрННТУ П.А. Новиков*

¹⁸В 16-й Финляндский стрелковый полк 4-й Финляндской стрелковой бригады, сформированной в 1914 г. Полк квартировал в г. Або (ныне Турку) на побережье Ботнического залива.

¹⁹Командир Сибирской казачьей бригады генерал-майор Э.Ф. Раддац 7 января 1916 г. был награжден орденом святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Орден святого Георгия 3-й степени он не получал.

Амурский вопрос и основание города Благовещенска

В 1856 году в решении Амурского вопроса произошли существенные изменения. Именным указом императора 31 октября 1856 г. была создана Приморская область, в состав которой были включены территории от Камчатки до Императорской гавани, включая и низовья Амура. Административным центром ее стал Николаевский пост, возведенный в ранг города. Военным губернатором Приморской области был назначен контр-адмирал А.В. Казакевич — надежный соратник Н.Н. Муравьева.

В определенной степени на решении Амурского вопроса сказались и изменения в верхних эшелонах власти России и Китая.

В феврале 1855 г. скончался Николай I. На престол вступил его сын Александр Николаевич — Александр II. Он был сторонником активных действий по возвращению России Приамурья. Еще будучи наследником, он в 1851 г. был назначен председателем особого Амурского (Гиляцкого) комитета, активно занимался дальневосточными проблемами.

Существенную роль сыграла также смена министров иностранных дел. Консервативно настроенный против кардинального решения Амурского вопроса министр иностранных дел России К.В. Нессельроде (противник Н.Н. Муравьева) был уволен в отставку. Новым министром стал более активный, дальновидный и решительный А.М. Горчаков, поддерживающий Н.Н. Муравьева в его деятельности по решению Амурского вопроса.

Ещё в 1853 году начальником Морского штаба был назначен великий князь Константин Николаевич, с которым у Н.Н. Муравьева были хорошие дружеские отношения, и они постоянно переписывались. Именно по приказу великого князя Константина Николаевича в 1856 г. была создана Сибирская флотилия, и в ее состав из Кронштадта было включено несколько боевых кораблей. Командующим Сибирской флотилии и всего флота Восточного океана был назначен П.В. Казакевич. Это также значительно усиливало позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 1856 г. существенно изменилось положение и в самой Цинской империи. В центре Китая активизировалось восстание Тайпинов против маньчжурской династии. После смерти в 1850 г. Цинского императора Даогуана на престол вступил двадцатилетний император Сяньфэн. Начались изменения и в администрации Китая. Новое руководство оказалось в сложном положении не только в связи с восстанием Тайпинов, но и с началом в 1856 г. новой Опиумной войны. Англия и Франция начали военные действия, угрожая захватом не только южных территорий Китая, но и северных. Правительство Цинской империи в их агрессии видело главную опасность, и было заинтересовано в сотрудничестве с Россией, которая могла обеспечить защиту северо-восточных территорий Китая.

Вот в таких условиях в 1856 году активизировалась деятельность Н.Н. Муравьева по решению Амурского вопроса. Его надежным помощником был М.С. Корсаков, назначенный в 1855 г. военным губернатором Забайкальской области. По долж-

ности он был также командующим войсками, расположенными в ней, и наказным атаманом казачьего войска. Когда Н.Н. Муравьев в 1856 г. вынужден был временно выехать на лечение за границу, то всю организацию дел на Амуре он поручил именно М.С. Корсакову.

В 1856 году, в связи с окончанием Крымской войны, оставлять в низовьях Амура войско более двух тысяч человек (сплавленное туда в 1854–1855 гг.) было нецелесообразно. Решено было вернуть их в Забайкалье. Солдатам предстояло на лодках и пешком вдоль Амура по бездорожью пройти более двух тысяч верст. Для обеспечения их продовольствием в пути было намечено через 200–250 верст создать продовольственные склады. Для охраны складов, обеспечения почтовой связи и вообще обозначения восстановления прав России на левобережное Приамурье намечено было поставить при складах военные посты, а также перевезти на Амур 289 750 пудов разных грузов и несколько сот солдат и казаков. Все было погружено на пароход, катера, плоты и лодки (всего 110 плавсредств) и направлено весной 1856 г. по Шилке и Амуру. Начальником всего этого сплава был М.С. Корсаков.

По левому берегу Амура весной 1856 г. были поставлены продовольственные склады и 5 военных постов: Кутамандский, Кумарский, Усть-Зейский, Хинганский и Сунгарийский. Это обеспечило возможность солдатам преодолевать сложный путь по бездорожью со сравнительно небольшими потерями. Склады продовольствия и казачьи посты сыграли свою положительную роль. Но этим их роль не заканчивалась. На казачьи посты были также возложены обязанности поддерживать почтовое сообщение и оказывать помощь фельдъегерской службе для сообщений Забайкалья и Приморья.

Усть-Зейский пост. Основан он был на левом берегу Амура в 8 верстах выше от устья Зеи. Напротив, на другом берегу, была маньчжурская деревня Сахалин. Это место для поста было выбрано в связи с тем, что фарватер Амура был ближе к левому берегу. Берег был возвышен, к нему могли причаливать баржи и плоты. Место было не затопляемое наводнением, прибрежная полоса была ровной и в отдалении с северной стороны загорожена от северных ветров сравнительно высокими увалами. Сюда 21 мая 1856 года причалили баржи, плоты, лодки. Построили временную пристань. Выгрузилось около 500 солдат и офицеров.

Начальником поста был назначен войсковой старшина, подполковник Забайкальского казачьего войска Н.И. Хилковский. 29 мая 1856 г. сюда прибыла сводная сотня казаков под командованием сотника М.Г. Травина. Начались расчистка территории, строительство из бревен плотов, домов под склады продовольствия, жилых помещений для казаков. Были разработаны участки и посеяно 45 квадратных сажень картофеля, а также заготовлены дрова для пароходов. Проводились учения. Часть солдат и казаков были распределены на другие посты, а на зимовку оставлено 50 казаков сотника Травина. Пост неоднократно посещали маньчжурские чиновники из деревни Сахалин и города Айгунь. Отношения с ними сложились самые доброжелательные.

Усть-Зейский пост и склад продовольствия летом 1856 года свое назначение успешно выполнили. Через пост в августе — октябре 1856 г. прошли около двух тысяч человек, получив здесь отдых и продукты питания.

Для зимовки на пост в 1856 г. было доставлено 25 коров, 5 быков, порох, стекло и другие материалы для обустройства.

Но жить казакам пришлось в построенных помещениях типа полуземлянок, с

обогревом железными печками. Зимовка для казаков оказалась тяжелой. Начались простудные заболевания, цинга (29 человек за зиму умерли). Ослабевшие от болезней казаки были не в состоянии долбить мерзлую землю и хоронить в могиле умерших товарищей. Трупы складывали в дом, бывший склад продовольствия. И лишь весной, когда земля оттаяла, трупы были захоронены по христианскому обычаю на ближнем увале, чтобы в наводнение их не затопило водой.

Усть-Зейская станция. В октябре 1856 г. особый Амурский комитет, председателем которого был великий князь Константин Николаевич (младший брат императора Александра II), высказался за поселение по левому берегу Амура забайкальских казаков и создание Амурской линии. 27 октября 1856 г. решение особого комитета было утверждено императором.

Началась практическая подготовка к переселению. Было решено создать из Забайкальских казаков Амурский полк, и первые три сотни этого полка намечено было расселить по левому берегу Амура уже летом 1857 г.

В феврале 1857 г. Н.Н. Муравьев направил военному министру рапорт о ходе подготовки, смету расходов и предложения оставить на левом берегу Амура казачьи посты, сменив тех, кто уже находился на посту. 27 февраля 1857 г. на рапорте Муравьева император Александр II собственноручно написал: «Поселение трех сотен Амурского казачьего полка разрешить ныне же».

Вся подготовка весной 1857 г. была успешно завершена, и в конце апреля на катерах, баржах и плотах были направлены на Амур 583 семьи казаков и два линейных батальона регулярных войск. От Усть-Стрелки по Амуру было основано 16 поселений казаков, оба батальона размещены были при Усть-Зейском посту. Вместе с этим сплавом прибыл на Усть-Зейский пост и Н.Н. Муравьев, палатку для которого поставили вблизи поста.

Образную зарисовку этого сплава дал в своих воспоминаниях топограф, а также ученый географ и путешественник М.И. Венюков, который все события отразил в книге «Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии» в главе «Воспоминания о заселении Амура в 1857 — 1858 годах».

«1857 г. ... июня 3, перед вечером, — пишет он, — показалась вдали маньчжурская деревня Сахалин. По карте здесь должен был находиться на левом берегу Амура ... наш пост, и в самом деле, мы скоро заметили казаков, выстроившихся на площадке. У берега была сделана небольшая пристань из досок на козлах. Мы причалили и вышли на сушу. Пожилой казачий офицер, начальник караула, по обычаю отрапортовал, что «на Усть-Зейском его императорского величества посту все обстоит благополучно», и когда генерал-губернатор спросил его: «Сколько у вас умерло за зиму людей?» с небольшим вздохом, но официально-холодно отвечал: «Двадцать девять, ваше высокопревосходительство». А у него и вся команда-то состояла из одной сотни!.. Почтенный этот старец был сотник Травин, которого потом мы все научились уважать.

Поздоровавшись с казаками и поблагодарив их за трудную службу, Н.Н. Муравьев захотел посетить кладбище, где были похоронены умершие их товарищи. Архимандрит Аввакум был приглашен отслужить панихиду».

Все лето 1857 года Н.Н. Муравьев пробыл в Усть-Зее. Здесь была его ставка. Он и его сподвижники определили место для постройки будущего города — равнина при слиянии Зеи и Амура. Началась его застройка. Первая и до времени единственная улица (ныне — Речной переулок) в новой колонии потянулась вдоль гребня небольшой высоты (релки), которую не заливало весеннее половодье.

«Впоследствии, — пишет М.И. Венюков, — для придания городу менее военного характера, перевели из него казаков на шесть верст вверх по Амуру, то есть в соседство места, где в 1857 году стояли казачий пост и генерал-губернаторская палатка. На месте последней усть-зейцы в 1858 году поставили небольшой памятник». Это был простой деревянный обелиск.

Летом 1857 г. на территории вблизи устья Зеи, ниже по течению от Усть-Зейского поста, началось формирование казачьего селения, получившего название Усть-Зейской станицы. Солдаты 13-го и 14-го линейных батальонов под командованием капитана Я.В. Дьяченко и майора В.Е. Языкова начали строительство военных казарм на берегу в 4 километрах от устья Зеи (ныне территория ДВВКУ). В связи с нехваткой бревен для строительства добротных домов, по инициативе капитана Дьяченко, ранее служившего на Украине, возводились дома-мазанки. Из хвороста и прутьев ивы возводились двойные стены, промежутки заполняли землей, а снаружи и изнутри стены обмазывались глиной. Как показала первая же зима, такие мазанки оказались непригодными для жилья. Глина облетала, земля высыпалась, стены продувались ветром. Приходилось срочно строить землянки и обогревать их железными печками. На берегу были построены два деревянных дома для командира Н.И. Хилковского и для генерал-губернатора дом с балконом, где уже в 1858 г. Н.Н. Муравьев принимал Айгуньского амбана. На возвышенном месте релке по инициативе священника Александра Сизого, прибывшего с отрядом, из бревен бывшего склада продовольствия (и «мертвекладни»), сплавленных на 2 версты ниже бывшего поста, возводилось здание для церкви. Строительство церкви завершено было в 1859 г. Она получила название Никольской. Это было первое здание, построенное в Благовещенске.

Одновременно прибывшие в 1857 г. к Усть-Зейскому посту семьи казаков начали обустраиваться ближе к реке Зее. Там были основаны и первые улицы, в названиях которых отразился состав населения: Казачья (ныне Партизанская) и Станичная (ныне Трудовая).

К лету 1858 г. в Усть-Зейской станице размещались уже шесть рот солдат 14-го Восточно-Сибирского батальона, дивизион легкой артиллерии и сотня казаков-переселенцев. На месте будущего города, вдоль возвышенной релки, были поставлены 40 мазанок, более двух десятков землянок. Не хватало продовольствия, зимой сыро и холодно было в землянках, студено в мазанках. От цинги и простудных заболеваний гибли и взрослые, и особенно дети. Нелегко давалось россиянам обживание девственных просторов Приамурья. Но люди выстояли. Весной 1858 г. из Иркутска прибыл курьер с извещением, что по первой воде прибудет сам генерал-губернатор. Население станицы стало готовиться к встрече высокого гостя.

И действительно, как только прошел ледоход, 5 мая 1858 г. в Усть-Зейскую станицу прибыл небольшой караван судов, а с ним генерал-губернатор Н.Н. Муравьев со свитой. Его сопровождал владыка Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский.

У Муравьева были полномочия для решения вопроса о разграничении территорий между двумя соседними государствами. Вопрос был уже согласован путем дипломатической переписки. Предстояло завершить переговорный процесс договором. Переговоры были назначены на 10 мая 1858 г. в Айгуне.

9 мая, накануне отъезда в Айгунь, где предстояло вести переговоры, владыка Иннокентий в присутствии Н.Н. Муравьева заложил храм во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы.

В связи с этим событием по предложению архиепископа Иннокентия (Вениаминова) Н.Н. Муравьев станицу Усть-Зейскую переименовал в Благовещенскую. И в этот же день, 9 мая 1858 г., направил в Петербург представление о преобразовании станицы Благовещенской в город. В представлении было дано обоснование этого предложения. Н.Н. Муравьев писал: «Особенно выгодное местоположение Усть-Зейской станицы при слиянии рек Амура и Зеи, одного из значительнейших его притоков, среди довольно густого маньчжурского населения, делают этот пункт весьма важным в стратегическом и коммерческом отношениях, и представляют все условия быстрого и успешного развития. Вследствие этого я считаю необходимым учредить в этом месте город, а как сопутствующий мне в настоящую мою поездку на Амур высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, заложил сего 9-го мая в Усть-Зейской станице храм во имя Благовещения Господня, то и полагаю приличным дать новому городу наименование Благовещенска.

Посему имею счастье всепочтительнейше просить ваше императорское высочество, как председателя Амурского комитета, об ходатайствовании высочайшего государя императора соизволения на учреждение города Благовещенска.

Между тем, впредь до воспользования высочайшего разрешения, бывшая Усть-Зейская станица мною уже наименована станицею Благовещенскою».

Переговоры в Айгуне продолжались 5 дней, 16 (28) мая 1858 г. был подписан Айгунский договор. Все левобережное Приамурье признавалось российским владением. Приморье оставалось пока в общем совместном владении России и Цинской империи. И только по Пекинскому договору 1860 г. Приморье также перешло к России.

ДОГОВОР РОССИИ С КИТАЕМ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К РУССКИМ ВЛАДЕНИЯМ ЛЕВОГО БЕРЕГА Р. АМУРА, СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ И ТОРГОВЛЕ ОБОИХ ГОСУДАРСТВ ПО РЕКАМ АМУРУ, СУНГАРИ И УССУРИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В АЙГУНЕ 16 мая 1858 г.

Великого Российского государства главноначальствующий над всеми губерниями Восточной Сибири, его императорского величества государя императора Александра Николаевича генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Муравьев и великого Дайцинского государства генерал-адъютант, придворный вельможа, амурский главнокомандующий князь И Шань, по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев, постановили:

1. Левый берег р. Амура, начиная от р. Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до р. Уссури, владением Дайцинского государства; от р. Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств.

По рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно.

Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг до деревни Хормолдинь маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жи-

тельства, под ведением Маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2. Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств.

3. Что уполномоченный Российского государства генерал-губернатор Муравьев и уполномоченный Дайцинского государства амурский главнокомандующий И Шань, по общему согласию, постановили — да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена; для чего Российского государства генерал-губернатор Муравьев, написавши на русском и маньчжурском языках, передал Дайцинского государства главнокомандующему И Шань, а Дайцинского государства главнокомандующий князь И Шань, написавши на маньчжурском и монгольском языках, передал Российского государства генерал-губернатору Муравьеву. Все здесь написанное опубликовать во известие пограничным людям двух государств.

Город Айгунь, мая 16 дня, 1858 года.

Всемилоостивейшего государя моего императора и самодержца всея России генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант и разных орденов кавалер Николай Муравьев.

Службы его императорского величества, государя и самодержца всея России по Министерству иностранных дел, статский советник Петр Перовский.

Состоящий при генерал-губернаторе Восточной Сибири переводчик губернский секретарь Яков Шишмарев.

Амурский главнокомандующий — И Шань.

Командир фланга Джирмайнга.

Ротный командир Айшинтай.

17 (29) мая Н.Н. Муравьев вернулся в Усть-Зейскую станицу, где архиепископ Иннокентий отслужил благодарственный молебен. На следующий день состоялся Крестный ход к походной Никольской церкви при участии всего населения станицы, с духовой музыкой, привезенной Муравьевым из Иркутска. Здесь Н.Н. Муравьев и владыка Иннокентий, преклонив колени, воздали благодарение Богу за возвращение в достояние Российской Державы Приамурского края. В знак этого события в двух саженьях от церкви, на южной стороне, было воздвигнуто государственное знамя, показывающее, что эта страна отныне навсегда принадлежит русскому царю и русской православной Державе. Завершением торжественного события стали проникновенные слова владыки Иннокентия, обращенные к генерал-губернатору. Они глубоко запали в души всех, кто находился в этот момент возле Никольской церкви.

Генерал-губернатор огласил приветственный приказ со словами благодарности участникам великого Амурского дела. По представлению Муравьева, более 200 человек, активных участников борьбы за возвращение амурских земель России, были удостоены высоких наград. А сам Н.Н. Муравьев возведен в графское достоинство с присоединением к его фамилии слова «Амурский» и получил почетный чин генерала от инфантерии. Благодарные благовещенцы в честь этого события впоследствии называли одну из главных улиц города Графской (ныне — Калинина).

5 (17) июля 1858 г. последовал императорский указ об учреждении города Благовещенска.

**УКАЗ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА**

5 июля 1858 г.

Государь император по всеподданнейшему докладу его императорского высочества великого князя, генерал-адмирала, соображений генерал-губернатора Восточной Сибири об особенной важности местоположения Усть-Зейской станицы, находящейся при впадении реки Зеи в Амур, и названной генерал-губернатором по случаю закладки в ней 9-го мая храма во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы «Благовещенскою станицею» — в 5-й день июля сего года высочайше повелеть соизволил: учредить в этом месте город, назвать его «Благовещенск».

В связи с этим указом казачьему населению была дана возможность переехать на новое место выше по Амуру, для основания там станицы Верхне-Благовещенской.

Такова история основания города Благовещенска.

8 (20) декабря 1858 г. по представлению Н.Н. Муравьева императорским указом была учреждена Амурская область, и Благовещенск стал ее административным центром.

*Источник. Шиндялов Н.А. История Благовещенска.
1856-1907. Очерки, документы, материалы./*

Серия «Благовещенск. Из века в век».

Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. — 168 с., илл.

Похабовы, их время

Было время, когда иркутяне перед красноярцами куражились, называя себя сибирским Петербургом, и бытовало мнение, что Красноярск — город ремесленников, а Иркутск — город художников. Но в Красноярске задолго до иркутского памятника казакам-строителям был поставлен памятник основателю города дворянину Андрею Дубенскому, а в Иркутске до сих пор продолжается треп о моральном облике Ивана Ивановича Похабова, не жалуют критики-жалобщики и Якова Ивановича Похабова, с енисейскими казаками построивших Иркутский (Яндашский) острог. А ведь они исторические отцы города, которых следует глубоко почитать по Библии, талмуду и другим религиозным законам.

Не повезло Иркутску с его нынешней интеллигенцией, хотя в любви к своему городу коренных иркутян упрекнуть нельзя. Так уж повелось по традиции, заведенной в XVIII веке европейцами, служившими в Российской Академии, что все плохое и сомнительное о русском народе у нас принимается на веру с полуслова, а все хорошее и героическое нужно дотошно доказывать. Как мне представляется, незаслуженными намеками и туманными обвинениями до сих пор принижен образ первого известного строителя зимовья на Дьячем острове, строителя Култукского острога, первого служилого человека, побывавшего в Забайкалье, сына боярского, казачьего головы (полковника) Ивана Ивановича Похабова. Следом за ним, неприязненная тень брошена и на сына боярского Якова Ивановича Похабова.

К сожалению, фрагментарное изучение истории России в школах и вузах, а также столичный снобизм по отношению к истории Сибири на ученом уровне, не лучшим образом сказываются на самосознании сибиряков. Кроме фундаментальной «Истории Сибири», изданной Академией наук СССР, в XIX и XX веках, за два последних века, было написано больше десятка «Историй Сибири». Среди них есть труды потомственных сибиряков, и почти во всех этих книгах об Иване Похабове повторяется приставшая к нему сентенция, дескать, даже на фоне обыденной жестокости XVII века, жестокость Ивана Похабова производит впечатление. Сомнительно уже то, что россиянину, жившему в XVII веке, XX век показался бы гуманным. Но это отдельный разговор.

Мнение об Иване Ивановиче Похабове впервые письменно изрек на немецком языке Иоган Фишер, российский ученый XVIII века. В переводе на дворянский жаргон русского языка того времени, он написал: «В 1658 год для жестокости балаганского управителя Ивана Похабова произошло всеобщее между тамошними Бурятами возмущение, которые, убив присланных к ним россиян, из своей земли разбежались». Никаких пояснений, никаких ссылок и описаний жестокостей у Фишера нет. В другой раз он так же лаконично и ошибочно называет Ивана Похабова строителем Иркутского острога. Между тем, вот уже больше двухсот лет это суждение кочует из одной исторической работы в другую, его повторяют, не перепроверяя, не задумываясь, на каком основании оно было сделано.

Для читателей, далеких от исторической науки, поясню: в XVIII веке, по заданию правительства и под покровительством всесильного тогда графа Разумовского, ученый Санкт-Петербургской Академии наук Герард Миллер собрал все

известные сведения и материалы о Ермаке, затем проехал по острогам Сибири и сделал копии хранившихся там документов.

Часть списков он опубликовал в приложениях к своей «Истории Сибири». Его книги по большей части трактуют и объясняют эти скопированные им документы. Но «История Сибири» Миллера заканчивается на событиях, относящихся к началу русского периода Восточной Сибири. Документы приложений к ней не упоминают ни о строительстве Иркутска, ни об Иване и Якове Похабовых. Опубликованы собранные Миллером документы были частично и выборочно, а подлинные списки, которые сделал ученый, и которые благодаря ему сохранились, хранятся в госархиве Санкт-Петербурга, в фонде «Портфель Миллера».

Другой ученый немец того же века, тоже член Санкт-Петербургской Академии наук, профессор древностей и истории Иоганн Фишер написал пятитомную «Сибирскую историю... сочиненную на немецком языке и в 1774 году изданную...». В отличие от своего современника и предшественника, профессора Миллера, Фишер не ссылаясь ни на какие источники, излагая свою версию нашей истории. И если о жестокости Ивана Похабова он упоминает бездоказательно и мимоходом, то о жестокости Василия Колесникова или Ерофея Хабарова пишет довольно обстоятельно.

Писал Фишер свою историю Сибири не по догадкам и не по наитию, но использовал «портфель» Миллера. Приказчика Братского острога Ивана Похабова он называет «балаганским управителем», что, кстати, часто повторяется и в работах современных историков. Основанием для нелестного высказывания об Иване Похабове для Фишера послужили, видимо, списки с трех челобитных, отправленных Енисейскому воеводе с жалобами на приказчика Братского острога Ивана Похабова. Эти жалобы в современной орфографии опубликованы в «Сборнике документов по истории Бурятии XVII век», Улан-Удэ, в 1960 году, книге редкой, но доступной. Случай с Иваном Похабовым, когда на приказчика одновременно жаловались служилые, пашенные крестьяне, ясачные мужики и даже поп — случай редкий, но что же там произошло?

Поп жаловался, что приказчик отобрал у церкви дом, который подарил ей зимовавший в Братском остроге Афанасий Пашков. Служилые жаловались на жестокость приказчика, пашенные — на поборы, ясачные — на грубость. Как мне представляется, для профессиональных исследователей и любителей истории, которые знают обычный стереотип «наказной памяти» воеводы приказчику в XVII веке, вполне понятно, что в действиях Ивана Похабова не было каких-либо должностных преступлений.

Глава забайкальской экспедиции, перезимовав в Братском остроге, подарил церкви свои дома, построенные в отдалении от укрепленных стен. Следующей зимой, при приказчике Иване Похабове, в улусах появляется много монголов, буряты убили трех сборщиков ясака, ясачные роды вели себя вызывающе. Во время этой смуты приказчик Похабов отобрал у попа дома, и их материалом укрепил обветшавший Братский острог. Благодаря жестким, но разумным действиям Ивана Похабова, весной 1658 года (когда жалобы были уже тайно отправлены в Енисейск) острог выдержал осаду многочисленного войска.

Жалобы пашенных людей могли вызвать у воеводы того времени только усмешку. Они писали, что Похабов вымогал с них то овцу, то корову, у одного забрал икону, которую он нес на Илимскую ярмарку для продажи «по бедности своей». Отправляя приказчика на службу, воевода письменно наставлял его следить, что-

бы крестьянин не пропивал, не продавал государеву ссуду, не отлучался от дома без разрешения, тем более, на ярмарку. Как и положено приказчику, Иван Иванович не позволял пашенным людям пропивать данное им на «завод» государево имущество и отлучаться на ярмарку. Более того, как приказчик острога, при котором были государственные пашенные люди, он не получал жалованья, но был на прокорме у крестьян.

Москва и Сибирский приказ требовали в то время от воевод и от приказчиков «план» по рухляди. И Похабов «на приказе в Братском остроге» обязан был собрать ее больше своего предшественника, «с прибылью». Он требовал с ясачных, как с него требовали и воевода, и Сибирский приказ, по пять-семь соболей со взрослого мужчины, а не сколько дадут, как было заведено в прежние годы. Насколько необременителен был ясак, можно судить по тому, что средний конь стоил пятнадцать соболей, а коней каждый степняк имел множество. То, что старшины родов принесли приказчику вместо оговоренной рухляди плохих лис, было обычным для того времени вызовом казакам и предтечей нападения на острог. Это понимали и служилые, и сами ясачные. И все же они подали жалобу, организованную кем-то из казаков, обиженных приказчиком.

Казаков Иван Похабов, как и положено приказчику, удерживал от драк, пьянства, игры в зернь и карты. Судя по казачьей жалобной челобитной, он застал служилых во время драки, поножовщины и запрещенных игр. Единственное выходящее за обязанности приказчика преступление — это обвинение в том, что «имал на постелю чужих жен». Но без этого обвинения не обходилась ни одна жалоба того времени, и не потому, что все приказчики страдали чрезмерной потенцией, а потому, что такие преступления были недоказуемы. По справедливому замечанию известного историка Д.Я. Резуна, в XVII веке уж если писали жалобу в Сибирский приказ, то так, чтобы у читающих его дьяков волосы вставали дыбом. Иначе на нее не обращали внимания.

Примерно в то же время в Сибирский приказ подавались жалобы на Ерофея Хабарова, на казачьего голову Афанасия Пашкова, чуть позже на приказчика того же Братского острога Кафтырева. В сравнении с жалобами на Похабова они действительно производят впечатление. Но почему именно Ивана Ивановича Похабова историки XIX и XX веков избрали в качестве образца жестокости «дикого» XVII века?

На случайную, скорее всего, оговорку о Похабове И.Фишера, возможно, подтолкнуло то, что во время его работы над книгами Е. Хабаров был уже прославлен как герой Сибири. Приказчик Кафтырев, неизвестно как получивший чин сына боярского, да и саму должность, был европейцем. При «евроцентризме», бытовавшем в умах образованных людей XVIII–XIX веков самый захудалый европеец в России — был лучше русского человека. (И. Фишер и Г. Миллер, проживая в России и будучи в ней на службе, боролись за то, чтобы русских детей в Академию не принимали!) Афанасий Пашков был разрядным дворянином по московскому списку. Дворянский чин в XVII веке был еще просто чином, а не сословием, но во времена работы Фишера над «Сибирской историей» российское дворянство почти сравнялось с европейским в правах и получило исключительные сословные и потомственные преимущества перед народом. Таким образом, самый скромный в донесениях о своих заслугах, нелюбимый казаками за то, что не крал сам и им не позволял обирать ясачных сверх государева обложения, ко всему — самый малооплачиваемый среди енисейских детей боярских, Иван Похабов стал символом русского зла в Сибири.

Не пытались оправдать Ивана Похабова и в «рабоче-крестьянском» XX веке, в котором советские историки провели грандиозную текстологическую работу, хотя работали в жестких условиях идейной цензуры. И более того... Не хотелось бы упоминать в контексте статьи имя великого сибирского ученого, историка и подвижника Алексея Павловича Окладникова, который внес огромный вклад в историческую науку Сибири. Но из песни слово не выкинешь. Нынешние непримиримые борцы за честь «покоренных» народностей Сибири по большей части опираются на его высказывания об Иване Похабове.

Очерки А.П. Окладникова по истории западных бурят-монголов были напечатаны в 1937 году. На мой взгляд, это самые слабые и самые заидеологизированные из его работ. В других статьях я не помню такого обилия цитат классиков марксизма и укоров в адрес дореволюционной России. Никаких новых фактов в образ Ивана Похабова ученый не внес. Он просто дотошно расписал и чувственно акцентировал внимание читателей на тех же самых челобитных, о которых сказано выше. При том автор постоянно оправдывался, что имя Ивана Похабова избрано им случайно, как «типичного русского завоевателя», что ничем не лучше его были атаман Иван Галкин, пятидесятник Василий Колесников, Курбат Иванов, Пашков, Кафтырев и другие колонизаторы помещичьего царизма.

Незадолго до 1937 года, кажется, в 1934 году, великий вождь изрек очередную мудрость, дескать, русский народ в неоплатном долгу перед всеми другими, угнетенными царизмом, народами России. А время было особое, когда именитые ученые попадали в лагеря только за то, что публично не восхищались тем или иным высказыванием вождя, публично не выражали ему своей личной преданности. Известно, что перед публикацией этих статей, из которых обычно цитируется только первая, про завоевателей, и замалчивается вторая, про монголо-бурят, над Алексеем Павловичем висела серьезная угроза ареста. Можно ли из нашего времени осуждать ученых, шедших на сделку с совестью, чтобы сохранить жизнь? Можно ли ссылаться на подобные их работы в поисках истины в наше время? Это решать и судить каждому в отдельности.

В целом Советская власть не объявляла сибирских казаков эксплуататорами и врагами классовой борьбы за светлое будущее. А в 1942–1945 годах, при том же самом вожде, за публикацию подобного взгляда на историю Сибири можно было схлопотать расстрельную статью, поскольку в тяжелом 1948 году широко отмечалась юбилейная дата похода под началом Семена Дежнева из устья Колымы в Анадырь. Всеу свое время.

Между тем, судя по несерьезному лепету, которым современные авторы статей об Иване Похабове пытаются навязать сибирякам нелестный образ «завоевателя» и «завоевания», Ивану Ивановичу «шьют» «разжигание национальной розни». Вот где собака зарыта! *И в Российской империи, и в СССР, и в демократической России русскому человеку такое преступление не прощается.* Видимо, нужна была царским и коммунистическим идеологам историческая личность русской национальности, которую дозволяется ругать. И она нашлась. Для доказательства вины отца нашего города используются даже записи фольклориста Элиасова. В 30-х годах XX века он записал на Ольхоне воспоминания **забайкальского** бурята, предки которого триста лет подряд, из поколения в поколение, в виде преданий передавали память о жестокости Ивана Похабова (видимо, о его походе на Селенгу). Хотя, как известно по записям того же Г. Миллера, в XVIII веке в Сибири ни сибирские татары (тюркоязычные мусульмане), ни сами мон-

голы даже о Чингисхане не помнили. Можно ли в таких серьезных обвинениях доверять «фольклору»? В начале перестройки, видимо в надежде на получение грантов, на основе версий и домыслов, появились картины о насильственном крещении И. Похабовым аборигенов в проруби, множество статей, очерняющих его образ. Накал страстей защитников кочевых народов Сибири утих, но не затух и по сей день. Об этом можно узнать через интернет.

Георгий Борисович Красноштанов, киренчанин, историк, работавший в Московском архиве, издал три книги, уникальные по точности фактов и по новым, найденным им документам: «Никифор Романов Черниговский» и «Ерофей Хабаров», «Ленская пашня». От Георгия Борисовича, посвятившего жизнь изучению истории Сибири, знаю, что в госархиве, в фонде «Сибирского приказа», много челобитных, наказных грамот и памятей Ивана Похабова. Но основатель Иркутска остался в стороне от поисков Красноштанова — слишком велика наша история, одному человеку всего не охватить. Москвичей она не интересует, зажиточные иркутяне, живущие в столице, историей нашего города не занимаются, а рядовому иркутскому подвижнику, писателю или историку долгосрочная поездка в Москву, проживание и работа в столице так далеко не по карману, что надеяться не на что.

Но, благодаря сибирякам-подвижникам и Георгию Борисовичу — потомку первых ленских поселенцев — некоторые отрывочные сведения есть и у нас. И прежде, чем слепо доверяться фразе, брошенной ученым гастарбайтером XVIII века, давайте рассмотрим, что же происходило в Восточной Сибири во времена правления Ивана Похабова Приангарьем?

В начале пятидесятых годов XVII века русское население острогов этого края было потрясено рассказами Ерофея Хабарова и его соратников о Даурских землях. В 1653 году Хабаров ехал в Москву в сопровождении конвоиров-приставов, через Илимский и Енисейский остроги. Он сам рассказывал о Даурии красочней своих товарищей, а его богатые одежды были лучшим свидетельством его слов. Служилые, пашенные, промышленные и гулящие люди побежали на Амур малыми ватагами и отрядами в несколько сотен, как полк «воровского атамана Михайлы Сорокина». Русская Сибирь опустела. Воеводы ставили казацьи заслоны на пути беглецов, уходили и заслоны. В острогах в службу верстались все подряд, главным условием при крестоцеловании было «не бегать в Дауры».

В середине 50-х годов XVII века, после очередного охлаждения отношений с монгольским Алтынханом, отписки того времени отмечают в Братской степи множество «мунгальских людей» торговых и воинских. В Приангарье началась массовая откочевка бурятского населения за Байкал и в Ургу, чему поспособствовала очередная война енисейцев с красноярцами, межволостные разборки казаков, грабежи бегущих в Даурию ватаг, и, главное, антирусская политика Лоузана, сына старого Алтынхана.

Балаганский острожек в 1655 году осаждался «братами». В 1656 году в Братском остроге произошел бунт: пашенные и служилые, захватив оружие, бежали в Даурию. В 1657 умер Алтынхан, трижды принимавший подданство России и по законам того времени перелавивший сбор ясака с подвластных ему народов на русского царя. Своей смертью он развязал руки сыну. С большим войском Лоузан подходил к Томску. Монголы отовсюду зазывали к себе бурят и тунгусов-эвенков. На Оке, и в Братской степи даже среди верных ясачных родов начались беспричинные смуты.

В том же 1657 году, по пути в Забайкалье, в Братском остроге зимовал бывший енисейский воевода Афанасий Пашков. Описание жестокости этого человека

протопопом Аввакумом действительно «производит впечатление». Если неистовый старообрядческий апостол что-то и преувеличивал, то сам факт, что из 600 казаков, уходивших строить Нерчинский острог, в живых осталось полсотни, и добрый десяток был до смерти забит кнутами лично Пашковым, такой факт в то время «произвел впечатление» и на царя, и на Сибирский приказ. Известно, что ясачные люди Братского острога примерно в это же время побежали с мест своих кочевий, хотя вскоре частично вернулись. И в этот самый трудный для Братского острога год приказчиком в нем был поставлен И.И. Похабов. Тогда же на него были поданы челобитные жалобы, о которых говорилось выше. Твердой рукой он навел порядок в Братском остроге и укреплял его. С поданных острогу бурят, эвенков и карагасов сумел взять ясак полностью.

Весной острог был осажден большим войском бурят и монголов, но выдержал осаду. Челобитные с обвинениями приказчика были отправлены до осады, видимо, вместе с просьбой Похабова о воинской помощи и об опасности нападения, но втайне от него. Получены они были новым енисейским воеводой Максимом Ртищевым.

Воевода отправил в Братский острог смену казаков и приказчика, сына боярского Якова Тургенева, с тайным приказом сопроводить Похабова в Енисейский острог для разбирательств по жалобам. В отряде находился Иван Перфильев, сын ближайшего товарища Похабова, возможно, крестник Ивана Ивановича, один из первых иркутских жителей, человек, в дальнейшем широко известный своей порядочностью и честностью.

Телефонов, как известно, в то время не было. Отряд Якова Тургенева шел на перемену, ничего не зная об отбитой осаде Братского острога. На месте сын боярский Тургенев должен был во всем разобраться, но он не отменил воеводский приказ, то ли потому, что не желал спорить со старшим по должности, то ли по иным причинам.

Бояре Ртищевы при царе Алексее Михайловиче Романове занимали высочайшие государственные посты, но попали в опалу за верность старообрядчеству. Для человека этой фамилии (если Максим Ртищев был родственником боярам Ртищевым) его воеводство в Енисейске было ссылкой и наказанием. Сын боярский Яков Тургенев тоже был в опале, за предыдущие служебные неудачи. Здесь, наверное, и кроется отгадка, почему тот и другой желали тайно арестовать Ивана Похабова и повезли его с приставами в Енисейский острог. И воевода, и приказчик прекрасно понимали, что собрать ясак в том количестве, в котором собрал его Иван Похабов, они не смогут. На какое-то время можно было оправдать себя, обвинив в этом прежнего приказчика в откочевке бурят. Жалобы на него имелись. Оправдания в недосборе ясака могли быть временными, но пока тянулось разбирательство и переписка с Москвой, тот и другой обвинители надеялись поменять места службы и избежать гнева царя: дольше двух лет воеводы и приказчики на одном месте не засиживались.

Немолодого уже и заслуженного Ивана Похабова не могла привлекать перспектива сидеть в яме и ложиться под кнуты, доказывая свою правду. Кто-то сообщил ему о том, что его ждет в Енисейске. Скорей всего это был Иван Перфильев. Иван Иванович бежал в независимое от Енисейска Илимское воеводство. И действительно, вскоре был оправдан и властью, и своим окружением, но до сих пор остается под незаслуженным обвинением потомков, и в первую очередь — иркутян.

При приказчике Тургеневе из Братской степи откочевали последние ясачные роды бурят. Политическая обстановка на востоке Сибири была сложной. Забайкальские монголы платили дань китайскому богдыхану. Китай был на грани очередного развала, завоевания и смены монгольской династии императоров маньчжурской династией. Свободна, крепка и независима в то время была только Русь. И, как бы не относился царевич Лоузан к России и казакам, больше ни ему самому, ни бурятам опереться было не на кого. Особенно остро эта проблема должна была встать после смерти Алтынхана, когда началась междоусобица монгольских царевичей. И Лоузан прекратил воинские нападения на остроги, отправил к русскому царю посольство и вскоре принял присягу, подтвердив клятвы отца.

Посольство было отправлено в самом немирном и конфликтном 1661 году, в том самом, когда казаками Якова Похабова был заложен Иркутский острог. На том все прежние разногласия с бурятами и монголами закончились.

Но вернемся к обвинению в жестокости. В XVII веке христианизация и колонизация Сибири находились в противоречии. Сибирские митрополиты того времени благословляли миссионеров приводить все народы к вере: мусульман и буддистов через сложный обряд, который насильственно провести невозможно, язычников, по понятиям того времени — людей без веры, крестили как детей. В то же время царь своими приказами препятствовал этому и запрещал крестить инородцев, поскольку крещеный освобождался от уплаты ясака.

По законам того времени «ясырей», т.е. военнопленных служилые обязаны были отдавать на выкуп, а если их не выкупали — отпускать в улусы, у кого там есть родственники. Сохранились челобитные, в которых отпущенные на волю в приказном порядке умоляли царя остаться у прежних своих хозяев. Свобода и голодная смерть для них были однозначны. Таким образом, подлежащие продаже, как правило, были иноплеменными рабами у монголов и бурят. А продажа людей в то время была обыденным явлением, как среди русского населения всех сословий, так и среди инородцев.

По Российскому законодательству того времени, «холопить» и продавать на сторону можно было только единоверцев. Но вывозить купленных холопов сибирской породы за пределы Сибири запрещалось. Наверное, не совсем по церковному обряду совершался акт крещения язычников, перед тем, как ясыри продавались. Наверное, бывали случаи, когда ясыри, доставленные в остроги, а то и купленные в улусах, узнавали, что у иноверца на Руси прав больше, чем у христианина, и начинали торговаться или отказываться от крещения, забыв прежние обещания.

Холоп на Руси и в Сибири, будучи представителем самого бесправного социального слоя, в отличие от европейского раба, имел законные права и защиту. Сословного крепостного права еще не было. Ясырей покупали промышленные и пашенные люди. В крестьянском хозяйстве того времени они имели приличный вес. Часто крестили ясырей сами крестьяне и давали им свои фамилии. Много свидетельств тому, что, отработав определенный срок, ясырь сам становился крестьянином. Богатый казак ходил в бой с охраной из двух, а то и из трех вооруженных ясырей, которые нередко и сами приверстывались в казаки.

При острогах были так называемые «крепостные столы», которые ведали домашним холопством. Среди таких «кабальных холопов», временных или постоянных, было предостаточно русских людей, взявших на себя кабалу. А среди ясырей преобладали не «тунгусы» и не «браты», а мужики и женки «мунгальской» поро-

ды, т.е. самого сильного и независимого от Руси народа. Это говорит о многом и развеивает всякие нелепые домыслы.

В завершение своей версии об отцах-основателях Иркутска, мне хотелось бы сказать, что бескровных объединений история не знает. Те же монголы, чтобы объединить свои разрозненные племена, пролили монгольской крови больше, чем в следующий век, завоевав полмира. Москва, чтобы объединить разрозненные княжества, часто с помощью монголо-татар, пролила русской крови больше, чем в противостоянии Востоку и Западу. Но из всех известных объединений, воссоединение Руси с Сибирью, или частичное восстановление прежней империи Чингисхана, было самым бескровным.

Не без споров и стычек, но огромная территория Урала, Сибири и Дальнего Востока была пройдена и объединена русскими служилыми людьми меньше чем за век. Одним геройством первопроходцев такой феномен не объяснишь.

В челобитных и отписках приказчика Верхотенского острога Курбата Иванова не единожды упоминается, что среди бурятских племен добрая половина населения твердо поддерживала власть русского царя. Среди эвенков процент принимавших власть казачьего царя был еще выше. А границы России за Байкалом, по Нерчинскому договору, были определены с Китаем исключительно благодаря поддержке монголов.

Но это был еще только XVII век. В XVIII, дворянско-европейском, сибирские казаки стали самым бесправным населением Сибири. Сбор ясака с инородцев-иноверцев со временем уменьшался. Они были освобождены от воинской повинности и других податей, исполняемых русским народом, при том имели исключительные права на своих национальных территориях, судились своим традиционным судом (кроме убийств и антигосударственных действий).

На Алтае, во времена Екатерины II, появились «кержаки» — старообрядцы русского происхождения, приравненные к инородцам. В Якутии русские пашенные люди ассимилировали целыми деревнями до такой степени, что забывали родной язык. Те и другие считали свое социальное положение, приравненное к инородцам, великим благом и редким счастьем.

Отдельный разговор: кому во благо стали «русские завоевания» в Сибири, в Средней Азии, на Кавказе, и далее на запад до Финляндии, русской кровью освобожденной от шведского владычества? И какую благодарность получил за это русский народ?

Где родился вице-адмирал В.А. Корнилов (1806–1854)

Выводы на основе новых фактов

До сих пор о месте рождения знаменитого русского флотоводца мы не имеем точного представления. По данным Большой советской энциклопедии (т. 13. М., 1973) и Советской военной энциклопедии (т. 4. М., 1977), это произошло в Тверской губернии 1(13) февраля 1806 года. Морской энциклопедический словарь (СПб., 1993) дает лишь год рождения — 1806. В книге «Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы» (Тюмень, 2000) говорится, что Владимир Алексеевич появился на свет в Сибири. Противоречивые сведения содержатся в недавно вышедших монографиях. В «историческом романе» И.И. Фирсова «Корнилов. Впередсмотрящий» (М., 2005), фактически являвшемся не романом, а биографией, в одном месте приводится цитата из БСЭ о том, что В.А. Корнилов родился в Тверской губернии, а в другом сообщается, что младенческие годы его прошли... в Сибири. Более объективно, на мой взгляд, оценивает ситуацию С.Б. Кузьмина, автор новой книги о герое Севастопольской обороны: «Обнаружить документы о рождении, детстве и юности В.А. Корнилова не удалось. Даже точная дата и место его рождения до последнего времени не установлены. Из его формулярного списка следует лишь, что он родился в 1806 году: в это время А.М. Корнилов (отец будущего флотоводца. — *А.Д.*) был губернатором Иркутска. Возвращалась ли его семья в это время в Тверскую губернию — неизвестно, но в переписке самого В.А. Корнилова ни Иркутск, ни Тверская губерния не упоминаются, хотя когда в 1846 году ему потребовались метрическое свидетельство и родословные документы, он обращался не в Иркутск, а в Тверь и Петербург. Считается, что все документы семьи Корниловых бесследно пропали в 1812 году, когда во время вторжения французских войск архив дворянского депутатского собрания был перевезен из Твери в Бежецк»¹.

В самом деле, Алексей Михайлович Корнилов занимал пост Иркутского губернатора и жил в Иркутске с 15 июля 1805 по 29 июля 1806 года². Там он оказался в подчинении у Сибирского наместника (генерал-губернатора) И.О. Селифонтова. 3 сентября 1805 года в Иркутск прибыл назначенный послом в Китай граф Ю.А. Головкин. Из Иркутска в Поднебесную Головкин направился 26 сентября. Поскольку въезд в Пекин графу не разрешили из-за его отказа выполнять унизительные церемонии, он вернулся в Иркутск 27 февраля 1806 года и жил там до 1 ноября³.

Тремя главными фигурами в Иркутске на тот период оказались Головкин, Селифонтов и Корнилов. Об отношениях, сложившихся между ними, подробно рассказывает декабрист В.И. Штейнгейль:

«На губернаторство приехал честный моряк Корнилов, лично известный <...> государю. Вы, верно, догадаетесь, что и этот не сошелся с <...> Селифонтовым.

¹Кузьмина С.Б. Адмирал Корнилов. М., 2007. С. 18–19.

²Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 191, 201.

³Там же. С. 192, 195, 202.

У них доходило до публичной разбранки, и, конечно, Корнилову было бы дурно, если бы не подоспело посольство графа Головкина.

Вам, конечно, известно, что графу Головкину поручено было в проезде до границы Китая обращать внимание на состояние губерний, по тракту лежащих, и доносить правительству, что заметит дурное. Как Лещано (Иркутский губернатор в 1798–1802 годах. — *А.Д.*) по надменности своей не захотел кланяться Селифонтову, так точно и этот в качестве полномочного вице-роя не оказал приезжему гостю особенного уважения. С первой встречи заметили в нем сухость. Напротив, Корнилов старался привлечь на свою сторону не только посла, но и всю его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная фон дер Флит, была весьма любезная, ловкая, гостеприимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезным, и кавалеры, как говорили в Иркутске, «живмя жили» в губернаторском доме. После, когда Корнилов выехал из Иркутска с долгами, повторяли, что он «прожил на посольстве». Как бы то ни было, верно то, что Александра Ефремовна успела передать свите графа всю, как говорится, «подноготную» о Селифонтове, и граф всякое утро получал верный отчет о том, что там слышали. Последствие оказалось вскоре.

Едва граф Головкин отправился в Китай, Селифонтов поехал для свидания с семейством в Тобольск, дав обещание иркутянам вскоре вернуться. Прожив несколько месяцев в Тобольске, он и действительно думал уже о возвратном пути, как вдруг последовал высочайший указ об увольнении его от службы и о запрещении ему въезда в столицы»⁴.

Как видно из процитированного текста, жена А.М. Корнилова в 1805–1806 годах находилась в Иркутске.

Что же касается точной даты рождения будущего вице-адмирала, то, судя по всему, в выявленных источниках она отсутствует. Приведем выдержки из прошения Владимира Корнилова об определении его в Морской кадетский корпус:

«Январь 1818 г.

Отец мой родной, действительный статский советник Алексей Михайлов сын Корнилов, службу Вашего Императорского Величества продолжал во флоте, ныне мне от роду двенадцать лет, обучен по-русски и по-французски читать и писать и арифметике, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не определен, а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты. <...>

А что я действительно из дворян и помянутому действительному статскому советнику Алексею Корнилову законный сын, в том представляю при сем свидетельство. Испомещен же состою в Тверской губернии, крестьян за отцом моим тридцать душ. <...>

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что означенный в сем прошении недоросль из дворян Владимир Корнилов действительно законный сын служившему во флоте действительному статскому советнику Алексею Михайловичу Корнилову и от роду имеет ныне двенадцать лет.

Генваря дня 1818 года»⁵.

День в подлиннике не указан. Затем следуют подписи четырех солидных лиц, в том числе генерал-лейтенанта и контр-адмирала, и помета — очевидно, чиновника Морского корпуса: «Подано 1 февраля 1818 г.»

⁴Штейнгейль В.И. К Иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1992. С. 191.

⁵Вице-адмирал Корнилов. Материалы для истории русского флота. М., 1947. С. 25–26.

Ясно, что прошение составлял не сын, а отец, который, видимо, спешил, поскольку не указал ни дня рождения отпрыска, ни дату свидетельства четырех дворян. Так как в тексте дважды упоминается январь, Владимир, скорее всего, родился не 1 февраля, а в последних числах января.

Учитывая приведенные выше сведения, я предположил, что В.А. Корнилов появился на свет в Иркутске. Не отправляли же Александру Ефремовну рожать в Тверскую губернию — за 5 с лишним тысяч верст! Подобное путешествие беременной женщины в тогдашних экипажах по тогдашним дорогам представляется почти невероятным. А для жены губернатора хороший врач нашелся бы и в Иркутске.

Конечно, главным документом, свидетельствующим о дате и месте рождения жителя России XIX века, является выписка из метрической книги. Но обнаружить такую выписку о В.А. Корнилове не удалось ни в Иркутске, ни в Тверской области.

В 2003 году, чтобы выяснить, почему местом рождения вице-адмирала считается Тверская губерния, я сделал запрос в Тверской государственный объединенный музей. Мне ответили, что так указано в документах, хранящихся в Государственном архиве Тверской области: деле о внесении в родословную книгу дворянства Корниловых, родословной дворян Корниловых, автобиографии (номера дел опускаю). То есть так писали сами Корниловы. Их поведение вполне объяснимо. Спустя несколько месяцев после рождения Владимира семейству пришлось выехать из Иркутска. Губернатор, понимая, что с И.О. Селифонтовым ему не ужиться, попросился в Тобольск. Сменившему вскоре Селифонтова на посту генерал-губернатора И.Б. Пестелю хотелось иметь в Иркутске своего ставленника, и он не возражал. Император согласился на перемещение Корнилова в Тобольск, и 29 июля 1806 года полугодовалый Володя, видимо, отправился в свое первое путешествие.

Однако И.Б. Пестелю Корнилов не нужен был и в Тобольске. В 1807 году он явился туда с визитом. О дальнейшем развитии событий повествует все тот же В.И. Штейнгейль. Пестель, «расставшись в Тобольске с губернатором Корниловым и с вице-губернатором Штейнгелем, моим дядею, как нельзя лучше, по приезде в Санкт-Петербург на обоих сделал представление, вследствие которого они преданы суду Сената. Место Корнилова получил зять Пестеля фон Брин. Поступок вообще не весьма чистый. Корнилов и Штейнгейль впоследствии оправдались, но огорчения свели последнего преждевременно в гроб»⁶.

Это сообщение дополняет В.И. Вагин: «Крайнее себялюбие, страсть к произволу, потворство своим любимцам, неутолимая мстительность — вот отличительные черты Пестеля. Тотчас после первого обозрения Сибири он возвратился в Петербург и жил там постоянно. Здесь главным занятием его было ожесточенное преследование двух смененных им губернаторов: Томского — Хвостова и Тобольского — Корнилова. Корнилов обвинялся в том, что привел в исполнение одну меру, предписанную тем же Пестелем, но отмененную им впоследствии»⁷.

Неясно, когда Алексея Михайловича оправдали, но даже и оправдание не давало возможности вернуться на государственную службу. Как пишет В.И. Вагин, вплоть до 1819 года Пестель, находясь в Петербурге, занимался преследованием

⁶Штейнгейль В.И. Указ. соч. С. 193–194.

⁷Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1. СПб., 1872. С. 6.

Корнилова и Хвостова. Пестелю покровительствовал А.А. Аракчеев. Поэтому А.М. Корнилов и вынужден был жить в Тверской губернии в качестве помещика. Восстановить свое прежнее (и вполне заслуженное) положение в обществе ему удалось лишь в 1822 году, когда он стал сенатором. Не приходится сомневаться, что это связано с приездом нового генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского в Петербург (март 1821 года) и особенно с указом императора Александра I (январь 1822 года) об отстранении от службы И.Б. Пестеля⁸. Сперанский старался по возможности помочь лицам, которых преследовала прежняя администрация.

Вышеупомянутые записи в дворянской родословной и в автобиографии В.А. Корнилова, очевидно, сделаны в 1818 году, когда Владимир попытался поступить в Морской корпус. Скорее всего, решение объявить местом рождения сына Тверскую губернию Алексей Михайлович принял потому, что, считаясь хоть и оправданным, но все же бывшим под судом и следствием, старался даже не вспоминать о своем неудачном губернаторстве.

Эти аргументы были высказаны мной в статье, напечатанной в иркутском журнале «Сибирь»⁹. Там я говорю о рождении В.А. Корнилова в Иркутске предположительно. Теперь выявлены новые факты, которые дают возможность сделать более определенный вывод. Я имею в виду сведения, содержащиеся в объемистом сборнике «Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы» (Т. 1. 1803–1807. М, 1995). Сборник посвящен посольству Ю.А. Головкина; в приложениях к нему даны «Воспоминания Ф.Ф. Вигеля о его поездке в составе посольства Ю.А. Головкина в Цинскую империю (1805–1806)».

Вигель прибыл в Иркутск 8 сентября 1805 года. «Почтенный Алексей Михайлович Корнилов, гражданский губернатор, к сожалению, не совсем <...> ладил с Селифонтовым и от этого был в большой милости у посла (о взаимоотношениях последнего с генерал-губернатором см. выше. — *А.Д.*). Дом его мог почитаться единственным в Иркутске; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная фон дер Флит, в нем угощала нас и своей непринужденностью, можно сказать, неумышленною любезностью всем нравилась. В день коронации, 15 сентября, была она хозяйкою на многолюдном и, говорят, престранном бале, который городу давал Головкин. Я не опишу его, ибо, простудившись, не был на нем».

21 декабря И.О. Селифонтов выехал из Иркутска в Тобольск, а посол Ю.А. Головкин находился в Китае. Поэтому 31 декабря 1805 года в качестве первого лица «губернатор Корнилов дал для всех сословий города бал, который в 12 часов, т.е. в полночь, ознаменован 16 пушечными выстрелами, для встречи нового 1806 г.»¹⁰. Это сообщение Иркутской летописи дополняет Ф.Ф. Вигель:

«Все мы <...> проводили жизнь у губернатора Корнилова. <...> Александра Ефремовна, губернаторша, умела так быть любезна с купцами и женами их, что для нея согласились они на один вечер отказаться от своих предрассудков и встретить у нея новый, 1806 год.

Всем снабжают Сибирь преступления, сделанные в России: в Иркутске было даже человек до десяти музыкантов. Васильчиков открыл бал с хозяйкой, а после того как он, так и она, так и почти все мы танцевали до упада; худо ли, хорошо ли, только от всего сердца. Дамы были все жены чиновников, а кавалеры (так называли тогда танцующих) были все мужья чиновниц».

⁸Ермолинский Л.Л. Михаил Сперанский. Иркутск, 1997. С. 335.

⁹Дулов А.В. Корниловы: губернатор и вице-адмирал // Сибирь. 2006. № 3. С. 26–40.

¹⁰Иркутская летопись. С. 195.

Отсюда следует, что с сентября 1805 по январь 1806 года мать будущего вице-адмирала в Тверскую губернию не выезжала. Практически неосуществимой представляется ее поездка туда и в январе 1806 года. В Иркутске средняя температура января — минус 20 градусов, а нередко бывают дни, когда термометр опускается ниже минус 40 градусов. Отправить беременную на девятом месяце женщину в дорогу при такой стуже — верх опрометчивости. Кроме того, и физически преодолеть столь большое расстояние за месяц было едва ли возможно. Расчеты показывают, что для этого требовалось передвигаться со скоростью 186 километров в сутки. Однако с такой скоростью ездили тогда только курьеры. Что же до обычных пассажиров, в первой половине XIX века их «средняя скорость» во время длительных путешествий составляла 40–125 километров в сутки».¹¹

Остается признать очевидное: Александра Ефремовна родила своего сына Владимира в Иркутске.

¹¹Дулов А.В. *Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.)*. М., 1983. С. 130.

Ленский причал Ерофея Хабарова

Карта времен Е. Хабарова

В 1641 году в устье реки Киренги зазеленела хлеботородная нива. Впервые за всю историю целинных земель коснулся плуг землепашца. И был этим землепашцем промысловый и торговый человек Хабаров.

Ерофей Павлович Хабаров родился в семье крестьянина. Дата его рождения точно не известна. Скорее всего, где-то между 1605 и 1607 годами, так как уже в 1629 г. Хабаров был на Таймырском полуострове и занимал там должности целовальника и помощника ясачного сборщика.

Местом рождения знаменитого землепроходца была деревня Дмитриево Вотложинского стана Устюжского уезда, расположенная на берегу реки Сухоны. Юношеские годы Ерофея Хабарова проходили в Великом Устюге, который играл заметную роль в экономическом развитии России в XVII веке.

Пашенные крестьяне Устюжского уезда жили земледелием, промыслами и торговлей. С развитием пушного промысла многие, оставляя насиженные места, уходили в далекую Сибирь искать новые земли и богатые соболиные промыслы.

Решил попытать счастья и крестьянский сын Ерофей Хабаров. С Ерофеем пошёл и его младший брат Никифор. Самым выгодным в те годы районом промыслов на соболей была Мангазея. Туда и отправились братья. Ко времени прибытия братьев в Мангазею, соболь в этом районе был уже в значительной мере выбит. Промысловики подавались дальше — в район Тунгуски, Енисея и Таймырского полуострова. После неудачного промыслового сезона, весной 1629 г. Ерофей назначен таможенным целовальником в дальнее Хетское зимовьё.

Помогая ясачному сборщику, Ерофей ездил от стойбища к стойбищу, собирал ясак соболями, лисицами, песцами. Хабарову пришлось исколесить значительную часть Таймырского полуострова и тем самым принять участие в его географическом обследовании.

Как служебное лицо, связанное со сбором пошлины и ясака, Ерофей не имел права участвовать в промысле в качестве руководителя артели. Поэтому весь свой капитал он перевел на имя Никифора, который с ватагой промысловиков добывал пушнину в центральной части Таймыра. Через год Хабаровы возвратились в Мангазею с большой прибылью.

Здесь они застали напряжённую обстановку — распри между воеводами. Большая часть промысловиков заняла позицию воеводы Палицына. Среди них были и братья Хабаровы. Сам Ерофей, будучи человеком активным и достаточно смелым, вызвался доставить в Москву в Казанский приказ челобитную мангазейского мира против воеводы Кокорева, обвинявшегося в насильствах, нападках и

разорении Мангазейской «землицы». В январе 1631 года Ерофей Хабаров прибыл с челобитной в Москву.

На обратном пути он заехал на родину — в Устюг Великий и Соль Вычегодскую. А оттуда задумал отправиться на Лену. Слухи о «великой реке Лене» уже распространились среди промышленного люда. И Хабаров решил податься туда и попытать счастья. Точная дата прибытия Ерофея Хабарова на Лену неизвестна, но скорее всего это произошло в 1632 году. Вместе с Ерофеем сюда пришли брат Никифор и племянник Артемий Петриловский. В первые несколько лет пребывания в ленском крае Хабаров не имел постоянного места жительства. Занимаясь соболиным промыслом, он переходил с места на место в поисках богатых соболиных урочищ. Охотился Хабаров с артелью-ватагой, в которой он был «передовщиком». Здесь же были его брат и племянник.

Удачная охота приносила большие доходы. Сочетая промысел с торгом, Хабаров вывозил собольи шкурки подальше от места добычи, где они были дороже. Такие торгово-промысловые циклы Ерофей Павлович совершал неоднократно, приумножая свое добро. Районы интенсивного соболиного промысла находились сравнительно недалеко. Поэтому Хабаров с артелью охотился на верхних притоках Лены: Куте, Киренге, Чечуе, Вилуе. Видимо уже тогда Хабаров впервые побывал в зимовье в устье Киренги и, конечно же, был знаком с десятником Василием Бугром.

Богатая ленская сторона привлекала всё больше и больше промышленных людей. Край обживался, а вместе с тем и соболь уходил вглубь тайги. Добывать пушнину становилось труднее. И Ерофей Павлович стал всё чаще задумываться об изменении направления своей хозяйственной деятельности. Сметливый ум крестьянского сына подсказывал ему, что будущее края связано не только с пушиной, но и с хлебопашеством и разработкой его недр.

Странствуя по рекам и по тайге, Хабаров невольно приглядывался к земле. Южнее — вверх по Лене, по Киренге и Куте, где климат был более теплым, лежали свободные от леса, освещенные солнцем земли — елани, как бы самой природой приготовленные для трудолюбивых крестьянских рук. Эти-то земли и приглянулись Хабарову.

Будучи предприимчивым человеком, а по натуре своей еще и торговым, Хабаров первым сообразил, в чём имеет особую нужду новый необъятный край. Хлеб и соль! Вот два продукта, которые доставлялись с превеликим трудом в ленский край и продавались за высокую цену. И Хабаров решил именно на этих отраслях построить свое благополучие.

В 1637 году Ерофей Хабаров отправился в Енисейск к воеводе с самыми заветными мыслями. И счастье улыбнулось ему, промышленному и торговому человеку Ерофею Хабарову было дозволено в устье реки Куты «в угожем порозжем месте пашню завести, да на Усть-Куты построить варницу, в которой соль варить безпереводно, ...чтоб тамочным жителям в хлебе и в соли недостатка не было». Стороны оговорили и казенный интерес: каждый десятый сноп хлеба и каждый пятый пуд соли торговый человек Ерофей Хабаров должен был отдавать в казну на государя.

В конце мая 1638 года из Енисейска вышел отряд Хабарова, насчитывающий 27 человек. Это были «гулящие» люди, нанятые Ерофеем на соболиный и рыбный промыслы, а также для работы на пашне. С собой на Лену Хабаров вёз разный товар на сумму в 1504 рубля: 2 тыс. пудов хлеба, 300 саженой сетей неводных, 2 пуда меди в слитках, 100 аршин сукон сермяжных, 27 кафтанов бархатных. Такое коли-

чество хлеба объяснялось тем, что его везли для продажи, снабжения промысловой артели, а главное — в посев на новой земле.

Будучи человеком состоятельным, Ерофей Павлович не использовал своего права на получение казённой ссуды. Поэтому он с полным основанием утверждал: «Устроил я пашню своими пожитками, а не твоею, государь, казною». Пашня, распаханная и засеянная в 1640 г. в устье реки Куты по инициативе и на средства Ерофея Павловича, положила начало земледелию в Ангара-Илимско-Ленском районе. Здесь же дала первую соль основанная Хабаровым соляная варница. Хабаров с нескрываемой гордостью писал: «А опричь меня... никто заводу пашенного и варнишного здесь не заваживал».

В первый же год урожай составил не менее 1300 пудов ржи. В голодном и малохлебном Ленско-Илимском районе это было целым богатством. К весне 1641 г. Ерофей Павлович поднял «наёмными работниками» около 30 десятин.

Первый сев Хабарова явился лишь началом «беспрерывного опыта» крестьян Илимского воеводства, из которого, как писал исследователь Илимской пашни В.Н. Шерстобоев, «выросли основы местной агротехники».

Когда Ерофей Хабаров «выпросил» себе земли для заведения пашни, то они были в составе Енисейского воеводства, а когда на них заколосились пашни, то уже были в составе Якутского воеводства.

По пути к месту службы, назначенный в Якутск воевода Пётр Головин имел возможность осмотреть пашни, заведённые Хабаровым. Из запасов было взято в «долг» на казённые нужды 3000 пудов зерна. По прибытии в Якутск Головин начал проводить мероприятия по заведению казенной пашни. Но дела шли неважно — для этого требовалось время, которого так не хватало воеводе. И тогда Головин, к чему-то придравшись, отписал у Хабарова «на государя» его пашню в устье реки Куты, Усолё с двором и варницей.

На конфискованной у Хабарова распаханной земле воевода стал внедрять государеву казённую пашню. А Хабаров («...от воеводы Петра Головина налоги разорился и одолжал великими долги»). Но не такой был человек Ерофей Павлович, чтобы бросить начатое им перспективное пашенное дело. Он приискал новые «угожия» земли, которые лежали на Киренге. И опять набрав работных людей в Енисейске, Хабаров отправил их с поверенным Семёном Максимовым сыном Подболоцкого в район устья Киренги. Было это весной 1641 г.

Своё владение землёй Хабаров оформил специальным документом — «даной» или «отводной». В ней писалось о выделении Хабарову «на великой реке Лене, на усть-Киренги земель под двор, и под гумно, и под огород и под пашню. И пашню ему пахать. И под скотинные выпуски отгородить ему на тех землях непахотные места, смотря по своей мочи и скоту». Хабаров снова поднял пашню только на свои средства, так и не прибегнув к казённой помощи: «пахал... тою пашню, наймучи... своими крошишками, для заводу и распахал шестьдесят десятин... И клячёнка и наймитов наймовал самую дорогою ценою».

Пашенное хозяйство Ерофея Павловича на Киренге, по тому времени, было богатым. Оно снабжало хлебом не только промысловиков, но и казну. Чуть ли не на второй год существования киренгской пашни Хабаров смог одолжить якутской казне 900 четвертей ржаной муки. Здесь была построена мельница, где обмолачивалось зерно «про свой обиход и для сторонних людей». Продолжал Ерофей Павлович заниматься и соболиным промыслом. Отправлял в тайгу артели покрученников.

Прослышав о хорошем урожае у Хабарова, воевода Головин, верный своим принципам, без учёта льготного года, взял с первого же урожая пятую часть для пополнения казенного дохода. Мало этого, Головин потребовал еще, чтобы Хабаров помог своими деньгами пустой якутской казне. Хабаров это сделать отказался. За дерзость и «невежливые слова» в адрес воеводы Хабаров был брошен в тюрьму в Якутске. Находясь там, он написал обстоятельную жалобу на воеводу, которую закончил горькими словами: «Впредь... тое пашнишки заводить нечем. Воевода Пётр Головин... разорил до конца».

Хабаров просидел в якутской тюрьме два с половиной года. По его челобитной было произведено следствие, по распоряжению Сибирского приказа. Поскольку к этому времени Головин был смещён с должности, разбирательством занимались новые воеводы Василий Пушкин и Кирилл Супонев. Действия Головина были признаны неправильными, и Хабарову предназначалось выдать из казны 500 рублей в счет убытков, понесенных при конфискации имущества. Но в якутской казне денег не было, и Хабаров их так и не получил.

После освобождения Хабаров вернулся на Киренгу и снова начал кипучую деятельность. Прибыв на Киренгу, Ерофей Хабаров решил принести в Восточную Сибирь практику, широко распространённую в родном Поморье — самому организовать сельское поселение и стать слободчиком. В середине XVII в. такие сельские поселения уже имелись в западной Сибири. Государство было вынуждено мириться с созданием слобод на частные средства, поскольку само не могло обеспечивать всех переселенцев.

Слободу Хабаров наметил создать на реке Киренге, подальше от административного надзора. Как слободчик он брал на себя обязательства «кликать» всех желающих, обеспечивать их за свой счёт ссудой и подмогой — деньгами, скотом, инвентарем. Создаваемая Хабаровым слобода привлекла много желающих. Люди шли в надежде облегчить своё положение. Воеводы попытались поселить на земли Хабарова трех ссыльных людей, но из этой затеи ничего не вышло. Хабаров отгородил себя на этот раз от посягательств администрации царской грамотой, дающей ему право лично набирать людей в слободу.

К этому времени относятся события, связанные с первыми экспедициями на Амур. Слухи о богатстве нового края, несомненно, дошли и до Хабарова. Он был осведомлён об этих экспедициях и о путях, которыми они добивались на Амур. Но сам попытать счастья и удачи на Амуре до поры до времени не решался.

Весной 1649 года Хабарову подвернулся подходящий момент — вновь назначенный Якутским воеводой Дмитрий Францбеков, по пути следования к месту назначения, на некоторое время остановился в Илимске. Здесь-то в Илимской приказной избе Ерофей Павлович Хабаров подал воеводе челобитную с просьбой отпустить его на Амур с экспедицией. Францбеков поддержал это предложение, тем более, что по своей организации экспедиция с самого начала носила частный характер, ее снабжение осуществлял Хабаров. «По челобитию старого оптовщика Ярка Павлова сына Хабарова отпустили ...иттить на государеву службу на новую землю... да с ним служилых и промышленных охочих людей... А деньгами, и хлебными запасы, и суды, и ружьём, и зельем, и свинцом ссужал и давал он, Ярко Хабаров».

Комплектование и снаряжение экспедиции проходило в Илимске. По просьбе Хабарова Францбеков в марте 1649 года послал из Илимска памяти на устье Куты пятидесятнику Ивану Щуке и на Чечуйский волок и Киренгу приказчику Семену

Чуфарину с приказанием «кликать служилых, промышленных и охочих людей, желающих пойти с Ярофейком на государевых непослушников... без государева жалования». Следовательно, были в отряде и жители нынешнего Киренского района. Скорее всего, это служилые люди, которые пришли в отряд Хабарова вместе с его племянником «Ортюшкою Петриловским: Ивашко Алофеев, Ондрюшка Шипицын, Сенка Сажин, Ивашко Самойлов Иолоков, Гордюшка Кузьмин, Ондрюшка Иванов, Якунка Парфенов, Ондрюшка Семёнов, Ивашко Игнатъев Манзурьев, Сергушка Березовский, Олешка Пелезаров, Васька Ондреев Бегун, Олешка Микитин Самороков, Кузька Мартемьянов, Никитка Павлов, Мартынка Ларионов, Першка Ондреев».

Весной 1649 года экспедиция в двух небольших дощаниках отправилась из Илимска на Амур Олёкминским путём: через приток Лены р. Олёкму, по её притоку р. Тунгир и волоку до притока Амура — р. Урка.

За счет вливавшихся, по пути следования отряда, промышленников экспедиция Хабарова выросла к приходу на Амур до 70 человек. Выяснив обстановку в земле дауров, Хабаров вернулся в Якутск, где набрал новый отряд «охочих людей» — около 200 человек. В 1651 году он вновь прибыл на Амур. До 1653 года Хабаров объясачил местное население и присоединил к России Приамурье, что послужило началом массового переселения туда русских людей.

Осенью 1653 г. Хабаров убыл в Москву по поводу разбирательства на него доноса. Якутский дьяк Пётр Стеншин обвинял Хабарова в основном в двух «преступлениях». Главным из них Стеншин считал неправомерность «Ленского ж уезда с хлебных заимок с Киренги... пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова» носить звание приказного, каковым являлся Хабаров на Амуре. И что он осмелился оставить пашню: «Да он же пашенной. На него в приказной избе имеется поручная запись! А в этой его, Ярофейкиной, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, ...на тебя, государя, пашню пахать! Чтоб год от году пашня пространилась и не запустела! И хитрости и порухи некоторой не чинить и пашню не покинуть!».

Руководитель Сибирского приказа А.Н. Трубецкой не придавал большого значения обвинениям против Хабарова. Администрация Сибирского приказа доложила в Боярской думе о присоединении Амура к России и добилась именного указа царя о награждении Хабарова и его войска, деятельностью которых этот акт был осуществлён.

Летом 1655 г. Сибирский приказ, рассмотрев все обстоятельства дела, признал служебные заслуги Ерофея Хабарова и поверстал его в дети боярские, установив ему годовой оклад в размере 10 руб. денег, 10 четвертей ржи, 10 четвертей овса и 1,5 пуда соли. Случай зачисления Хабарова в дети боярские, минуя казачью или стрелецкую службу, был большой редкостью. Чин сына боярского был первым чином в иерархии чинов феодалов.

Осенью этого же года Хабаров выехал в Илимск, в гарнизон которого он был зачислен. На Лену Ерофей Павлович вернулся примерно в 1658 году. Он поселился на Киренге в своей деревне, которую местные жители называли Хабаровкой. Эту деревню вместе с мельницей, пашенными землями и сенокосами Хабаров в 1650 г., уезжая в Даурию, передал в пользование пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву, который, согласно договору, должен был после окончания даурского похода вернуть её обратно бывшему владельцу. Панфил Яковлев, как мог, поддерживал деревню, сохранил её постройки, распахивал часть земель. В год отъезда

Хабарова в Даурию он обратился, вместо Хабарова, в Илимскую приказную избу и настоял на том, чтобы за деревней закрепили дополнительно пастбища, сенокосы и земли «для мельничного укрепления».

По возвращении Ерофей Павлович поставил вновь «двор, хоромы и всякое строение». Пашни площадью в 18 десятин стал пахать на Киренском лугу и на Байдановской и Русовской заимках, а сено косить «по логам, около кустов и по озеркам». Пастбищами служили низменные места, богатые травами. За пользование богатыми рыбными угодьями Ерофей Павлович платил оброк. За оброк он держал и две мельницы — одну на Чечуйском волоке, а другую, названную Панфиловской, против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною.

Всё это многоотраслевое хозяйство, которое содержал Хабаров, ни в коей мере не мешало ему выполнять «государеву службу». Официальный чин сына боярского давал ему право на замещение приказной должности. Илимский воевода подыскал Хабарову место приказчика пашенных крестьян в Киренском присуде (административная часть уезда). Подведомственная Хабарову территория простиралась от устья Куты до Чечуя и включала несколько десятков больших и малых деревень.

Ерофей Павлович считался непосредственным представителем воеводской власти над крестьянами, а его полномочия, определявшиеся воеводской наказной памятью, были очень широкими. В первую очередь он наблюдал за государевым хозяйством, которое включало казённую десятинную пашню и обрабатывающих её крестьян.

Как приказной он вмешивался и в личное крестьянское хозяйство. Хабаров нёс ответственность за моральные устои и общественную благонадёжность крестьян. Он должен был пресекать азартные игры, пьянство, которые могли разорить крестьян и сделать их неспособными для работы на казённом поле, а также следить за тем, чтобы крестьяне не заводили бунтов и антиправительственных разговоров. Как и любой приказчик, Ерофей Павлович мог судить крестьян в исках до 10 рублей. Нарушителей имел право арестовывать, допрашивать, по малым винам смирять батогами и штрафами, а по большим — отправлять в Илимск на воеводский суд и расправу.

Конечно, одному человеку досмотреть всех крестьян большого присуда было не под силу. Поэтому у Хабарова были помощники из представителей крестьянской выборной администрации: старосты, десятские, сотские, целовальники. Из киренского гарнизона ему помогали служилые люди и писец.

Вспоминал ли в этот период жизни Ерофей Павлович свою амурскую эпопею? На этот вопрос можно ответить утвердительно — к нему в деревню и в Киренский острожек неоднократно приезжали бывшие соратники. Кто именно — история умалчивает. Но до нас дошли бесценные документы того времени и среди них «Челобитная и послужной список охочих и служилых амурских казаков, пришедших на Амур с Е. Хабаровым», составленная в 1655 году. В списке том значатся «Якуцкого острогу служилые люди, которые пришли в другой приход с Ярофеем же Хабаровым», и среди прочих — Ивашка Олексеев.

Следовательно, указанный Ивашка Олексеев (Алексеев) прибыл на Амур с Хабаровым в составе второго отряда в 1651 году и два года разделял с ним все тяготы и лишения походной жизни.

Мог ли забыть Хабаров своих верных соратников, став приказчиком в Киренском присуде?! И конечно же, при первой возможности оказывал им содействие в

устройстве. Так, или примерно так, появился недалеко от Киренска двор пашенного крестьянина Ивашки Алексеева, бывшего служилого человека.

Первое упоминание деревни относится к 1663 году. Первым поселенцем был назван Ивашко Алексеев, с именем которого связано и название деревни.

Некоторые из однополчан Хабарова осели в Якутске и служили там под началом его племянника Артемия Петриловского, ставшего уже атаманом. Кое-кто числился в составе илимского гарнизона...

После Амурского похода Ерофей Павлович добился многого. Но, тем не менее, он снова стал объектом преследования со стороны воеводской администрации. Хабарову вменялась в вину утеря спрятанного на Тугирском волоке во время похода на Амур пороха и свинца. В сопровождении отряда казаков он был доставлен от Киренска до Тугирского волока для обнаружения утраченного. Поездка оказалась безрезультатной, и Хабаров под охраной был доставлен в Якутск. Здесь Ерофею Павловичу не удалось доказать свою непричастность к утрате 80 пудов снаряжения, и якутский воевода потребовал от Хабарова уплаты 4850 руб. 2 алтын денег, которыми оценивалось утраченное. Хабарову платить было нечем.

В 1660 году за даурские долги Хабаров отдал «мельницу колёсную», находящуюся в соседней, Чечуйской волости и 108 соболей. В денежном выражении это было очень мало по сравнению с огромным долгом.

С большим трудом землепроходец уговорил якутского воеводу предоставить ему возможность выплатить долг частями. Сошлись на том, что отныне Ерофей Павлович будет ежегодно посылать в Якутск в счёт долга по 1000 пудов хлеба из своего хозяйства.

Во время отсутствия Хабарова один из соседей — пашенный крестьянин Кузьма Воронин распахал и засеял его «порозжее поле». Узнав об этом, Ерофей Павлович написал обстоятельную жалобу илимскому воеводе, отметив, что Кузька Воронин насял свою рожь, чуть ли не у него во дворе, чем его «утеснил». Воевода Лаврентий Обухов дал Ерофею Хабарову 21 июня 1664 года «Память отводную на деревню, пашенные земли и сенные покосы». В «Памяти» указывалось: «Кузьке Воронину от тое земли отказать потому, что... Ярофееву распашную землю и которая земля за таловыми колками и сенные покосы по отводным старым межам и с насянным хлебом... отдать ему, Ярафею, по-прежнему...».

Ерофей Павлович выиграл процесс, получив насянную на его земле рожь.

Летом 1665 года несколько десятков илимских пашенных крестьян, промысловиков и служилых людей во главе с Никифором Черниговским подстерегли воеводу Обухова, когда тот возвращался с ярмарки, напали на него и убили. Затем, захватив у торговых людей дощаники и продовольствие, злоумышленники бежали на Амур.

Весть об этом глубоко взволновала Хабарова. Когда же стало известно, что Черниговский отстроил Албазин, который ещё в 1651 году захватил у даур Хабаров, и обосновался там, Ерофей Павлович решил отправиться на Амур.

Во время подготовки к отъезду, Хабаров в ноябре 1665 года отписал Киренскому Троицкому монастырю Панфиловскую мельницу: «против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною-рекою на речке Тихтилячихе; два анбара, двои жерновы, два веретена, две жапки, восемь кругов, четыре шипа, два подпятника — всё железное, две избы и земля, что отведена к той мельнице...».

Осенью следующего года Ерофей Павлович обратился к вновь прибывшему илимскому воеводе Силе Аничкову с просьбой отпустить его на Амур. Тот лишь

посоветовал Хабарову обратиться к тобольскому воеводе и предложил командировку до Тобольска, а если надо и до Москвы, в качестве провожатого годовой ясачной казны и деловых бумаг Илимского воеводства.

Перед столь дальнею дорогой Ерофей Павлович побеспокоился о своей душе и отписал поступную память в Киренский Троицкий монастырь на деревню Хабаровку. «А буде мне, Ярофею, судом божием смерть случитца, и им старцам, и всей братии того монастыря тою моею заимкою и сенными покосы и двором и хоромами и рыбными ловлями владеть!».

Обустроив свои дела, Ерофей Павлович в июле 1667 года с ясачной казной и документацией выбыл из Илимска. Больше месяца пробыл он в Тобольске, но так и не решил своего вопроса. Хабаров с тобольской ясачной казной убыл в Москву. В начале 1668 года Сибирский приказ принял решение о повышении оклада Ерофею Павловичу за доставленную издалека соболиную казну и безупречную службу, но его просьбу об отпуске на Амур и снаряжении туда отряда на собственные средства оставил без внимания.

Так ничего и не добившись, Ерофей Павлович вернулся на Киренгу в свою деревню Хабаровку. По условию завещания она окончательно переходила в собственность монастыря только после смерти Хабарова. Возможно, что свои последние годы знаменитый землепроходец доживал именно здесь. Так, 9 февраля 1671 года монахи Киренского монастыря извещали илимского воеводу: «А ныне он, Ярофей, умер», — и просили подтвердить за монастырём право на владение мельницей, деревней, пашней, завещанными монастырю Хабаровым.

Похоронен Ерофей Павлович Хабаров, вероятнее всего, был в ограде Усть-Киренского Троицкого монастыря, щедрым вкладчиком и дарителем которого был записан.

После смерти Е.П. Хабарова, один из сыновей его — Андрей числился илимским посадским человеком. В 1690 году он за службу отца был поверстан в дети боярские по Илимску. Переехав в Якутск, Андрей Хабаров поступил в казачью службу и в 1706 г. числился рядовым казаком. В якутском же гарнизоне продолжал службу сын Андрея, внук Ерофея Павловича, Михаил Хабаров. В 1759 году он упоминается как сотник якутских казаков.

Второй сын Ерофея Павловича Максим был в начале XVIII века пашенным крестьянином Нижне-Киренской слободы, расположенной недалеко от деревни Хабаровки.

Деревня Хабаровка существует и поныне, как единственный на Киренской земле памятник знаменитому землепроходцу, положившему начало заселению русскими людьми Приамурья. Его имя запечатлено навечно на земле, которую он первым распахал и засеял.

А самый большой город на Амуре — центр Хабаровского края — называется Хабаровск.

В Амурской области на Транссибирской магистрали, на притоке Амура реке Урке расположен посёлок городского типа, названный именем и отчеством первоходца — Ерофей Павлович.

Муравьев земель не продавал!

ГУБЕРНАТОР МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ И ПРОДАЖА РУССКОЙ АМЕРИКИ

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев (1809–1881) известен потомкам, прежде всего, как крупный государственный деятель, за короткое время освоивший и бескровно присоединивший к Российской Империи огромные территории на Дальнем Востоке. За эти свершения, и в особенности за подготовку и заключение действующего и поныне Айгунского договора (1858) о границе России с Китаем, ему был заслуженно присвоен титул графа Амурского.

Однако специалисты по истории Русской Америки, не отрицая этих заслуг, уверенно приписывают ему также авторство другой, более чем сомнительной идеи. Фундаментальная трехтомная «История Русской Америки» освещает обстоятельства, когда «впервые был поднят вопрос об уступке Русской Америки Соединенным Штатам», следующим образом: «Приехав весной 1853 г. в С.-Петербург, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский представил Николаю I записку, в которой изложил свои виды о необходимости укрепления позиций империи в указанном регионе, будущей судьбе русских владений в Северной Америке и важности тесных отношений с Соединенными Штатами. Н.Н. Муравьев напоминал, что в свое время «Российско-американская компания обращалась к правительству с просьбой о занятии Калифорнии, тогда свободной и почти никем не владеемой, сообщая при том свои опасения, что скоро область эта делается добычей Американских Соединенных Штатов... Нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, утвердившись однажды на Восточном океане, скоро будут там первенствовать перед всеми морскими державами и будут иметь надобность во всем северо-западном берегу Америки. Владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так натурально, что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет тому назад мы не утвердились в Калифорнии, — пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако ж, при этом соображении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей Восточной Азией, то господствовать на всем азиатском побережье Восточного океана. По обстоятельствам мы допустили вторгнуться в эту часть Азии англичанам... но дело это еще может поправиться тесной связью нашей с Северо-Американскими Штатами».¹

¹История Русской Америки. Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867 / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. — М.: Международные отношения, 1999. С. 369–370.

Практически то же утверждение, иллюстрируемое той же цитатой, мы можем найти в публикациях Н.Н. Болховитинова еще в 1990 г.² Эта формулировка, приписывающая Муравьеву инициативу «мирной уступки» русских северо-американских колоний США, широко разошлась не только по научным, но и по учебным и научно-популярным текстам. Авторы этих текстов, упрощая тезисы Болховитинова, утверждают уже, что «Муравьев-Амурский первым настаивал на необходимости избавиться от Русской Америки» или даже «первым предложил срочно продать Аляску». Выдающийся борец за интересы России на Тихом океане, один из последних «землепроходцев» Сибири, таким образом, предстает перед нами, как человек, подталкивающий (пусть и по стратегическим соображениям) руководство своей страны к добровольной передаче земель другим державам.

Между тем, обоснования, приводимые Н.Н. Болховитиновым, как минимум, недостаточны для такого категоричного суждения. Мы, действительно, встречаем приведенную им цитату в одной из первых капитальных биографий Н.Н. Муравьева, созданной И. Барсуковым³. Но Барсуков, в свою очередь, ссылается не на какой-либо официальный документ (которых он собрал в своем двухтомнике довольно много), а на личные воспоминания одного из ближайших сотрудников генерал-губернатора Б.В. Струве⁴. Причем, автор воспоминаний хотя и утверждает, что «*Муравьев предпринял решительный поход против нашей политики по отношению к восточным окраинам, изложив в особой записке свой взгляд на тогдашнее политическое положение Восточной Сибири*»⁵ и приводит в заковыченных извлечениях текст этой записки, однако же, никак не оговаривает ни ее выходных данных, ни обстоятельств, при которых записка или ее копия попали к мемуаристу. Весьма странно, что человек, с юных лет привыкший к правильному делопроизводству (после отъезда из Сибири Струве исполнял обязанности Астраханского, а затем и Пермского губернатора), не находит необходимым привести столь важный, не известный в других источниках документ полностью, в качестве особого приложения к воспоминаниям, или передать его для публикации в другое издание. Не сделали этого и потомки мемуариста.

Внимательнее вчитываясь в данный отрывок из воспоминаний Струве, мы видим еще две важные детали. Во-первых, Муравьев тревожно оценивает перспективы российского владычества не только в Америке, но и непосредственно в континентальной Азии. По его мнению, англичане в самом ближайшем будущем собираются «*овладеть Камчаткою или оставить ее пустынною и господствовать на восточных берегах Китая и Японии, и таким образом, так сказать, отрезать Россию от Восточного океана*»⁶. Судя по дальнейшей деятельности Муравьева, целиком направленной на предотвращение изложенных политических прогнозов, можно, скорее, утверждать, что целью приводимой в извлечениях записки было вовсе не обоснование каких-либо территориальных уступок другим державам. Она лишь описывала стратегические вызовы России в Тихоокеанском регионе с надеждой на то, что официальный Санкт-Петербург сумеет изыскать возможности для ответа на них. И если бы Струве привел документ целиком, читатель вполне мог бы расставить акценты иначе.

²Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. Болховитинов Н.Н. Продажа Аляски: документы, письма, воспоминания // США — экономика, политика, идеология. 1990. № 3. С. 47–55.

³Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. — Кн. 2. С. 322–323.

⁴Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. — СПб., 1889. — С. 152–156 (в электронном виде доступны URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-651/>).

⁵Там же. С. 152.

⁶Там же. С. 156.

Но куда более любопытной оказывается вторая особенность текста, приведенного Струве. Слова, которые в будущем послужат основным доказательством утверждения Н.Н. Болховитинова, «нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши» мемуарист не только выделяет курсивом, но и снабжает особым примечанием: «Какая дальновидность! В 1867 году наше правительство уступило всю нашу северо-американскую территорию Северо-Американским штатам. Б.С.»⁷ 180 страниц мемуаров Струве содержат всего 14 подстрочных примечаний, которые носят, в основном, справочно-уточняющий характер. Ни одно из этих примечаний не пытается столь навязчиво формировать мнение читателя по важному политическому вопросу.

Между тем, мы не находим даже косвенного изложения подобных взглядов на «американский вопрос» ни в одном из множества сохранившихся документов, описывающих деятельность Муравьева на Тихом океане! Весьма странно, что человек, столь настойчиво, даже фанатично продвигавший свою точку зрения на куда более острые и неразрешимые политические проблемы (создание камчатской военно-морской базы, занятие устья Амура и Сахалина, сплав по Амуру без предварительных консультаций с китайской стороной, основание новых городов и т.п.), решил отступить от важнейшего (по утверждению Струве) тезиса своей программы и никогда более не упоминать о нем. Напротив, Муравьев всегда настроен на конструктивное сотрудничество с Российско-Американской компанией, часто и активно используя ее в качестве прикрытия своих внешнеполитических инициатив. Нигде мы не встречаем у него мнения о «бесполезности» или «бесперспективности» РАК как структуры.

Тот же Струве ранее приводит в своих воспоминаниях отрывок другого, также не известного целиком документа, где Муравьев пишет буквально следующее: «Если бы правительство и местные власти видели бы в Российско-Американской компании не одно торговое предприятие и поддерживали бы ее зависящими средствами и некоторым участием в ее распоряжениях для лучшего направления ее действий в общих правительственных видах на те страны, то это учреждение могло бы принести существенную пользу государству»⁸.

Таким образом, можно предположить, что Струве зачем-то сознательно стремился создать у читателя своих мемуаров именно то впечатление о взглядах Н.Н. Муравьева на будущее Русской Америки, которое принято сегодня в научной литературе. А именно: Муравьев не только раньше остальных предугадал решение Александра II о ликвидации Российско-Американской компании и продаже Аляски США, но и обосновал его прежде, чем это потребовалось правительству.

Но с какой целью Струве компоновал так тексты своего бывшего начальника, уже умершего на момент выхода в свет его мемуаров? Возможно, проблему прояснит дополнительное расследование связей семьи Струве с одним из главных «лоббистов» продажи Аляски, великим князем Константином Николаевичем (1827–1892). Именно он мог оказаться в числе первых, неофициальных читателей воспоминаний, в которых — хотя они, в основном, посвящены Муравьеву — косвенная роль великого князя в разрешении Амурского вопроса и других проблем управления Сибирью показана довольно значительной. Вероятно, ему было весьма приятно прочесть, что его планы (а, стало быть, и его ответственность) решения участи американских колоний не только разделял, но и предугадывал один из несомненных исторических героев России XIX века.

⁷Там же. С. 155.

⁸Там же. С. 93.

Что же касается вопроса о том, когда и кем в России было впервые высказано мнение о возможности «мирной уступки» Русской Америки, то вновь опубликованные архивы дают ответ и на этот вопрос. Завершающий том серии «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — п.п. XIX вв.» содержит официальный документ под следующим заглавием: «Выписка из представления главного правления РАК министру финансов Ф.П. Вронченко о сложности содержания колоний,.. и возможности отказа России от колоний в Америке»⁹. Одна из его завершающих фраз содержит в себе следующий прогноз: *«Постепенное истощение нынешних средств неминуемо повлечет за собою расстройство дел Компании, и тогда правительство или должно принять на себя управление колониями и, лишась ныне получаемых оными от торговли Компании выгод, обременить себя значительным на содержание их расходом, или, наконец, отказаться от колоний и предоставить их в пользу других наций, жаждущих подобного приобретения для усиления владычества своего на морях»*.

Сейчас трудно сказать, был ли этот документ заказан министерством финансов или родился в недрах самой Российско-Американской компании, но очевидно, что Н.Н. Муравьев, еще никак не предполагавший работать в Сибири и находившийся в 1845 г. на лечении во Франции, не мог иметь к его составлению никакого отношения.

*Ермаков А.В. — к.и.н., старший научный сотрудник
Иркутского областного краеведческого музея*

⁹Выписка из представления главного правления РАК министру финансов Ф.П. Вронченко о сложности содержания колоний, сокращении промыслов, временном прекращении кругосветных плаваний, упадке торговли в Кяхте и возможности отказа России от колоний в Америке. 21 сентября 1845 г. РГАВМФ. Ф. 410. Оп.1. Д. 2138. Л. 7-9. Заверенная копия. Приложена к отношению министра финансов от 5 сентября 1847 г. // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841-1867: сб. док. М.: Наука, 2010. С. 126-128.

Возвращение домой, в Россию

Многолетняя боль крымчан в их оторванности от исторической Родины — России достигла наибольшего напряжения в феврале 2014 года во время известных киевских событий. 23 февраля в Севастополе и 26 февраля в Симферополе — пики наивысшего подъема народного духа — превратили эту боль в решимость стоять за свои унаследованные от предков идеалы, святыни и национальные ценности до конца. В эти дни Господь проверил каждого из нас, открыл и нам самим, и Украине, и России, и всему миру наше глубинное, неподдельное, внутреннее, хранящееся неизменно в душе и на генетическом уровне, чувство любви к Отечеству. И проявилось, высветилось важное: при всей пестроте нашей за двадцать три года расслоившейся по степени достатка внешней жизни, при очевидной разности мы остались едины в главном — в желании вернуться на Родину.

23–26 февраля — дни самоорганизации русских крымчан с целью оборонять Крым от фашизма до конца. В эти четыре дня возникло народное ополчение, в Севастополе поменяли мэра, были оборудованы блокпосты на въездах в Крым с материка и на крымских дорогах. Мужчины заняли оборону, женщины привозили им горячую пищу... «Живые щиты» охраняли расположения беркутовцев, оставшихся верными законной власти. Люди рассчитывали только на свои силы, еще не смели надеяться на помощь из Москвы: «вежливые люди» пришли на помощь русскому сопротивлению только в ночь на 27 февраля, то есть, после появления в Крыму первых жертв и раненых.

Лицом к лицу: Симферополь 26 февраля 2014 года

Когда я бываю в Петербурге, Иркутске, Москве, меня нередко спрашивают о настроениях крымских татар. И я всегда отвечаю, что крымские татары — люди, вызывающие глубокое уважение своим трудолюбием, настоящим, а не лозунговым братолюбием по отношению друг к другу, трезвым образом жизни. Но исторические обиды советского периода еще не изгладились из памяти их сердец, поэтому есть и напряженность, есть и эмоциональные реакции по отношению к русским. Особенно это проявилось в дни киевского переворота, когда решалась судьба Крыма.

Так получилось, что 26 февраля, в день, ставший в истории Крыма переломным, я сама и несколько близких мне людей оказались в гуще событий, происходивших перед зданием теперь уже бывшей Верховной Рады в Симферополе. Расскажу все по порядку. Утром 26 февраля 2014 года я не знала, что на этот день в Симферополе у Верховной Рады Крыма запланировано два митинга — на 12-00 крымско-татарский за сохранение единства Украины и на 14-00 русский — за единство с Россией. Я ехала по своим делам в управление Крымской епархии. Выйдя на остановке у здания медучилища рядом с Верховной Радой около 11-00, увидела, что площадь перед зданием Рады запружена татарами, в основном мужчинами, скандирующими лозунги: «слава Украины», «гэроям слава!», «банду гэть!»... Крики чередовались с массовым свистом.

По кромке многотысячной толпы со стороны улицы Жуковского стояла пока еще небольшая группа русских, крики которых тонули в многоголосом реве татар. Расспросив о происходящем и узнав, что наши начнут собираться на митинг лишь через три часа, и заподозрив неладное, я решила изменить свои планы и войти во двор здания Верховной Рады. Подумалось о том, что такое скопление агрессивно настроенных людей может закончиться попыткой штурма здания и его разорением, что уже произошло в Киеве. Поэтому естественно возникло желание увидеть здание целым, так как с ним у меня связано несколько добрых воспоминаний.

Через кричащую толпу я вошла во двор-колодец, площадь которого на вид — не более 100 квадратных метров, хотя я здесь могу и ошибиться. Во дворе были журналисты, активно бравшие интервью, в том числе и на иностранных языках. Влево от входа в Верховную Раду, если стоять к нему лицом, располагалась цепочкой и группа русских мужчин, человек 200-300, в гражданской одежде, без защитных средств, с пустыми руками. Как я узнала, подойдя к ним, — это были добровольцы, пришедшие охранять здание от возможного нападения. Среди них оказался и мой сын. Он попросил меня срочно уйти со двора Рады. Упускаю здесь чувства и мысли, пережитые мною в тот момент. Я знала, что 23 февраля Роман записался в Народное ополчение Крыма, но одно дело знать, а другое — увидеть его своими глазами перед разогреваемой ненавистью толпой.

Вдруг татары (они были в это время еще за пределами двора) стали молиться, что заставило меня повернуться в их сторону. Теперь я стояла спиной к зданию Верховной Рады, но еще во дворе, недалеко от выхода из него. Я увидела татар, повернутых лицом на восток и развернувших ладони вверх чуть выше пояса. Над площадью стоял ровный гул мусульманской молитвы. Неподалеку от меня находилась рядом с татарами группа милиционеров, человек 20, без защитных средств, в форме патрулирования. Милиционеры стояли кружком, спиной ко всем, не реагируя на происходящее.

Моление продолжалось несколько минут. В это время со двора стали быстро расходиться журналисты и операторы. У меня сложилось впечатление, что они знали сценарий, и очень торопились: мимо быстро прошла англоговорящая журналистка, буквально толкаящая в рюкзак идущего впереди нее оператора. Как только завершилась молитва, татары резко повернулись лицом к Верховной Раде и лавиной двинулись во двор. Я попыталась пройти через них наискосок в ту сторону, где можно было ближе всего выйти на улицу Жуковского, на которой стояли русские, но оказалась внутри татарской толпы. Передние из них, видимо, уже остановились, а задние продолжали напирать, и буквально через несколько секунд я была зажата плотной массой молодых татар, причем давление с каждым мгновением нарастало и очень быстро стало невыносимым. Я пыталась говорить с ними, кричала: «Как вам не стыдно», на что один из них ответил: «Нам не стыдно», а давление все нарастало.

Вскоре я почувствовала, что мне становится плохо, подкатила дурнота. В это время несколько окружавших меня татар, не готовые, видимо, меня задавить, или уронить себе под ноги, стали кричать своим: «Шаг назад, здесь женщины!». Но из-за гула на площади их слышали далеко не сразу. В общей сложности в этом нарастающем сдавливании я провела минут пять и была уже на грани потери сознания, как, наконец, задние отошли на шаг и появилась возможность протиснуться вперед. Как оказалось, в этот поток попала не одна я, а еще несколько женщин. Татары буквально протолкнули меня к «коридору» внутри своей лавины, по ко-

тому я не сразу смогла идти, так как навстречу мне по этому коридору спокойно шла шеренга милиционеров, направляясь ко входу в Верховную Раду Крыма (именно их до этого я видела на площади).

Пропустив милицию, пошатываясь, с тахикардией, я вышла за пределы двора. Постояла немного, пришла в себя и, окинув взглядом происходящее, подумала, что когда русские придут на свой митинг к двум часам дня, здесь уже все будет кончено. По моим прикидкам, татар было на площади тысяч восемь-десять. Среди них были и украинские националисты, а также несколько человек в черных масках, известных под названием «балаклава». Обстоятельства личного характера, интерес историка и патриотический настрой заставили меня остаться на площади и следить за происходящим.

Татары занимали всю площадь перед Верховной Радой. Площадь неровная, плавным каскадом спускается от здания к парку Победы, так что образует 3–4 террасы, переход с одного уровня на другой. В центре парка достраивался восстанавливаемый собор Александра Невского (историческое здание взорвано в 30-е годы при атеистическом режиме).

Когда стоишь на нижних уровнях, происходящее во дворе не видно — видишь только спины тех, кто нажимает на впереди стоящих, впредссывая во двор все новых и новых людей. Я поняла, что этот «пресс» направлен в первую очередь на ту горстку русских парней и мужчин, которые остались во дворе. Звать на помощь было некого. На крики «Россия», доносившиеся от небольшой группы людей с российскими флагами, татары откровенно откликались смехом, выкрикивая свое. Некоторые тихо добавляли для своего кружка: «Слава татарам». Возле площади со стороны улицы Жуковского дежурили «скорые». Было 11-30, когда, не зная, что предпринять, я решила пойти и купить воды на тот случай, если кому-то из наших удастся вырваться со двора, — хотя бы дать им попить. Купила в ближайшем гастрономе несколько литровых бутылок негазированной воды, после чего вызвонила подругу, объяснив ей, что прийти на площадь надо сейчас, а не к двум часам, как она собиралась.

Мы встретились, и я ей рассказала, что там, внутри двора, зажали русских. Выслав несколько смс родным и друзьям с просьбой о молитвах, сообщила им, что нас мало. В это время мобильная связь еще была. Ее подавили позднее, ровно в 14-00, когда сошлись русские на свой мирный митинг.

Но вернемся к митингующим русским, среди которых немало было и украинцев, тяготеющих к России. Им, начавшим собираться к 14-00, пришлось стоять только по внешнему периметру площади, так как собственно площадь была уже занята. О том, что наши ребята во дворе под ударом татар, мало кто из них знал. Митингующие стояли группами и скандировали: «Севастополь — Крым — Россия», «Россия» и т. д., размахивая многочисленными флагами России и Крыма. Мои попытки обратиться к русским мужчинам и объяснить, что во дворе наши гражданские ребята, воспринимались ими с недоверием. Это потом, уже вечером, всё показали по телевизору. А в тот момент, когда на мои просьбы не реагировали, в миг почти отчаяния, я вдруг испытала какой-то катарсис и стала готова к любому исходу: к тому, что могу увидеть русских, оставшихся возле Верховной Рады, затоптанными или растерзанными; к тому, что и сама я могу быть задавлена в такой давке, если снова попаду в кольцо татар... Я почувствовала свою человеческую немощь, полную беззащитность, но и вместе с тем великое упование на помощь Божию. И я точно знала, что как бы ни стали развиваться здесь события,

я с площади не уйду. И вдруг в моем сердце возникло чувство необъяснимого спокойного мужества. Не осталось ни страха, ни тревоги, ни волнения, ни эмоциональных реакций — тишина души. Возникла потребность молиться, и мы с подругой стали молиться.

Перевесив свои объемные дамские сумки наперед, с полными пакетами в руках, мы стояли в толпе татар и пели «Господи Сил, с нами буди, иного бо разве Тебе Бога не знаем». Время от времени эту молитву заменяли краткой «Яко с нами Бог». Длинные молитвы в такой ситуации, как оказалось, невозможны, по крайней мере, для меня. Когда мы запели молитвы вслух, громко, татары стали оглядываться на нас и от нас отходить. Некоторые вслушивались, пытались разобрать слова, которые мы пропеваем. Другие испепеляли нас взглядами, но нам было уже легко не отводить глаз: слишком многое лежало на весах.

Так постояв на одном месте минут двадцать, мы пошли с пением между татарами, переходя с одной террасы на другую и приближаясь ко входу во двор Верховной Рады (это было еще в 13 часов). Многие из татар от нас резко отходили, с опаской поглядывая на наши сумки, висевшие спереди. По их лицам было видно, что они насторожены, им было непонятно, кто мы, что делаем в их толпе, что за молитвы поем. Продвигаясь, мы дошли до проемов, через которые можно было протиснуться во двор. По левой руке вдоль стены татары стояли не так плотно, как в центре двора, и мы, увидев стоящих на пороге милиционеров, стали продвигаться к ним по внешней — разреженной — части татарской толпы. Почти весь двор был забит татарами, напирющими на своих, стоящих перед ними. Кто внутри этой толпы, рассмотреть было уже невозможно. Но мы знали точно, что там — наши, взятые в окружение. Установленные над козырьком входа кинокамеры снимали происходящее сверху. Потом эти кадры обошли весь мир.

Дойдя до милиционеров, я стала спрашивать, где русские парни, стоявшие во дворе с утра? Милиционеры сначала говорили, что не понимают, о чем я спрашиваю, потом стали говорить, что они только заступили на смену, потом один переспросил: «Это футбольные фанаты, что ли? Да их отсюда оттеснили, и они вышли через двор на улицу Жуковского. Ищите их там». Я попыталась объяснить, что они не выходили, они здесь, им надо помочь, но наткнулась на полное равнодушие в глазах стражей порядка. Мы направились к выходу со двора, протискиваясь вдоль стены уже со стороны Жуковского. Один паренек-татарин, глядя мне в глаза с тревогой, сказал: «Уходите отсюда, здесь будет очень плохо».

Оказавшись снова на площади, я подумала тогда о том, что если такие страсти сохранятся до темноты, то может произойти настоящая кровавая бойня. Мои опасения особенно усилились, когда была заглушена мобильная связь. У меня с собой было три телефона: один номер для связи по Крыму — Украине и два — с Россией (разных операторов). Все мои телефоны были заблокированы, как, думаю, и у всех на площади. Не знаю, кто подавлял связь в широком диапазоне, но ее не было и в 300 метрах от Верховной Рады, когда я отходила на такое расстояние позже, около 17 часов.

Мы продолжали ходить с пением молитв среди татар уже вне двора, там, где они просто стояли, тоже наблюдая за происходящим и ожидая своей очереди смелить уставших соплеменников во дворе. Но не только с этой целью. У них были свои ответственные люди, стоявшие на пилонках клумб, то есть на возвышенности. Время от времени, заметные со всех сторон, они подавали знаки руками, и кажущаяся толпой масса татар вдруг оказывалась довольно организованной и

начинала перестраиваться, продвигаясь вперед, к Верховной Раде. В этой части площади — между двором и сквером Победы — работали и журналисты. Татары поглядывали на двух молившихся женщин явно недружелюбно, но на открытом пространстве, при большом скоплении журналистов нас не задевали — их митинг, как и митинг русских, был заявлен мирным.

Через некоторое время с крыши собора Александра Невского в громкоговоритель стали звучать призывы к примирению, к необходимости разойтись. Запели и песни о Родине, их слова в общем гуле противостоящих сторон было невозможно расслышать, и они воспринимались отвлеченно. Мои мысли были только об одном: что с нашими ребятами во дворе Верховной Рады? Там во дворе, по мере собирания русских, уже появились с одного края и развевающиеся флаги России, туда пробилась и часть митингующих русских. Как я потом узнала, всего во дворе оказалось человек семьсот, но непосредственно давление татар сдерживали человек триста, остальные, в большинстве своем женщины и пенсионеры, находясь на возвышении у стены здания, скандировали и махали флагами, поддерживая державших оборону морально.

Среди митингующих татар ходили люди, распоряжающиеся их действиями, отдававшие им указания. Я невольно услышала, как один из них сказал, что когда станут кричать «коридор-коридор», коридора не давать, а, наоборот, начинать жать на левый край, чтобы не дать возможности вынести пострадавших к машинам скорой помощи на улице Жуковского. Я снова попыталась обратиться к русским мужчинам, призывая их пойти к нашим на прорыв, но меня снова не понимали, мне не верили, хотя вокруг площади уже собралось несколько тысяч наших. Мы с подружкой немного постояли с пением молитв и среди наших митингующих. Услышав от группки женщин о намерении уходить с митинга, я стала просить их не делать этого, так как во дворе остались наши ребята. Не знаю, услышали ли они меня. Моя подружка слышала, как одна женщина лет сорока сказала другой: «Лучше я умру на этой площади, но к татарам в рабство не пойду».

Ближе к четырем дня мы увидели через проемы входа, что во дворе полетели бутылки с водой, которые татары все это время держали по одной под мышками (я-то думала, что для питья), затем раздался взрыв, словно взрывпакета. Взрыв был единичным. А потом в воздухе стали разлетаться и мелкие предметы. Как потом я узнала, это были газовые баллончики, которыми забрасывали русскую дружину. Уже после митингов выяснилось, что некоторым из наших ребят удавалось меняться, уходя на дальний план и прорываясь через толпу татар. Но отдельные дружинники простояли, сдерживая напирających, несколько часов без смены, в то время как татары в своем натиске менялись перед ними до десяти раз. Мой сын сменился около четырех часов дня, о чем я узнала уже после митинга.

Наконец, стали кричать в громкоговоритель: «Коридор-коридор, людям плохо», и толпа татарского натиска стала действовать в соответствии с полученными ранее указаниями, надавливая на левый край, не давая возможности выносить пострадавших к скорым. Продолжая непрерывно петь молитвы, мы с подружкой перешли к машинам. Здесь уже был парень, сидевший прямо на земле в полуобморочном состоянии. Я подала ему бутылку воды. Другому защитнику Верховной Рады молоденькая медсестра в машине скорой помощи делала укол в вену.

Крик «Коридор-коридор» переходил чуть ли не в истерический, татары продолжали нажимать, к скорым с прорывом выносили или приводили все новых и новых пострадавших. Я видела, как грузили в машину пожилого человека, умер-

шего от сердечного приступа, как принесли мужчину с затоптанными штанинами, как привели русского с окровавленной головой... Среди татар тоже были пострадавшие из-за сильного сжатия в их авангарде.

Мы снова вернулись в толпу татар, стоявшую на периферии, ближе к скверу Победы. К этому времени у нас в руках уже были иконки, а на груди — Георгиевские ленточки, вынутые из наших сумок. Продолжая петь и стоя почти у внешнего края *их* толпы, я услышала за спиной резкий мужской смех. Оглянувшись, увидела группу парней борцовского типа и среди них молодого татарина богатырского сложения, успев перехватить его жест, словно он ударяет кого-то головами друг о друга. Жест явно относился к нам. Я посмотрела парню в глаза и отвернулась. Он сразу подошел к нам, и стал резко спрашивать, что мы здесь делаем, за кого мы и с кем мы. На эти вопросы я ему ответила: «Давай поговорим не обо всех, а о тебе и обо мне. У тебя есть мать, а у меня есть сын. И у меня в груди, как и у твоей матери, — материнское сердце. Ты живешь в Крыму, и мой сын живет в Крыму. И я хочу, чтобы вы между собой были добрыми соседями. Поэтому я здесь, и об этом я сейчас молюсь. Ты понял?». Он сразу как-то обмяк, даже, я бы сказала, подобрел и отошел от нас.

Когда мы ходили среди татар с пением молитв, на нас наткнулись тележурналисты. Я сначала подумала, что они хотят взять интервью, но ведущий только попросил: «Продолжайте петь». Оператор снял сначала нас, потом иконочки крупным планом. Когда они собрались уходить, я спросила у журналиста, откуда они. «Из Грузии», — последовал ответ. Тогда я спросила его: «Вы православный?». Он ответил: «Да». «Я тоже православная, и прошу вас, говорите правду!» — обратилась я к нему, объяснив, откуда я, и кто. Он кивнул, и ушел в толпу вместе с оператором.

Вскоре было объявлено, что стороны достигли договоренности о перемирии, и поэтому надо расходиться. Татары стали освобождать площадь, за ними потянулись русские. В это время блокировка связи была снята, и телефоны заработали. Мы нашли тех русских, которые держали оборону во дворе Верховной Рады, и которых я назвала «триста спартанцев». Среди них был и Роман. Мы бросились друг к другу, словно не виделись много лет. Но тут же он сказал: «Мать, ты что здесь делаешь? А ну марш отсюда!», — и ушел обратно к ополченцам.

От тех, кому удалось остаться без явных травм, мы узнали, как развивались события на последней стадии противостояния. Когда появились пострадавшие, татары оттеснили русских ко входу в здание Верховной Рады. Положение наших оказалось критическим, но изнутри дверь открыли, чтобы их впустить. Внутри, в холле, стояли люди со щитами и в шлемах, с боевым оружием в руках, которые пропустили русских через ход в противоположной стене здания, а татар задержали. Татары, выкрикнув свои требования, всё поняли: захватить Верховную Раду им не дадут, и оставили здание. Именно после этого митинги объявили закрытыми, и люди стали расходиться. Мы, русские, с четким пониманием: на этот раз, слава Богу, националисты не прошли.

С сыном мы встретились уже вечером дома, обсудили события дня. «Потолкались немного», — только и сказал он. Вечером я стала читать сообщения украинских СМИ в интернете о случившихся событиях. Соотношение правдивой информации по отношению к ложной — 1 к 4! Это была настоящая информационная война с задачей не только сбить людей с толку, но и полностью их дезинформировать, довести до психического расстройства.

А утром мы узнали, что отряды самообороны заняли административные здания в Симферополе, и поэтому центр города был оцеплен милицией: по нему был запрещен проход и проезд. Теперь уже все знают, что это были «вежливые люди». Еще через день я увидела «вежливых людей» в военной форме в аэропорту. Перед ними редкой цепью стояли безоружные гражданские лица из Народного ополчения. У каждого на груди цвела геройская Георгиевская ленточка.

Русская весна: история из моей жизни

В 1991 году украинское гражданство досталось мне, как и всем крымчанам, автоматически. Политические границы между бывшими республиками Советского Союза воспринимались мною с самого начала нашего сиротства как временные декорации какого-то миражного театрального действа. Свое несогласие с таким насилием над моим чувством Родины, вмещавшим Россию в ее прежних имперских просторах, частью которых была и Украина — моя естественная малая родина, — я выразила в том, что не стала получать украинский паспорт. Так и жила с советским. С тем, полученным еще в 1970-х годах паспортом, ставшим для меня в 90-е годы символом единства страны, в которой я родилась и в которой продолжала жить — в своем сердце. И когда на рубеже столетий-тысячелетий я вынуждена была по семейным обстоятельствам уехать жить в Ленинградскую область, в зону притяжения Петербурга, то именно с этим паспортом выбралась за пределы «миксов искусственных границ».

В состоянии, когда «По сердцу промчался поезд / И как я осталась жить?», разлученная с сыном ради мамы, я прожила в пригороде Петербурга более двенадцати лет. На новом месте в России, не раз и не два столкнувшись с тем, что «материковые русские не понимают меня» в моей боли о Крыме, я через несколько лет после ухода мамы стала подумывать о возвращении домой, где оставался мой сын, не собиравшийся покинуть родную крымскую землю. Когда в 2012 году я написала строки «Как в бомбежку раненая мамка / У черты рубежной Русь лежит», и меня никто из моего окружения в Петербурге не понял, стало очевидным, что пришла пора быть там, где у меня хотя бы в этом вопросе есть единомышленники. Задавая своим спутникам по российской жизни, в то время в большинстве своем равнодушным к земле таврической, риторический вопрос «...Но кости ваших дедов и отцов, / в Крыму погибших, на кого оставить?», я стала продумывать конкретные шаги по своему переселению.

На деле оказалось, что вернуться назад, в Крым, было не так просто. Номинально я оставалась гражданкой Украины, а значит, если хотела оказаться дома легким путем, должна была выйти из российского гражданства. Но прощаться с российским гражданством я не могла: мне было необходимо оставаться в нем во что бы то ни стало — по внутренней принадлежности к Русскому миру и к великому русскому языку. Оставалось получение вида на жительство. В свою очередь, чтобы обитать в Крыму с видом на жительство, мне надо было выйти из гражданства Украины. А дело это по украинским законам затяжное, которое можно было осуществить только через украинские консульства за пределами Украины. В моем случае это консульство в Санкт-Петербурге. Да и указы о выходе из гражданства президент Украины подписывал, как говорили знающие люди, только два раза в год.

Собрав необходимые документы и сдав их в консулу в конце 2012 или начале 2013 года, я стала заниматься переездом в Севастополь (продажа-покупка жилья) и ждать, когда президент Украины издаст указ о моем выходе из украинского гражданства. За этими хлопотами и ожиданиями прошел 2013 год. На мои звонки из Крыма в консульство Петербурга я неизменно получала ответ, что из Киева решение еще не пришло.

Дни февральского переворота в Киеве застали меня в Крыму, где я уже устранилась в новой квартире, еще оставаясь прописанной в России, что было необходимым условием для получения вида на жительство по законам Украины. Окунувшись в водоворот крымских событий 26 февраля у здания Верховной Рады в Симферополе, поняла, что мне надо спешить — ситуация с моим официальным положением становилась непредсказуемой: с новой властью и консулов могут сменить, и документы могут затеряться... Для себя решила, что какой бы ни была судьба Крыма — буду с ним.

Дозвонившись в очередной раз в консульство, узнала, что указ о моем выходе из украинского гражданства президентом В. Януковичем был подписан несколько месяцев назад, что документ пришел с дипломатической почтой в консульство, и полагающаяся мне об этом справка уже выслана по месту прописки в Ленинградской области. С одной стороны, я порадовалась, что дело решено, а с другой — справка не приходила! Мне об этом сообщили доверенные люди с места моей прописки. В ходе разбора ситуации в телефонном режиме выяснилось, что справку в консульстве мне могут продублировать, если я еще раз оплачу консульский сбор. Конечно оплачу! Какой вопрос? — я соглашалась на все условия.

По телефону записалась на консульский прием на 4 марта. Билет на самолет был куплен на 1 марта. Уезжать из Крыма предполагала всего на пять-шесть дней, а потому собралась только с пакетом, даже не с дорожной сумкой.

Кто в Крыму сегодня не помнит, что первого марта НЕБО НАД СИМФЕРОПОЛЕМ ЗАКРЫЛИ? Это для меня было настоящим ударом! Срочно отказавшись (а если и завтра небо закроют?!) от билета на самолет Аэрофлота, предлагавшего регистрацию на следующий день, переехала на железнодорожный вокзал Симферополя и уже в одиннадцать утра выехала в Москву поездом. В это время мои московские друзья заказали для меня на второе марта билет на самолет Москва — Петербург. В столице меня встретили, перевезли в аэропорт, уже через полчаса я вылетела на Питер и долетела до Пулково без задержек. В городе на Неве у родственников не могла оторваться от телевизора, следя за крымскими событиями. Как не следить?! Сын в Народном ополчении... Третье марта пережила трудно, не отходя от телевизора сутки.

Четвертого марта, заплатив консульский сбор в банке на Фурштадтской улице, я прошла через Таврический сад (!), добралась до украинского консульства на Бонч-Бруевича, где с нетерпением дожидалась своей очереди на вход в тамбур, из которого посетители общаются с консулом через стекло. Людей было много, в основном тех, кто уже не первый год живет в России, но документы пока не выправил. Чувствовалось волнение, никто не мог представить, чем для них могут закончиться перемены в Киеве. Видела, что мне повезло больше других — документы на меня уже пришли.

К счастью, консул оказался прежним, и я без препятствий получила долгожданную справку о моем выходе из украинского гражданства. Взяв стандартный листок формата А 4 в руки, не знала, к добру этот документ или нет. Смотрела на

официальный бланк с двумя строчками текста, задавая себе вопросы: какова будет судьба Крыма? чьим будет он? что будет с его населением, не принимающим киевскую власть, если «коричневые» дорвутся в Крым до власти? смогу ли я жить в Севастополе, или меня вышвырнут за пределы полуострова?..

Выехать назад, домой, в Крым, намеревалась уже на следующий день, хотя права голосовать на референдуме, конечно, не имела, еще оставаясь прописанной в России. Однако напряжение последних недель дало о себе знать, и к вечеру консульского дня болезнь уложила меня в постель. Да и сын категорически запретил мне возвращаться в Крым до референдума — мол, пользы от тебя никакой, а еще за тебя переживай, ведь дома не усидишь... Болезнь и родня смирili меня, и все главные события Русской весны я увидела на телеэкране. В феврале и марте 2014 года я молилась и полагала земные поклоны с таким сердечным порывом, верой и упованием на Бога, каких не испытывала уж давно.

Слезы радости за Крым и досады, что я не там, не в Крыму, не со всеми, превратили мои дни в переменный плач. Правда, за это время я успела написать наброски о событиях на Украине и в Крыму «Коррупция — порох революции» (о противостоянии у Верховной Рады 26 февраля), опубликованные в газете «Православный Санкт-Петербург» уже в марте.

Обратный билет на самолет я купила на 22 марта, как только прошли главные правительственные процедуры в Москве по присоединению Крыма к России. А 20 марта с дерзновением обратилась в паспортный стол, чтобы в тот же день выписаться в Севастополь. Надо было видеть лицо паспортистки, когда я подала документы и попросила выписать меня в Севастополь сегодня! Слово «Севастополь» оказалось волшебным — через полтора часа (а не через неделю, как полагается) я держала в руках листок выбытия в город-герой и свой российский паспорт со штампом о выписке. Не сомневаюсь, что я была одной из первых в материковой России, из выписавшихся в Крым в те дни.

Из России я возвращалась... в Россию. Это был один из счастливейших моментов моей жизни! Такой развязки своей затяжной истории с возвращением в Крым я не могла себе представить в самой фантастической мечте! Собираясь из Ленобласти в Крым в 2012 году, предполагала, что буду жить замкнутой жизнью в украинском захолустье, а оказалось, что Крым, взорвавшийся патриотическими чувствами, поднял на дыбы и всю Россию, разбудил ее от спячки, дал вспомнить, что значит любить свою Родину, и в результате превратился в оживленный перекресток российской жизни.

Я счастлива, что вернулась домой — дважды: в Крым и в Россию. Это настоящий дар Свыше, за который буду благодарить Бога всю жизнь.

В июле 2014 года я побывала в Иркутске. Мой друг, не видевший меня два года, сказал:

— У тебя выражение глаз, будто ты вернулась с войны.

— А я и в самом деле вернулась с войны. И это не преувеличение.

Много месяцев спустя, когда мы с сыном вспоминали февраль—март 2014 года, он мне признался:

— Знаешь, мама, а я ведь только в эти месяцы и жил по-настоящему. И благодарю Бога, что никого не убил, не искалечил, хотя пришлось побывать в разных переделках. Это чудо, что Крым вернулся в Россию без войны.

«Я горжусь, что мой сын награжден / за защиту спасенного Крыма», — написала я в одном из своих стихотворений о Крымской весне.

ВАСИЛИЙ СКРОБОТ

Слово

«В начале было СЛОВО, и СЛОВО было у БОГА, и СЛОВО было БОГ...» (Евангелие от Иоанна. 1:1) И это СЛОВО вызывает через ЕВАНГЕЛИЕ к нашему небесному достоинству. Слово — это жизнь. Какие тонкие невидимые нити связывают эти пусть не физические, а больше душевные, метафизические понимания; какие корни питают это дерево жизни. Жизни непростой и тягостной, иногда лёгкой и невыносимо тяжёлой, когда, казалось бы, и самой жизни не рад?

Но тут снова выручает его величество «СЛОВО». Всё насущное на земле держится на простом слове. А ведь слово — это пять букв, если взять за основу русскую речь.

«СЛОВО» — это форма общения между людьми, это — понимание, это — настроение. Наконец, это — душа и нравственность, и, конечно, — это культура и литература. Человек — это творец. Это творческая личность, и таким его делает «СЛОВО». Только СЛОВО очеловечивает живое существо, созданное Богом — ЧЕЛОВЕКА. СЛОВО является путеводным маяком всего живого и неживого на земле.

Слово бывает добрым и злым, жестоким и убийственным. Это мы так привыкли к слову, что не замечаем его глубочайшего корня, его родника, который может и исцелить, и погубить.

Я часто разговариваю с собаками, кошками — они не могут сложить так слова, как мы, хотя их лай, мяуканье, щебетанье может быть высшим проявлением мудрости. Так вот, в силу своей человеческой внимательности, часто пытаюсь сравнить взгляды, стоны и другие звуки, и, знаете, часто прихожу к выводу, что они соображают и думают гораздо умнее, чем мы их воспринимаем, о них думаем, а это у них просто такая речь, такой диалект.

Какой-то парадокс: человек создан, чтобы руководить этим миром животных и пернатых, а ведь в жизни очень часто всё наоборот.

И что же сотворилось с миром? Почему культурный, образованный, в меру одарённый человек становится страшнее зверя? Страшно подумать и предположить, что человек становится страшнее животного, а может, мы уже становимся человекообразными животными, особым видом зверей?

Я, когда смотрю на тысячные организованные сборища двуногих, длиннонолых или, наоборот, наголо остриженных беснующихся юношей и девушек, мне становится не по себе.

И в то же время, когда вижу залы, наполненные сытыми ухмыляющимися, что-то пишущими лицами, мне тоже не по себе. Не по себе от их бездуховных лиц, от их бездеятельности и болтовни, от слов, произносимых ими, или написанных на их лицах.

Инертные, безынициативные в своём большинстве лица, произносящие пустопорожние, не подкреплённые делами слова, и безответственность. Смотрю на них, говорящих добрые и, в принципе, правильные слова и думаю: надо воспитывать этих чинуш. Но воспитывать-то уже поздно. Воспитывать надо в детском саду, в школе, наконец, в институте, но никак не в составе Совета Министров, Государственной Думе или Совете Федерации. А сейчас их надо просто гнать.

Конечно, нельзя отрицать, что среди них много опытных, честных и инициативных чиновников, кто может и должен вершить судьбы страны и людей. Но как их определить? Как отличить пустозвонство от правды? — Только по их делам.

Только СЛОВО формирует идеологию и пропаганду. Оно — главный и основной фактор воспитания и становления человека и общества в целом. Со слов начинается повышение благосостояния и уровня жизни. Качества жизни, как любят сейчас говорить чиновники. Но где результат?

Что, мир перевернулся? Что, СЛОВО потеряло свой исконный смысл, или мы сошли с ума? Это же не палка, не железяка, не грязь, наконец. Это «СЛОВО» — прочитайте внимательно эти буквы, несущие истинный смысл бытия.

Во что верить? Я верю СЛОВУ. Когда слово перерождается в обман, ложь, клевету, то это уже не СЛОВО, а букашка из каракулек. Или найдите мне другое определение этого буквосплетения.

Я часто разговариваю с деревьями: берёзками, осинами, ёлочками, кедрами (это особый разговор). И были случаи, когда приходилось ночевать в лесу. И разве это не разговор, разве это не открытие души, не откровение разумного рассуждения?

Я в своих размышлениях часто сравниваю общение с природой с пониманием, со связями, со словом. Я с ней просто разговариваю. А может, так оно и есть? Может, шелест листвы, шуршание шагов, дуновение ветерка, могучие кроны деревьев и есть СЛОВО природы? Если это так, то — это благодать.

СЛОВО — это то, что связывает нас с человеком, с природой, со вселенной. И не знаю, достигнет ли современная техника языка познания мира, но я верю в то, что на языке техники это может и возможно, а вот слово останется СЛОВОМ.

Кстати, что связывает СЛОВО и ЖИЗНЬ? Какие невидимые нити и флюиды связывают эти совсем не физические, или, если хотите, физические и метафизические понимания, какие корни питают это дерево жизни, определяющее, осмелюсь сказать, всё насущное на земле? На мой взгляд, эти буковки, посредством которых мы и определяем существование вселенной, и есть сущность бытия.

Несколько слов о творчестве. Творческий человек — это творец. Это творец настолько, сколько дано человеку Богом. И это относится, на мой взгляд, ко всем людям. Я глубоко убеждён, что грамотный, толковый и работающий, преданный делу человек — будь ты мастер, токарь, слесарь, сантехник, землекоп — это талант. Это мастер и, в определенной степени, творец. И все эти профессии признаны и уважаемы. А почему же отвергнута профессия — писатель, поэт, драматург и т.д.?

Немного отвлекусь, ибо это тоже требует осмысления, и там тоже властвует СЛОВО. Взять эстраду, песни, музыку — им в помощь интернет. Это тоже интеллектуальный труд, исполнителям надо платить — ведь это творчество.

А вы не обратили внимание, что раньше в числе авторов песни назывался, в первую очередь, автор стихов, так и писали — автор стихов, а потом композитор, ну, или наоборот. Сейчас всё перевернулось с ног на голову. Правит бал безвкусица, это если о пении; ну а если уж эта «звезда» объявляет себя и автором слов и музыки, то остаётся только затыкать уши и бежать из зала. А ведь только СЛОВО песни способно разбудить в человеке доброту, верность и любовь. Только от простого жизненного СЛОВА душа человека смеется или плачет.

А посмотрите на их манеры, квартиры, особняки! И что, думаете, это зависть? Да это слёзы о погубленной судьбе, это несчастье этой девочки или мальчишки, волей случая попавших в золотую, нет, не золотую, а ржавую убогую клетку. Жаль

их, загубленных и несчастных, купившихся на такое сладкое слово (с маленькой буквы).

Кстати, а почему они поют на иностранном языке? Может, русский плохо знают? Да весь творческий мир преклоняется перед величием русского СЛОВА. Приглянулся мне один ТВ проект. Ну думаю, отведу душу русской задорной или душевной песней. Ан нет! Снова, за редким исключением, иностранщина.

И преподносится это якобы высоким мастерством зарубежного творчества. Так покажите вы свой русский класс! Не можете! Вот в том-то и дело, что не можете. Надо знать свой великий русский язык, русское СЛОВО.

Стихи — это особая стезя, особый путь. Тревожный, неустроенный, кем он послан в дар? Хотя я и не причисляю себя к поэтам, но всё же эта жизнь коснулась и меня своим волшебным крылом. Я не критик — может это и лучше. Не писатель, но это моя неразделённая любовь, забравшая у меня немало сил и кровушки.

Иногда пишу от безысходности, иногда от радости или печали.

В общем — это моё лекарство, и только СЛОВО может мне помочь и поддержать. Великая благодарность тебе, СЛОВО, а то может и сгинул бы где-нибудь под забором. СЛОВО — это моя боль, моя безысходность, и лекарство, и выручка. И я понимаю, и уверен в том, что СЛОВО не только врачует и исцеляет, но и угнетает, ранит и убивает. Оно создает и разрушает.

Пишут сейчас многие, и ох как много. Но вижу, скудеет русская речь, снова иностранщина своим корявым ногтём царапает и вдабливает нашей молодёжи свой сорняк. А он ох как живуч, даже химикаты и те не помогают.

Поэт, прозаик, драматург. Это специальность или нет? Смею утверждать, что это творцы его величества СЛОВА. Наконец, труд это или не труд? Утверждаю, что это тяжелейший физический, философский и нравственный труд. Так, труд надо ценить, лелеять, беречь.

И возникает вопрос: поэт, писатель — это творческие работники или нет? И вообще, профессия это или нет?

Видимо, нет, поскольку их нет в реестре творческих профессий. Вот дожили?! Тех, кто владеет великим даром, мастеров русского СЛОВА нет среди профессий.

А почему? Думаю, потому, что нашим власть имущим не нужна правдивость жизни, не нужна откровенность простого народа, не нужна совесть. Им чужд нравственный мир человека, к чему всегда стремится творчески одаренный писатель.

А кто же создал подобные шедевры?

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастёт народная тропа...»

Оказывается, зарастает. Сорняк живуч.

Господа депутаты! Вы же используете на каждом шаге это великое СЛОВО. Оно вам открывает путь во власть, так надо поддерживать творцов СЛОВА.

Со слов начинаются и заканчиваются войны. Именно СЛОВО предшествует мирной жизни.

Библейская истина гласит, что когда Бог увидел гордыню сотворённых им человечков, желающих построить башню выше неба, он решил остановить это безумие.

Остановить чем вы думаете?

«СЛОВОМ».

И люди не стали понимать друг друга, остановились, одумались, соизмерили

свои силы. И оно — СЛОВО сотворило действие. Безумие было остановлено простым, понимаете, простым «СЛОВОМ».

СЛОВО примиряет, и СЛОВО делает врагами, СЛОВО ведёт к вершинам и подвигам.

А какой смысл каждого СЛОВА? Вот СЕМЬЯ — это же «СЕМЬ Я», это призыв, чтобы семьи были большими, добропорядочными, и все были «как я». А смысл «добротного здоровьица»? А «здравствуйте», а «счастливой дороги»? Да это же целое исследование, и я кланяюсь тем людям, кто исследует корни простого славянского языка, и я знаю, что есть такие подвижники, и честь им и хвала.

В БИБЛИИ у пророка МИХЕЯ предсказано: «Не стало милосердных на земле, нет праведных между людьми: все строят ковы, чтобы проливать кровь: каждый ставит брату своему сеть».

Это ли не подтверждение нынешнему состоянию общества?

Ещё поговорим о «СЛОВЕ».

Вот недавно слушал специалиста от медицины. Во всей приводимой ею таблице данных мы фактически во второй половине стран мира, но она с гордостью заявила, что лет через пять-шесть денег будет много, и вот тогда продлим жизнь людей и увеличим рождаемость. И это говорит министр здравоохранения?

А может, отодвинем эти сроки ещё на десяток лет, пока она будет министром? Какой-то абсурд. Но — это же «СЛОВО» министра! Чувствуете?

Господа чиновники! Ваши слова — это же ваши обещания, ваши дела. Ваши!!! Отвечайте же за них!!!

Вот недавно смотрел заседание ГОССОВЕТА — (всё же иногда интересно понаблюдать и послушать). Кто-то писал, кто-то тихо посапывал. Но бодрые доклады о невероятных успехах (и вот только Госдеп тормозит) лились рекой. Была и критика, и Президент страны доброжелательно кивал головой. Ну, было бы так, как они говорят, какая благодать была бы в стране. В действительности же, в жизни, все наоборот.

У меня тут же родилось предложение к министрам: накиньте дождевой колхозный плащ, нахлобучьте помятую шапочку, и тихо — по поликлиникам, школам, стадионам, мусоркам и прочим значным местам. Только без свиты, мигалок и прочих причиндалов. Вот там вы увидите нашу действительность. И Президенту страны доложите правду. Только говорите правду, отвечайте за каждое своё начальственное СЛОВО. В противном случае...

Было бы больше правды, и жить стало бы лучше.

Мне в этой связи вспоминается где-то описанное прошлое. Так вот, когда кандалники шли по бедным сибирским сёлам, голодным и замерзающим, то сердобольные старушки выходили кандалникам навстречу и старались их поддержать. Кто краюхой чёрствого хлеба, кто плотком молока, кто добрым СЛОВОМ. Вот она, русская душа, вот оно, русское СЛОВО, иногда даже заменяющее хлеб.

Весь мир, я уверен, восхищается величием СЛОВ Фёдора Михайловича Достоевского, Льва Николаевича Толстого, Александра Сергеевича Пушкина, Сергея Александровича Есенина, и многих, многих корифеев русской словесности. Их сотни, обогативших его величество СЛОВО. И среди современников освещают небосклон Валентин Григорьевич Распутин, Василий Иванович Белов и другие талантливые литераторы.

И, наконец, СЛОВО — это идеология и культура, это нравственность и человечность. СЛОВО — это ЖИЗНЬ. Нет слова — нет и жизни. Любое дело начина-

ется со слова. И жизнь каждого человека начинается и заканчивается СЛОВОМ. Кто не ценит и не бережет слова, тот теряет стержень человеческой жизни, ее смысл и предназначение. Все создано, построено и держится на СЛОВЕ. Общество в каждой стране, политика каждой страны формируется исключительно только СЛОВОМ. Патриотизм воспитывается на СЛОВЕ.

А русская литература всегда останется мерилom мастеров СЛОВА. А кто написал такие знаменитые СЛОВА: «Я устал от двадцатого века...» Эти СЛОВА невозможно читать без содрогания. Это СЛОВО талантливого поэта Василия Фёдорова.

Сложно решать житейские проблемы писателей? Да это и не проблема, это, по крайней мере, неуважение к труду писателей. К СЛОВУ.

Это не та беда, когда случается физическое несчастье, это не та беда, когда проносятся стихийные бедствия или другие невзгоды.

Это — другая, более страшная беда. Это беда, когда беднеет душа и засыхают духовные корни, когда исчезают истоки бытия, когда засыхают корни культуры и нравственности. Понять это непросто, но это вечные истины. Начертанные первыми библейскими звуками. «СЛОВОМ».

И когда исчезнет «СЛОВО», то тогда и рухнет МИР!

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

«Друг царей, верноподданный России».

Похвала гению Николая Карамзина

В России сильный консервативный мыслитель — это всегда хороший писатель.

В противном случае всё, что им написано, теряет силу и смысл очень быстро. Статьи, трактаты, исследования, монографии — да что угодно! — оказываются на той полке, откуда их извлечет лишь холодная рука исследователя, но не жаркий интерес человека, ищущего совета в высоких проблемах бытия. Политика ли, экономика ли, религиозная ли сфера — никакой разницы! Слабость художественная обрекает всякое умственное достижение в гуманитарной сфере на библиотечную пыль во много слоев, ставит меж ним и широкой образованной публикой почти непроницаемый барьер.

У нас всё завязано на слово, а если взглянуть в суть вещей, то — на Слово. Тот, кто Слова не ведает или словом не владеет, обречен, даже имея мыслительный дар самой высокой пробы, превратиться в черепок на одном из стендов интеллектуальной археологии: такой-то когда-то сделал «выдающийся вклад» в культуру, общественную мысль, консервативную традицию и т.п., нужно подчеркнуть.

Николай Михайлович Карамзин — как и Леонтьев, например, или, скажем, Розанов, или, в меньшей степени, Хомяков, — являлся великим консерватором, одним из величайших за всю императорскую эпоху. Отчего ж? За всяким уموпостроением, за всяким элементом исторической системы стоит у него живой образ, живым словом выписанный. И по сию пору образы Карамзинские — словно следы золотой вышивки на академических холстах, где по старинному узору сто раз прошлась конвейерная серость, глыбовость, неудобосказуемость, но под напластованиями строгого научного утрюмства видны еще блёстки литературного гения.

Карамзин — один, сам по себе! — целая эпоха в русской истории и литературе. До него Россия, даже в героическую эпоху наполеоновских войн, видела в своем прошлом какую-то чаадаевскую околесицу: междоусобные драки князей, невнятный деспотизм царей, передвижения непросвещенных громадных масс в чашобы и к берегам дальних морей, по внешней видимости, лишенные высокого смысла. Какая-то кочевая азиатская страна, приграничье Европы, которое Петр Великий вписал в европейские окраины, и вот тогда-то, всего пару поколений назад, и началась — Жизнь! Молодой русский дворянин высокого рода знал написанное Плутархом и Тацитом, боготворил Фемистокла, восхищался Солоном, мечтал о судьбе Цезаря; ему грезилась европейская державность времен Карла Великого, ему сердечно дорог был героизм крестовых походов. Вот только о своей, русской истории он мог не знать ровным счетом ничего. Или же — так, на золотничок, сплетни старшего поколения о екатерининских временах, да отблески всеобщего, бонтонного восхищения Петром I Европеизатором... Величавые дела православ-

ной веры, мужество дальних предков и политическая мудрость российских государей оказывались для него тайной за семью печатями. Он, бывало, и русского-то языка не знал. А если знал, то — всё равно! — не имел под рукою вполне современного по форме исторического повествования о жизни старой России.

Чем ему любоваться в русской старине? Кому сопереживать? Какие образцы героизма, высокой нравственности и духовного подвижничества брать для строительства собственных идеалов в прошлом родного Отечества, когда историческая литература скудна, архаична по форме, тяжела в повествовании...

История России для русского интеллектуала, жившего в начале XIX столетия, являлась чем-то столь же чужим и ненужным, каковы, например, история славного Таджикистана или анналы производства силикатов для образованного русского гуманитария наших дней.

И вот является Карамзин со своей «Историей государства Российского» и дарит современникам то, чего они оказались лишены: свою историю, изложенную так же красиво, как европейская или античная; своих героев, живших, творивших, сражавшихся с неменьшим благородством, смелостью и высотой духа, чем Солоны, Фемистоклы, крестonosцы.

«Пусть греки, римляне пленяют воображение... — писал Карамзин, — но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое... сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем... Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей... однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних».

Николай Михайлович дал русскому обществу эти картины и эти характеры. Оно хвалило Карамзина, ругало, возносило, мешало с грязью, но с неизменным упоением читало новые и новые тома «Истории государства Российского», напиваясь теми умственными яствами, по которым испытывало смутную тоску, еще не зная, как назвать их и откуда взять. Карамзин угадал тайную тоску России по своим героям, а потом насытил ее своими трудами.

Этим он велик.

Прав был Н.Н. Страхов, когда писал о Карамзине: «Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России». Именно создатель русской истории — не Татищев, не Щербатов, подавно не Болтин, крупные историки XVIII столетия, а именно Карамзин создал тот большой исторический миф России, который составил ядро представлений русских о своей стране от племенной эры до Смутного времени.

Но почему же именно консерватор?

Да, патриотизм его огромен и не вызывает ни малейших сомнений. «История государства Российского» в какой-то степени представляет собой один громадный многотомный ответ всем «французикам из Бордо». Высоко ставя европейскую культуру, блага просвещения, научные достижения Запада, Карамзин стоял за сохранение Россией максимальной самостоятельности во всем, не исключая сферу мысли.

Николай Михайлович год за годом строил то, чего не существовало во времена его молодости, то, что сейчас называют национальным самосознанием. Вот его

собственные слова из знаменитой записки «О древней и новой России»: «Деды наши, уже в царствование Михаила [Федоровича] и сына его [Алексея Михайловича], присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как благоприятствовало оно любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому легче было покорить Россию — неверным или братьям? т.е., кому бы она, по вероятности, должнаствовала более противиться? При царе Михаиле или Федоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

Однако «любовь к отеческим гробам» и апология национальной традиции делают мыслителя патриотом, но еще не консерватором. Только тогда ясно видно, что некий мыслитель консервативен, когда он призывает к сохранению фундаментальных основ общественной жизни, без которых социум, по его мнению, погрузится в пучину развала и падения.

Что ж, в этом смысле Карамзин ясно выразил свою позицию. Николай Михайлович — несомненный монархист, притом сторонник монархии неограниченной и сильной.

По его словам, «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». В другом месте: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее, она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»

Карамзин выразил безусловную уверенность в том, что Россия цела, пока цело самодержавие. А значит, гибель его, ослабление или порча скажутся на стране самыми разрушительными последствиями: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья».

В такой же мере Карамзин — христианин, глубоко верующий человек. Православие для него — «святая вера», равно необходимая России для процветания, как и сильная монаршая власть.

Так, Николай Михайлович предварил «Историю государства Российского» следующими словами: «Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия...»

В зрелые годы Карамзин выказывал в своем поведении, публикациях и домашнем быте полную приверженность православию. Как в жизни, так и в смерти Николай Михайлович оставался христианином. Историк был похоронен на Ново-Лазаревском кладбище. Погребение его происходило с полным соблюдением православного обряда.

Естественно, от либеральной публики, что двухсотлетней давности, что нынешней, Карамзин без конца получает и получает презрительные оценки. «Тормоз

общественного развития)... воспел «прелести кнута»... раболепствовал перед царями... Ну и... что там еще, в стандартном наборе? Мракобес? Защитник деспотизма? Лютый крепостник? Можно добавить по вкусу, ингредиенты известны, вот уже лет двести с гаком их сыплот в горячую кашу, чтобы затем облить ею очередного русского консерватора.

Тут ничего удивительного: враг.

Да еще какой враг! В ту пору, когда русская масонерия, декабристия и прочая радикалия молилась на Французскую революцию, бредила военным переворотом и алкала царевубийства, Карамзин, собственными очами видевший всю кровопийственность якобинства, революцию проклинал.

По его мнению, «ужасы Французской революции отучили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства». Ах, если бы! Против такой заразы иной раз и хирургические методы не помогают. Но, как минимум, в теории Карамзин остался прав. Суть разрушительной функции революционерства историк передал превосходно: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного иступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей».

Удивительно другое: в наши дни отчаянные патриоты ругают Карамзина. Дескать, масон, враг России, враг монархии, лукавый агент чужих злобных сил.

Спор о том, сколь сильна и продолжительна в творчестве Карамзина масонская мелодия, — давний. Еще А.Н. Пыпин обвинял историка в том, что силен привкус масонства в его идеях. Тот же Страхов Н.Н. решительно отвечал: «Г. Пыпин уверяет, что масонство имело неизгладимое влияние на Карамзина. Неправда! Карамзин ему не поддался...» И, действительно, недолго побыв в масонах, Николай Михайлович совершенно от них отвратился. Позднее он принципиально не имел с ними общих дел.

Ныне Карамзина опять окунают в масонское подполье, отбирая у него честь русского государственного человека, доброго христианина и царского слуги. Обвинения эти основываются, главным образом, на свидетельствах... самих масонов высокого градуса, когда-то лукавым образом порочивших Карамзина, который покинул их ряды, чтобы уже не вернуться назад до конца жизни. Эти «свидетели» хотели бы замарать Карамзина перед властью, а потому щедро приписывали ему то, чем сами жили и чем он побрезговал.

Кляузы двухвековой давности получили в русском патриотическом сообществе наших дней до странности широкое распространение. Николая Михайловича винят прежде всего в том, что он, выполняя некое задание «вольных каменщиков», скверно отзывался о первом русском царе Иване IV.

В наши дни широко разлившаяся любовь к государю Ивану Васильевичу есть отчасти ответ на либеральное к нему презрение в 90-х, отчасти — ответ естественного народного желания по-опричному посадить на кол всех «псов Запада» и коррупционеров, каковые видны в правительственных сферах (да и ниже, до уровня простых чиновников), отчасти же — нота в большой хвалебной песни о Сталине, звучащей ныне на каждом углу. Сталин Грозного любил, Сталин, как и Грозный, тоже много казнил, так восславим же царя за его сходство со Сталиным! — вот лейтмотив очень многих выступлений в публичной сфере. Мало кто обращает внимание на то, что Иван IV и Сталин фигуры бесконечно разные — и культурно, и психологически, и политически.

Как ни парадоксально, громогласная хвала Ивану Васильевичу имеет в наши дни больше «левого», «красного» в своей консистенции, нежели консервативного и христианского.

Ну а теперь стоит разобраться с тем, что именно, как и почему писал Карамзин об Иване Грозном.

Прежде всего, для тупой и незамысловатой задачи «очернения» Николай Михайлович написал о государе слишком много хорошего. Укоряя Ивана IV в чудовищной жестокости, называя его тираном и мучителем, Карамзин все же не забывал отдать должное и его положительным свойствам: помянул добрым словом царский «превосходный разум» и обширные знания; отметил строительство многочисленных городов, крепостей; похвалил ревностную неутомимость царя в государственной деятельности: «Любил правду в судах, сам нередко разбираал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно, казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом».

«Черное» и «белое» перемешаны тут в равных пропорциях. Точнее, у Карамзина просто нет чисто черной и чисто белой красок. Он любил обсудить с читателями облик и деяния монархов. Порой высказывался критически (и не только об одном Иване IV, но и, например, о Екатерине II, хотя и восхищался царствованием ее). Но что в том необычного? Что в том худого? За свирепость обличал Ивана IV еще святой Филипп, митрополит Московский. Об иной монаршей особе, императрице Евдоксии, гневные слова произнес св. Иоанн Златоуст. А Святой Амвросий Медиоланский спорил с императрицей Юстиной, и та уступила.

Царский сан требует обязательного почтения, но царь как человек не свят и не безгрешен.

Историк создал сложную, наполненную трагическими нотами историю нравственного роста и падения Ивана Грозного. Против монаршего сана он не выступил нигде, но жестокость государя он показал как нечто ненужное и к добрым последствиям отнюдь не приведшее.

Напротив, Карамзин сочувствовал старомосковскому самодержавию. Отступление от него, как полагал историк, приводило к правлению «многоглавой гидры аристократии», намного более тяжелому и вредному для страны.

Так, по словам Карамзина, поскольку в детстве Иван IV не мог иметь действительной власти, а его мать, регентша Елена Глинская «...действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребления власти». В 1547 году, после подавления большого бунта, вызванного самовольством той же аристократии, государь Иван Васильевич ведет себя с подлинным величием, защищая истинное право самодержца: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно калялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился святых тайн», — затем последовало принятие царского титула и женитьба на Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Падение произошло с годами. Под пером Карамзина оно предстало увечьем для личности государя. Но и после того, как проявились горькие признаки падения, Карамзин все же не прибегает к однозначному очернительству в отношении царского характера, а рисует его живо, в красках яркой жизненной силы, противоречивости и тяжелой внутренней борьбы.

«Любопытно видеть, как сей государь, — пишет Карамзин, — до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винулся перед Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком!»

А что следовало написать Карамзину? Выдать солнечное повествование о немыслимо совершенном, мудром, стратегически мыслящем победителе всех и вся? Но это невозможно без лжи. Если взглянуть на плоды царствования и удержаться от укоризн по поводу страшного кровопролития, то все-таки еще не исчезнут другие укоризны: Москва была взята и сожжена татарами, чего не водилось со времен Дмитрия Донского; большая война Ливонская оказалась проиграна, русские города и земли с православным населением оказались под властью иноземцев, иноверцев; святой Филипп подвергся убийству от руки опричника, и тот вместо наказания был пожалован. Зачем надо все это «сглаживать»? Требуется ли от историка Бог лгать о язвах Отечества ради «текущего момента», «единения народа» и «политической необходимости»? Нет, ничего такого нет в нашей вере. Напротив, рассказывать надо то, что было на самом деле, всё прочее — низость.

Так в чем следует обвинять Карамзина? В том, что он не захотел превращать русскую историю в набор лозунгов? В том, что он поставил истину выше агитационных удобств «текущего момента»? В том, что он презрел ура-патриотическую простоту во имя сложности действительной истории?

Так это следствие добродетелей его, а не злокозненности ума.

Очень хорошо, что Карамзин был сложен. Очень хорошо, что Карамзин был правдив. Очень хорошо, что он не пожелал к сверкающему дворцу русской истории пристроить фанерный халупник ложных достижений и ложного благочестия.

Поведал правду. Таким и следует быть настоящим консервативным историкам. Во имя Бога и народа своего — не лгать!

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Слеза на камзоле

От гуманизма — к любви

Был в истории России один духовный феномен. Это Александр Николаевич Радищев. В советское время поэт Евгений Винокуров написал о нём такие стихи:

*«Авроры» залп, встают с дрекольем сёла,
но это началось в минуту ту,
когда Радищев рукавом камзола
отер слезу, увидев сироту...*

Вызывает удивление степень духовного сострадания, которая была присуща этому внешне весьма благополучному человеку. Директор самой большой в России таможни, вполне благополучный дворянин, Радищев вдруг проявляет невиданную решимость в осуждении существующих порядков. А решимость — от озарения: *«я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»* — пишет он в предисловии к «Путешествию из Петербурга в Москву». Предисловие озаглавлено «А.М.К. Любезнейшему другу». Далее Радищев сообщает, что: *«обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы»*. Что же узрел писатель, взглянув «прямо» на предметы и себя самого?

«Я человеку нашёл утешителя в нём самом. «Отыми завесу от очей природного чувствования — и блажен буду»... — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельствии себе подобных. Сея мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Неизвестно, читал ли Радищев труды святых отцов церкви. Судя по приведённым отрывкам, он хотел описать своими словами состояние духовного прозрения. Это не просто эмоции культурного человека, которому вдруг стало стыдно за общество, допустившего сиротство. Это не жалость воспитанного дворянина. Слеза на камзоле — это, скорее всего, вспышка евангельской любви к ближнему, искра в душе от проникновения в неё Святого Духа. Эта любовь универсальна и всеобъемлюща. Как говорил Иоанн Златоуст — она включает в себя смысл и значение всех остальных заповедей Нового Завета. Этому нельзя научиться в каком-то культурном учреждении, потому что это не элемент культуры, это начало преобразования в нового человека!

Некоторые исследователи пишут, что русское общество того времени не было готово к тому, чтобы проявить такую же, как Радищев, духовную решительность в осуждении страданий, претерпеваемых низшими сословиями. Не готово — слишком слабо сказано. Русское общество вообще двигалось в своём развитии совсем в другом направлении. Высшие сословия обратили свои взоры к европейскому просвещению. Стало модным изучать труды Монтескье, Руссо, Мабли и Гельвеция. Писатель и историк Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» с каким-то восторгом пишет: *«мы не таковы, как брадатые предки наши; тем лучше. ...Для нас открыты все пути к утончению разума и благородным душев-*

ным удовольствиям. *Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами*¹.

Если вспомнить, какие «брадатые предки», например, протопоп Аввакум и его последователи, показывали удивительный пример служения Иисусу Христу и его Святому делу, станет ясно, что Карамзин звал общество куда-то прочь от православия. Вместо искренних религиозных переживаний вплоть до самозабвения, вместо отношения к христовым заповедям как к способу жизни, дворянин с головой ушёл в жизнь светскую. Ему казалось, что государство и добрые нравы в нём можно создать исключительно разумом. Что делали современники Радищева — государственные и общественные деятели? Одни писали нравственные наставления молодому поколению, другие участвовали в развитии русского просвещения, третьи критически осмысливали происходящее². К последним культурологи относили, очевидно, и Радищева. Но в его лице мы имеем совершенно другое духовное явление — живую душу православия в светском человеке.

А.Н. Радищев тоже прошёл основательную школу европейских философов-просветителей в Лейпцигском университете. Однако четыре года учёбы не превратили студента Радищева в материалиста. Слишком сильна в нём была православная закваска, о которой сам он, возможно, и не догадывался.

В то время как дух европейского человека оторвался от мистического центра, отошёл от церкви, рационализировал и механизировал жизнь, по выражению профессора С.Н. Булгакова, в России периодически заявляли о себе носители православного духа. В отличие от своих европейских учителей, Радищев не мог смотреть на российскую действительность с точки зрения внерелигиозного гуманизма. Чужие страдания он воспринимал как свои. Без избавления от них ближнего он не видел и своего личного счастья. Этот вывод напрашивается сам собой! Потому что иначе трудно понять, как вдовец — отец четырёх детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет, вдруг пишет гневную обличительную книгу, понимая, что может вызвать гнев царицы и суровое наказание. А значит, и лишиться возможности общения с детьми. Их он оставил под надёжной опекой богатых друзей. Но карьеру свою погубил и навсегда стал врагом царской власти.

«Путешествие из Петербурга в Москву» (далее кратко «Путешествие...» — В.С.) Радищева впервые вышло отдельным изданием в 1790 году. Через год в «Московском журнале» писатель Николай Михайлович Карамзин начал печатать «Письма русского путешественника». Какая пропасть в духовном содержании двух произведений, написанных в одно время! Возьмём только один эпизод из «Путешествия...». Радищева потрясло (как он пишет: до внутренности) зрелище похорон в Яжелбицах. Отец плакал над могилой сына, умершего от болезни, переданной им «по наследству» отцом. Судя по всему, речь шла о сифилисе. Автор «Путешествия» в столах безутешного отца услышал и своё осуждение. Вспомнились дни распутной юности самого автора «Путешествия...»! Он горько сожалел, что государство, позволяя «мздоимное» распутство, отравляет жизнь граждан и открывает путь ко многим порокам. Радищев смотрит на жизнь глазами христианина и, благодаря внутреннему глубокому переживанию, сам преображается в страданиях. Скорбь за других — очищает от мирского сора его внутренний взгляд и даёт надежду победить сами пороки... Скорбь Радищева преображается в гнев. Но это гнев любящего людей человека. А.С. Пушкин охарактеризовал общий дух «Путе-

¹Н.М. Карамзин, «Письма русского путешественника». М., 1980 год. С.355.

²И.Н. Курочкина. «Дворянский этикет в России XVIII века». Культурология. М., 2003 год. С.493.

шества...» как дерзость мыслей и выражений, которая выходит из всех пределов. Одно соображение можно привести в оправдание подобной «дерзости»: когда автор не ставит себе никаких «пределов» в сострадании — он получает моральное право и обвинять и обличать без ограничений всё то, что считает причиной страданий...

Учёные называли этот человеческий феномен «византийским типом личности», которая отличается «духовной дерзостью, чуждой мелкому житейскому благоразумию». Это мужество веры, которое позволяло противостоять жизненным невзгодам, «осваивать резко континентальную территорию; подобно Сергию Радонежскому более десятка лет жить в заснеженной лесной пустыне. Этот тип характеризует себя, например, словами протопопа Аввакума, ответившего жене относительно того, долго ли им ещё мучиться: «Всю жизнь, матушка»³.

Этот тип мученика, который пришёл к нам из Византии вместе с её культурой и «неповреждённым» христианством, занимал особое место в духовном становлении русского общества. Его духовное становление было настолько же глубже и выше в своей нравственной красоте и Божественной правоте, насколько проповедь Христа выше уроков этики в обычном учебном заведении.

В одной из работ Юрий Лотман приводит слова декабриста Пущина, сказанные им в разговоре с царём. На вопрос Николая: как вы решились на это дело? — отвечал: «иначе я бы считал себя подлецом». «Этим он говорил, — поясняет Ю. Лотман, — у меня есть совесть, есть выбор. Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство»⁴.

Но в вере всё это даётся Богом: совесть и сострадание, любовь и смирение приходят здесь в душу человека вместе с верой, как откровение. Это откровение, посетившее князя Владимира после крещения, когда он вдруг пожалел разбойников, приведённых на казнь! Это слёзы умиления Преподобного Серафима Саровского, с которыми он встречал каждого приходящего к нему человека. А.Н. Радищев не выдержал мучений от преследований власти. Он поддался отчаянию и покончил жизнь самоубийством. В самый трудный момент не оказалось с ним рядом духовного отца и наставника.

Известный философ Д.И. Чижевский писал, что «со времён Ренессанса церковь выпустила из своих рук водительство культурным движением человечества. Это движение пошло таким путём, который вызывал её (церкви — В.С.) вполне справедливое недоверие и отчуждение»⁵.

И это произошло не случайно. По мнению другого русского философа Н.И. Ульянова, в духовной жизни народа **образовалось два мира, которые нигде не пересекаются**. В одном — достигается вечная жизнь, в другом — накапливаются «ценности культуры». В одном осуществляется любовь, в другом — справедливость и разум. Ни помочь, ни помешать блаженной жизни свободного духа ни культура, ни разум не могут⁶. Эта истина актуальна и для сегодняшнего дня.

Культурологи и публицисты в своих статьях всё чаще в разных выражениях проводят одну мысль, что заканчивается эпоха христианской культуры. Истоки

³В.Ф. Шаповалов, «Византийское культурное наследие». Культурология. М., 2003 год. С.564.

⁴Ю. Лотман, «Чему учатся люди». М., 2010 год, стр. 17.

⁵Д.И. Чижевский, «Русские философы». М., из-во «Книжная палата», 1996 год. С.170.

⁶Н.И. Ульянов. Там же. С. 216.

этого пессимизма, скорее всего, в заблуждении, что верующих пестуют в культурных учреждениях. А поскольку истинно православных людей пока мало, делается неверный вывод, что сдаёт свои позиции и христианская культура. На самом деле мир, где создаётся вечная жизнь, почти не зависит от состояния культуры и не определяется культурой. Конечно, система религиозно-нравственного воспитания в обществе помогает людям в их духовных исканиях.

Но всему начало — подвижнический духовный подвиг тех, для кого смыслом жизни стала любовь к Богу. Во времена, предшествующие правлению Екатерины Второй, в России было 732 мужских и 222 женских монастыря. Выходцы из них, монахи, служили в приходах по всей России. Было кому сказать прихожанам сокровенное слово, на примере собственного опыта показать пути к постижению веры. Но к концу XVIII века было уничтожено четыре пятых всех монастырей. Созданные Екатериной Второй масонские ложи, по меткому выражению В.В. Кожина, выполняли роль суррогата церкви в дворянском и отчасти купеческом обществе. Ни один светский институт воспитания, ни одно учреждение культуры не в состоянии заменить то влияние, которое оказывает на души людей преображённый верой человек.

Главной задачей православного верующего Преподобный Серафим Саровский считал «стяжание Святого Духа». Большую часть своей жизни отец Серафим провёл затворником, а потом стал учить и духовно врачевать людей! Без этой помощи людям его молитвенный подвиг был бы незавершённым. Так же поступали старцы Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и других святых мест. А для верующих этот опыт Православия бесценен. Обособление в тиши монастырей много дало будущим проповедникам. Они постигли Благодать, чтобы потом эту силу Божью передать страждущим посетителям. Для того чтобы верной дорогой идти по земле, любому верующему надо сначала «научиться ходить по воздуху», то есть постигнуть существо Евангелия. «Закон духовен — настаивал Преподобный Макарий Египетский. — Если для нас было написано, мы должны всё понимать духовно и ничего по-иудейски или по-плотски».

Вот что писал о становлении православной Малороссии Николай Васильевич Гоголь. «Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало... действовала. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира; молившиеся за всех, но не знавшие, как схватить с помощью своего сильного оружия власть над народом и возжечь этой верой пламень и ревность до энтузиазма, который один властен соединить младенчествующие народы и настроить их к великому. Здесь была совершенная противоположность Западу, где самодержавный папа как будто невидимую паутину опутал всю Европу своей религиозною властью»⁷.

Судя по вышеприведённому отрывку, Гоголь считал, что католики знали секрет, как верующего сделать не только преданным церкви, но ещё и законопослушным рачительным хозяином на своей земле, защитником отечества и государства. Действительно, усилиями Папской власти — католики удачно соединили уважение к религиозным обрядам и ответственное отношение к своим гражданским обязанностям. Но последователей такой «внешней» официальной религии приходилось всё время контролировать, поправлять и наказывать! Церковная инквизиция держала католика в постоянном страхе. Однако когда человек не создаёт веру в самом себе, а только подчиняется внешним правилам, тогда есть соблазн их обойти.

⁷Н.В. Гоголь. Собр., том 4. С.17.

В Западной Европе постепенно куда-то исчезли «чистые отношения людей к Богу». Началась торговля индульгенциями (отпущением грехов), падение нравов, в том числе и в среде духовенства, и остальные печальные последствия всевластия повреждённого грехом ума, которому дают слишком много воли.

Весь предшествующий Православию опыт религиозной жизни убедительно показал, как опасны и вредны крайности, особенно — **недооценка величайшей пользы специального религиозного опыта «чёрного» духовенства, то есть монахов, с одной стороны, и необходимости для духовенства неустанно работать с паствой — с другой!**

В начале 90-х годов Россия возвращается к активному Православию. Сотни храмов пережили второе рождение, открылись новые приходы. Но материальную часть церквей восстановить проще, чем духовную силу проповеди наших церковных наставников.

Нам сейчас нужно много новых наставников и учителей православия. Просто необходимы такие творческие люди, каким был в своё время А.Н. Радищев! Слеза сострадания, которая когда-то упала на рукав его камзола, как метафизическое понятие, не высохла. Она засверкала в глазах Льва Толстого, Максима Горького. Она вспыхнула во взгляде писателя Леонида Бородина. Только сейчас мы начинаем понимать, как много мы потеряли, не дослушав его бесед и выступлений...

Свои светочи, свои духовные наставники должны быть в мирской жизни, так же как и в церковной. И они должны получить от государства и общества самые широкие возможности для своих выступлений, для систематической работы с самыми разными аудиториями.

Всё чаще в статьях и выступлениях публицистов проводится мысль: поймём своё богословие — станем другими! Только совместные усилия людей, отмеченных Богом, с ищущей Бога беспокойной душой, позволят состояться человеку в качестве человека!

К 85-летию писателя Альберта Гурулёва

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

В распахнутых от счастья глазах

Альберт Семёнович Гурулёв

ОТ РЕДАКЦИИ: Писатель Альберт Семёнович Гурулёв родился 28 сентября 1934 года в городе Спасск-Дальний Приморского края в семье военнослужащего. Детство прошло в городе Черемхово Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета (1957). Работал в газетах «Советская молодежь», «Знамя коммунизма». Первые рассказы А.С. Гурулева опубликованы в середине 1960-х в газетах, в журналах «Байкал», «Ангара», «Уральский следопыт». В 1968 году вышел в свет его роман «Росстань», который обратил на себя внимание читателей и критики, был удостоен премии Иосифа Уткина. В повести «Чанинга» (1970) по-своему отразилась драматическая судьба деревни, пережи-

вающей очередной эксперимент по «укрупнению» хозяйств, уничтожению «неперспективных деревень». В следующих повестях и рассказах Гурулев остается верен своей главной теме: деревня и природа, человек, теряющий себя в отрыве от родной земли. Проблемы семьи затронуты в повести «И был день...» В ней наиболее очевидны такие особенности таланта писателя, как неторопливость повествования, простота и ясность образов, умение следовать естественному ходу жизни. Также Гурулев — автор повестей «Пожар в Перекатном», «Дом на своей земле», «Осенний светлый день», «Крик ворона» и других. В коллективных сборниках помещены его рассказы: «Осенний мотив», «Тайга горит», «Вечером», «Разноцветный горизонт», «Ночные костры» и другие. Автор книг «Росстань»: Роман. — Иркутск, 1968; «Чанинга»: Повесть и рассказы. — Иркутск, 1970; Дом на своей земле: Повести. — Иркутск, 1983; «Осенний светлый день»: Повести и рассказы. — М., 1987 и др. Член Союза писателей с 1969 года. Главный редактор журнала «Сибирь» (1980–1983), заведующий отделом прозы журнала «Сибирь» (2012–2015). Активно занимался издательской деятельностью; вместе с Николаем Есипенком был организатором издательства «Папирус», выпускал книги сибирских писателей. Лауреат премии имени И. Уткина (1968), лауреат премии губернатора Иркутской области — за книгу «Русское устье» (2011).

Писатели о судьбе и творчестве Альберта Гурулёва

Владимир Крупин, академик, член Президиума Академии Российской словесности, первый лауреат Патриаршей литературной премии имени святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия:

— Но вот кто имел полнейшее право писать о Валентине Григорьевиче, так это прозаик Альберт Семенович Гурулёв, его закадычный друг. Студенчество, журналистика, писательство, поездки, военные сборы, рыбалка, ежегодные походы в тайгу по ягоды, за кедровой шишкой... И чаепития... И у костра, и в городской квартире. Вот в чаепитии, в единственном они были разномыслены: Распутин пил чай без молока, а Гурулёв чай забеливал. Во всем остальном, в жизненных позициях, во взглядах на происходящие события они были в полном смысле побратимы. Книга Альберта Гурулёва «Остановиться... и оглянуться» небольшая по объему. Я получил ее от автора в Иркутске и сразу, за вечер прочел. И сейчас еще, увезя книгу в Москву, раскрываю ее наугад и вновь вижу Распутина как живого. Такой уровень сердечных воспоминаний автора книги. Она прекрасно издана, содержит редкие фотографии жизненного пути писателя и, что важно, написана по-мужски. То есть не опускается до уровня мелочей жизни, не вступает в споры с теми, кому интересны разные сплетни, кто и себя старается прицепить к Распутину. Гурулёву это не надо — он сплетает словесный венок на могилу друга. И венок этот получился на диво замечательным, чистым как байкальская вода, пропахшим смолой, овеванным сладким дымом таёжного костра.

Станислав Китайский:

— Альберт Семенович Гурулев — писатель с пронзительно тонким мировосприятием, владеющий искусством точной поэтической передачи своих чувств простыми, привычными словами и не простыми. Это не ремесло, это — искусство.

Анатолий Байбородин:

— Очарованный устным крестьянским словом, любознательным и украсным, постигая и письменное древлеправославное, каюсь, бегло читал и смутно знал я творчество иркутских писателей, кои годились мне в старшие братья, а то и в отцы, и лишь на крутом перевале веков открылась мне талантливая проза Альберта Гурулёва — роман «Росстань», повествования в рассказах, которые любовью к родному народу и родной природе, живописью и певучестью слова, думаю, не уступят прозе сверстных мне, избранных писателей, даже и звонко повеличенных, набивших извилистые тропы в сибирские и столичные издательства. Судя по роману «Росстань» и природным сказам, писатель Альберт Гурулёв родовой памятью крепко увязан с казачьим и крестьянским пахотным миром, с миром забайкальских скотоводов и скотогонов, с миром рыбаков и охотников, отчего и с любовным ведением пишет эти полуслитые русские миры, где царствует природа — Творение Божие, где все зачинается с природы, живет в природе и завершается природой. А посему, что и обычно для традиционного русского писателя, не порвавшего пуповинной связи с природным, народным миром, Альберта Гурулёва можно повеличать и сибирским природописателем.

Книга Альберта Гурулёва «Струны памяти. Воспоминания о Валентине Распутине»¹ — эта песня о друге, эта песня о крае, эта песня о мире, и она же — о чуде.

И припев в этой песне с оглядкой на слушателя, читателя, собеседника. Как ему слышится, как видится, как звучит и откликается его сердце. Для чуткого и мудрого слушателя такая песня.

Первые две главы начинаются с песен — звучат известные когда-то мелодии «Иркутск — середина земли» и «Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь». Звучат известные мелодии как извинения, как импульс, чтобы от них появилась своя.

В начале — тихие картины Иркутска 50-60-х. Тихие от давности, от того, что улеглись страсти и задремали порывы, что светла память и прозрачны дни. Утренний Иркутск с весёлыми дребезжащими трамвайчиками, Иркутск вечерне-ночной с полупустынными от осенней непогоды улицами и рискованными благоглупостями молодежи. Иркутск с парками, тенистыми аллеями, танцплощадкой, духовым оркестром, беседками для шахматистов, лодочной станцией. Улица Карла Маркса, вымощенная от улицы Ленина до набережной Ангары деревянными чурбачками. Уютная летним теплом, она — место «прогулок, встреч и расставаний». Неповторимые, осевшие по окна в землю старые иркутские дома, памятные любому, влюблённому в город. С кружевными наличниками, они готовы рассказать свои истории. Виды, звуки, запахи старого Иркутска. Маленькие картинки — как слова из песни, а «из песни слов не выбросишь». Предчувствие встречи с городом в первом приезде, сны в ночной электричке между Иркутском и пригородами.

Внутри песни другая — о двери. Очеловечивание и очарование обыденного, история жизни предмета. Дверь в редакцию областной газеты «Советская молодёжь» Альберту Гурулёву открылась раньше, чем Валентину Распутину. За ней «чаще — душевная непогода, сомнения, работа и лишь, не так часто, как хотелось бы, вспышки радости и светлой удачи». Дверь в судьбу, вход в другой мир. Могутная и одновременно невзрачная с виду, «шершавая от облупившейся краски», она еще помнила о лучших временах. Дверь-работница, впускавшая молодых журналистов в большую литературу. И оказавшаяся ненужной в годы перестройки — её накрепко заколотили. Жизнь труженика, отдавшего свой век людям. Метафора человека и времени, притча о главном.

Песня срифмована давней и сердечной дружбой. В ней два писателя стянуты одним городом, Сибирью, Россией. В ней неуловимое по дате знакомство, кипучая работа в «Молодёжке», в Иркутском Союзе писателей, походы, поездки, полеты за ягодами, грибами, рыбалка и бытие в природе — в тайге, на Байкале. Больше шестидесяти лет вместе. Из студентов общежития Валентин выделен автором «по созвучию своей души». По душевной теплоте и ощущению надежности «он стал узнаваем раньше других и выделился наособицу». «Молчаливый, замкнутый, улыбчивый, даже отстранённый. <...> Но люди к нему тянулись. Я и сейчас не особо могу объяснить, даже себе, почему. Просто нужный душе человек».

Как метафора отношения Валентина Распутина к жизни звучит воспоминание об его не отличающейся легкостью походке, которая «на лесной тропе, переви-

¹Гурулёв, А. Струны памяти. — Сибирь. — 2017. — № 2. — С. 85-103. Книга издана: Гурулёв, А.С. Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине / А.С. Гурулёв. — Иркутск : Издат. центр «Сибирь», 2017. — 192 с.

той корнями, перехлёстнутой валежником, на каменистых тянигусах <...> становилась скользкая устойчивой, а некоторая сутулость даже смотрелась подарком природы: так удобнее нести заплечный мешок или горбовик». Заплечный мешок писателя был велик и неподъемен кому-то другому — заботы и хлопоты о многих, кто обращался к нему, о родной Усть-Уде и Аталанке, Иркутске, Байкале, Сибири, о России. Писатель взял на себя и нес тяготы, боль родины по таким тропам, перевитым корнями, с камнями и перехлестнутым валежником, что можно только удивляться устойчивости походки сибиряка.

Солнечность прозы Альберта Гурулёва — в каждодневном открытии солнца для себя, в детской радости прихода в мир. Вот рождение солнца — «алое просяное зёрнышко», встающее из-за дальних далей, из ледяных торосов зимнего Байкала. Зёрнышко из сказки с обещанием небывалого урожая, богатства, с обещанием счастья. «Зёрнышко растёт, растёт на глазах, наливается силой, и ты буквально ощущаешь, как Земля медленно поворачивается к солнцу промёрзшим боком. И вот оно, проснувшееся солнце, ещё не яркое, позволяющее смотреть на себя распахнутыми глазами, приподнимается над горизонтом, сбрасывает с себя сонную одурь». Солнце и глаза человека — диалог земного, отразившего в себе небо, и вечного. Доверие к миру в распахнутых от счастья глазах.

Солнечность и в том, что слова воспоминаний согревают, становятся родными, как родным представлен и мир вокруг героев. Леденящий холод Байкала, его пронзительные ветры, переменчивые от тихой бережности до буйных снежных зарядов и белой круговерти, не враждебны человеку, они воспринимаются автором как проверка духа, крепости. «С тебя, как ненужная шелуха, слетает городская разнеженность, пустословие и инфантильная безответственность, ты снова чувствуешь в себе не просто мужчину, а мужика». Так же, как и нищета послевоенного быта, серая и сирая одежда, привычное студенческое недоедание и поездки на подножке бездверного трамвая на свежем воздухе, на ветерке — все это часть веселого, молодого мира, берегущего человека высшей, не доступной земному пониманию, мудростью. «Пятидесятые годы, война вроде бы давно закончилась, но она, её ненасытное дыхание, запальчивое и усталое, слышалось ещё всюду».

Мелодия воспоминаний рождается из ритмов рефлексии автора. Вначале они гуще, затем реже, и наконец гаснут, поглощенные потоком памяти. Как расходящиеся круги на воде, они держат подвижную форму текста. Это оглядка не только на читателя-слушателя, но и на себя теперешнего — взгляд мудрости в юность, панорамное видение пройденного от начала пути и важность детали. Парение над временем и во времени. Объяснения, оправдания, сожаления постепенно выявляют диалог с собой, ответы на собственные вопросы. Встреча человека с собой сквозь время — самый захватывающий сюжет воспоминаний.

Название реминисцентно псалмам Давида с покаянными, восхищенными, удивленными — разными интонациями, объемным молитвенным видением, направленным ввысь. Мелодия древних молитв созвучна в воспоминаниях обращенности автора к Невидимому создателю человеческой жизни и ее коллизий. Незримое присутствие Соединителя людских судеб в них. Авторская мелодия глубинно и незаметно связана с древней христианской традицией. Прозрачна связь со славянской культурой. «Вглядитесь в наши лица мягких и плавных линий. Это от доверчивости, от раскрытости, от звучащих внутри напевов, к которым мы непрестанно прислушиваемся», — говорил Валентин Распутин². Чувством песенно-

²Распутин, В. Светлое слово. — Совет. Россия. — 1992. — 28 мая.

го звука, идущего в человеке из глубины памяти, наделены оба друга, оба писателя — в этом общая согласная природа их творчества и души.

Время воспоминаний укутывает теплотой. Благодарность жизни за все, скрытая в слове, создает такое впечатление. Словно из близкой дали знакомый голос: «Это наша Россия; нам в ней уютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине»³.

В песне много скрытой мужской нежности. Собранной в невыраженной слезе, остановившейся у истока. Нежность прячется за иронией, усмешкой, улыбкой от встреч, разговоров, поездок. Она в признании необходимости присутствия друга в собственной жизни, невосполнимости его ухода. «Прощай, радость!..» — последняя фраза воспоминаний.

В песне много тепла и радости, грусти и байкальских ветров. В ней каждое слово пропитано Байкалом и дорогами-полётами к нему. Байкалом — где живет, звучит сердце самого автора, и где жило, звучало и осталось сердце Валентина Распутина.

Эта песня, которую хочется сберечь и слушать тихими вечерами.

³Гоголь, Н. *Выбранные места из переписки с друзьями*. — СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — С. 261.

Когда нет пробела между строкой и жизнью

Прозаик Владислав Огарков

Его имя известно не очень широкому кругу читателей, но сегодня это ни о чём не говорит, если писатель сам не занимается собственным продвижением. Владислав Огарков не занимается.

Начинал он, как это было свойственно многим в минувшем веке. В середине 1980-х годов появился в редакции художественной литературы Восточно-Сибирского книжного издательства — готовился сборник прозы под названием «Грибное воскресенье» по итогам областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», которая раз в два-три года проходила в Доме литераторов им. П.П. Петрова. Огарков стал лауреатом этой конференции. После редакторского отбора его повесть «Пороги» была принята к изданию. Вслед за нею пошли публикации и в альманахе «Сибирь».

По жанру это была очерковая проза, в немалой степени путевая, навеянная общением с природой. Можно сказать, Огарков изначально двигался в русле М. Пришвина, В. Арсеньева, Г. Федосеева, нащупывая собственную тропу.

Однако в 1990-е годы творчество было прервано по причине необходимости бросить все силы на заботу о хлебе насущном. И здесь придётся отвлечься от литературы.

В конце 80-х подули ветра в не очень понятную сторону. В северном Усть-Илимске поселилась тревога за будущее, и не напрасно: через несколько лет молодые промышленные города начнут превращаться в депрессивные, и многие семьи, обеспокоенные судьбой подрастающих детей, будут вынуждены их покинуть. Огарковым удалось поменять усть-илимскую квартиру на иркутскую, продать дачу и приобрести дом с огородом в Шаманке. Здесь и настигли перемены. Последовало самое трудное — переход на новые способы зарабатывания денег. Многие главы семейств растерялись, потеря работы ввергла в уныние и бедность, исходы были самые плачевные. Но Владислав Огарков оказался крепким орешком. И это удивительно, потому что крепостью здоровья он не отличался.

Не могу не вспомнить ту первую встречу с начинающим автором в редакции издательства (мне довелось там работать), когда, увидев, какими резкими ломаными движениями сопровождается его ходьба, невольно подумала: человеку с таким недугом литература, пожалуй, самое подходящее занятие — другое попросту может быть недоступно. И как же все мы были поражены, узнав из его очерков, что он сам участник походов по лесам и горам, сплавов по рекам и сопутствующих тому приключений!

В Иркутске устилимец занялся резьбой по дереву (берёзовому капу), освоил изделия из берёсты. Плоды своего труда, присовокупив к ним поделки из камней-самоцветов, недавний турист продавал другим туристам, прибывающим на Байкал. Семья обустроилась, жена, учительница русского языка и литературы, как могла помогала, дочери окончили один из иркутских вузов.

Огарков вернулся в литературу. Государственное издательство к тому времени окончило свои дни, книга «Бадарма», с которой он в начале 2010-х годов пришёл

в Дом литераторов, была выпущена способом самиздата, тиражом в 500 экземпляров. В 2015 году Огарков вступил в Союз писателей России.

Ныне книги выходят одна за другой таким же образом (за счёт средств автора, как я понимаю), в Иркутске. Все они составляют, по сути, жизнеописание, которое ведётся от первого лица. Хронология не выдержана, но биография выстроена: послевоенное детство на Дальнем Востоке; юность в Эстонии, ранняя самостоятельность; встреча с Усть-Илимом, покорение Ангары, притяжение сибирской природы, таёжное братство, превращение туриста в дачника-земледелца. Далее — новое перестроечное время, опыт выживания, возвращение к природе, творчеству.

В этих книгах жизнь — как непрерывное, неуёмное движение. В своё время оно стало для мальчика, ослабленного тяжёлой формой рахита, целебным средством, постепенно превратилось в потребность, в источник радости. Возможность двигаться в пространстве одаривала возможностью видеть, слышать, ощущать окружающий мир, и прежде всего мир природы. Пройти ради этого километры на лыжах по зимнему лесу, проплыть на плоту по порожистой реке, подняться в горы, — чтобы захватило дух перед небывалой красотой и мощью и ещё больше захотелось идти вперёд!

Но чтобы освоиться в мире природы, необходимо освоить разные умения: не мешкая разжечь костёр в любую погоду, соорудить нехитрое убежище от дождя, наудить рыбы или подстрелить рябчика к ужину — всем этим Огаркову удалось овладеть. А ещё — по ходу движения — приобрести строительные навыки и возвести дачный домик, доказать медикам, что можешь управлять «Запорожцем», стать резчиком по дереву и вообще научиться отвечать на любые, как принято говорить, вызовы времени.

Стремительная линия судьбы была задана в Советской тогда ещё Эстонии, где после Великой Отечественной решил обосноваться отец, военный лётчик. Страницы «Историй из рюкзака» — это страницы вступления во взрослую жизнь пятнадцатилетнего подростка, которого (так вышло) к этому времени оставили родители. Учёба в Таллиннском строительном-механическом техникуме, полуголодная жизнь на стипендию, первые заработанные деньги, заинтересовавшие компанию приятелей-бездельников; драка в общежитии, арест на пятнадцать суток, исключение из техникума. Судьба накренилась в опасную сторону. Но перевесило другое: потянули лесные и горные дали, друзья по лыжным походам вновь позвали к себе. Как он напишет спустя годы, «сел в трамвай и всего за три копейки поехал в новую жизнь», получив от старой стойкий иммунитет к тюремной романтике, к модному ныне эковскому «шансону».

Восстановился в техникуме, по окончании поступил на таллиннский завод «Ильмарине». Здесь же испытал первое сильное чувство. Искренние, чистые отношения заходят в тупик, бывшая однокурсница — замужняя женщина. Выход подсказал дух времени: рюкзак за спину, чемодан в одну руку, гитару в другую, и поезд мчит в Сибирь, на строительство Усть-Илимской ГЭС.

«Это был новый мир, огромный, как небо, мир с новыми людьми и новыми событиями. Меня приглашали войти в этот мир — сбывалось то, о чём прежде мечтал...» — напишет он в «Историях из рюкзака». Глава «Перекрытие Ангары» запечатлеет общую радость от завершения грандиозного действия, гордость за причастность к этому действию и за свою страну.

Владислав Огарков приехал в Усть-Илим¹ вместе с теми, кого было принято называть покорителями природы. Но в свободное от подготовки к усмирению Ангары время молодые строители бросились пробивать тропы в нетронутой тайге. И были покорены ею. Владислав охотно присоединился: он как раз окончил школу туризма в Таллиннском спортклубе.

Страницы «Бадармы» полны жадного узнавания сибирской природы. Обратимся к ним, но предупреждая: разговор будет то и дело сбиваться на биографию автора — реальные сюжеты теснят литературу.

В повести, давшей название книге, речь идёт о сплаве на плоту типа катамаран по Бадарме, притоку Ангары, в мае месяце, по-северному холодном. Автор (он же рассказчик) предложил друзьям пройти по «лихой речке» и был поддержан с воодушевлением. Однако в итоге желающих осталось всего двое: рассказчик и девушка Геля, то есть Ангелина. Друг Витя, первый, с кем договорился, «надёжный как лом», внезапно отказался, сославшись на срочную работу. Геля же, напротив, настаивала на сплаве с упорством новичка, жаждущего неизведанных ощущений. Ей было поставлено условие: они поплывут, если она найдёт третьего. И она нашла — Николая, крепкого парня родом из морского города Одессы.

Поначалу путешествие протекало без обещанных трудностей, но вот надвинутись берега с отвесными скалами, показались камни на перекатах, наконец, явился порог с приличным перепадом высот. И вот плот летит вниз, погружая тройку отважных с головой в воду. Испытав чувство полёта в пропасть, экипаж остался на борту и выплыл.

Восторг от удачи постепенно уступил место унынию. Купание в ледяной воде совпало с дождём — ни обсохнуть, ни согреться. Когда, после нескольких застреваний на камнях, сплав по Бадарме был завершён и плот вошёл в Ангару, Геля наотрез отказалась плыть дальше. Главную задачу они выполнили — прошли Бадарму, и остаток пути (30 км!) она решила пройти пешком. Доводы капитана о том, что путь на плоту до Усть-Илима будет быстрее, успеха не имели, Геля и Николай («нельзя же отпускать её одну!») отправляются по суше. Дальше капитан плывёт в одиночестве.

Время — ночь, «всё мокрое, тёмное и холодное», к тому же одолевает сон. При этом часто попадают «каменные бычки», от которых надо успевать увернуться. Но всё преодолено, и смертельно усталый покоритель рек под утро сваливается на общежитскую койку. На работу, как ни стремился, опоздал — даже редактор газеты добудиться его не смог.

Мысль о предательстве друзей мелькает, но не задерживается в голове рассказчика. Ведь сам отказался идти: не захотел бросать катамаран вдали от города (судно было «общественным»). Это одно. Другое — возникли некоторые догадки. О том, что не случайно Ангелина и Николай остались вдвоём: «им надо было решить то, что уж давно решилось на небесах. Родилась ещё одна крепкая семья, родились новые жизни, и не придумать ничего лучше этого». А ведь образ Гели написан нежным пером: рассказчику казалось, их связывает нечто чуть большее, чем дружба... И никакого осуждения, зависти!..

Никакой обиды и на Витю. Первая неловкость при встрече прошла, как только Витя задал вопрос: «Где твоё судно?» и стал расспрашивать о сплаве, увлекая дру-

¹ Первоначальное название города, позднее — Усть-Илимск.

га в поток неостывших переживаний. Витя искупил своё отступничество тем, что, найдя напарника, повторил путь по тому же маршруту. И друг простил, оценив этот поступок как победу Вити над собой, что важнее обиды...

Повесть «Бадарма» задаёт тон последующим рассказам на тему природы.

Они проникнуты сочувствием, великодушием по отношению ко всему живому. К мышке, забравшейся в спальник, чтобы согреться возле человека, к малышу кедрёнку, которому надо помочь распрямиться, к юной осинке, которую нельзя пустить на дрова, поскольку она возрождается из палки: срубленная для строительных нужд и прислонённая к зимовью, чудом пускает корешок в землю...

Нельзя сказать, что Огарков, любя тайгу, не интересуется её дарами. Отнюдь — он грибник и ягодник, рыбак и охотник. Но эти занятия ограничены пределами нужд семейного масштаба. Что касается крупного зверя — на его жизнь он и не посягает, ограничиваясь рябчиками и глухарями.

Замечу, понятие «турист» применительно к Огаркову, да и к отечественному туризму вообще, требует оговорок. Не редкость, когда спортивное начало постепенно уступает место другому — в путешественнике пробуждается первопроходец, натуралист и даже до некоторой степени философ. Видимо, тому способствуют огромные пространства с разными климатическими поясами, с преобладанием севера, студёного и притягательного, где жизнь хрупка, незащищена и требует от человека постоянного напряжения. В то же время самостийно живущая природа влечёт мечтой о воле, избавлении от изматывающих забот об «уровне жизни», приучает обходиться малым.

В одном из рассказов книги «Бадарма» Огарков полшутя рассуждает о лени, сравнивая мужскую половину с самцами животных (кошачий пример перед глазами), о намерении построить избушку в лесу, дабы предаваться отдыху вдали от домочадцев. С юмором описана изобретательность при заготовке брёвен и прочие труды (в одиночку), и вот итог: «Госпожа Лень, для которой я так старался... — здесь не прижилась». Вернулась в благоустроенную квартиру: там комфортней («Жилищный вопрос»).

Во всём, что открывает Огарков в природном и человеческом мире, лежит его опыт — всегда личный, и мнение всегда собственное, не заёмное, потому его книги читать интересно, а наблюдения вызывают доверие. «Гораздо крепче те убеждения, что не навязаны извне, но сами родились из тебя», считает автор, и доказательств тому даёт немало. Так, строчка «Высшая радость — это когда ты не один» появилась после восхождения в горы, где группа, ведомая рассказчиком, едва не сбилась с пути («На столбы»). А вот слова из книги «Истории из рюкзака»: «Ты споткнулся, упал на колени? Тебе больно?.. Но не ной и не жалуйся, не теряй на это время» — их не надо принимать за избитое наизидание. Это вынесено из детства, когда школьник, освобождённый от занятий по физкультуре, где требовалось бегать и ходить на лыжах, начинает усиленно тренироваться. Результат таков: стал победителем по количеству приседаний на одной ноге (было такое соревнование), получил третий спортивный разряд по лыжным гонкам («Пинг-понг»).

Книга «Кусочек счастья» посвящена даче. Всё построено своими руками, разумеется. Помощники — друг Витя, который, само собой, стал соседом, да жена Катя. Материалы — частью из тайги, частью с городской свалки.

Кусочек пространства в шесть соток и стал кусочком счастья. Это счастье — от удовольствия работать на своей земле, видеть, как дети приобщаются к труду.

Здесь же, наблюдая за глухаркой, которая вынужденно устроила гнездо в горелом пне по соседству с людьми, а потом уводит птенцов подальше в тайгу, автор размышляет о том, что звери и птицы не бросают своих детей, в отличие от современного человека, который не спешит обзаводиться ими, видя в них помеху для наслаждения жизнью. Как будто между прочим, но ёмко звучит фраза: «В те годы, когда корчевались деревья, мы по-другому смотрели на жизнь, и дети были желанны» («Глухарка»).

В книге немало заметок «по ходу мускульного труда». О том, как он полезен для умственной работы; о том, что руки должны уметь всё — «держат карандаш и держат топор. Последнее особенно важно», потому что «дом для человека... — как храм для верующего. Святое место, где человеку всегда хорошо»; о том, как важна артельная работа, «когда все вместе, одной упряжкой тянут тяжелогружённый воз... всегда жизнь на том держалась по всей Руси...». И какая охватывает радость, когда «ребром ладони проводишь по тёплой, разрыхлённой земле», делая бороздку для семян!

А сколько проверок на прочность в этом, по первому взгляду обыкновенном и привычном, житейском быту!

Вот по вине подгулявшей компании на даче вспыхивает пожар, и два друга-дачника до поздней ночи борются с огнём, не жалея сил. Однако радость победы была недолгой: пал, спрятавшийся в торфяных болотах, оказался «долгоиграющим», и через несколько дней выгоревшая пустыня с кучей золы вместо штабеля отличных брёвен для дома предстала перед хозяином участка, свергнув его в полное отчаяние. Прийти в себя помог «огородик размером с кровать», на котором выросло около ведра картошки, посаженной перед пожаром.

Захватывающие страницы посвящены покупке машины марки «Запорожец» и перегону её из Братска в Усть-Илим. Поражает образ таксиста «с надёжным голосом и именем Иван», бескорыстно спасающего неопытного автомобилиста. Это происходит дважды, и в такое везение невозможно поверить, не будь оно правдой.

Историю, напоминающую триллер (ночь, дождь, переходящий в снег, мотор, заглухший на подъёме, безлюдная трасса) повествователь заключает словами: «Участие ангела-хранителя — единственно возможное объяснение случившегося... это утверждение человека, много пережившего, готового ответить за каждое своё слово». И ещё, очень важное: «Добрых людей и сегодня достаточно много, несмотря на смутные для России времена... Но мы знаем о том мало, потому что доброта не кричит о себе... Охотников сражаться за неё — единицы... Но придёт время, и мы поймём, дойдём, одумаемся...» («Запорожец»).

Несколько слов на тему художественности повествований Огаркова. Нельзя сказать о чёткости в выборе жанра, стиливой определённости. В целом, как уже было замечено, это очерковая проза. Та же книга «Кусочек счастья», названная повестью, состоит из глав-рассказов, среди которых встречаются и главы-очерки, например, «Дом в душе» — о затоплении деревень при строительстве Усть-Илимской ГЭС, или «Глинский» — о «знатоке и умельце всяких дел»; описателен рассказ (скорее всё-таки рассказ) «Петька», родственник «Глинскому».

Это происходит оттого, что автор пишет свою историю не только словом, но и делом, поступком, движением, настроением — всем тем, что задаёт сама судьба и ведёт за собой автора. Точнее, наверное, сказать так: есть сопротивление избыточного, живого и потому непредсказуемого материала, который не успевает уложиться в законченную форму. Возможно, это род эссе. Но жанр эссе нередко

маскирует пустоту, позволяя кружить возле мелочей, не заслуживающих внимания, а здесь таковых нет. Недочётом можно считать порой излишнее увлечение насмешливо-ироничной интонацией — из опасения, очевидно, вызвать у читателя скуку. Например, в главе «Тяга» из «Кусочка счастья», где слишком много места уделено атаке «комариных войск» на нос рассказчика.

Следует отметить бóльшую цельность двух последних по времени книг: сборника рассказов «Hello, дружище!» и сборника рассказов и миниатюр «Лесной аквариум».

Безусловно, присутствует такая черта, как поэтичность — особенно в зарисовках с натуры. И сочетается она с плотностью фактического и смыслового содержания.

В книге «Лесной аквариум» 2018 года привольно дышит уютный таёжный мир². Открываю наугад «Рябиновый вальс» и читаю про то, как охотник после Покрова набрёл на редкую в тайге рябиновую рощицу. «Будто случайно вошёл в чистую девичью комнату, небритый, в грязных болотниках, да ещё и с ружьём... Полновесные кисти рябин, согласно сезону, одеты в пушистые белые шапочки. Стою и дивлюсь на кружева, сплетённые из веток, красных ягод и невесомого снега. И всё это вписано в синий холст неба... Даже музыка слышится. Вальс? Да, конечно, вальс».

Среди пейзажных миниатюр можно назвать и «Пробуждение» — о «робком прикосновении идущего на Север тепла», и «Звёздную пыль» — о том, как падают в начале весны с деревьев снежные комья, рассыпаясь на радужные снежинки-блёстки, и «Поющую чашу» — о распадке, похожем на «гигантскую чашу с деревьями, родниками, ручьями, всякой живностью», наполненную многоголосием.

А вот сценка с муравьём во время обеда грибника. В ней удалось схватить момент принятия решения одним из мельчайших существ на свете — муравьём. Обнаружив на газете крохотный обрезок колбасы и помедлив, словно прикидывая, как его взять, он вцепляется в добычу челюстями и тащит её задним ходом, пятясь. Дальше — драма. «Впереди ожидал удар судьбы... На пути лежал большой железный нож... Как тут быть? Судьба, однако, смиростивилась. Сверху опустилась неведомая рука, убрала нож — и путь открылся. А вот и край газеты...» «Господи, до чего мы все похожи!» — заключает автор («Труженик»).

В каждой миниатюре что-то есть: картины природы соседствуют с описанием повадок лесных жителей, с настоящей инструкцией, как разжечь среди зимы «умный костёр» под названием «нодья», с попутными наблюдениями не только о лесной жизни.

* * *

Можно ещё долго приводить этюды, лирические, познавательные и поучительные, но пора вырваться из плена живописной реальности и обратиться к отвлечённой материи — мировоззрению писателя. Известно: русский писатель никогда не оставался равнодушным к тому, что происходит в стране и мире.

Для Владислава Огаркова, человека, привыкшего преодолевать себя и внешние препятствия, характерен критический взгляд на действительность. Если го-

²Книжка под заголовком «Лесной аквариум» впервые вышла давно и небольшим тиражом. Автор посчитал её чем-то вроде пробного выпуска. В новом издании повторилось лишь название и несколько заново доработанных зарисовок.

ворить о советском времени, в котором сформировался прозаик, можно заметить: он шёл вместе со страной СССР к светлому будущему, если оно совпадало с его личным представлением о светлом будущем. Но совпадало не всегда, о чём можно судить по некоторым высказываниям. В них мелькают такие слова о минувшей эпохе, как «лживость лозунгов», «кровь», «несправедливость», «страх», «стукачи» и проч. Пики в прошлое посылались ещё недавно, но как оружие они устарили и не способны вызвать даже спора. К тому же Огарков спорит сам с собой, когда признаёт, что советский человек сумел сохранить душу, тянулся к высокому искусству, был добрее и общительнее, чем ныне.

А как насчёт патриотизма? Отторгаемый в 90-е годы, теперь он как будто возвращается и уже зазвучал в призывах президента.

Огарков, безусловно, патриот. Иначе смог ли бы он так писать о Сибири? И о России — как в главе «Попутчики» («Истории из рюкзака»). Тема родины возникает по ходу поезда, в разговоре со старушкой, едущей из городка Любима в Сибирь навестить сыновей: «Рассказал о себе. В ответ услышал великое множество интересного из старой жизни, забытой и неизвестной. То была Россия, в которой жили наши отцы и деды. Дохнуло родным духом, тёплым хлебом, речью Пушкина, сказками Арины Родионовны. Будто вошёл в уютную, давно обжитую избушку».

С детства в нас, рождённых в середине XX века, живут два слова, слитые воедино: Родина-мать. Но живут по-разному. Огарков помимо всех трудностей претерпел испытание несколько странной родительской любовью, с ранних лет переживая оставленность, одиночество — почитайте «Кузькину страну», «Истории из рюкзака», и вы увидите это за скупыми строчками. Может, отсюда та колючесть во взгляде, когда герой-повествователь наталкивается на формализм, демагогию, чиновничье бездушие.

Суровой, если не сказать жестокой проверкой патриотизма для многих стали 90-е годы. Часть наших сограждан просто уехала из России от безработицы. Огарков не уехал. Как мог спасал себя, свою семью. И не худшим способом. Он как раз занялся правильным бизнесом — не спекуляцией, а производством: своими руками мастерил поделки из дерева, а не переправлял, как другие, отборный кругляк в Китай. Кого как не таких тружеников должно поддерживать государство? Но с этим заминка до сей поры. Поддержали туристы-иностранцы, охочие до ручодельной диковинки. Именно они стали покупателями его продукции: соотечественникам в те поры и на хлеб насущный денег не хватало.

Об этом книга «Hello, дружище!». Наблюдая за хлынувшими со всего света на Байкал туристами, Огарков пытается быть объективным, замечая, например, что «далеко не все они, люди "оттуда", хороши и приветливы. Как и мы». Тем не менее, он не против их появления, сравнения по большей части идут не в пользу России, особенно её правителей.

Документом времени можно назвать рассказ-очерк «Тояма Токанава». Он о том, как его, мастера по бересте, в которого превратился литератор, разыскала в Шаманке японская фирма. Сама, подчеркнём, без хлопот с его стороны. И сделала три оптовых заказа. Любопытны детали сделки: первый договор — на простой бумаге (не на фирменном бланке), два последующих — на словах, то есть на доверии. Разговор строго по делу. После третьего заказа и полного расчёта фирма на связь не вышла. Внутренние причины остановили, внешние ли, неясно. Но остался ощутимый результат: на японские деньги был куплен новый «Запорожец»!

В рассказе отражены характерные подробности самодельного производства: мастеру помогает вся семья, строгают и режут кустарно сработанный и опасный для рук станок, купленный у такого же народного умельца. Красноречивые приметы, какого уровня капитализм явился в Россию!

Признаться, во мне возникло чувство гордости за моего земляка. За то что выстоял, выучился новому делу, что продолжил исконно русское ремесло, которое, как и прежде, восхищает чужие далёкие страны.

Но и эта полоса пройдена, осталась на книжных страницах. Жить можно, однако реалии перестроенной России радуют мало.

В «Кусочке счастья», «Историях из рюкзака» звучат тревожные, а то и горькие фразы с трезвой оценкой происходящего. «...Из недоразвитого социализма мы вдруг сунулись в капитализм и сильно обожглись при этом»; «Всё чаще среди нас встречаются (или их уже большинство?) люди с врождённой патологией, у кого в груди вместо сердца трепещет кошелёк»; «Увы, созидательный труд и творчество уходят... Перепродаём ценности, созданные в других странах. Сами создаём ничтожно мало... А где достижения?»; «Заглянем в информационное поле... — очередное убийство, мордобой, грабёж, пожары и наводнения...». В итоге встаёт вопрос: «Нужно ли нам такое общество, где большинство людей жуёт, а более активное меньшинство их развлекает?».

Но есть вопрос и более неудобный: кто виноват в том, что «душа... куда-то уходит и прячется сегодня? Кто должен ответить?». Желаящим разобраться Огарков предлагает... посмотреть в зеркало. И себе тоже. Признавая, таким образом, и свою ответственность за перемены не в лучшую сторону.

Думаю, он напишет о том, почему так случилось, в будущих книгах.

Ибо настал возраст осмысления прожитого и совершённого, а опыта, тем более опыта преодоления, Владиславу Огаркову не занимать.

2018

Радоница

*70-летие со дня рождения народной артистки России
Людмилы Стрижовой*

ТАТЬЯНА САЗОНОВА

Солнце видела я в отраженьи росы¹

Людмила Ивановна Стрижова (14 октября 1949 — 18 февраля 2012 года) — актриса Иркутского театра юного зрителя. В 1973 году окончила Иркутское театральное училище. Работала в театрах Томска, Семипалатинска, Новокузнецка. Преподавала в Иркутском театральном училище. Заслуженная артистка России с 1997 года, народная артистка — с 2006. Известные работы: Анна в «Последнем сроке» В.Распутина, Хороших в «Прошлым летом в Чулимске» А.Вампилова, миссис Сэвидж в «Странной миссис Сэвидж» Д.Патрика, Дарья в «Прощании с Матерой» В.Распутина. Супруг — Александр Валерианович Ищенко (1939–2014), театральный режиссер, заслуженный деятель искусств России.

«Герой его ищет праздник»

...Эти слова произнес Валентин Распутин после спектакля по рассказам Василия Шукшина. Три артиста Театра юного зрителя: Людмила Стрижова, Владимир Безродных и Людмила Попкова прежде всего сами для себя хотели устроить праздник. Это было желание «снизу», как определил Александр Ищенко, который по-режиссерски все-таки помог артистам. Владимир Безродных уже после Людминого ухода вспоминал, как родился шукшинский спектакль.

Безродных: «Мы как-то душами что ли соприкасались. Стрижова очень любит Шукшина. Я люблю Василия Макаровича. Вот иду по театру, бормочу его рассказ. Текст выучил. Она говорит: «А давай спектакль сделаем». — «А давай». Нашли очень хороший рассказ на троих. Называется «Бессовестный». Ну, это надо смотреть, конечно».

¹Начало. Продолжение очеркового повествования Т. Сазоновой о Людмиле Стрижовой будет опубликовано в следующем номере.

Журналист: «Да, видела я его. С удовольствием большим смотрела».

Безродных: «Ведь мы его играем с 2004 года. Мы играем в Доме актера на сцене (Безродных словно забывает, что Люды нет и спектакль уже не играется). Этот спектакль по Шукшину мы не для денег делали. Мы делали для души... Сейчас Людмила Ивановны нет. Вспоминаю, как она работала. На высоком градусе... Как она проникновенно говорила о детстве Василия Макаровича».

Журналист: «Из книги «Нравственность есть правда?»

Безродных: «Да, как там были у него тетки. «Когда-то тетки мои хорошо пели. Теперь не могут. Просил — не могут». «Н е м о г у т!» Как она это проникновенно говорила. У нас в театре такой артистки нет. Не знаю, будет или нет? С таким напором, с такой душой, с таким проникновением... Вот здесь у меня висит сумочка, в ней пиджак для спектакля Шукшина. Здесь же у меня обувь, тоже для спектакля Шукшина. Какое-то тяжелое чувство, когда вот эту обувь, в которой я играл, взял, какое-то тяжелое чувство, что я попрощался со спектаклем. Еще раз резануло, что Стрижовой нет».

Спектакль назвали «Такая вот любовь, или Бессовестные». В любви к прозе Василия Макаровича Шукшина три артиста ТЮЗа сошлись душа в душу. Владимир Безродных так трогательно прочитал «Беспалого», что хотелось слушать еще и еще, Людмила Попкова безукоризненно провела свою роль в «Бессовестных»: казалось, для нее она и была написана. А Стрижовой снова пришлось, а вернее, посчастливилось играть старух, теперь — шукшинских старух. Смешно и трогательно Люда в лицах сыграла рассказ «Одни» про Антипу-шорника. Как комично, на глазах у зрителя, Стрижова перевоплощалась из большой грозной Марфы в сухонького маленького Антипку, мужичка с тонкой душевной организацией, сердце которого согревалось балалайкой. Потом Стрижова снова становилась Марфой, бабой внушительных телес и с внушительными словами: «Плевать мне на твою душу!» Маленький беззащитный Антипка поднимал перед Марфой руки вверх, точно этим стрижевским жестом и сдавался Марфе без боя, и защищался от ее кулаков, и поспешно соглашался, потому что знал: все равно Марфа не поймет его. Но соль-то рассказа в том, что однажды и на Марфу, душевно кондовую, суровую и приземленную бабу нашло озарение: для чего жила? Марфина душа тоже заматалась в поисках праздника жизни. Некогда в гневе бросив заветную Антипкину балалайку в печку, теперь, в эту непонятную сокровенную минуту, она так оттаяла душой, что попросила Антипку поиграть на балалайке, попеть. И даже дала — эта жадноватая до денег баба — шесть рублей на новую балалайку. Потрясающий рассказ. И как Стрижова, в тон Василию Макаровичу Шукшину, смешно, печально, светло прочитала его: не переусердствовала, не подыгрывала «под народ». Она вослед за Шукшиным рассказала: вот такая она жизнь, вот такие мы люди, что с нас взять. Помню, после спектакля — а последним был рассказ «Бессовестные» — после последних шукшинских слов ком встал в горле. Зашла к Стрижовой за кулисы. Говорить не могла, боялась расплакаться. Хорошо принял и зритель. В зале и молодые и зрелые люди. На премьере в Доме актера среди зрителей был Валентин Григорьевич Распутин. После спектакля его попросили сказать слово. Это «слово» Валентина Григорьевича я тогда записала.

Распутин: «Писатели бывают ведь разные. Есть очень талантливые, а есть просто народные. Вот Шукшин — просто народный. Говорить, что он не талантливый, нельзя, но народный — это звание гораздо больше, чем талант. Я не знаю, у нас в XX веке, по-моему, только три народных писателя: это Есенин, разумеется,

это Николай Рубцов и это Шукшин. И неважно, как они пишут, что пишут. Так это естественно, так это само выговаривается. И вот рассказы эти тоже. Я сам как бы профессионал, я знаю, как это может задумываться. Писать — значит ставить какие-то точки, паузы делать, сделать текст более плотным, потом опять его разрядить. А тут просто Господь, Господь или кто нашептывает ему так, что можно записывать. А может, он отошел, а кто-то взял и записал, а Шукшин подошел, чуть-чуть подправил — вот и все. Такое ощущение. Это редкий дар. Это очень редкий, совершенно редкий дар. Писал он как Бог на душу положит — и все получалось совершенно прекрасно. Слава Богу, что вы сделали это представление. Простите за грубое слово «представление». Я порадовался за вас. Потому что вы выбрали рассказы, которые нужны были здесь. Случайно это или не случайно получилось, но вы взяли самое главное у Шукшина... тут герой его ищет праздник».

«Аксиос!»

Русские народные песни Людмила полюбила в детстве, и после «песенного» детства актриса Стрижова, конечно же, не могла не сделать свою песенную программу. Это просто было бы небрежение природным даром, небрежение «богатым», хоть и не очень сытым детством. Песня всегда жила в ее душе, где бы она ни была: в театре, на сцене, дома, в гостях. А култуковская приятельница Зина Морозко напомнила, что даже в лесу, когда собирали грибы, Стрижова распевала песни. Да, так оно и было. Не столько грибы собирала, сколько нас собирала возгласами на весь лес: «Зина! Танюшка!», чтобы никто не потерялся, да еще пела. О песенном концерте я в свое время записала с ней интервью для радиозфира.

Журналист: «Нынешняя ваша концертная программа новыми песнями пополнится?»

Стрижова: «Пока есть только одна песня, которая легла мне и на душу, и на сердце. Это песня иеромонаха Романа. Я песню эту пела недавно на Иннокентьевских чтениях. Она называется «Я пойду по земле». «Я пойду по земле, оскверненной обманом, по росистой траве, прямо в облачный дым...». Изумительная песня. Я ее быстро сделала. Нет, не скажу, что уже сделала. Я еще буду над ней работать. Вот человек идет по земле, на которой сейчас происходит всякое-всякое, и плохое и хорошее. И в конце есть потрясающие слова: «Слава Богу за все, за блаженную малость. Солнце видел и я в отражение росы». Вот я думаю: мы все ноем, плачем, но «слава Богу за все». Как это сердцем понимать и принимать? Вот «малость блаженная» — она и помогает человеку выжить. «Солнце видел и я в отражение росы». Эти слова меня просто потрясли. И у меня большое желание продолжить работать с песнями иеромонаха Романа. Мне хочется их петь.

И еще о стрижовских песнях. Вспоминаю бенефис народного артиста России Виталия Константиновича Венгера в 2003 году, в честь 75-летия со дня рождения артиста. Веселый зажигательный бенефисный вечер. Венгер — великолепный комедийный актер. Все мы его любили, обожали. На спектакли с его участием непременно ходили. И вот бенефис. В зале не умолкает смех, царит благодарное восторженное настроение. «Роль» Венгера в театре и до сих пор «вакантна», как поется в песне «Виват, король, виват!» Эту песню исполнила на бенефисе Стрижова. Песня несколько не «выбивалась» из зажигательно-веселого «капустника». Напротив — она нужна была: высокая, драматичная, о непростом служении, в

котором актер — не профессия, а миссия. К ней допустил тебя Господь, возвысил тебя — и ты трудно и достойно «отрабатываешь» этот дар. У Стрижовой очень точно была пропета каждая фраза, интонация без патетики, но возвышенная: «За то, что ты с душой играл, народ тебя короновал». Да, это о Венгере...

А однажды она получила очень высокую оценку. Это было начало двухтысячных. Праздновалась Пасха в Иркутском Театре народной драмы. Люда спела тогда со сцены: «Занимается день. Монастырь над рекой — заходи, путь открыт, вход отверст!» Как только Стрижова пропела последнюю фразу этой замечательной песни, владыка Вадим, в ту пору епископ Иркутский и Ангарский, из зрительного зала воскликнул «Аксиос»! В переводе с греческого это значит «Достоин!»

«Мы у Господа как младенцы, так же беззащитны в наших бедах, напастях, в ненастье, в горе»

Православная вера в стрижовской душе жила, мне кажется, генетически, глубоко укоренилась от предков, но вот к храму дорога была длинной. Мы обе были крещены в раннем детстве. В церковь почти всегда почему-то ходили вместе, «за компанию», прошу прощения за неуместное, верно, в этом случае слово. Из-за стрижовской бурливой детской эмоциональности все нередко проходило с незабываемыми «историями». А впрочем, наши хождения были отражением той церковной жизни 90-х, когда не одни мы, а большинство прихожан плохо понимали, не осознавали, зачем идут в храм... Ну, на Крещение всем нам непременно надо было набрать освященной крещенской водицы. Вот одно незабываемое Крещение Господне. Мы поехали со Стрижовой в Знаменскую церковь. Народ аж на улице. Едва в притвор втиснулись, молебна не слышать. Потолкались-потолкались — и решили в собор Богоявления отправиться. Богоявленский тоже оказался переполнен. Священник приступил к великому водосвятию. Четыре больших металлических чана наполнены водой. После освящения батюшка брызгает на нас этой святой водицей. Ладощками, лицами, счастливые, ловим освященные брызги. Вопим, просим еще покропить. Батюшка широко замахивается кистью, чтобы далеко-далеко летели брызги. Пришло время набрать святой воды домой. Что тут случилось со всеми нами? Народ тесной плотной стеной окружил чаны. Поднялся крик, шум. Кто-то ухнул стеклянную банку об пол. Батюшке пришлось с солики воскликнуть: «Православные миряне, успокойтесь!» Давка продолжалась. У тех, кто выходил со святой водой, пот тек по лицу. Помню, бывалого вида мужик пробирается от чана с водой, он уже воды набрал и через всю толпу вещает: «Умом Россию не понять...». Говорим со Стрижовой: «Умом не понять... А сам-то чего лез среди первых?» Люда вышла прохладиться. Я побродила-побродила да и встала в самый хвост очереди. Войти назад Стрижова уже не смогла. Сказали: впускать будут всех, когда храм начнет освобождаться. Я подходила к служащим, просила за подружку. Говорила, что она вышла освежиться, что ей плохо стало. Ответили: пусть подождет. Слышу, моя Стрижова громко возмущается в притворе, настаивает, чтобы ее впустили. Потом, на обратной дороге смеемся: «Стрижова, тебя Господь уже в притвор вывел остудиться, нет, и там твоя запальчивость не прошла»...

Какие же мы были... даже и слов не найду... какие мы были далекие от церкви, хоть и ходили в нее. Вот как-то в Вербное воскресенье отправились в Бого-

явленский собор. Купили вербочку, она уже пушилась желтым цветом, и пошли: Люда, Саша и я. Саша и тут режиссер: он призывал нас идти чинно, как в старину. Мы по привычке бежали рысью и страшно злословили. Не хочется вспоминать, но слов из песни не выкинешь. Пришли уже к самому концу службы. Много было причастников. Потом — освящение вербочки. Все вскинули руки с вербочками вверх. Батюшка кропил щедро, наотмашь. И снова святые капли ловили лицами, что делало нас счастливыми, как детей. Но пошли домой — и что? Где наша любовь и смирение христианское? На паперти два мужика ссорились за место попрошайки. Один зло шипел другому: «Ты еще ближе придвинься ко мне». Милостыню у храмов тогда тоже только учились просить. Шли мы со Стрижовой и снова злоязычили, теперь про попрошаек: «Кажется, оба не калеки», — судили-рядили, но уже, слава Богу, хоть чуть-чуть поменьше.

И, конечно, никак не забуду Крестный ход 2007 года. Сотни верующих тогда отправились в путь из Владивостока в Москву освящать просторы России и молиться за соотечественников. Идти они намерены были больше года. Крестный ход был посвящен объединению русской и зарубежной православных церквей... С утра в Знаменском монастыре мы со Стрижовой приложились к чудотворной иконе Божьей Матери «Державная». Потом пристроились — другого слова не найду — к Крестному ходу, даже не зная, куда он будет двигаться. Решили не м н о г о пройти со всеми. Впереди — верующие несут хоругви, крест, икону Божьей Матери «Державная». Идем правой обочиной дороги вдоль Ангары. Над Ангарой стоит туман, и от реки дует колючий ветерок. Навстречу едут легковые, автобусы, тяжелые КамАЗы, а мы устраиваем затор на дорогах. Но удивительно, а может, как раз и вовсе не удивительно, раздражения на лицах водителей нет, больше любопытства и даже сочувствия. Крестный ход все больше начинает напоминать солдатский строй. Задние ряды нам не дают замедлить шаг. Пою молитву «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя». Перед нашими рядами объявляется регент. Девушка рукой в перчатке делает взмах на начало молитвы «Господи...». Заканчивает молитву крестом, прочерченным в воздухе рукой. Повсюду, помню (журналистский глаз — куда денешься?), баннеры с политической рекламой о предстоящих выборах в Госдуму. Один из кандидатов на плакате с решительно сжатым кулаком. Пиарщикам хотелось подать его воинственным и волевым. А из рядов Крестного хода он видится человеком жалким, подневольным, подставляющим свою шею под ярмо. Деньги и власть, это же ярмо, но такое видится только из рядов Крестного хода, длинного, с нескончаемой молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Туман над Ангарой рассеивается, и наступает ясный солнечный день. Справа остается Успенский храм, что в Жилкино. Нам со Стрижовой радостно: от храма звонят колокола. Идем уже больше часа. Мы с Людой оказываемся чуть ли не в конце колонны. Замечаю вдруг, что у Стрижовой страшно красное лицо. Начинает отставать. Я ей говорю: «Может, пойдешь на остановку?» Сама уже выходить из строя не хочу, хотя совестно: вместе пошли, вместе бы и сойти в сторону. Но не могу уже выйти из Крестного хода. Даю Стрижовой таблетку валидола. Она замедляет шаг и оказывается в хвосте Крестного хода. За Жилкино, поискав взглядом Стрижову и не увидев ее, отстаю. Решаю, что Стрижова ушла на остановку. Мне совестно перед подругой — и остановиться не могу. Столько ведь уже прошла, охота дойти до конца, до храма. Замыкает Крестный ход курносая краснощекая монашка. «Не отставайте!» — повелительно и впрямь, как в сол-

датском строю, приказным тоном окрикивает она. «Я подружку ишу». — «Вот ваша подружка, Матерь Божия, за ней и идите». — «Да, нехорошо, мы вместе вышли». — «Ничего, она не маленькая. Молитесь за нее». Я бегу, чтобы нагнать свой ряд, и молюсь за Стрижову. Часа два пути. Подступаем к Ново-Ленинскому мосту. Я все переживаю — «кинула» Стрижову. Велико же было мое удивление, когда в родном стрижовском Ново-Ленино она меня вдруг окликает: «Танюшка, я здесь». Какое счастье! Оказывается, она села в автобус, который сопровождал Крестный ход, и доехала до храма. Я просто выдохнула от радости: слава Богу, вместе добрались. Верно мне монашка сказала: «Молитесь за подружку». Вместе вошли и в ее родную Михаило-Архангельскую церковь. Хорошо было на душе, окрыленно и сладко. У Стрижовой ни тени осуждения. Такой она человек. А я все-таки до сих пор сомневаюсь: может, надо было мне тогда вместе с ней выйти из Крестного хода?

И вот уже в 2009 году записываю интервью со Стрижовой о вере христианской.

Журналист: «Людмила Ивановна, а не помните, когда первый раз в храм пришли?»

Стрижова: «Я вот не помню, как меня крестили. Бабушка крестила. Но я помню один момент, когда пришла на причастие. Я отметилась вот чем. Выдавали кагор по ложке. Причащают и дают кагор. Я выпила эту ложку кагора и встала снова в хвост очереди. Подхожу, батюшка так строго смотрит: «Я же тебе уже давал кагор, ты уже пригубила». Зовет бабушку: «Александра, смотри, твоя-то уже второй раз за кагором встала. Да что это такое?» — Бабушка говорит: «Батюшка, вкусно же, дай». Батюшка дал. Рассмеялся. Я почему-то это очень хорошо запомнила. «И больше не вставай в очередь», — батюшка сказал. Кстати, меня же крестили в Михаило-Архангельском храме, он никогда не закрывался. Я маленькая была, и мне он казался таким большим храмом. Там было очень мало народа, но народ был... Сейчас я, когда прихожу, думаю: «Да он же маленький, он же небольшой храм». Я очень люблю это место. Там народа теперь много. Конечно, это родина моя — Ново-Ленино. Недалеко роддом, где я родилась. Мы жили в бараках.

Конечно, это все настолько родное и близкое. А потом долго не ходила в храм. Я в храм стала ходить, если не соврать, наверное, в 48–49 лет... Без Бога, как я понимаю, человек не может жить... Я про себя только говорю. Про себя. Не хочу про других говорить. Я шибко человек неуравновешенный. Говорить: вот я бегаю в храм — нет, конечно. Хотя это очень мучает, очень мучает, что у меня не получается так, как надо бы. Вот сходишь в храм, со всеми постоишь, помолишься, легче душе. А уж если причастишься, еще легче. Смотрю на лица причащенных людей — совсем другие лица, как будто их освятили, как будто им разрешили побывать в том месте, куда не каждого пускают. Еще я очень люблю в храме, когда мужчина держит на руках младенца. Когда мужчина, папа, держит сына или девочку. Вот такие беззащитные существа на руках у своих родителей. Почему умиляет? Потому что мы у Господа так же, как младенцы, так же беззащитны в наших бедах, напастях, в ненастье, в горе. И жмемся к Нему, чтоб не оттолкнул».

Перед самой смертью Люда успела исповедоваться. Батюшка приходил домой. Уже когда болела, были и на соборованиях в Михаило-Архангельском храме. Здесь ее крестили, здесь она венчалась с дорогим супругом, Александром Валериановичем. Здесь и соборовалась незадолго до смерти...

«Гони в ТЮЗ! Я — Старая Зайчиха!»

Одну пресмешную историю о сказочной роли Стрижовой вспомнила в эфире радио актриса ТЮЗа Наталья Маламуд.

Маламуд: «Мы играем спектакль «Зайка-Зазнайка». Вечный спектакль. Мы работаем еще в старом ТЮЗе. Татьяна, помощник режиссера, звонит Стрижовой и говорит: «Людмила Ивановна, а вы где?» — Она говорит: «А что такое, Таня? Я дома. А что случилось?» Татьяна говорит: «Людмила Ивановна, а у вас через 15 минут спектакль «Зайка-Зазнайка». Стрижова: «Ужас!». Выскакивает из дома, хватается такси. Садится в такси и кричит водителю: «Гони в ТЮЗ! Я — Старая Зайчиха!»... Она успела к выходу на сцену. Мы были от смеха, когда она рассказывала эту историю. Мы готовы были слушать эту историю бесконечно. До сих пор, как вспомним, смеемся».

Одно из коротких радиointerview со Стрижовой я в свое время посвятила сказкам.

Журналист: «Людмила Иванова, в сказках любите работать?»

Стрижова: «Да, люблю. Персонажи сказок, они ведь часто бывают зверушки, а зверушек играть очень трудно. А когда еще зверушка з а г о в о р и л а , будь то зайчиха, волк, лиса — это дело серьезное: нужно так заговорить, чтобы дети поверили, что ты лиса, чтобы поверили, что ты зайчиха. Поэтому это очень серьезное дело».

Журналист: «Каких сказочных героев вам доводилось в жизни играть?»

Стрижова: «Ворону. Очень люблю. Играла Ворону в спектакле «Праздник кота Варфоломея». У нее была такая шаль цыганская, это как будто крылья у меня. Каркала не сильно, но старалась: «Кар-р-р». Даже посматривала на одну ворону. Ходила, смотрела за ней по улице. У них же тоже есть повадки. Даже когда она каркнула, я оглянулась, нет ли кого на улице, и вслед за ней тоже: «Кар-р-р».

Наталья Маламуд в эфире тоже вспомнит про ту самую любимую стрижовскую Ворону из «Праздника кота Варфоломея»: «В этом спектакле она была, если так можно сказать, «изюмительной», шикарной, яркой вороной. Она сидела на большой кровати, свесив ножки, и болтала ими. И была таким ребенком, девчонкой, немного хитренькой, такой шкодной — ну, Стрижова же!.. Такой, одним словом, какой должна быть Ворона».

«Она к детским спектаклям часто относилась серьезнее, чем ко взрослым, — вспоминает в эфире радио актриса Алена Партысь. — Мы, наверное, с меньшей серьезностью это делали. Тот же «Зайка-Зазнайка». Когда приходит Волк, а зайцы уже заняли лисий домик, мы все там стоим за ширмой: Старая Зайчиха — Стрижова, Молодая Зайчиха, которую я играла, Наташа Маламуд играла Зайчонка. И вот мы все стоим. Волк стучится в дверь и кричит: «Кто это там?» И тут просто надо было видеть Людмилу Ивановну Стрижову, она отвечала очень серьезно: «Это мы, зайцы!» Абсолютно безапелляционно, как отбойным молотком: «Это мы, зайцы!»

При рассказе Алена Партысь так копирует правдоподобный, не терпящий сомнения тон Стрижовой, что, ничуть не сомневаясь, видишь: в театральном домике вовсе не артисты в сказке Сергея Михалкова, а именно зайцы с их лесными страстями. После этого Алениного копирования Стрижовой, мы все втроем в эфире не можем удержаться от смеха. «В этот момент, в эту секунду, мы все на полном серьезе верили, что мы действительно зайцы, и что это наш домик. До сих пор мы

играем этот спектакль, и когда Волк стучится в дверь и кричит: «Кто это там?» — мы все делаем очень суровые решительные лица и кричим: «Это мы, зайцы!». Спектакль до сих пор живет. Это еще Александр Валерианович Ищенко ставил. 14 лет идет сказка в ТЮЗе».

Маламуд: «Когда она была на сцене, а мы за кулисами, мы все ее спектакли смотрели. Действительно, это была такая актриса, у которой можно и надо было учиться. Она словно бы разрешала: «Берите, пожалуйста, пользуйтесь»».

Журналист: «Хотя в ней гордыни не было. Она не считала, что кто-то чему-то у нее учится. Она сама все время училась, насколько мне помнится».

Партысь: «Да, она могла просить совета у молодых артистов. Она настолько была проста в общении, в жизни. И когда она была заслуженной артисткой, а потом стала народной — это на личности, на простоте ее в общении никак не отражалось. Она могла у молодой актрисы спрашивать: «Ну как, как у нас сцена прошла? Кажется, что-то как-то не так, ты как думаешь?» И она в этом смысле была очень простым, очень доступным и очень искренним человеком. А что касается «посмотреть из-за кулис» — это же иногда хочется получить свой маленький катарсис. Но я хочу сказать и о другом. Был у нас спектакль «А зори здесь тихие». Я играла там Осянину. И вот последняя сцена у Осяниной с Васковым. Я говорю свой финальный монолог. И когда однажды я увидела, что Стрижова стоит за кулисами и смотрит мою сцену, я ощутила просто какое-то человеческое потрясение. Мне было так лестно. А потом она подошла и меня обняла»...

История в миниатюре

СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ М.А. ВАСИЛЬЕВА
«ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ СЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ»¹

История написания этой картины (пока, в большей степени, только предполагаемая), как и история ее появления из двухсотлетнего небытия, полны затейливых оборотов и счастливых случайностей в обстоятельствах подчас фатальных и даже трагических. Написанная не позднее 1806 года, она лишь однажды упомянута в описях Вознесенского монастыря 1840 года. В тридцатых годах прошлого века она оказалась в иркутской Крестовоздвиженской церкви, куда свозились предметы культа для организации Антирелигиозного музея. Музей так и не был открыт. В 1943 году в церкви было возобновлено богослужение, а свезенные из других храмов реликвии остались лежать в подвалах.

В 1988 г. картина была обнаружена сотрудниками Иркутского областного художественного музея при постановке на учет произведений искусства в Крестовоздвиженской церкви и стала известна только участникам учетной комиссии. [1. С. 2 обложки.] С момента ее представления более широкому кругу зрителей (в виде цветной репродукции в № 2 журнала «Земля Иркутская» за 2005 г.) прошло уже почти пятнадцать лет, но и сейчас об этой картине знают немногие. Между тем эта работа — явление действительно уникальное не только для Сибирского искусства, но и в целом для Русского искусства XVIII — первой половины XIX вв. По масштабности изображения события и разнообразию представленных персонажей её можно сравнивать только с редким числом произведений отечественной живописи начала XIX в. Кроме того, как показали результаты архивных исследований и изучения родственного содержанию картины иконографического материала, эта работа ценна и как изобразительный источник, сохранивший массу ярких подробностей и новых неизвестных фактов из истории губернского Иркутска и его жителей. Причем фактов не словесных или письменных, а изобразительно-документальных.

Общеизвестно, что изучение быденной жизни в ее историческом контексте требует обращения не только к текстовым документам, но и к изобразительным материалам, без которых невозможно представить во всей полноте не только локальные особенности бытовой культуры, но и среду обитания человека в конкретном месте, на конкретном историческом отрезке времени. Тем не менее, в практике исследовательской работы какое-либо серьезное использование визуальных источников встречается достаточно редко. Как следствие — обладающие большой информативной насыщенностью изобразительные материалы остаются за рамками исторических исследований.

¹Репродукция картины и фрагменты картины опубликованы на четырех страницах цветной вклейки.

Одна из причин такого, вполне традиционного для иркутской историографии, отношения к изобразительным материалам определяется, вероятно, довольно скромным объемом доступных для исследователей документов. (В связи с этим нельзя не отметить важность исследовательской работы Е.А. Добрыниной, на протяжении многих лет занимающейся поиском, изучением и изданием изобразительных документов, относящихся к истории Восточной Сибири.) [2.] Так сложилось, что основной массив доступных для исследований визуальных документов отражает жизнь столиц: Петербурга и Москвы (да и находятся они, как правило в столичных музеях), провинция, а тем более Сибирь, обладают намного более скромным объемом изобразительных материалов.

Мой интерес к воспроизведённой в журнале картине возник из одной узкоспециальной детали. В левой верхней части работы хорошо просматривались фигуры в единообразной казачьей униформе. Первооткрыватель картины, известный иркутский искусствовед и исследователь истории Русской Церкви и церковного искусства Сибири Т.А. Крючкова в небольшом сопроводительном материале к репродукции давала документально подтвержденную дату события — 9 февраля 1805 г., между тем как авторитетное «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск» определяло время появления иркутского казачьего мундира с 1813 г. [3. С. 27.] В попытках разобраться в этом вопросе и более внимательно проанализировать детали одежды мне помогли любезно предоставленные Тамарой Александровной фотографии. При изучении картины в более высоком качестве и с кратным увеличением обнаружилась не только масса мелких подробностей и деталей в одежде (как казаков, так и других воинских и гражданских чинов, духовенства и горожан), но и виртуозно прописанные (с явной портретной характеристикой) лица и фигуры участников исторического события.

Иркутский живописец, написавший эту работу более двухсот лет назад, создал в ней целую галерею миниатюрных изображений, разнообразных как по типологии, так и по формату и ракурсам. В полнофигурных, поясных, погрудных, головных портретах он отобразил весь спектр современного ему иркутского общества, от первых лиц и до нищих. Насыщенная точно переданными и уникальными деталями картина становится не только документальным подтверждением торжественного события и участия в нем отдельных личностей, но и своеобразным, не имеющим известных аналогов, «портретом» иркутского городского общества 1805 г.

Композиционно картина состоит из нескольких групп людей, объединенных торжественным церемониалом, но различающихся степенью своего участия в оном. Плоскость картины разделена на три примерно равные части. Движение людских масс идет справа налево. В том же направлении увеличивается насыщенность деталями и степень проработки фигур.

Наиболее динамично и сложно организована левая часть картины. Ее композиция построена на сочетании ярко выраженного движения по диагонали (от нижнего края — в глубину картины) и статичности группы верхнего края. Все фигуры, за исключением самого дальнего плана, хорошо прописаны и индивидуализированы. Представленные здесь персонажи — губернская военная и статская элита, и видимо, жены и дочери этих чиновников.

Центральная часть самая простая по композиции. Движение фигур во фронтальной плоскости — справа налево. Первый план подробно проработан. Он представляет целую галерею полнофигурных портретов иркутских священнослужителей. На втором плане — «шестеро первенствующих граждан» (в «Церемониале»

они названы поименно).[4. С. 2] Дальний план решен эскизно, и индивидуальные черты здесь выявлены только в отдельных фигурах и лицах.

На правой части картины — белокаменный Вознесенский собор, выходящие из собора горожане и на первом плане группа женщин, среди которых две монахини. Средний и первый план — иркутское купечество («двадцать лучших граждан») с их женами и, возможно, дочерьми.[4. С. 2.] Фигуры дальнего плана даже не намечены, решены общей массой.

Для каждой из трех частей автор нашел интересное и убедительное композиционное решение, но добиться гармоничного слияния этих частей в единое пространство картины ему удалось лишь частично. Впрочем, нестыковка отдельных фрагментов становится заметной только при внимательном рассматривании деталей. Причина этих неувязок, видимо, в том, что автор наблюдал (и, вероятно, зарисовывал) событие и его участников с нескольких отличавшихся по высоте точек. И уже на плоскости картины собирал эти разнородные по компоновке и ракурсам фрагменты в единое событие. При этом именно увлеченная проработка персонажей могла быть причиной проявления и обнаружения этой несогласованности только на завершающем этапе работы. Когда для устранения композиционных недочетов, подчас заметных только художнику, пришлось бы переписывать немалое количество готовых и удачных портретных миниатюр.

Картина содержит более 120 миниатюрных портретов. Из них больше 60 в левой части картины (причем около 40 с хорошей перспективой атрибуции). В правой и в центральной части такая возможность прослеживается примерно для 35 портретов.

Подходы к определению принадлежности изображений конкретным именам пока наиболее понятны применительно к священнослужителям и монастырским служителям. Присутствует и необходимый объем архивных материалов, позволяющих провести такую работу.

Первыми удалось определить портретные изображения священнослужителей высокого сана. Это епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин Багрянский и архимандрит, настоятель Иркутского Вознесенского монастыря Иакинф Бичурин.

Сравнение с имеющимися портретными изображениями этих лиц (Портрет епископа Вениамина. 1807. ИОХМ, Отец Иакинф, Никита Бичурин. Акварель Н. Бестужева. 1840 и Портрет Н. Бичурина, известный под названием «Благородный китаец в летнем одеянии». Литография А. Орловского. 1828) подтверждает факт присутствия на картине полнофигурных миниатюрных портретов значимых для истории города лиц духовного звания. Табель к рапорту, «Учиненному за прошлый 1804 год», поданный настоятелем монастыря архимандритом Иакинфом в Иркутскую духовную консисторию, дал сведения по четырем иеромонахам, изображенным в центральной части картины. Это казначей монастыря иеромонах Иероним, иеромонахи: Натанаил, Мисаил и Иов. К сожалению, даже по их возрасту, приведенному в таблице (43, 44, 50 и 59 лет), невозможно ориентировочно определить индивидуальную принадлежность портретов. Другой персонаж в одеянии иеромонаха, изображенный рядом с епископом и архимандритом, настоятель Киренского Свято-Троицкого монастыря, член Иркутской духовной консистории игумен Лаврентий Мордовский. Священник с окладистой бородой и в наградной камилавке кропит святою водою все шествие. Это священник Богоявленского Кафедрального собора Фёдор Сухих, будущий архимандрит Посольского монастыря. Рядом с ним отрок пономарь, несущий водосвятную чашу. Если это штатный пономарь монастыря, а не служитель Богоявленского храма, то изображен вероят-

но пятнадцатилетний Иван Кузнецов (сын кяхтинского священника Иоана Кузнецова). [5. Л. 137–138, 139 (об)]

Личности двух монахинь, присутствующих на торжестве, но не участвующих в обрядовых действиях, было нетрудно установить по материалам о Знаменском женском монастыре, так как, вероятнее всего, это первые лица в его иерархии: настоятельница и казначея. На 1804–1805 гг. настоятельницей Знаменского монастыря была игуменья Анфиса Шатилова, а казначеей (уже много лет занимавшая этот пост) монахиня Меланья Попова. [6. С. 5.]

Военные и казаки... Атрибуция возможна только по офицерам. Три персонажа определены: генерал-лейтенант Николай Петрович Лебедев (Иркутский военный губернатор в период 1803–1805 гг. Главнокомандующий всех войск, в губернии размещенных. Шеф Иркутского гарнизонного полка 1803–1807 гг.); полковник Егор Степанович Сапожников, командир Иркутского гарнизонного полка 1801–1810; плац-майор Александр Евдокимович Савельев. Еще шестеро имеют возможность получить имена. Но материалов по военным в ГАИО очень мало, а московские архивы (РГВИА) мне недоступны. Есть некая вероятность в определении имени казачьего офицера, так как недавно были обнаружены архивные материалы по нескольким казачьим прапорщикам и поручику.

Губернские чиновники или загадочно отсутствуют, или не носят губернских мундиров. Пока атрибутирован лишь один, и тот отставленный от должности — Резанов Григорий Яковлевич, коллежский советник, председатель уголовной палаты, кавалер ордена Св. Анны 2-й степени, вице-губернатор Иркутска с 5 мая 1804 г. по 12 января 1805 г.

Городская Дума — 26 должностей, но пока атрибутирован лишь один — городской голова Дмитрий Николаевич Мыльников. «Шестеро первенствующих» из состава Думы изображены плотной группой. Их имена в «Церемониале» даны общим списком. В этом случае нужны, хотя бы минимальные, сведения о различиях в возрасте, росте, комплекции, цвете волос. Что касается «двадцати лучших граждан», то их весьма сложно вычлениить из общей толпы. Список их имен найти возможно, но определить, кто есть кто, будет намного труднее.

Не входившие в состав Думы купцы, мещане и цеховые: пока атрибутирован лишь один, благодаря контрастному сочетанию его внешнего вида и почетности места, на котором он изображен, — это портрет иркутского купца Николая Иннокентьевича Чупалова, на средства которого в 1802 г. была сооружена каменная ограда Вознесенского монастыря (отображенная и на рассматриваемой картине), а в 1805 г. (по сведениям иркутского краеведа С.С. Попова) издана книга «Описания чудес св. Иннокентия, напечатанные в первый раз иждивением иркутского купца Николая Семеновича Чупалова в 1805 г. в Иркутске». [7. С. 303.] Уже этот, далеко не полный, перечень деяний иркутского купца и благотворителя позволяет ему занимать почетное место в ряду первых лиц губернского Иркутска на церковной церемонии в Вознесенском монастыре. Перспективы атрибуции других горожан пока весьма туманны.

Атрибуция женских портретов: некоторые из установленных персонажей изображены вместе с супругами. Так, рядом с Д.Н. Мыльниковым в богатой шубе его жена Анна Дмитриевна (на это время ей 39 лет) и двадцатилетняя невестка Марья Сергеевна. Молодая женщина, стоящая чуть далее в глубину картины, возможно, старшая невестка Афанасия Семеновна (22 года, есть годовалый сын). Вместе с женой Татьяной Ивановной (41 год) и дочерью (имя пока не установлено) представлен полковник Е.С. Сапожников. Три парных изображения купцов с супругами есть также в ряду «Шестерых первенствующих».

Среди одиночных женских персонажей пока с уверенностью можно говорить только об одном портретном изображении. Это портрет известной иркутской золотошвей Е.А. Постниковой (1775–1854), выполнившей много замечательных работ для иркутских церквей. В их числе была и шитая икона-пелена с ростовым изображением святителя Иннокентия, посланная в дар царю (который поблагодарил мастерицу, пожаловал 300 р. и возвратил образ в Иркутск. Впоследствии пелена оказалась в Вознесенском монастыре) [8. С. 306–307]. Возможно, за вышиванием именно этой пелены она и изображена на картине.

Еще одно портретное изображение дает некоторую надежду на разгадку. Юная красавица в ярком одеянии очень напоминает трепетный образ Елизаветы Михайловны Медведниковой (Красногоровой). Современники отмечали её красоту и доброту. Рано осиротев, она в 19 лет вышла замуж (в 1806 г.) за иркутского купца 1-й гильдии Логгина Фёдоровича Медведникова (1773–1814).

На первом плане картины есть также хорошо выполненные живописные зарисовки женщин средних лет (одна явно купеческого вида, другая скорее чиновница, или дворянка), которыми исчерпывается ряд женских персонажей, имеющих вероятность определения имен.

Область загадок начинается уже с истории замысла этой картины. Кому принадлежала инициатива ее написания? Был ли у этой работы заказчик? Где было место, ей предназначенное? Как работа оказалась в монашеских келиях вдали от людских глаз, практически в ссылке?

Основным документальным источником, позволяющим изучать иконографию этой картины, является «Церемониал», состоящий из двух частей: церковной и губернской. Эти части определяют круг участников и порядок их прохождения во время проведения церемонии. И если церковная часть церемониала достаточно полно воспроизведена на картине (это касается и его участников), то изображения более двадцати губернских, уездных и городских чиновников, для которых предполагалось участие в церемонии, просто не обнаруживаются. В то же время в левой части картины есть изображения четырех персонажей в гражданских мундирах, образующих плотную группу вокруг персон явно высокого ранга. Эти чиновники привычно прижимают к фрачному тёмно-зелёному мундиру с черным бархатным стоячим воротником светло-коричневые канцелярские папки. Их мундиры никак не соответствуют иркутскому губернскому, скорее это мундирные фракы Министерства Иностранных Дел.

Ещё более загадочными представляются персоны двух чиновников высокого ранга. Один — в красном сенаторском мундире с голубой лентой кавалера ордена Св. Андрея Первозванного. Черты лица достаточно индивидуальны. Другой — в тёмном мундире, возможно тоже мидовском, с лентой ордена Св. Станислава (или Св. Владимира — если художник, по какой-то причине, не прорисовал чёрные полосы по краю). Второй портрет полнофигурный (не видно только сапог). На нём хорошо просматривается лицо в профиль, причёска, белый галстук, узкая поясная портупея поверх мундира, шпага с гардой, в руках чиновника шляпа треуголка с характерным навершием нижнего угла. Вероятнее всего, это высокие гости из столиц. Губернское начальство в это время таких наград не имело. Даже Селифонтов, соединявший должности Генерал-губернатора Тобольского, Томского и Иркутского и будучи сенатором, не был удостоен высшего ордена империи. [9. С. 74.] Но почему о факте прибытия высоких гостей нет упоминания в иркутских летописях? Впрочем, и присутствие или отсутствие Генерал-губернатора на церемонии также не имеет документального подтверждения.

Портретные изображения иркутян являются самым ценным (хотя далеко не единственным) визуальным компонентом картины. Нужно отметить, что наряду с несомненной документальностью персонажей хорошо прочитывается и этапность торжественного события, тем более, что художник не ограничивается только лицами: он замечает и особенности силуэта фигуры, и детали костюма (довольно часто передавая даже тип ткани, из которой пошита одежда), обращает внимание и на естественное композиционное объединение персонажей в пространственные, сословные и тематические группы.

Картина содержит достаточно хорошо детализированные, для такого размера, изображения церковной утвари и атрибутики: от священнических одежд и икон до выносных подсвечников, рипид, трикирий и кадил. Что в сочетании с сохранившимися предметными описаниями из церковных документов существенно расширяет базу исследований по истории материальной культуры и церковного искусства. Особую ценность представляет изображение чудотворного образа Божией Матери Казанской из Богоявленского собора, сохранившее облик иконы в цвете (что само по себе материал уникальный, так как до сего времени представление о ней давали только весьма неразборчивые черно-белые фотографии конца XIX века).

Кроме того, на картине представлено самое раннее из известных изображений Вознесенского монастыря. Хорошо прорисованы бревенчатые настоятельские и монашеские келии с дворовыми оградами (будут разобраны к 1809 г.); еще не подвергшаяся перестройке Тихвинская церковь (в 1809 г. ее высота будет увеличена надстройкой); каменная монастырская стена, построенная в 1802 г. (на средства купца Чупалова), и почти законченное здание новых каменных настоятельских келий. Здание Вознесенского собора через четыре года после представленного на картине вида лишится боковых палаток и крыльца у главного входа, на месте которых будут построены боковые приделы и новое крыльцо иного архитектурного вида. [10. Л. 47, 53.] (Новый законченный вид храм приобретет к 1813 г. Тогда будут завершены все строительные и оформительские работы.)

Картина не имеет авторской подписи, но по целому ряду признаков она несомненно близка к живописным работам иркутского портретиста М.А. Васильева. И основательное доказательство его авторства только дело времени. Пока же следует отметить, что художник, написавший эту картину, был хорошо знаком с приемами иконописного искусства: это проявляется и в общем построении композиции картины, и в канонической последовательности проработки фигур и лиц персонажей, и в условностях передачи пространства и его архитектурного наполнения. Им были восприняты и освоены опыт и навыки целого ряда иркутских иконописцев, переключки с живописью которых можно легко обнаружить в его картинах. В то же время и масштабы стоявшей перед ним задачи (передача и организация на плоскости картины пространства большой протяженности и глубины и наполнение его огромным количеством действующих лиц) и его энергичный творческий темперамент, и особо отличающее его качество самобытного и исключительно талантливого «физиономиста» — требовали более крепкой профессиональной основы. В первую очередь знания приемов построения фигур в пространстве и азов линейной перспективы. Умений, достаточно простых для «ученого светского живописца», но малопонятных и чаще всего недостижимых для «самообразованного провинциала». (Однако следует отметить, что и до и после этой картины, при написании одиночных портретов, составивших творческое наследие М.А. Васильева, необходимости в таковых навыках не ощущалось.)

В истории русского изобразительного искусства за иркутским живописцем проч-

но закрепилось звание мастера сибирского купеческого портрета. [11. С. 28–29.] Его природная цепкость взгляда, зоркость к деталям, благожелательное отношение к персонажу полностью соответствовали эстетическим вкусам купеческой среды, для которой буквальное сходство изображения с оригиналом и соблюдение установленных правил служили своего рода показателями профессионального уровня и добросовестности работы художника. [12. С. 12–13.]

В данном случае и личные качества художника, и благоприятный (но очень короткий) момент их востребованности культурной средой губернского Иркутска были причиной появления уникального для художественной культуры сибирского города и русского провинциального искусства в целом живописного произведения.

В данной статье название картины дано по единственному выявленному в архивных документах упоминанию о произведении иконописи. В «Описи зданием Иркутского Вознесенского первоклассного монастыря и Монастырскому имуществу», составленной в 1840 г., в перечне икон, портретов и мебели между № 16 (Образ святителя Николая на деке) и № 17 (Образ Божией Матери Казанския в ризе, низаной стеклярусом) есть запись «Изображение перенесения мощей Святителя Иннокентия» (ГАИО Ф. 121 оп.1, д 221, л 10.).

Источники и литература

1. Тамара Крючкова «Перенесение мощей святителя Иннокентия»// «Земля иркутская», № 2 (28), 2005 г.
2. Живописные путешествия по Иркутской губернии XVIII-XIX веков : графика. Опыт историко-искусствоведческого исследования / авт.-сост. Е.А. Добрынина. — Иркутск : Иркутский областной краеведческий музей, 2007.
3. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по Высочайшему повелению / Изд. Гл. интендант. упр. — 2-е изд. — СПб. : тип. «В.С. Балашов и Ко», 1902. Вып. 18.
4. Церемониал выноса мощей Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, из усыпальницы его в соборную церковь Вознесенского монастыря 9 февраля 1805 г.// «Земля иркутская», № 2 (28), 2005 г.
5. О состоящих в оном монастыре священо церковных служителях с показанием имени и лет за 1804 г. ГАИО. Ф. 121.оп.1, Д. 26, Л.137-140 (об)
6. Настоятельницы иркутского женского Знаменского монастыря.// «Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям», № 23, 1892 г.
7. Попов С. Св. Иннокентий Иркутский // Рус. паломник. 1887. № 25.
8. Громов П. Начало христианства в Иркутске. — Иркутск, 1868.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1804. — СПб. : Имп. Академия наук, 1804.
10. Переписка архимандрита Аполоса с иркутской духовной консисторией. ГАИО. Ф. 121.оп.1, Д.32.
11. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. — Иркутск: Вост.-Сиб. Книжн. Изд., 1995.
12. Гончарова Н.Н. Купеческий портрет конца XVIII — первой половины XIX века / Н.Н. Гончарова // «Для памяти потомству своему...» (Народный бытовой портрет в России): альбом / авт.-сост. Н.Н. Гончарова, Н.А. Перевезенцева и др. — М.: Галактика Арт, 1993.

Образ Николая Муравьева-Амурского в творчестве хабаровских художников

Образ легендарной личности — генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева-Амурского — привлекал внимание многих российских художников. В книгах прошлых лет можно обнаружить уникальные портреты Н.Н. Муравьева, созданные художниками в разные годы его жизни. Графа Амурского изображали и в штатском, и в казачьей сибирской форме. Наиболее известен портрет Муравьева-Амурского кисти живописца Константина Егоровича Маковского (1839–1915), написанный по заказу жителей Иркутска в 1863 году. Граф изображён на палубе корабля, плывущего по Амуру, правой рукой облокотившимся на «Карту Амурской страны, присоединённой к России». Это была первая крупная работа художника, которая имела шумный успех. Хранится она в фондах Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва. Другая известная картина с изображением Н.Н. Муравьева находится в Яхтинском краеведческом музее. Это портрет кисти художника Льва Степановича Игорева (1822–1893), написанный в 1858 году. В это время художник в составе 14-й Русской духовной миссии в Пекине вынужден был на целый год задержаться в городе Иркутске, так как в Китае шла война.

Там он написал несколько портретов известных деятелей Сибири. До наших дней сохранились два: портрет военного губернатора города Иркутска Карла Карловича Венцеля (Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачёва) и портрет губернатора Восточной Сибири Муравьева. Известны и картины дальневосточных авторов, написанные в разные годы. Среди них полотно благовещенского художника Е.П. Санаева «Приезд Муравьева в Усть-Зейский пост в 1857 г.», созданное в 1958 году. Портрет Н.Н. Муравьева-Амурского кисти художника Л.С. Игорева.

Художник-маринист Валерий Иванович Шиляев из Приморья в картине «Стакан амурской воды» изобразил описанный Д.И. Романовым — автором воспоминаний о деятельности Муравьева-Амурского — эпизод 18 мая 1854 года: «Труба-чи играли “Боже, царя храни!”, все встали на лодках, сняли шапки и осенились крестным знаменiem. Генерал зачерпнул в стакан воды амурской, поздравил всех с началом плавания по Амуру, раздалось: “Ура!”. Торжественна была эта минута после двухвекового промежутка, повторившаяся для русских на Амуре; весело было смотреть на суда, которые неслись по гладкой поверхности реки». Написано полотно в 2011 году.

Живописный портрет Н.Н. Муравьева-Амурского кисти сахалинского художника и скульптора Анатолия Николаевича Ни (1996 г.) хранится в Сахалинском краеведческом музее. Интересен графический портрет «Граф Муравьев-Амурский» из серии «Город у моря», написанный приморским художником Юрием Алексеевичем Аксёновым в 2009 году. Но подробнее я остановлюсь на работах хабаровских художников, прежде всего на картине, изображение которой всем известно по многочисленным репродукциям в книгах и журналах. Большое историческое полотно «Айгунский договор» создано заслуженным художником России, одним из старейших дальневосточных живописцев, Василием Евтроповичем Ро-

мановым (1913–2009). Оно посвящено генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву-Амурскому, вернувшему нашей стране исконно русские земли. Картина «Айгунский договор» рождалась в Благовещенске, куда художник приехал в 1946 году. Но тема освоения далёкого края России заинтересовала его ещё в студенческие годы. Он изучал архивные материалы того времени, труды по философии и культуре Маньчжурии XVII–XIX столетий, по крупицам извлекал необходимые сведения, чтобы сделать своё произведение максимально достоверным, передать атмосферу важнейшего для Российской империи политического и исторического события — подписание в 1858 году договора с Дайцинской империей о разграничении территории России и Китая по Амуру.

В своих воспоминаниях В. Е. Романов описывает трудности в подборе подходящей натуры для персонажей своей картины: «После продолжительных поисков в толпе на рынке моё внимание привлёк человек, в какой-то степени схожий внешне с Муравьевым. Он оказался жителем Благовещенска, работал грузчиком на железной дороге. Моё предложение позировать для портрета генерал-губернатора Восточной Сибири вначале он воспринял как шутку, потом — как оскорбление. Мыслимо ли, с него, рабочего человека, рисовать портрет царского генерала, из тех, что в семнадцатом году ставили к стенке?! Ни за что!!! Шёл 1947 год, и у меня не оставалось надежды найти натурщика. Пришлось обратиться за помощью к историку Новикову-Даурскому, который в популярной форме разъяснил сомневающемуся рабочему, что Муравьев не просто генерал, а крупная историческая личность, принёсшая своей деятельностью большую пользу Российскому государству. В конце концов совместными усилиями нам удалось убедить «натуру», что позировать будет безопасно, без последствий, но денежно. Получив согласие рабочего, я приступил к рисункам и этюдам для портрета» [5, с. 15–16].

Архимандрит Иннокентий (Вениаминов) писался с режиссёра Благовещенского театра Георгия Георгиевича Эпимахова. Актёры этого театра с радостью соглашались позировать для изображения других героев картины. Сложности были и с натурой для китайских сановников — участников подписания договора. Художник не нашёл никаких сведений, ни литературных, ни изобразительных, для создания портретов персонажей из окружения князя И Шаня. Пришлось воспроизводить облики сановников и мандаринов по индивидуальному принципу, используя сведения из старой прессы, а также искать выразительные типы среди живущих в Благовещенске китайцев. В то трудное послевоенное время друзья помогали в поисках подлинных костюмов и аксессуаров китайского происхождения. Их добывали в соседнем Китае.

Именно поэтому сегодня многие учёные и исследователи обращаются к картине В.Е. Романова «Айгунский договор» как к историческому документу, и это, без сомнения, высокая оценка труда художника. Картина была завершена в 1947 году. Говоря о значимости художественного полотна В.Е. Романова, Нина Ивановна Дубинина, профессор, доктор исторических наук, отмечала прежде всего тот факт, что художник впервые за достаточно длительный период времени, от первых лет революции до середины XX века, создаёт живописный образ генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и отводит ему в своей картине центральную роль. Экспонируется картина в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова.

Другое живописное полотно — парадный портрет генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского — находится в помещении правительства Хабаровского края. Принадлежит оно кисти Марианны Георгиевны Татья-

ниной. Марианна Татъянина — известный дальневосточный живописец, график, дважды лауреат премии администрации Хабаровского края за лучшее произведение в изобразительном искусстве 1978 и 1985 года, награждена почётным знаком Министерства культуры Российской Федерации «За достижения в культуре». Её творчество разнопланово. Она пишет проникнутые цветом и светом пейзажные картины, яркие и сочные натюрморты с цветами. М.Г. Татъянина создала обширную галерею образов: это портреты художников, артистов хабаровских театров, врачей, ветеранов, простых хабаровчан, друзей и знакомых. Среди них особое место занимает портрет Н.Н. Муравьёва-Амурского, выполненный по заказу Хабаровской краевой администрации в 1994 году. В нём подчеркнута историческая достоверность.

Во время работы над портретом художники (портрет писался ею совместно с мужем Робертом Юрьяновым, художником-графиком) получили консультации историков и краеведов — знатоков истории России и Дальнего Востока. Это парадный портрет генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьёва-Амурского в элегантном генеральском мундире середины позапрошлого века с наградами, которые были пожалованы ему за бескорыстный и самоотверженный труд во имя Отечества, — знаком ордена Святого Станислава II степени (девиз ордена «Награждая, поощряет», 1848), знаком ордена Белого орла (девиз «За веру, царя и закон», 1858), оба знака находятся на шее. На груди — звёзды орденов Святой Анны I степени с короной и череспечной лентой (девиз «Любящим справедливость, благочестие и верность», 1856) и Святого Владимира I степени с мечами (девиз «Польза, честь и слава», 1861). На планке — знаки орденов Святой Анны III степени (1829), Святого Владимира IV степени (1830) и знак военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия IV степени (Георгиевский крест, девиз «За службу и храбрость», 1856). На поясе — золотая шпага с надписью на эфесе: «За храбрость». Портрет подчёркивает значительность фигуры графа Муравьёва-Амурского в истории заселения и освоения территорий Дальнего Востока, закреплённых за Россией, благодаря его усилиям, направленным на подписание Айгунского договора. Портрет находится в здании правительства Хабаровского края. В 2010 году М.Г. Татъянина написала ещё один парадный портрет Н.Н. Муравьёва-Амурского для Хабаровской духовной семинарии. Основой для него послужил портрет 1994 года, с внесением лишь некоторых изменений в изображение наград.

Другой хабаровский живописец Алексей Геннадьевич Авдеев, чьей кисти принадлежит картина «Год 1858-й. Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский и святитель Иннокентий (Вениаминов), апостол Дальнего Востока и Северной Америки», в 2003 году окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического университета. Член Союза художников России с 2005 года. С 1999 года А. Авдеев — постоянный участник краевых, региональных и всероссийских выставок, стипендиат Министерства культуры Российской Федерации (2005 г.) и министерства культуры Хабаровского края (2006 г.). Произведения его находятся в Государственном музее изобразительных искусств провинции Хэйлунцзян (Китай) и, конечно, в Хабаровске, в собраниях картинной галереи им. А.М. Федотова, Дальневосточного художественного музея, Хабаровской духовной семинарии. Ведущей темой в творчестве Алексея Авдеева стал пейзажный жанр. Художник в любое время года, работая на пленэре, стремится раскрыть красоту в повседневном, обыденном, высвечивая и оттеняя присущую дальневосточ-

ной природе неяркую поэтичность. В своих небольших по размеру живописных композициях Алексей Авдеев воссоздаёт характерный приамурский ландшафт с голубыми сопками, причудливыми переплетениями протоков и просёлочными дорогами. Красота дальневосточной природы находит отражение в пейзажах-панорамах с бескрайними просторами.

Это присуще и картине «Год 1858-й. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский и святитель Иннокентий (Вениаминов), апостол Дальнего Востока и Северной Америки», написанной Алексеем Авдеевым в 2008 году к 150-летию со дня подписания Айгунского договора, присоединившего к России левобережье Амура. На картине изображён пейзаж: богатая природа, раздольная река, по которой плывут большие лодки и огромные плоты первых переселенцев. На высоком берегу над рекой фигуры соратников — генерал-губернатора Н.Н. Муравьева и святителя Иннокентия (Вениаминова). На переднем плане у ног героев картины — росток молодой сосны как символ зарождения новой эпохи в жизни дальневосточных окраин огромной Российской империи. Святитель Иннокентий (Вениаминов), первый приамурский архиерей, впоследствии митрополит Московский, был настоящим другом и сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири. Он активно поддерживал деятельность Н.Н. Муравьева в решении проблем Амура и принимал непосредственное участие в исторических амурских сплавах и в подписании Айгунского трактата 1858 года. Благодаря их совместным трудам Россия сумела сохранить и утвердить свою государственность в дальневосточном крае. Эта картина не была случайной для А. Авдеева. Художник обратился к поиску новой для себя темы, которую обозначил как «на пути к храму». Полотно экспонируется в Хабаровской духовной семинарии. Фотографии предоставлены автором.

Список использованных источников

1. Кандауров, И. Память о доблести и славе : [о портрете Н.Н. Муравьева-Амурского кисти Марианны Татьяниной] / И. Кандауров // Дал. Восток. — 1995. — № 11/12. — С. 235–236 : ил.
2. Кузина, Я. Гимн радости : жизнь и творчество Марианны Татьяниной / Я. Кузина // Словесница Искусств. — 2014. — № 1 (33). — С. 76–83 : цв. ил.
3. Кузина, Я. Торжествуя победу жизни : [о работе А.Г. Авдеева над портретами серии «Галерея мужества»] / Я. Кузина // Словесница Искусств. — 2015. — № 1 (35). — С. 100–102 : ил.
4. Лепетухин, А. Неуловимая радость бытия : [о живописце А. Авдееве] / А. Лепетухин // Лепетухин А. Вчера, сегодня, всегда : очерки, воспоминания, эссе о художниках и художественной жизни. — Хабаровск, 2015. — С. 151–153.
5. Романов, В. Поиски и находки : [отрывки из книги об истории создания картины «Айгунский договор»] / В. Романов // Словесница Искусств. — 2008 — № 21/22. — С. 13–16 : ил.
6. Романова, В.В. Из истории создания картины «Айгунский договор» / В.В. Романова // Материалы городской научно-практической конференции, посвящённой 190-летию одного из основателей города Хабаровска, командира 13-го Сибирского линейного батальона капитана Я.В. Дьяченко. — Хабаровск, 2007. — С. 8–11 : ил.

ЭДУАРД АНАШКИН

«Жить в полную силу...»

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ О СВЕТЛАНЕ РАСПУТИНОЙ

«Жить в полную силу...»: Воспоминания о Светлане Распутиной: Воспоминания, стихи. — Иркутск: Изд-во «Принт-Лайн», 2019. — 192 стр.

В этой книге состоится знакомство читателя со Светланой Распутиной, женой нашего замечательного земляка Валентина Григорьевича Распутина. Своими воспоминаниями поделятся близкие и друзья семьи. Разные периоды жизни открывают нового и нового человека, но неизменно целеустремлённого, чистого, честного, волевого и, в то же время, необыкновенно доброго, заботливого и внимательного. Для кого-то Светку, Светлану, Светлану Ивановну, а для семьи — близкую и родную Асланочку.

В Иркутске увидело свет уникальное издание. Это книга неповторимых воспоминаний об удивительной, светлой женщине. Не успев выйти в свет, книга «Жить в полную силу...» уже стала библиографической редкостью. В ней собраны воспоминания о супруге великого русского классика Валентина Распутина — Светлане Распутиной.

Я счастливый человек, что передо мной лежит эта книга, подписанная сразу двумя её авторами — сестрой Светланы Распутиной Евгенией Молчановой и известным русским поэтом, мужем Евгении Молчановой — Владимиром Скифом.

В книге с любовью, болью и тщанием собраны воспоминания тех, кто лично знал жену и верную спутницу Валентина Распутина, прожившую с ним полвека.

Авторами идеи и составителями этой книги стали Евгения Молчанова (младшая сестра Светланы) и Екатерина Николаева (племянница).

Сын Распутиных Сергей и внучка Антонина предоставили для издания дневники Светланы Ивановны и фотографии.

Начинается книга с повествования Евгении Молчановой «Моя старшая сестра». Она рассказывает о семье Виктории Станиславовны и Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, в которой росли и воспитывались шестеро детей, о необычайной духовной близости отца и дочери. Автор приводит выдержки из юношеских дневников Светланы, в которых она пишет о своём папе.

Следующие воспоминания «Всегда рядом, всегда вместе» написаны племянницей Светланы — Екатериной Николаевой. Она с большой теплотой вспоминает о своей бабушке — Виктории Станиславовне Молчановой, об отношениях со Светланой на протяжении всей жизни.

«Мы жили по соседству» — материал Галины Барановой (Седых), дочери известного писателя, автора книг «Даурия» и «Отчий край» Константина Седых. Её рассказы полны достоверных историй про детские и школьные годы Светланы, про увлекательную поездку в знаменитый пионерский лагерь «Артек».

А воспоминания Галины Николаевой, близкой Светланиной подруги — «По волнам моей памяти» — это уже рассказ об их студенческой жизни. Они обе увлекались литературой, вели жаркие споры о прочитанных книгах, ходили вместе на спектакли в театр и на концерты в филармонию. А летом работали вместе на археологических раскопках на берегу Байкала.

Филолог Наталья Дулова в своих воспоминаниях «Молчановы и Распутины в моей жизни» пишет о том, как, будучи еще совсем маленькой, она часто бывала в доме известного писателя И.И. Молчанова-Сибирского, отца Светланы и Евгении. Одним из знаковых событий детства будущий филолог Наталья Дулова считала тот день, когда писатель Иван Иванович Молчанов-Сибирский подарил ей свою книгу с автографом. Позже дружба с Молчановыми переросла у неё в дружбу с Распутиными. Наталья Дулова часто гостила у Распутиных на даче, имела счастье общения с классиком и его супругой.

О московском периоде жизни рассказывает нам главный редактор журнала «Литература в школе» Надежда Леонидовна Крупина. Вот как пишет она в своём очерке «О Светлане Распутиной с любовью: живём и помним»: «Светлана была достойна Валентина во всём. Внешне и внутренне красивая, с чувством достоинства, глубокая, разносторонняя, со своими убеждениями и взглядами, она всегда оставалась другом и единомышленником мужа».

Еще одним автором воспоминаний, которые называются «Любовь и опора писателя Распутина», является известный московский писатель и журналист, многие годы сотрудничавший с Валентином Распутиным, — Виктор Стефанович Кожемяко. Большой общественный отклик получили правдивые до сердечной обнажённости беседы, которые Распутин и Кожемяко вели с 1993 года. Это были размышления о трагической эпохе нашей страны, публиковавшиеся в газетах «Правда», «Советская Россия», а позже вышедшие отдельными книжными изданиями: «Диалоги о России» (М., 2006), «Боль души» (М., 2007) и «Эти двадцать убийственных лет» (М., 2011).

Завершает книгу «Жить в полную силу...» своими поэтическими воспоминаниями, посвящёнными Светлане Распутиной, известный поэт и шурин Валентина Григорьевича Распутина — Владимир Петрович Скиф...

Быть женой великого писателя — разве семейный статус? Это призвание и если угодно — миссия. Для многих женщин такая миссия — жить рядом с огромной личностью и не путать в будничной чередке мужа с писателем — оказывается невыполнимой. Для многих. Но не для Светланы Ивановны Распутиной. Если посмотреть на биографию этой незаурядной женщины, словно сама судьба её с молодых лет готовила к этой миссии. Родилась Светлана Молчанова в семье сибирского писателя. А потому литература стала ей родной средой жизни и понимания этого непростого мира — с детства.

Уже с детства ей, видимо, на роду было написано стать музой и ангелом-хра-

нителем своего будущего гениального мужа. Отец Светланы был настолько известный писатель, что ныне в Иркутске его имя носит главная Областная научная библиотека!

К слову сказать, Светлана Ивановна всегда старалась находиться в тени своего великого мужа. А потому я считаю своим долгом хотя бы вкратце описать её биографические вехи... Познакомил Валентина и Светлану Иркутский университет, где оба учились в годы хрущёвской оттепели. Светлана Молчанова была студенткой физико-математического факультета. Казалось бы, профессия у будущей жены Распутина была далека от изящной словесности. Но, тем не менее, молодые люди оказались столь созвучны друг другу, что в 1961 году поженились... В 1962 году молодые супруги переехали в Красноярск, жили в общежитии Сибирского технологического института, где Светлане, как молодому специалисту, дали комнату. В 1966 году семья Распутиных вернулась в Иркутск, где Светлана Ивановна долгие годы преподавала на кафедре математики Иркутского института народного хозяйства.

«Кто бы я был без Светланы...», — полушутя, а на самом деле очень серьезно частенько говорил Валентин Распутин. Литературному вкусу Светланы Ивановны доверяли многие выдающиеся писатели, коллеги её мужа, видя в ней не только хранительницу семейного очага, не только музу и помощницу Распутина: она была первым и, быть может, главным читателем его произведений. Она же перепечатывала и вычитывала его тексты. Друзья-писатели её мужа видели в ней человека с тонким литературным вкусом на слово, доверяли её мнению... Конечно! Уж если сам Распутин доверял литературному вкусу жены, то... «Она для меня всё!» — говорил Распутин о Светлане Ивановне. И так оно и было на самом деле.

Как видим, Светлана Ивановна обладала талантом совмещать самые разные ипостаси. Она была мужу помощницей и соратницей, другом и единомышленником. Она сопровождала Валентина Григорьевича в его творческих командировках. Она радушно и хлебосольно встречала многочисленных гостей и коллег своего именитого мужа. По воспоминаниям общих друзей, была не только прекрасной хозяйкой, умудрявшейся приготовить гостям красивый, вкусный и обильный стол. Накрывая на стол, она попутно принимала самое живое участие в беседах писателей. Распутины были счастливая пара, они даже ссориться не умели, настолько без слов понимали друг друга! Прожив в любви и согласии почти полвека, Распутины обвенчались в 2010 году, выбрав для таинства венчания тихую церковь за городом — Храм в честь иконы Божией Матери, именуемой «Касперовская». Ведь ни Валентин Григорьевич, ни Светлана Ивановна не любили публичности!

Скромная, умная, тактичная, гостеприимная, улыбчивая, светлая... Такими словами характеризуют эту удивительную женщину. Но она была удивительна ещё и в том, что была человеком твёрдых моральных норм, за которые могла постоять с не женской твёрдостью. Вот лишь один эпизод, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Виктор Кожемяко: «Многие сегодня, наверное, и не знают, что Распутиных в то время (имеются в виду лихие девяностые годы — прим. Э.А.) решили даже вышвырнуть из их московской квартиры. (Ненависть столичной либеральной камарильи к Распутину была столь велика, что на всё шли — прим. Э.А.) И вышвырнули бы, если бы на защиту мужа... не поднялась Светлана Ивановна. Удивляться не стоит, что главным защитником дома от гонителей стала она, а не всемирно известный писатель. Валентин Григорьевич мог упорно постоять (и действительно стоял!) за других, только не за себя. Между тем выселе-

ние грозило серьезными сложностями не только им обоим, но и жившей с ними дочери Марии, которая недавно поступила в московскую консерваторию и делала здесь первые успешные шаги. А сам Валентин Григорьевич был остро необходим в столице, где все чаще по просьбам людей приходилось ему выступать в самых разных аудиториях...»

Словом, от Светланы Ивановны потребовались немалые усилия, чтобы отстоять квартиру. Хотя в обычной жизни, как признают знающие ее люди, никакой пробивной силой и предприимчивостью она никогда не отличалась. Я полностью соглашусь с высказанной Виктором Кожемяко мыслью, что лучшие женские образы в повестях и рассказах Распутина (а они все лучшие!) вобрали в себя и отразили прекрасный образ жены Распутина, все лучшие её качества характера...

...Отпевали эту удивительную женщину, скончавшуюся в возрасте 72 лет, в прекрасном большом храме Богоявления в Иркутске. Когда у Светланы Ивановны обнаружили онкологическое заболевание, она стала угасать на глазах, и никакие медикаментозные средства не помогали. Люди, даже самые лучшие, увы, не бессмертны, но зато бессмертна наша любовь к ним. Вспоминается мне мистический случай, происшедший во время нашего посещения кладбища, где была похоронена жена Распутина. Быть может, я поступил тогда чересчур настойчиво, хотя знал, что Валентин Григорьевич тяжело переживает смерть жены и неважно себя чувствует. Но желание отдать дань памяти этой удивительной женщине, постоять у её могилы, оказалось для меня непреодолимым. И только для меня? Твердое намерение отдать дань памяти Светлане Распутиной собрало тогда в небольшую делегацию и писателей, и режиссера, и знаменитого телеоператора Анатолия Заболоцкого...

Мы решили не напрягать Валентина Григорьевича просьбой сопровождать нас на могилу его недавно умершей жены. Однако, сев в машину, поняли, что без Распутина все равно никак не обойдемся: не сможем найти могилу его супруги. Чего мне стоило тогда набрать номер сотового телефона Распутина и покаянно попросить его объяснить, как попасть на могилу его жены. Распутин выслушал мою сбивчивую от волнения просьбу. Помолчал минуту, которая показалась мне вечностью. И принял решение, что поедет с нами, потому что одни мы, несмотря на его пояснения, могилу Светланы Ивановны не найдем. На душе у меня было беспокойно от осознания, что придется Валентину Григорьевичу на кладбище лишний раз переживать утрату любимой жены...

Но тяжело на сердце было лишь до тех пор, пока мы, стоя у могилы Светланы Ивановны, не увидели... белочку. Красивая светленькая белочка спрыгнула вдруг с дерева и стала крутиться вокруг нас, стоявших недалеко от могилы Светланы Ивановны. Оператор Анатолий Заболоцкий снимал эту пушистую красавицу в разных ракурсах, а я буквально обомлел и сказал молчаливому, как всегда, Распутину: «А ведь это душа Светланы Ивановны нас увидела и к нам спустилась!». Сказал и — осекся, боясь, что брякнул лишнее. Но, увидев мгновенно просветлевшее лицо Валентина Григорьевича, я понял — он согласен со мной.

В такие удивительные моменты так ясно понимаешь, что любовь бессмертна!.. Светлана, светлая... Рядом с Распутиным только и должна была быть такая светлая добрая жена. Его думы о будущем России становились все грустнее по мере того, как он становился старше и понимал все больше и больше из того, что обычному человеку, слава Богу, понимать не всегда дано. Гении платят за свои прозрения болью сердца! Светлана Ивановна светом своего жизнелюбия и пони-

мания по мере сил рассеивала неизбежную печаль классика. Она была солнечным лучом во мраке современной России, который согревал Распутина, освещал ему путь во мраке его предвидений и провидений... Когда её не стало, этот мрак сгустился чернее ночи! Ушла светлая и Богом данная нашему великому писателю спутница жизни, лучшие черты которой увековечены Валентином Григорьевичем в его ярких женских образах России.

Закончить мои размышления хочется на поэтической высокой ноте, которой отмечены завершающие книгу стихотворения Владимира Скифа, посвящённые чете Распутиных и лично светлой Светлане Ивановне:

*Смотри, как время иллюзы растворило:
Потоки жизни катятся стремглав.
И ты идёшь, хватаясь за перила,
Среди обвалов и церковных глав.*

*Святых церквей сияет позолота,
Трубит Архангел в знойной вышине.
Тебе вернуться в прошлое охота,
Увидеть тополь мартовский в окне*

*И яркие неоновые буквы,
Что кажутся волшебными со сна.
Московскою засахаренной клюквой
Полакомиться, стоя у окна.*

*Мерцает сумрак звёздною слюдою,
Взирает с неба Всемогущий Бог,
А на земле, засеянной бедою,
Уносит время почву из-под ног.*

*Но всё ещё не умирают нивы,
Цветут сады и зеленеет лес,
И, может быть, поэтому мы живы,
И ждём прощенья Божьего с небес.*

К трагическим и одновременно таким светлым строчкам добавить нечего. Разве что вспомнить слова русского классика Василия Андреевича Жуковского, сказанные о таких светоносных людях, какой была Светлана Ивановна Распутина: «Не говори с тоской «ИХ НЕТ!», но с благодарностию — БЫЛИ».

«Я подарю вам... стихи»

О книге Инны Коноплёвой

Сборник стихов Инны Коноплёвой, жительницы города Усолье-Сибирское, представляет определённый интерес, поскольку автор руководит городским литобъединением. Возможно, этот отзыв поможет ей в работе над своими ошибками в создании литературного произведения и подобными ошибками подопечных авторов. Инна Коноплёва пока не известна многим любителям поэзии. Почему? Попробуемся разобраться.

Литературно-художественные произведения, опубликованные не в официальных книжных издательствах, в основном не пользуются спросом. Как читатель, осмелюсь высказать замечания об удачах и промахах автора подаренной мне книжки. Судя по некоторым строчкам, строфам и даже стихам, автор явно талантлив. Весь сборник, хоть и неумело составлен и не от-

редактирован, заслуживает внимания — он наполнен светом и сердечной добротой, которые всё реже и реже встречаются в современном мире.

Выше сказано, почему малоизвестных поэтов и прозаиков читатели не балуют вниманием, тем более тех, кто решился на самиздат. «Белый воробей», издавший сборник, тоже самопальное издательство. Возможно, такая форма публикации литературного произведения тоже имеет право на существование. И всё же, по вполне понятной причине, редактирование и хорошая полиграфия лучше справляются в деле книгопечатания. Можно было бы эту прописную истину не повторять, если бы не было серьёзных недоработок в представленном сборнике.

Неприменно замечу, взгляды читателей могут не совпадать. Подобное вполне закономерно. Ведь разные мнения о поэтическом таланте существуют неспроста. Большая часть, прежде всего, судит о смысловой нагрузке. Хватает и тех, кто отдаёт предпочтение безупречной форме. К сожалению, когда и то и другое «в одном флаконе», нечасто случается. Только высокоодарённые авторы, не задумываясь, соблюдают равновесие этих двух важных условий. Остальным требуется наработка мастерства и обязательная предпечатная подготовка, если автор желает широкой известности.

Беда в том, что в последние десятилетия свобода литературного творчества от канонических правил русского стихосложения сыграла злую шутку. Художественный уровень литературных опытов начинающих поэтов падает. Самодельные сборники стихов пригодны лишь для подарка родственникам и близким знако-

мым. Такие изделия крайне редко привлекают внимание искушённых любителей художественной литературы.

Разговор о содержании и оформлении представленного сборника стихов начну с народной мудрости: «Встречают по одежке...» На лицевой стороне обложки сборника — светло-серая ромашка на белом фоне. Вряд ли такое цветосочетание удачно... Следующее замечание: авторство и название книги общепринято выполнять разным шрифтом. Соответственно и размеры разные. Высота букв имени и фамилии автора, как правило, несколько меньше, чем у названия сборника. Но подготовкой сборника к печати самостоятельно занимался автор. А зря. Вот оно, отсутствие знаний полиграфии. Оформитель книжного издательства таких оплошечек не допустил бы. Отдельно стоит отметить положительный момент оформления обложки. Автор удачно выбрал символ — ромашку. Каждый лепесток цветка — стихотворение. Белый цвет, знак чистоты помыслов автора. Привлекает читателя многообещающее название сборника: «Я подарю вам... стихи». От подарка трудно отказаться...

Теперь внимательно разглядим подарок. Анализировать каждую работу нет необходимости. Отметим общие ошибки в создании поэтического текста. У большинства авторов, пробующих силы в литературном творчестве, как правило, промахи одинаковые. Приведу несколько наиболее ярких примеров.

Во-первых. Чрезмерное употребление литот, гипербола и других литературных приёмов в одном произведении, без художественной необходимости — перебор. По этой причине первая работа на стр. 3 становится слащавой из-за: льдинок, былинки, пружинки, снежинки. К тому же, в одном стихотворении куча прилагательных к существительному «частица»: звонкая, хрупкая, одинокая, нежная, горькая, неугомонная. Цитирую текст полностью. Здесь и далее анализируемые слова и строки выделены курсивом. Примечания — жирным текстом.

*... Я подарю вам сердца частицу —
Звонкую, как колокольчик синицы,
Хрупкую, словно весенняя льдинка,
И одинокую, словно былинка.
Нежную, словно ребёнка дыханье, (прекрасный эпитет!)
Горькую, словно любви расставанье,
Неугомонную, словно пружинка, (неугомонная пружинка — это абсурд)
Лёгкую, словно в ладошке снежинка.
Нет здесь ни злобы, ни равнодушия,
С нею, надеюсь, будет не скучно.
Капелькой света, стихов кружевами
Сердца частица останется с вами.*

При всей доброте помыслов автора, начало сборника омрачено.

Во-вторых. Наличие ненужных союзов и местоимений в художественном тексте утяжеляет строку. Из стихотворения «После выпускного», стр. 7.: «... Вновь бессонною ночью нас тревога гнетёт: // Где ты, «светлое» завтра, и что в будущем ждёт?..».

В-третьих. Несуразица в стихотворении «Такая уж натура», стр.54: «... Тупой стрелой Амура//Попал мне бес в ребро...». Для пародиста такой ляп — бесценный подарок, поскольку русская поговорка «Седина в бороду — бес в ребро» относится только к пожилым мужчинам. Вдобавок, стрелы Амура отнюдь не тупые — пронызывают сердца насквозь, да и бесы — ария из другой оперы. Есть и менее значимые оплошки, коих предостаточно.

Но отзыв будет не полноценен, когда замечаются только неудачи автора. Поговорим о положительных моментах в этом сборнике. На мой взгляд, удачны отдельные строки. К примеру, в стихотворении «Японские мелодии» на стр. 11: «...Словно призрак, сквозь густой туман//В грациозном танце цапля кружит...» От такой метафоры не отвернёшься. Зримо, поэтично!

В стихотворении «Сказка летящего снега» на стр. 15: «...Сотням снежинок усталых//Сняты волшебные сны...». Тоже удачная метафора.

В попытке стихотворения «Посмотри на меня, дорогой» на стр. 52: «...Этот снег, что на наших висках,// Он, увы, никогда не растает...». Ещё одна поэтическая находка.

Встречаются отдельные строфы, наполненные искренностью переживаний: «Мой сон» на стр. 6.

*... Ещё не знала мук, предательства, терзанья.
Ни горьких слов, ни разочарованья —
Когда от лжи — об стенку головой,
А из души — не крик, а волчий вой...*

Нежностью, светом и добротой наполнена последняя строфа в стихотворении «Волшебство»:

*... Меня же восхищает смех ребёнка,
Прозрачность быстрых родниковых струй,
Смешная неуклюжесть жеребёнка
И бабочки случайный поцелуй.*

Первая строфа в стихотворении «Одиночество», на стр.51, передаёт горькое разочарование в былых мечтах:

*...Обманищица осень во всём виновата,
Волшебной мечтою прельстила когда-то:
Журавликом счастье рвалось в облака,
Печалью осталась синица в руках.*

Законченных стихотворений, достойных публикации, немного. Привожу полностью каждое, в порядке значимости. Первое, на стр. 18:

Девочка и шарик

*На асфальте, солнышком согретом,
Кружится девчушка лет пяти.
Напевая песенку при этом
И воздушный шар прижав к груди.*

*Вдруг споткнулись крохотные ножки,
Улетает шарик, в небо рвётся.
А девчонка хлопает в ладошки,
Прыгает и радостно смеётся.*

*Яркий бант, как розовый фонарик,
Детский смех — ликующее звонышко:
Полюбуйтесь, мой воздушный шарик
Весело танцует вместе с солнышком!*

Светлое стихотворение, наполненное розовым детским восприятием окружающего мира. Единственное замечание: неологизм «звоньшко» заимствован у поэта Михаила Трофимова.

Второе, на стр. 8.

Опоздала

<i>Собиралась к отцу приехать,</i>	<i>На перроне промёрзшем, сером</i>
<i>Всё меняла приезда срок.</i>	<i>Свет огней приглушён слегка.</i>
<i>Но однажды тревожным эхом</i>	<i>Снег и ветер остервенело</i>
<i>В дом ворвался чужой звонок...</i>	<i>Бьют по мокрым от слёз щекам.</i>

<i>По пустой дороге бежала,</i>	<i>Словно часть души оторвало,</i>
<i>А вокруг — ни души, ни огня.</i>	<i>Словно миру пришёл конец.</i>
<i>Жаль, что поезд ночной, усталый</i>	<i>Не приехала, не сказала, не успела...</i>
<i>В путь отправился без меня.</i>	<i>Прости, отец!</i>

Здесь полнокровно выражено чувство вины дочери перед отцом.

Третье стихотворение, на стр. 21:

Качели

*Шепнув своей внучке на ушко,
Что ночью положено спать,
Выходит из дома старушка
Прошедшую юность искать.*

*Прикрыла тихонечко двери,
Покинув ухоженный дом.
Скамейка, берёзка, качели
Всегда её ждут под окном.*

*«Всё вспомню, качнусь лишь немножко,
Надеюсь, не засмеют»...
Ночью под старым окошком
Грустно качели поют.*

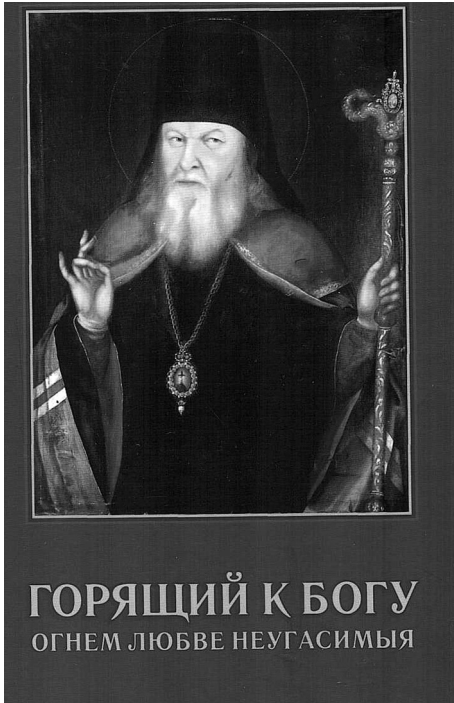
В небольшом по объёму тексте нежно и точно выражена печаль пожилого человека о счастливых минутах молодости, ушедших в небытие.

Интересны следующие работы: «После выпускного», «Сакура», «Белый воробей», «Если», «Утулик», «Рождество», «Ожидание весны», «Я благодарна всем».

В заключение замечу, серьёзно относиться к «продукции» самиздата невозможно, но иногда необходимо, если автор произведений заслуживает внимания. Может быть, этот отклик поможет ему сформировать и опубликовать в книжном издательстве полноценный поэтический сборник. К примеру, из 64 работ оставить 20-30, но уже отредактированных и скомпонованных профессиональным литератором.

Желаю Инне Коноплёвой всех благ и творческих удач!

Книжная полка

Горящий к Богу огнем любви неугасимья: Жизнеописание святителя Софрония, епископа Иркутского. — Иркутск: Издательство Спасского храма, 2019. — 376 с.: ил.

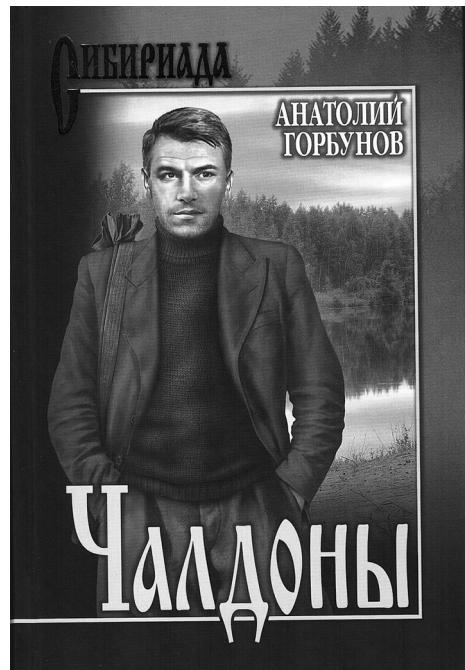
Предлагаемая вниманию читателей книга — первое в современной истории России и Сибири полное жизнеописание Святителя Софрония, выдающегося подвижника, ставшего Иркутским архипастырем в середине XVIII века и готового, по словам императрицы Елизаветы Петровны, «поднять бремя епископского служения на далекой окраине среди дикой природы и произвола людского».

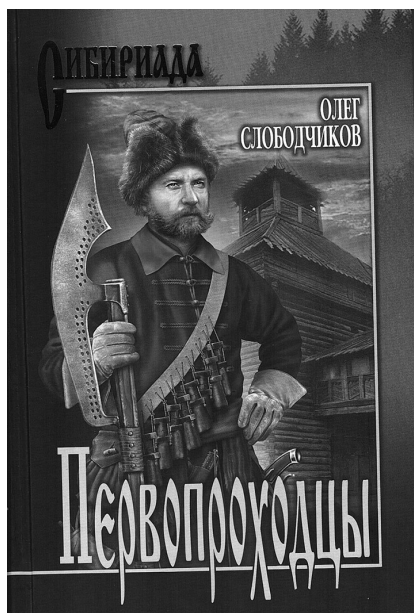
Горбунов, А.К.

Чалдоны : повести, рассказы / Анатолий Горбунов. — М.: Вече, 2019. — 336 с. — (Сибиряда)

Когда вслед за Ермаком в Сибирь пришли первые русские поселенцы, им встретилось не только коренное население, но и люди славянской наружности, говорящие на русском языке и исповедующие православную веру. Их и прозвали чалдонами, бродягами. Говорят, что чалдоны — потомки русских, угнанных в Орду. Иные чалдоны считают, что их предки — староверы, бежавшие от «сатанинских» реформ Никона в Сибирь. Сейчас только семейные предания и книги рассказывают об этом самобытном народе.

Анатолии Константинович Горбунов родился на реке Лене, с малолетства пас скот, а после пилил лес, кочегарил на пароходе, служил в авиации, удил рыбу и бродил-чалдонил по тайге... Эта книга — его творческое наследие, сборник великолепных по языку и стилю рассказов и сказок, пронизанных чувством сыновней любви к родине.

Слободчиков, О.В.

Первопроходцы : роман / Олег Слободчиков. — М.: Вече, 2019. — 544 с. — (Сибириада)

Дойти до конца «Великого Камня» — горного хребта, протянувшегося от Байкала до Камчатки и Анадыря, — было мечтой, целью и смыслом жизни отважных героев-первопроходцев. В отписках и челобитных грамотах XVII века они оставили свои незатейливые споры, догадки и размышления о том, что может быть на краю «Камня» и есть ли ему конец.

На основе старинных документов автор пытается понять и донести до читателя, что же вело и манило людей, уходивших в неизвестное, нередко вопреки воле начальствующих, в надежде на удачу, подножный корм и милость

Божью. И самое удивительное, что на якобы примитивных кочах, шитиках, карбазах и стругах они прошли путями, которые потом больше полутора веков не могли повторить самые прославленные мореходы мира на лучших судах того времени, при полном обеспечении и высоком жалованье.

«Первопроходцы» — третий роман известного сибирского писателя Олега Слободчикова, представленный издательством «Вече», связанный с двумя предыдущими, «По прозвищу Пенда» и «Великий тес», одной темой, именами и судьбами героев, за одну человеческую жизнь прошедших огромную территорию от Иртыша до Тихого океана.

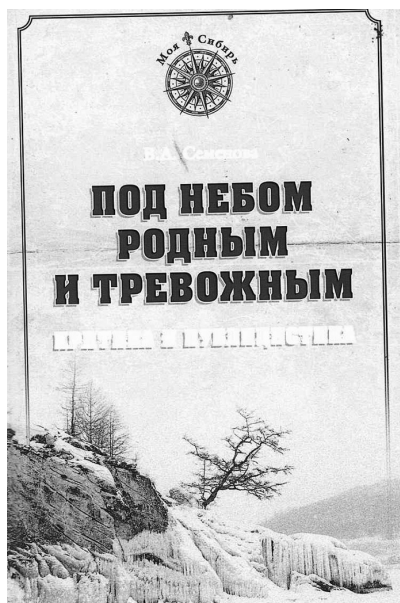
Семенова, В.А.

Под небом родным и тревожным. Критика и публицистика / В.А. Семенова. — М. : Вече, 2019. — 304 с. — (Моя Сибирь).

Внимание иркутского критика и публициста, члена Союза писателей России В. Семеновой отдано творчеству и судьбам писателей-сибиряков. Среди них драматург А. Вампилов, прозаики В. Распутин, А. Гурулёв, В. Нефедьев, В. Огарков, поэты Т. Суровцева и А. Горбунов, критик Н. Тендитник. В сборник также включены рецензии на театральные спектакли — иркутские и московские.

В публицистике задеты острые проблемы современности. Литература и театр, религия и история, книгоиздательское дело — таков круг интересов автора, имеющего собственный взгляд на происходящее.

Представленные читателю очерки и статьи, за исключением немногих, в книге публикуются впервые, однако почти все они были напечатаны в российских литературных журналах: «Сибирь», «Наш современник», «Простор» и др. Издание адресовано широкому кругу читателей.

Солдаты, встанем в тишине: Антология стихов о войне. Изд. второе, доп. / Предисл. В. Скифа. — Иркутск: [б.и.], 2019 (Тип. «Репроцентр А1»). — 508 с.

Книга поразительных в своей правдивости стихотворений о Великой Отечественной войне, о людях на той войне, о жизни, проросшей из смерти павших. Стихи, рождённые сердцем. Стихи солдат-поэтов и стихи послевоенного поколения, вобравшие горечь и боль теперь уже далёкой, но не забытой войны. Эта книга в первом издании называлась «Каменный цветок». Сегодня человечеству надо бы стремиться к миру и спокойствию на планете, помнить, что войны убийственны и

разрушительны, им нет места на земле, поэтому книга выходит в свет под названием «Солдаты, встанем в тишине». В этих словах и память о минувшей войне, и ожидание светлой тишины среди русских берёз. В книгу добавлены стихи 11 поэтов-сибиряков: Василия Фёдорова, Глеба Пакулова, Петра Пиницы, Владимира Гусенкова, Льва Могилёва, Александра Раевского, Леонида Лебедева, Михаила Успенского, Юрия Баранова, Александра Федюковича, фронтовика Василия Шкуратова.

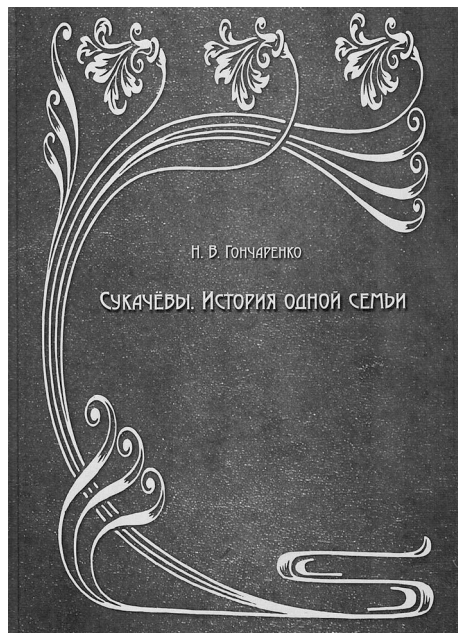
Гончаренко, Н.В.

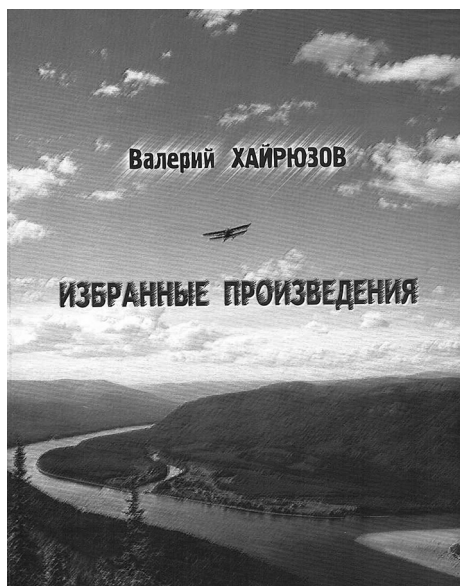
Сукачёвы. История одной семьи / Н.В. Гончаренко — Иркутск : «Артиздат», 2019. — 428 с., ил.

В. П. Сукачёв — известный общественный деятель Сибири, городской голова Иркутска в 1886-1898 гг., благотворитель и коллекционер, создатель иркутской картинной галереи. Книга посвящена ему и его семье, их социальной и благотворительной деятельности, вкладу в науку и искусство, родственным и дружеским связям. Исторический очерк основан на сведениях из периодических изданий, воспоминаниях и архивных материалах, в том числе новых, впервые вводимых в научный оборот.

Издание включает в себя впервые публикуемые письма членов семьи Сукачёвых, написанные в период с 1889 по 1910 год и представляющие собой ценный исторический источник. В текстах писем содержатся новые сведения по истории Иркутска; описания социальных и политических событий, происходивших в России в конце XIX — начале XX века; подробности семейного быта и взаимоотношений в семье.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей.

Хайрюзов, В.Н.

Избранные произведения. Том 1: Повести и рассказы / В.Н. Хайрюзов. — Иркутск: Сибирская книга, 2019. — 464 с. — 500 экз.

В первый том избранных произведений известного сибирского прозаика, лауреата множества литературных премий и наград, включены лучшие произведения, созданные писателем за сорок лет активной творческой деятельности. За первые же книги «Опекун» и «Приют для списанных пилотов» Валерий Хайрюзов был в 1980 году удостоен премии Ленинского комсомола. Дважды был удостоен премии журнала «Наш современник» — в 2002 году за повесть «Льготный билет», и в 2008 году

за повесть «Иркут». Были и другие награды, которые невозможно перечислить в краткой аннотации.

Книга рекомендуется читателям всех возрастов.

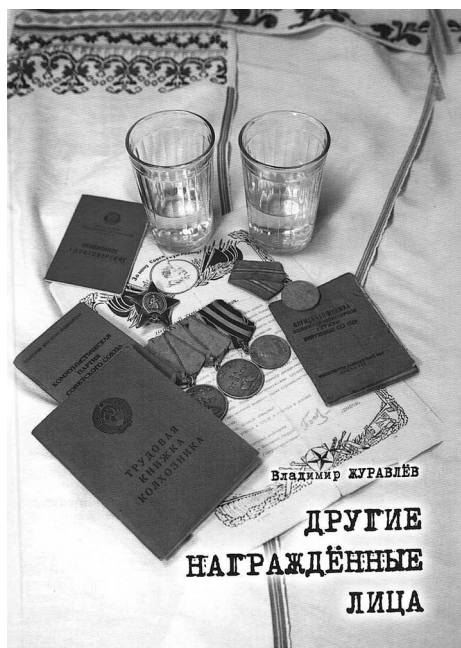
Хайрюзов, В.Н.

Избранные произведения. Том 2: Повести и рассказы / В.Н. Хайрюзов. — Иркутск: Сибирская книга, 2019. — 462 с. — 500 экз.

Во второй том вошли произведения, получившие заслуженное признание широких читательских кругов. Известный литературный критик Вадим Дементьев дал такую характеристику творчества сибиряка: «Для Хайрюзова характерен стиль лирической исповедальности, тонкой психологической нюансировки характеров и поступков своих героев. Ему, как и раньше, чужд дух нравственного релятивизма и путь снижения художественных критериев ради досужей развлекательности и примитивной «чернухи». Свою стезю известный прозаик выбрал давно и окончательно: это столбовая дорога русской литературы в реалистическом постижении драматической основы современности». Капитолина Кокшенёва очень точно определила прозу Валерия Хайрюзова как «литературу живой жизни».

Рекомендуется читателям всех возрастов.

Журавлев, В.А.

Другие награжденные лица / В.А. Журавлев. — Иркутск: [б.и.], 2019 («Восточно-Сибирская типография»). — 196 с. : ил.

В книгу члена Союза писателей России Владимира Журавлева вошли новые и уже ранее публиковавшиеся рассказы. В них писатель вспоминает свое деревенское детство, с любовью и благодарностью знакомит читателя с жизнью односельчан, раскрывая их характеры и непростые человеческие судьбы.

Казаков, А.В.

«Сопушка и белое облачко» для детей разного возраста / А.В. Казаков — Братск: «Полиграф», 2019. — 76 с.

Автор этих сказок Анатолий Казаков — простой сторож. Как известно, особенности этой профессии — часто и надолго оставаться наедине с собой и миром. Это располагает к философским размышлениям, а те, кто обладает творческой жилкой, берут в руки перо. Анатолий Казаков принадлежит именно к этой категории. Читателям предстоит познакомиться с этими — в чём-то наивными, а в чём-то мудрыми — сказками. В них главное то, чего так катастрофически не хватает в нашей сегодняшней жизни — Доброты. Она щедро разлита по всем страницам этой небольшой, снабжённой выразительными рисунками книги. По её законам живут наши братья меньшие — кроты и зайцы, синички и ёжики.

Так пусть эта сказочная Доброта, пройдя через наши души, навсегда поселится в нашей жизни.

Сумочка к ребру

Пародии

*Трудно самой мне во всем разобраться,
Сложно впервые самой все решать.
Всех бы мужчин разложили по полочкам,
Было бы легче с чего выбирать.*

Владимир Седых

Сегодня ум нараскоряку.
Не знаю просто, как мне быть.
Люблю чернявого гуляку.
Блондина не могу забыть.

А у него, того блондина
Внутри хронический гастрит.
А у bruneta, вот судьбина,
И дифтерит, и гайморит.

Прошу, друзья, мне помогите,
И подскажите магазин,

Где без гастрита, гайморита
Полно здоровеньких мужчин.

Их всех увижу на витрине,
Смирненно выстроенных в ряд.
И пусть на каждом на мужчине
С ценою бирочки горят.

Я подберу себе дружочка
По росту, весу и деньгам.
За деньги куплен он, и точка.
И никому уж не отдам.

Скотный двор

*Как круто жизнь переменилась.
Скажу совсем с недавних пор.
И потому с пером поэта
Я заглянул на скотный двор.*

Владимир Седых

Перо поэта

Я потому с пером поэта
Рванул, друзья, на скотный двор,
Чтоб очень громко песня эта
Летела в космос, за забор.

Я с петухом спою дуэтом,
Чтоб знали куры и козлы,

Что значит жить с пером поэта.
Но обыватели так злы!

Понятен нам финал сюжета.
Сказал козел, боднув бревно,
Ты сунь туда перо поэта,
Где быть оно всегда должно.

Кто я?

*Я баснописец и поэт, — скажу, однако...
Вот не пойму: я человек или собака?
Впустую лаю на слонов, как в басне Моська.
Из-за того, чтоб не была пустой «авоська».*

*И как собака, я порою злой бываю:
Кого не в силах укунить, того «облаю».
Мораль:
Мы все пытаемся над «И» расставить точки.
Да вот язык бы удержат на той цепочке.*

Владимир Седых

Собачьей поделюсь тоской

Когда-то был я человек,
Но лаю, как собака.
Кусаю всех я целый век,
Такая вот кусака.

На цепь меня бы посадить,
Бываю я ужасен.

Зубов лишить, намордник сшить,
Иначе я опасен.

Я поэтической строкой
Утешусь в новолуние.
Собачьей поделюсь тоской,
Обрызгав цвет петунии.

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

КАЛИНИНГРАД

Грёзы

*Вдали кабак мерцает сладко,
Мороз ударил или свет.
— Ямщик, скажи мне для порядка,
Попойка будет или нет?*

*...Мы обустроились, согрелись
Среди свечей, лампад, острот.
Ах, боже мой, какая прелесть —
Красотка водку подаёт*

*И глухаря, и пива кружки,
Как эту прелесть не любить!
И я подумал, что я — Пушкин,
Как славно — Пушкиным побыть.*

Владимир Скиф

Пригрезились кабак и тройка,
И что летим туда стремглав.
«Ямщик, а будет ли попойка?» —
Тяну возницу за рукав.

«Всё будет, барин. Мне нальёте?»
Киваю головой. Вошли.
...С поклоном: «Пушкин. Узнаёте?»
Девушка робко: «Натали».

Мы пили и шумели громко,
Летели пробки в потолок.
Ко мне подседа Незнакомка,
И я представился ей: «Блок».

В виденьях снова перемены:
Сижу (вода со всех сторон)
На острове Святой Елены.
Наверно, я Наполеон.

ВЛАДИМИР СКИФ

Гумилёв и Бронштейн

*Зачитана книжка твоя до дыр,
В ней ужас эпохи и жизнь твоя.
Она для меня, как монаху псалтырь,
У многих страниц я загнул края.*

*Семь раз Гумилёву ты бросила: «Нет»...
Прости за дерзость, меня ждала?*

«А. Ахматовой» Виктор Бронштейн

Серебряный век, он зачитан до дыр,
Там Блок, Маяковский — мои друзья,
В ответ на призыв мой — устроить пир —
Слова некорректные слышал я.

Тогда к Вячеславу Ива́нову я летел,
«Привет, символисты!» — на «Башне» кричал.
Меня Ходасевич ногою поддел,
И я обратно в Москву умчал.

Ахматову Альтман писал в мастерской,
А я ей кричал, что её люблю!
Но тут Гумилёв мне сказал с тоской:
Витя, уйди! Христом-богом молю!

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН

Истоки русской духовности

С 23 по 29 сентября в Иркутской области прошёл традиционный праздник — Дни русской духовности и культуры «Сияние России».

Праздник зародился в далеком 1994 году благодаря певцу Александру Шахматову, писателю Валентину Распутину, поэту Марку Сергееву и митрополиту Иркутскому и Ангарскому Вадиму.

Уже в 26-й раз на Иркутскую землю приезжают писатели и поэты, редакторы, деятели культуры. Вот и в этом году список гостей получился представительный: поэт Михаил Тарковский, прозаик и критик Андрей Тимофеев, прозаики Валерий Хайрюзов и Андрей Антипин, поэт и критик Григорий Блехман, поэт, историк Татьяна Шорохова, прозаик и редактор Олег Солдатов.

Неделя получилась насыщенной, богатой на приятные встречи и события. Утром 23 сентября гости посетили Некрополь Знаменского монастыря, где возложили цветы к могиле Валентина Распутина. Знак уважения великому русскому писателю стал доброй традицией «Сияния России», ведь именно Валентин Григорьевич не только выступил одним из инициаторов этого праздника, но воплотил его в жизнь и, главное, сделал всё для его долголетия.

После Знаменского монастыря гости отправились в центр Иркутска на экскурсию. Иван Иванович Козлов, поэт и прозаик, провёл экскурсию по историческому центру города и познакомил с его «временными летам». Кто может наиболее полно и интересно рассказать об истории, как не профессиональный историк? Которым, как раз, Иван Иванович и является.

А днем в Иркутском Доме литераторов прошел Круглый стол с гостями праздника и российскими писателями. Каждый из гостей выступил с приветственным словом. Так, поэт и прозаик, лауреат Всероссийских литературных премий имени святого благоверного князя Александра Невского (2006) и им. А.К. Толстого (2012), Татьяна Шорохова, несмотря на то, что живет в Севастополе, давно творчески связана с землей Иркутской: она написала книгу о нашем земляке, купце-золотопромышленнике Иннокентии Сибирякове, в конце жизни уединившемся на Святом Афоне. Кроме того, гостя поведала о возвращении Крыма в Россию. Несмотря на сложности, она подчеркнула, что все рады возвращению на Родину и, главное, до прихода «вежливых людей» (российские воины), простые крымчане сами создали ополчение, и целые сутки полуостров находился под их охраной. И сын Татьяны Шороховой сам вступил в это ополчение...

Критик, поэт, лауреат Всероссийских литературных премий им. Н. Гумилёва, им. А.Т. Твардовского, им. М.Ю. Лермонтова и доктор биологических наук Григорий Блехман немало удивил своей манерой чтения стихов: вроде начинает просто говорить, и вдруг слова сами складываются в рифмованный напев, и уже нельзя различить, где просто речь, а где — поэзия...

Вечером же в Иркутской областной филармонии прошёл концерт, открывающий Дни духовности и культуры, «Пою тебе, моя Россия».

С 24 по 26 сентября «Сияние России» пришло в библиотеки и учебные заведения. Состоялось два десятка встреч, в том числе в городах Ангарск, Усолье-Сибирское и Шелехов.

Студенты БГУЭП, равно как и учащиеся педколледжа, засыпали гостей вопросами и долго не отпускали. Весьма благодарной и заинтересованной оказалась публика соседних городов, не избалованная «столичными» гостями. И, повторяясь от встречи к встрече, звучало в адрес Дома литераторов: «Привозите к нам писателей почаще!»

Опробовали в этом году новый формат: сочетать выступления молодых писателей и писателей, известных на всю Россию. На многих площадках зрители отметили такую необычность, и она им понравилась. Молодёжи было интересно, а ведь пропаганда литературы и чтения среди юного поколения — наша главная и самая животрепещущая задача. И, как показало «Сияние России», — задача решаемая, еще не все потеряно, иначе не звучало бы столько вопросов в студенческих аудиториях. Да и гости постарались на славу.

На праздник были приглашены сразу двое молодых писателей: прозаик и критик Андрей Тимофеев из Москвы и прозаик Андрей Антипин из Усть-Кута, побывавший на «Сиянии России» уже в третий раз. Несмотря на возраст, у обоих авторов уже довольно богатый «премиальный» багаж. Команда гостей была усилена такими сибирскими мэтрами слова, как Ким Балков, Анатолий Байбородин, Альберт Гурулев, Василий Козлов, детским поэтом Еленой Анохиной и многими-многими другими.

Этой весной в журнале «Наш современник» у Андрея Тимофеева вышел роман «Пробуждение», рассказывающий о московской молодёжи, попавшей в «политическую секту» «Суть», настроенную ультрапатриотично, пропагандирующую возврат в СССР и оказывающую посильную помощь ополчению Донбасса. События романа разворачиваются в 2014 году. 24 сентября в Доме литераторов обсудили «Пробуждение», что стало своего рода знаковым событием: все участники встречи прочли роман и разобрали его довольно глубоко. А пришли и студенты, и критики, и вузовские преподаватели, и простые читатели.

Вечером же в Театре народной драмы был спектакль «Сербская девушка», по повести нашего земляка Валерия Хайрюзова, в которой рассказывается о страшных событиях в Югославии. Сам Валерий Николаевич отметил 16 сентября 75-летний юбилей, к которому и была приурочена премьера. Валерий Хайрюзов — лауреат разнообразных литературных премий: Ленинского комсомола, Международного кинофестиваля «Золотой Витязь», Большой литературной премии России (2011). А к тому же — пилот 1-го класса... Перед началом спектакля юбиляра вызвали на сцену для поздравлений. Зал был полон, пришлось даже вносить дополнительные стулья, а когда зажёгся свет, то в глазах у зрителей стояли искренние слёзы, может ли быть лучше подарок для автора?

25 сентября Татьяна Шорохова из Севастополя посетила музей В.Г. Распутина, где ознакомилась с экспозицией, соприкоснувшись с жизнью Валентина Григорьевича, и пообщалась с музейными работниками. А вечером того же дня в Иркутском Доме литераторов Владимир Скиф презентовал книгу воспоминаний о жене писателя, Светлане Распутиной, «Жить в полную силу...». Много историй рассказали составители сборника, а зрители предложили дополнить издание и другими имеющимися документами.

26 сентября в Областной юношеской библиотеке им. И. Уткина состоялась встреча «Литература — дело молодых». Читатели библиотеки познакомились с гостем Андреем Тимофеевым, ангарским, по самоопределению, «рассказчиком историй» Игорем Корниенко, иркутским прозаиком Юрием Харлашкиным и литературным критиком Валентиной Семеновой. Получилась жаркая дискуссия! Андрей Тимофеев рассказал о связи литературы с реальностью и привел примеры на таком, казалось бы, нереалистичном жанре, как фэнтези. Игорь Корниенко посоветовал не слушать ничьих советов и писать так, как само приходит. Вы набьете руку, и со временем у вас станет получаться! Валентина Семенова все же настояла на литературной учебе и восприимчивости к критическим замечаниям. А Юрий Харлашкин подвел итоги конкурса «Лето поэта», произведения победителей которого будут опубликованы в юношеском литературно-художественном альманахе «Первоцвет», выпускаемом все той же библиотекой им. Уткина.

И в завершение программы молодых писателей в Иркутском Доме литераторов прошёл первый творческий вечер прозаика Андрея Антипина. Каких только премий ни удостоился наш земляк: лауреат премии Леонида Леонова журнала «Наш современник» (2010) и премии журнала «Наш современник» за лучшую публикацию 2013 года, премий «За верность Слову и Отечеству» (2016), им. Антона Дельвига (2015) и им. И.А. Гончарова. Молодой и титулованный автор прочитал свои короткие рассказы (почти зарисовки) о сельской жизни, семье, современных нравах, природе. Грустные и смешные, точные и лаконичные, написанные дышащим, живым русским языком рассказы публика слушала в молчании, полном восхищения. Встреча затянулась до позднего вечера, «именинника» засыпали вопросами, в том числе и преподаватели-филологи.

После трехдневного марафона по городам и весям, по их библиотекам, музеям и школам, гости «Сияния России» 27 сентября отправились в неблизкие Ангу и Усть-Уду. Эти поселки уже давно стали священными местами для Дней русской духовности и культуры. В Анге родился и провел первые годы жизни будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), а Усть-Уда, конечно же, неразрывно связана с именем Валентина Распутина.

Родину митрополита Иннокентия посетили Олег Солдатов, Татьяна Шорохова и Михаил Тарковский. Анга встретила гостей хлебосольно. В музейном комплексе недавно открылся храм, да и на всей территории уже закончилось благоустройство. В храме служит молодой батюшка, а его супруга провела экскурсию для гостей и рассказала о жизни митрополита Иннокентия. На саму же встречу пришли не только ангинцы, но и жители Качуга. А местный музыкальный коллектив подготовил небольшую концертную программу с различными, лиричными и задорными, народными песнями.

Заместитель главного редактора издательства «Вече», прозаик, драматург и критик Олег Солдатов рассказал о своей работе, представил разные книжные серии. Кстати, именно «Вече» с удовольствием издаёт сибирских авторов, в том числе и иркутян. В серии «Сибириада» вышло уже несколько десятков книг иркутских писателей, и книги долго в книжных лавках не лежат. Поскромничав, Олег Михайлович бегло представил и собственную книгу «Парус манит ветер», вышедшую в серии «Новая библиотека приключений и научной фантастики», после чего исполнил под гитару несколько песен. К слову, каждое свое выступление Олег Солдатов украшал песнями, он мастерски исполняет даже такие сложные произведения, как романсы.

А выступления Михаила Тарковского всегда начинаются с шепотка в зале: «Тарковский? Из той самой семьи?» И, предупреждая любопытство, ведущий сообщает: «Да, из той самой». Михаил Александрович — поэт, прозаик, главный редактор альманаха «Енисей», лауреат премии журнала «Наш современник», премии им. А. Дельвига, Шукшинской литературной премии 2016 года, литературной премии Патриарха Кирилла за вклад в развитие отечественной литературы (2018) и многих других — оказывается заядлым таежником и путешественником. Сколько тысяч километров он прошел по глухим лесам, одному Богу известно. И природа вдохновляет его, и пишутся прекрасные стихи...

Когда же завершилась встреча в Анге, и пора было собираться в обратную дорогу, то в музейный комплекс приехала свадьба... Как говорится, добрая примета!

В Усть-Уду поехали Григорий Блехман, Андрей Тимофеев, Андрей Антипин и Виктор Балыков. На родине Валентина Распутина гости посетили Выставочный зал, посвященный писателю, и Храм Богоявления. А в Доме культуры состоялась традиционная встреча с жителями поселка. Андрей Тимофеев, несмотря на то, что является прозаиком и критиком, весьма проникновенно прочел стихи. А завершилась встреча ярким выступлением вокального ансамбля «Форсаж» гарнизона Дальней авиации под руководством Ирины Хлысковой. Зал долго аплодировал.

28 сентября гости праздника посетили озеро Байкал. Рано утром паром перевез их в поселок Порт Байкал, где морозный воздух стал теплым, прогретый солнцем. Гости побывали в доме, где жил и творил Валентин Григорьевич, прогулялись по берегу и посетили турбазу коллекционера и предпринимателя Анатолия Фенина.

А вечером в ТЮЗе состоялся Юбилейный творческий вечер прозаика Валерия Хайрюзова. Труппа театра подготовила увлекательную программу, весь концерт был представлен в виде перелета, а за штурвалом находился Валерий Николаевич. Вечер вела прекрасная стюардесса. А в салоне самолета находились губернатор Иркутской области Сергей Левченко, министр культуры и архивов Иркутской области Ольга Стасюлевич, писатели, друзья юбиляра и просто ценители творчества. Полет «пролетел» незаметно, за два часа актёры представили все грани таланта Валерия Николаевича. Проза и документальное кино, режиссура и драматургия. Гвоздем программы стал показ отрывка из спектакля по пьесе Валерия Хайрюзова «Иннокентий», зрители аплодировали долго.

Дни русской духовности и культуры «Сияние России» завершились, и уже 29 сентября гости праздника отправились домой, унося в своих сердцах частичку сибирской теплоты.

Позже **Михаил Тарковский** поделился впечатлениями:

«Для начала низкий поклон организаторам и всем тем, кто нас встречал в школах, библиотеках и других культурных учреждениях. Низкий поклон граду Иркутскому, вызывающему с каждым разом все большее восхищение. И конечно, многая лета писательской организации, отделению СП России, от которого остаётся впечатление тёплой и дружной семьи. Такого сейчас почти нигде нет. Иркутская земля благодатна. Ощущение, что красота земли и воды даёт высокое отражение в людских душах. Будто пики Тункинского хребта и глубь Батюшки Байкала и задают здешнему русскому слову этот немислимый и щедрый диапазон. Сильнейшее впечатление испытал в Качугском районе, на родине Иннокентия Вениаминова. А уж что говорить о студеное утро на Байкале, которое разрешалось солнышком на доме Валентина Григорьевича в Порту Байкал. И хороши, и сложны были встречи со школьниками, они в который раз показали

и нам, насколько важно и трудно пробить зимник к детским душам! Ведь от этих душ зависит и все наше будущее! А от самого себя ощущение, что не сказал чего-то самого главного, большого, важного. И снова приходит мысль о том, как важно соответствовать тому уровню требовательности к себе, тому рвению к слову, который задан теми, кто стоял у истоков этих прекрасных дней на земле Иркутской. С этим чувством и пойдём дальше, и пусть оно подвигнет нас к новым свершениям на благо отечественной словесности и святорусской земли».

И Олег Солдатов написал в журнал «Сибирь»:

«Неделя пролетела, оставив теплоту на сердце... Пора в обратный путь... Но Иркутск не забыть, он в моей душе: с красавицей рекой, с новостройками, и старинный деревянный, купеческий... Не забудутся радушные, открытые люди. «Вы там у себя в Москве не переживайте, — говорят мне на прощанье. — Если что, мы Россию, как когда-то, опять спасём». Я не сомневаюсь».

«Сияние России» на Усольской земле

В дни яркого бабьего лета по всей Сибири в двадцать шестой раз прошагал праздник русской духовности и культуры «Сияние России», созданный по инициативе певца Александра Шахматова писателями Валентином Распутиным, Марком Сергеевым, мэром Иркутска Борисом Говориным и епископом Иркутским и Ангарским Вадимом.

Первое мероприятие, посвященное дням русской духовности и культуры, Усольское литературное объединение имени Юрия Аксаментова провело в санатории «Усолье» 19 сентября в его 121-й день рождения, узнав, что здесь, кроме больных, проходят реабилитацию гости из Тулуна и Нижнеудинска. Территория курорта, украшенная цветами, скульптурными группами и вековыми елями, стала необычными декорациями для выступающих поэтов и певцов. Замечательные песни Александры Пахмутовой в исполнении Анатолия Маринича, стихи Валерия Туровца и Инны Коноплёвой не оставили равнодушным никого из зрителей переполненного зала. Отдыхающие с удовольствием подпевали. Ведь такие песни, как «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Песня о тревожной молодости», «Прощание с Братском» и многие другие талантливого композитора Александры Пахмутовой знают и любят. Хорошее впечатление о себе оставил участник фестиваля «Белая река» Сергей Чистяков.

«Сияние России» на усольской земле продолжил «Трамвай поэзии». Большое спасибо руководству «Электроавтотранса» за помощь в организации этого мероприятия. В трамвае, украшенном баннером с изображением церковных куполов и рябины, звучали песни о России в исполнении Елены Козявиной и стихи усольских поэтов о Родине, о родном городе и Сибири. Пассажиры трамвая с теплотой приняли исполнителей, подарив им цветы. У памятника «Раненому бойцу и медсестре» на улице Ленина акция «Трамвай поэзии» получила продолжение. Многочисленные зрители с интересом слушали стихи усольских авторов, а замечательные песни «Я лечу над Россией», «Горькая моя родина» тронули душу каждого.

Дни духовности продолжила встреча усольских поэтов с учащимися Усольского индустриального техникума, на которой мы рассказали студентам об этом замечательном празднике, вновь звучали стихи усольских поэтов о гордости за Россию, их признания в любви родному городу.

А 24 сентября в читальном зале Городской центральной библиотеки состоялась традиционная встреча гостей из Союза писателей России с усольчанами под девизом: «Писатель. Жизнь. Литература». На этой встрече нас познакомили со своим творчеством современные сибирские писатели. Светлана Шегебаева, замечательный поэт. Она часто проводит творческие встречи в Усолье. Недавно с большим успехом прошла презентация её новой книги «Витражи любви». Андрей Антипин, молодой прозаик из Усть-Кута, лауреат премии «За верность слову и Отечеству» рассказал о своём творчестве и представил книгу «Капли марта». Писатель Михаил Тарковский из Красноярска, лауреат премии Патриарха Кирилла за вклад в развитие отечественной литературы, рассказал о себе, прочитал свои стихи и познакомил с книгой «Не в своей шкуре». Иркутянин Владимир Журавлёв поделился с нами тем, что его волнуют судьбы победителей, их жизнь после

войны, судьбы детей войны. В своих произведениях «Другие наградные лица», «Недетская вина» и других он пишет именно об этом. Александр Никифоров, поэт из Верхнеленска, рассказал, как сложилась его литературная судьба, прочитал замечательные стихи, посвящённые Северу, красоте природы, любви и одиночеству. Усольчане подготовились к этой встрече. В исполнении учащихся школ и гимназий города прозвучали стихи и отрывки из рассказов наших гостей. Итогом творческой встречи стало выступление Светланы Шегебаевой, из которого зрители узнали о значении таких встреч и для писателей, и для зрителей, о значении России для всего мира, о гордости и боли за нашу страну, за её культуру.

Мероприятие в центральной библиотеке закончилось, но седьмой филиал ЦБС в рамках «Сияния России» провёл несколько встреч старших групп детских садов и учащихся школ и гимназий города с поэтами Усольского литературного объединения.

Завершающим аккордом Дней русской духовности и культуры стало общение усольских поэтов и гармонистов с горожанами на территории, прилегающей к Свято-Никольскому храму. Зажигательные частушки усольских поэтов, посвящённые юбилею нашего города, в исполнении гармонистов Александра Чередова и Владимира Полковникова, порадовали зрителей, а стихи усольских авторов обратили внимание на красоту нашего города, нашей Сибири, нашей России.

С Днями «Сияния России» поэты и певцы Усо́лья-Сибирского постарались познакомить весь город. Но это не только поэтический праздник. Хотелось бы, чтобы городские учреждения культуры в будущем тоже отметили Дни русской духовности и культуры. Можно было бы поучаствовать и учащимся, и руководителям городских музыкальной и художественной школ, порадовав горожан новыми концертами и выставками. Наши Спасо-Преображенский и Свято-Никольский храмы могли бы подчеркнуть значение Христианства в духовной жизни России.

Очень хотелось бы этого.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВА

ЗАВЕДУЮЩАЯ СЕКТОРОМ КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ
РАБОТЫ БИБЛИОТЕКИ ИРГУПС

Родной земле мы служим словом

24 сентября, осенним солнечным днем, библиотека Иркутского государственного университета путей сообщения по традиции встречала хлебом-солью гостей-писателей: Татьяну Шорохову (Севастополь), Григория Блехмана (Москва), Олега Солдатова (Москва), Анатолия Байбородина (Иркутск), Василия Козлова (Иркутск).

Встречу открыл поэт, член Союза писателей России Василий Козлов.

— В 26-й раз проходят на Иркутской земле Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Основатель праздника — наш земляк, писатель и публицист Валентин Распутин. Он вдохнул в этот праздник свое писательское великое слово, достоинство и силу. Сегодня мы продолжаем его дело...

Далее Василий Козлов заметил, что ныне с помощью гаджетов, смартфонов, интернета можно увидеть всю мировую литературу и убедиться, что русская литература продолжает занимать своё высокое место. Но можно подойти и к книжной полке, где перед тобой распахнут свои объятия герои Пушкина, Достоевского, Толстого. И современные писатели стремятся в полной мере выразить в своём творчестве русскую душу, русский характер. Он назвал имена выдающихся поэтов — Юрия Кузнецова, Николая Зиновьева, Станислава Куняева и других, в разные годы побывавших в Иркутске в дни «Сияния России».

Даром поэтического слова уверенно владеет и сам поэт. Из его уст прозвучали стихотворения: «Памяти Есенина», «Я оставил на том берегу» — посвященное памяти лучшего друга, поэта Геннадия Гайды.

С поклоном от крымской земли обратилась к сибирякам Татьяна Шорохова — поэт, прозаик, историк, лауреат литературных премий, в том числе Государственной премии Республики Крым (2013).

Первое знакомство с иркутской землей у нее произошло в 2005 году, когда в редакцию журнала «Сибирь» она принесла свою статью об уроженце Иркутска Иннокентии Сибирякове, известном русском миллионере и меценате, ставшем на путь иноческого подвига и окончившем земные дни на Святой горе Афон. Так Т. Шорохова расширила представление об этом необыкновенном человеке.

Студенты и преподаватели услышали стихи севастопольской гостьи «И жмот — подаст, и жулик — не обманет...», «За ударом опять удар», «Русь», наполненные духовной силой и раздумьями о мире, в котором мы живем.

Читателям библиотеки Т. Шорохова подарила свои сборники: «Охапки пряные стихов», «На распутье дорог» с подписью: «Иркутскому государственному университету путей сообщения — от автора: выбирайте для России только правые пути».

Не менее интересным собеседником оказался и Григорий Блехман — поэт, прозаик, публицист, секретарь Союза писателей России, лауреат многих Всероссийских литературных премий.

Он с детства любил читать книги, увлекался спортом. Окончив вуз, стал доктором биологических наук. Но лихие 90-е разрушили все планы. Подобно многим,

учёный выживал как мог. Со временем осуществил свою давнюю мечту — стал профессиональным поэтом, в зрелом возрасте занялся прозой и публицистикой.

— Мы должны нести духовное начало в общество, — сказал Григорий Блехман.

С этим утверждением согласился и Анатолий Байбородин — главный редактор журнала «Сибирь», лауреат Большой литературной премии России, Национальной премии имени Валентина Распутина за книгу «Деревенский бунт».

— Несомненно, для человека любой профессии необходимо читать выдающиеся произведения классиков: Пушкина, Гоголя, хотя бы «Тараса Бульбу», Достоевского, Шмелева, Лескова, Шукшина, Белова, Астафьева, Распутина... Их избранные, что от Бога, мудрые произведения и вдохнут в душу любовь к Вышнему и ближнему, к родному русскому народу, обогатят знаниями, разовьют творческое воображение, что необходимо человеку любой профессии.

Напомню: Анатолий Байбородин — автор книг: «Старый покос», «Поздний сын», «Боже мой...», «Утоли мои печали», «Не родит сокола сова», «Озерное чудо», «Деревенский бунт», составитель сборников «Россия древняя и вечная», «Русский месяцеслов», «Думы о русском с древнейших до нынешних времен».

О своих произведениях писатель размышляет так:

— Я старался передать крестьянскую этику и эстетику, запечатленную в устном поэтическом слове, что, как вселенная, необозримо и непостижимо в мудрости и красе, ибо крестьянская устная поэзия тысячелетиями копилась, доводилась до ума, передавалась из уст в уста. Писатели, что лишь крылом коснулись крестьянской вселенной, уже становились великими писателями, и пример тому Александр Пушкин.

Еще одним уникальным гостем праздника стал Олег Солдатов — поэт, прозаик, драматург, критик, член Союза писателей Москвы и Литературного фонда России, заместитель главного редактора издательства «Вече».

— Наше издательство специализируется на исторической и художественной литературе. Мы публикуем провинциальных авторов, в частности иркутских, и особенно в серии «Сибиряда». Есть и другие серии: «Проза Русского Севера», «Урал-батюшка», «Волжский роман», «Сто великих романов», «Поэты великой России», «У истоков Руси», «Новая библиотека приключений и научной фантастики».

Олег Солдатов в завершение великолепно исполнил под гитару душевную песню «В горнице моей светло» (*стихи Н. Рубцова, музыка А. Морозова*). Получился праздник и слова и музыки, который, без сомнения, обогатил студентов духовно и умственно. Библиотека выражает благодарность заместителям деканов по воспитательной работе и директору ЦКД И.Ю. Кетровой за помощь в организации этой встречи.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

Поездка в Чикой

«ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОСЕНЬ 2019»

На снимке: Олег Петров среди писателей и читателей (слева направо четвертый во втором ряду)

Без преувеличения, такой литературной компании Чикой ещё не видел, хотя гости в таёжном краю не редкость, особенно в дни прекрасного фольклорного праздника «Семейская круговая». Ныне же, в рамках ежегодного праздника книги «Забайкальская осень» на чикойскую землю прибыл целый литературный десант.

Прежде всего, хотелось бы представить красноярцев — неугомонных автопутешественников по российским просторам, семейную чету Михаила и Татьяну Тарковских, чьи книги — повести, сказки, сборники стихотворений хорошо известны в России и за рубежом, удостоены ряда литературных премий и широко востребованы читателем. Под стать и наш иркутский гость — лауреат премии им. В. Распутина, прозаик и главный редактор литературного журнала «Сибирь» Анатолий Байборodin. Участники «Забайкальской осени» прошлого года уже познакомились с ним, но эта поездка для Анатолия особенная: наконец-то сбылось его давнее желание побывать в раскинувшемся рядом с Красным Чикоем селе Барахоево, откуда родом его предки. К именитым сибирским гостям примкнули свежешепоченные дальневосточники — забайкальские литераторы Георгий Баль, Мария Тимошенко и автор этих строк. Понятно, что все мы были под надёжной опекой заместителя директора главной краевой библиотеки Ольги Леонидовны Нигаматуллиной и научного секретаря библиотеки Вадима Кругляка, который, кстати сказать, вел настолько подробную фотолетопись нашей поездки, что счет запечатленных мгновений, по-моему, перевалил за полторы тысячи. Безусловно, поездка за шесть с лишним сотен верст, с учётом наших дорог, была бы ещё тем испытанием. Но благодаря доброму участию в её организации со стороны администрации Губернатора Забайкальского края, литературная команда путешествовала с комфортом на прекрасном минивэне, за рулем которого оказался превосходный, на редкость аккуратный водитель Игорь — без преувеличения, живая энциклопедия всех забайкальских дорог и самых глухих закоулков нашего необъятного края. Уж, вроде бы, ваш покорный слуга исколесил Забайкалье вдоль и поперёк, но тягаться с Игорем Юрьевичем — напрасный труд.

В общем, под моросящий читинский дождик, ранним утром 4 сентября мы тронулись в путь на запад, к первой точке на маршруте нашей поездки — в город Хилок. Откровенно скажу, что при въезде в это богатое своей историей поселение настроение моё заметно помрачнело. Пока мы потягивались и разминали ноги под табличкой «Хилок», ожидая приотставший джип четы Тарковских, закоренелая тяга к «тихой охоте» заставила меня сделать несколько шагов от обочины под сосновые кроны. А там... Рыжики, маслята — коси не хочу! Обратно в машину меня втягивали фактически силой. Но когда мы прибыли к зданию районной библиотеки, я в состоянии крайнего стыда упрятал поглубже своё сепаратистское намерение остаться в Хилке, нагрести рыжиков и броситься обратно к родным пенатам с этим богатством. До сих пор не могу избавиться от угрызений совести по поводу чуть было не содеянного. Потому как встречали нас хилокчане столь радушно, что словами это выразить трудно. Хлебом-солью, искренней радостью и вниманием. За тот день, который мы провели в Хилке, радушие и неподдельный читательский интерес сопровождали нас на всех встречах со школьниками и более взрослой аудиторией. А что мы? Заливались соловьями и немножко пополнили хилокский библиотечный фонд своими книжками.

В утро туманное, в утро седое следующего дня наши машины двинулись дальше на запад — в чикойские края. Минувшим вечером с грустью расстались мы с замечательными библиотекарями Хилка и сопровождавшей нас местной писательницей Зинаидой Ивановной Лобачёвой. А вот о чём не грустили, так о хилокском кафе «Искушение», спасибо, что пообедали там без последствий для организмов.

Путь неблизкий, но за оживлённым обсуждением тёплого приёма хилокчанами время пролетело незаметно. И вот она — столица земли чикойской! Банальная процедура размещения в уютной гостинице была буквально взорвана! У входа разыгрался целый этнографический спектакль, с пышным караваем, песнями и хороводом. С удовольствием поучаствовали в этом красочном действе, а вашего покорного слугу жгучая красавица-чикоянка даже вытащила в круг. Изобразил там чего-то с притопом-прихлопом...

А вот уже мы едем в Барахоево: наконец-то сбывается давнее желание Анатолия Григорьевича Байбородина, который по завершении литературного торжества прислал в Забайкалье отзыв:

«Ныне в таинственном прошлом бывшее старообрядчество, что уже в позапрошлом веке рассыпалось на уйму причудливых толков и согласий, порой созвучных бесовским языческим культам, и в некогда «старообрядческом» селе Красный Чикой ныне — патриаршая церковь. Четверть века собирался я в красночикойское село Барахоево и лишь ныне сподобился погостить на родине деда и матери. Забайкальская краевая библиотека имени Пушкина вновь пригласила меня на Всероссийский литературный фестиваль «Забайкальская осень», где, в череде встреч с книголюбями, была встреча и в красночикойском селе Барахоево. А потом — писательская поездка в село Урлук, где ухоженная школа с богатым музеем; из Урлука — паломническое путешествие на таежный хребет, на вершине коего двести лет назад молитвами и трудами преподобного Варлаама Чикойского и монастырской братии была воздвигнута святая обитель — Чикойский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь (Урлукский монастырь). В богоборческое лихолетье скит, прозываемый вторым Афоном, был разрушен, выжили лишь белесые каменные основания; но святая обитель возрождается, о чем поведал о. Евстафий, урлукский священник. Батюшка отслужил молебен

в часовне, где и прозвучала молитва: Моли Бога о нас, святой отче Варлаамие. Низкий поклон сотрудникам Забайкальской краевой библиотеки, что устроили мне путешествие в таежный красночикойский край, где жили мои родичи, где в начале прошлого века в селе Барахоево родилась моя мама, Царствие Небесное рабе Божией Софии...»

И снова хлеб-соль, песни и неподдельный читательский интерес. Понятно, в центре внимания оказался именитый земляк, а ещё — Татьяна Тарковская. Её стихи, что было заметно, так сказать, невооружённым глазом, падали на благодатную почву. Но и сельчане не остались в долгу — закатили, пусть небольшой, но запоминающийся концерт. Особенно всем нам запала в душу юная исполнительница «Чикойского сказа». И сама красавица, с незаурядными актёрскими способностями, и этот самый сказ, авторство которого, увы, неизвестно. Но все мы упростили друзей-библиотекарей текст сказа нам размножить. Вот только кусочек этого чуда:

*...Жизнь трудной была, невесёлой,
Но выросли первые сёла,
Пашины зазеленели,
Песни кругом зазвенели.
Такой уж у нас народ:
Пашет, сеет — поёт,
Ткёт, прядёт — поёт.
А о гуляньях говорить нечего —
Такой уж у нас характер:
Не только песни поём,
Но строго стоим на своём.
А религия здесь не самое главное,
Двумя-тремя перстами креститься,
Аль всем кулаком —
Дело совсем не в том.
А в том-то дело,
Что жить в кабале надоело,
И этот раскольничий крест
Был просто вызов — протест,
И чтоб показать непокорность,
Во всём проявляем гордость.
Преданья храним старинные,
Песни народные, длинные...*

А песни и впрямь — чудесные. Душа отдыхает, как бы ни был ты по жизни далёк от семейских обычаев и традиций.

Продолжился этот день в красночикойском Дворце культуры, где огромному залу мы рассказывали о своём творчестве, слушали прекрасный ансамбль народной песни, познакомились с чикойскими литераторами. Да уж, на таланты Чикой богат! Краснодеревщики и художники, рукодельницы и композиторы-песенники, поэты и прозаики.

И самый низкий поклон, конечно, безвременно ушедшему от нас писателю и краеведу Илье Ивановичу Свистунову. Каждая его книга — настоящий самородок. И уникальный труд «Чикойский монастырь», который не зазорно поставить в ряд лучших краеведческих работ российский учёных, и тёплая, уважительная книга о

земляках-чикоянах «Жемчужина Забайкалья», и даже малюсенькие «Новогодние приключения зайчонка» — 32 странички всего, но столько доброты, любви, солнечного света они вобрали — любого ребёнка, любого взрослого согреют. Как и прекрасные стихи, собранные под обложкой книги «Таёжный Чикой».

Талантливых авторов в Чикое объединил и поэтический клуб «Селена». Вот только несколько имён: Ольга Беломестнова, Нина Варфоломеева, Вера Карелова, Надежда Ланцова, Дина Батыршина. Дина Валерьевна ещё и автор пьес для детей, которые стали бы театральным событием не только на чикойской сцене. Пусть в чём-то поэтические строки чикойских поэтов не безупречны, но это с лихвой компенсируется искренностью любви к родному краю и людям, которые здесь живут, трудятся, любят, растят детей.

А наутро, вновь наполненное туманом, мы опять отправились в путь. Почти сотня километров — в старинное село Урлук. Вся литературная братия вполне удобно расположилась в салоне «таблетки» или «буханки», — кто как называет уазик-автобусик. Почему не на комфортабельном немецком «микрике»? Об этом позже. Дорогу до Урлука «фольксваген» осилил бы без проблем, при всём дефиците асфальтового покрытия, но... Сохраним интригу.

Вот промелькнул за автомобильным стеклом Верхний Шергольджин, блеснул золотым куполом дацан в Бурсомоне, проводил нас, не сильно заморачиваясь, — катите, ну и катите! — огромный табун лошадей, вызвавший восторг и умиление набившихся в «уазик» горожан.

И вот он, старинный Урлук, раскинувшийся на левом берегу, опять же левого, одноимённого с селом, притока Чикоя-реки. Считается самым западным населённым пунктом Забайкальского края. Рукой подать до административной границы с Бурятией и госграницы с Монголией. Основано село в двадцатые годы XVIII века как охотничье поселение, но к концу того же века сюда добрались старообрядцы — семейские, те, которых царская власть ссылала в сибирскую глушь семьями. Ныне сельчан тут чуть больше полутора тысяч, но назвать село забайкальской глубинкой язык не поворачивается. Здесь вполне успешно действует агрофирма «Родина», совершенствуют свои таланты учащиеся музыкального и художественно-ремесленного отделений Центра детской культуры, при Доме культуры блистают своим творчеством знаменитый народный семейский Урлукский хор и его фольклорные группы. Про знаменитость — не для красного словца. Самобытный коллектив побывал во многих городах России, в Финляндии, на Кипре. Уже в 1965 году блистал на Всероссийском смотре художественной самодеятельности в столице, в Колонном зале Дома Союзов.

Конечно, есть в селе и средняя школа. Вот к ней и подкатили мы. А нас уже ждали — и снова с хлебом-солью, семейскими напевами и ровным строем мальчишек и девчонок в аккуратной форме кадетского класса.

«Всё! — чуть ли не хором заявили мы, выбираясь из «таблетки». — Если ещё куда-нибудь поедem на следующую «Забайкальскую осень», а нас там не будут встречать караваем и песнями, — даже из автобуса не вылезем, развернёмся и — гуд бай!». Вот до чего быстро зазналась наша компания на чикойской хлебосольной земле!

Встреча с читателями в Урлукской школе запомнилась неподдельным вниманием всех собравшихся в просторном классе информатики. Ребятя и взрослые не просто слушали, но и задавали интересные вопросы, которые свидетельствовали о важном: публика собралась читающая и не скуки ради. Вообще, обязан заметить,

что самые примечательные и обнадёживающие любого литератора встречи — это встречи с сельским читателем. На селе читают, хотя и не обделены электронными средствами общения и всевозможными «гаджетами». Увы, городская публика, к сожалению, уже довольно заметно заражена смартфоновским снобизмом, порождающим интеллектуальный тупизм, как это ни печально констатировать.

И вот на волне воодушевления от встречи с читателями мы снова забрались в «таблетку» и тронулись в самый волнующий путь на чикойской земле. Расстояние, вроде бы, небольшое — с десятков верст, почти на север от села, в гряды сопок. Это дорога к Чикойскому Иоанно-Предтеченскому монастырю, расположившемуся на высоте около 1300 метров над уровнем моря. Но дорога такая, что изрядную её часть паломникам приходится преодолевать пешком. Нам повезло — видимо, и тут сыграло свою роль уникальное чикойское гостеприимство — мы добрались машинным способом. И транспорт соответствующий, и местный водитель, знающий этот лесной серпантин как свои пять пальцев.

Встретил нас батюшка Евстафий — нестарый и весёлый человек, что нисколько не умаляет его духовного сана. Наоборот, притягивает. И служба в нововозведённой часовне, и сама атмосфера, без пафоса, этого намоленного места, и немудрёная трапеза, а главное — часы общения с батюшкой и его помощниками, без всякого преувеличения, дали такой нравственный заряд, который невозможно переоценить. К тому же, нам повезло вдвойне — сподобились поднять чарку за батюшкино здоровье — в этот день у него был день рождения! И что мы могли пожелать, как не здоровья, долгих лет и успехов в невероятном деле, которым он занят: на наших глазах ложились первые венцы бруса на фундамент возводимого храма. Возрождает отец Евстафий Чикойскую святыню!

Накануне мы побывали в краеведческом музее Красного Чикоя, где с изумлением рассматривали план-схему бывшего Чикойского монастыря. Заложен он был в 1826 году пустынножителем Варлаамом, став духовным центром для всех православных чикоян. Подчеркну, что никакого антагонизма между ново- и старобрядцами здесь не наблюдалось и не наблюдается. Забайкальская земля во всех отношениях толерантна — и в национальном, и в конфессиональном смысле. Это там, в столицах, кипели и кипят непримиримые страсти, а у нас главное — какой ты человек, сильный духом или ничтожная душонка, хозяин ты своему слову или таракан запечный. Конечно, политические игрища и у нас порой ложкой дёгтя. Вот и Чикойский монастырь в своё время большевистская власть местного разлива, усердно «спасая» народ от религиозного «опиума», разнесла по камушку. Благо удалось сохранить часть каменной кладки зданий монастыря и несколько монашеских могил. Обретены здесь были и мощи чикойского подвижника Варлаама, покоящиеся с 2002 года в приделе кафедрального собора в честь Казанской иконы Божьей Матери в Чите.

Надо ли говорить, с каким чувством мы покидали святое место? И Божий промысел нас не оставил: когда показались дома Урлука, закрапал дождь, заметно усиливаясь. Да уж, буквально полчаса промедления, и на лесной горной дороге нас не спасли бы ни мастерство водителя, ни уникальная проходимость «уазика», — пришлось бы топтать ножками, оставляя свои следы рядом со свежими отпечатками внушительных медвежьих лап. Это не писательская фантазия разыгралась — имеем фотосвидетельства оных.

Поливал нас обильный дождик до самого Красного Чикоя, да и там не оставил — до утра барабанил по карнизам гостиничных окон. Но утро встретило ясным взгля-

дом, а дорога домой, как известно, короче. У Баляги, на перекрёстке с федеральной трассой «Улан-Удэ — Чита», с грустью распрощались с нашими красноярскими и иркутским коллегами. Дан приказ всем им на запад, нам — в другую сторону.

Понятно, что на обратной дороге в салоне царило молчание — день-то был предвыборный, никакой агитации! А уж коли в ходе творческих встреч ни за кого не агитировали, то тут и подавно. Да и народ что-то придрёмывал, видимо, переваривая трёхдневные впечатления.

Вот такая была поездка, благополучно завершившаяся в 16.00 7 сентября для всех, за исключением Георгия Павловича Баля, который только на следующий день добрался домой в Жирекен. Но отдать свой голос в единый день голосования успел.

13 сентября 2019 г.

Автор «Сибири» Елена Чубенко — лауреат премии Михаила Вишнякова

Премия имени Михаила Вишнякова присуждена забайкальской писательнице, члену Союза писателей России Елене Чубенко. Победу ей принесла книга прозы «Солнцем поцелованные».

«Это сборник рассказов и одна пьеса, которую я написала для Улетовского театра. Больше всего я

люблю писать о стариках. Если кто читал мои книжки, видит, что мои герои — это старики. Самые любимые работы — рассказы «Солнцем поцелованные» и «Я ждал тебя, Мотя». Не ожидала, что получу премию. Всегда считаю, что есть более сильные авторы, более заслуженные. Я ведь достаточно поздно пришла в литературу», — рассказала Елена Чубенко.

По словам министра культуры Забайкальского края Татьяны Цымпиловой, литературная премия имени Михаила Евсеевича Вишнякова — это уже сформировавшийся бренд. «Церемония вручения премии — самое интригующее и долгожданное событие литературного праздника «Забайкальская осень». Наша задача — не только сохранить премию. Планируется внести изменения в положение, расширить ее границы — не только содержательные, но и географические», — поделилась Татьяна Цымпилова.

Премия имени российского поэта Михаила Евсеевича Вишнякова присуждается на протяжении десяти лет за создание наиболее талантливых литературных произведений, которые вносят существенный вклад в развитие культуры Забайкальского края. Лауреатами премии в разные годы становились Борис Макаров, Олег Димов, Вячеслав Вьюнов, Николай Ярославцев, Валентина Трухина, Юрий Курц, Геннадий Андрюк, Олег Петров.

Лауреаты X Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» из Иркутской области

В городе Железноводске Ставропольского края завершился заключительный этап юбилейного X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», который проходил с 14 по 18 октября 2019 года и был посвящён памяти двух великих русских поэтов — 220-летию со дня рождения А.С.Пушкина и 205-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. В этом году победителями и лауреатами «Золотого витязя» стали шесть жителей Иркутской области. Высшая награда МСЛФ «Золотой Витязь» — одна из двух Золотых медалей имени А.С.Пушкина «За выдающийся вклад в литературу» — в 2019 году присуждена писательнице и этнографу, доктору филологических наук Галине Витальевне Медведевой-Афанасьевой. Золотой диплом в номинации «Поэзия» — Наталье Тугариновой за книгу «Теорема о России. Русская раса». А дипломом в номинации «Проза» отмечен Владимир Журавлёв за книгу «Другие награждённые лица».

«Бронзовый витязь» в номинации «История славянских народов» — Татьяна Ясникова за книгу «Суриков», вышедшую в серии «ЖЗЛ». Диплом в номинации «Литература для детей и юношества» получила Валентина Шабалина с книгой «Два Машиных лета». Специальный диплом «За подвижнический труд, открывающий новые горизонты в языковедении» в номинации «Литературоведение» получил Владимир Рак. Новелла «Боже, научи меня говорить». Поздравляем лауреатов!

*Источник: сайт «Золотой витязь»
<http://www.zolotoyvityaz.ru/>*

Духовное богатство России возрождаться и прирастать «Сибирью» будет

Пройдёт совсем немного времени, и иркутский журнал писателей России «Сибирь» отметит своё 90-летие. Сейчас уже мало кто помнит, что в далёком 1931 году путёвку в жизнь нашему изданию дал великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький. Не ошибся всемирно признанный классик отечественной и мировой литературы. Именно в этом, выходящем за пять тысяч вёрст от столицы журнале, публиковались произведения нетленного созвездия русской литературы последних десятилетий — Валентина Распутина, Александра Вампилова, Виктора Астафьева, Василия Белова, Владимира Крупина, Владимира Личутина, Евгения Носова, Василия Шукшина.

Литературно-художественные журналы всегда были духовной основой российского общества. Особенно возрастала их роль в переломные периоды отечественной истории. Когда рушились идеалы, ломались духовные скрепы, насаждались лживые модели и символы, а на смену вере ползли безверие и цинизм двенадцати пороков, именно просветительские журналы, а вслед за ними и вся русская литература несли читателям свет, мудрость и красоту родного слова. Ну как тут не вспомнить знаменитое тургеневское: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Это было сказано в XIX веке, когда русский словарный запас изрядно превосходил английский; ныне же русский языковой запас стремительно сокращается, и количество слов — это не просто цифра. Это выразительность, ясность, обилие понятий и смысловых нюансов языка.

Не верите?!

Тогда попробуйте прочесть, а главное — понять любой наш юридический документ, научно-техническую публикацию, бизнес-сводку. О циркулярно-бюрократических перлах, SMS-переписке, блогах и чатах говорить вовсе не приходится — там даже не язык, а андроидный текст, составленный компьютерными биоприставками — двуногими и без перьев.

Вот поэтому и нужны сейчас литературно-художественные и просветительские журналы, одним из которых является наша «Сибирь», а ещё и всемерная помощь этим изданиям, их поддержка.

Сегодня у российских писателей, а у новичков — особенно, почти не осталось возможности публиковать свои произведения, разве что сумеешь оты-

скать спонсора. Практически всё издается за деньги, и чаще всего публикуют свои книги не столько талантливые, сколько богатые. Именно поэтому литературный журнал остается едва ли не единственной возможностью для нового произведения увидеть свет. Увы, но монетизация литературно-издательской деятельности стала ярмом гораздо более тяжёлым и жёстким, нежели идеологические установки (замечу в скобках — во многом позитивные) социалистического прошлого.

Ещё одно благодарное предназначение журнала — поиск новых авторов. Это тоже трудная и ответственная работа. Ныне, когда пишут все, невероятно тяжело отыскать среди тысяч страниц графоманства и блогерского примитива действительно стоящее произведение с интересным сюжетом, глубокими характерами героев, образным и ярким языком — не развлекательное чтиво, а нравственную и соvestливую литературу. Но небольшой редакционный коллектив под руководством Анатолия Байбородина — удивительного писателя, тонко чувствующего слово, прекрасно справляется с этой работой. В этом легко убедиться, взяв в руки любой номер «Сибири». Кстати, журнал не замыкается в своей региональной скорлупе. На его страницах публикуются авторы из многих уголков России. В этом единении литературно-художественного пространства необъятной мультикультурной страны — ещё одно высокое предназначение журнала. Это особенно важно сейчас, в период интеллектуального разброда, модных псевдоидеалов, отсутствия понятной общенациональной идеи, переизбыточного неравенства и гигантского социального расслоения общества, утраты важнейших духовно-нравственных ориентиров и ценностей. Журнал стал не только градиентом в море современной мутной беллетристики, где весьма непросто отыскать чистый и светлый поток, но и авторитетным литературно-критическим и просветительским изданием, которому можно и нужно доверять.

Отдельное слово поэзии — не рифмоплётству, а именно поэзии в изначально высоком смысле этого слова, поэзии, основанной на лучших традициях предыдущих столетий и вобравшей в себя светлое содержание, прелесть смысла и формы нового времени.

Помощь читателям, истинным любителям русской литературы, которых, к глубочайшему сожалению, в нашей стране становится всё меньше и меньше — важная составляющая журнала. Ведь в нынешнее до предела спрессованное время очень важно не терять попусту драгоценные часы жизни и не размениваться на окололитературную пустоту, а узнавать главное, лучшее, интересное. Глядишь, тогда и круг читающей публики станет шире.

Не остаётся в стороне «Сибирь» и от освещения главных событий литературной жизни страны и Прибайкалья. А в рубрике «Радоница» читатель с огромным интересом прочтёт воспоминания о писателях-земляках, уже оставивших этот мир, материалы о великих русских и советских писателях.

Низкий поклон и живописным вернисажам сибирских художников на страницах журнала, ведь устроить выставку произведений изобразительного искусства, пожалуй, ещё тяжелее, чем издать книгу.

Вот этим единством писателя, читателя, критика, художника и издателя сильна, интересна и уникальна «Сибирь». Но в наше непростое время тяжело и журналу, нелегко и его редакции. Издание нуждается в поддержке и помощи. Хотелось

бы увеличить и тираж, и объём, и периодичность, и количество творческих встреч с читателями. Тогда и станет чуть ближе час духовного возрождения, обретения силы, могущества, уверенности и мудрости нашего общества и всего государства Российского.

Пафосно? Конечно. Наивно? Может быть... И всё-таки я верю: да будет так!

*Александр Витковский,
полковник ФСБ в отставке,
член Союза писателей России
г. Москва*

Еще не кончен Русский век

Говорю совершенно искренне — я не искала этой встречи. Случай вложил мне в руки 4-й номер журнала писателей России «Сибирь» за 2019 год, и первое, что вдруг, словно синица, тенькнуло у меня в груди (да простят меня профессиональные литературоведы и критики), была тонкая вязь букв в строках с названием разделов журнала, исполненных с особым, теперь неведомым никому искусством, когда-то, в мою бытность школьницей, прозаически называвшимся «чистописание». Увы, в моем почерке это высокое искусство теперь уже едва заметно, но я не ошибусь, если скажу, что через непослушные еще пальцы, выводящие правильный нажим и красивый наклон, зарождалось в маленьком человеке и правильное чувство любви к букве, к слову, языку. С этого несколько сентиментального «мостика» я и глянула на то, что скрывалось под обложкой «Сибири».

Оказалось — по-сибирски просторно. Но встреча была первой, и я неспешно отправилась вниз по течению, подспудно понимая, что в любой момент могу спрыгнуть на бережок.

Не спрыгнула.

Не знаю, случай ли так распорядился, выстроить журнал как «западню», или редактор мудро сложил книжку, хорошо разбираясь в психологии восприятия читателей. Собственно, мне это теперь уже и неважно. Важно, что ты невольно поддаешься тому внимательному и бережному отношению к русскому слову и литераторам, в разные времена отдававшим ему свои таланты, что и сам становишься бережным и внимательным читателем — чувство в наши дни редкое из-за непрестанного насилия над русским словом на телеэкранах, заменивших нам способность видеть мир своими глазами и говорить о нем собственным языком.

Денис Давыдов, Анна Ахматова, Владимир Солоухин — совсем не новые, давно знакомые нам имена. Новыми стали выходящие из обращения чувства гордости и любви к русскому литературному слову, с какими редакция журнала собрала книжку. И череда иркутских поэтов, и прозаики, вошедшие в журнальную книжку, в большинстве своем мне, не бывавшей в Иркутске, неизвестные, казались мне духовно близкими людьми — по силе любви к родному краю, по глубине чувств, испытываемых русским человеком в век нового распада ценностей, иноплеменного нашествия на нашу культуру через наши же средства массовой информации. Сделать эти имена общеизвестными во всей стране означало бы сделать богаче нашу культуру, но как это сделать в условиях самоокупаемости? Талант с тор-

говлей мало совместимы. А Выставки достижений духовной культуры в России теперь уже нет. Но в том и сила «Сибири», что через нее течет в завтра Русский век, наполняя струю жизни новыми именами, стихами, которые легко ложатся на слух и западают в душу. Как у Юрия Аксаментова:

*Спокойно, медленно несет свою волну
Река далекого утраченного детства,
Тумана голубого пелену
Она оставила мне в вечное наследство.
Сквозь этот призрачный голубоватый дым
Я вижу все в неверном освещеньи,
Отжившее я вижу молодым,
А молодое предаю забвенью...
Хочу я быть задумчивой рекой,
Нести счастливых на спине широкой,
Давать уставшим воду и покой
И укрывать их от борьбы жестокой.
Хочу чтоб вечно на моей спине
На легких лодках плавали мужчины,
А женщины бельем стирали мне
С упругих щек мгновенные морищины.*

Я не бывала на Илеме или Ангаре. Не читала прежде Аксаментова, Чулкина или Обухова, но разве это их беда, что так непросто сейчас достучаться из Иркутска, Читы или Якутска до московского или владимирского читателя? Пусть не покажется моя восторженность излишней — она сильнее от сравнения с тем, чем напитывает нас нынешнее телевидение, насаждающее пошлость — как игру ума, безнравственность — как новую мораль, умение себя продать — как образец успеха.

Вот это исходящее от «Сибири» ощущение нравственной чистоты, как я понимаю, и составляет основную ценность журнала. Но придает он и напряжение уму, заставляет вместе с собой бороться за историческую чистоту не только сегодня, но и в нашем прошлом. Я — об удивительном эссе Анатолия Байбородина «Русский обычай». Удивительном потому, что в проходной для нынешней философии теме обычаев на Руси прочертил путь — едва не лестницу — из языческого прошлого моего народа к православной сути нашего прошлого и нынешнего бытия.

Очень затрудняюсь с жанром этого произведения, безусловно, литературного, но и глубоко философского, не вдруг рожденного конъюнктурой сегодняшнего дня, а, видимо, созревшего годами и напряжением мысли. Что есть традиция русского бытия? Когда и как она сплелась с Православием? Почему и сегодня, в монетизированной жизни русского человека, несмотря на откровенную враждебность духовности, никак не хочет уходить из нашего сознания, а значит и из культуры?

Эссе Байбородина, конечно, не справочник, где на поставленный вопрос дают ответы. Оно — размышление о прошлом, осмысление которого дает нам право утверждать, что мы понимаем, что будет с нами завтра. Автор назвал его очерком о языческом и христианском в народной этике. Но шагнул далеко за очерковую грань, по сути дела, представив читателю широкое исследование проблемы в ее

историографическом, философском и социо-психологическом аспектах. Отсюда и масштабность привлеченного исторического материала, и широкое использование Библии, и острота суждений, свойственная всяким коллизиям борьбы добра со злом, которые без опоры на Христовую Истину всегда остаются неразрешимыми.

Я не буду никого интриговать, но история русского крестьянства, «дикого» и «рабского» в западной или прозападной историографии, расчищенная от плевел под пером Байбородина, становится чище и понятнее разуму. Будь то «жажда Истинного Бога» в русской или иудейской традиции, давно осмысленная философиями, но никак не умиряющая тех, кто ждал торжества и благоденствия Израиля «сразу по приходе» мессии, с теми, кто жаждал благоденствия на небеси...

Одним словом, закрывая журнальную книжку, познакомившись с публицистикой и критикой, Книжной лавкой и новостями Иркутского дома литераторов, я с удивлением думала о том, как хорошо, что еще не кончен Русский век, что так сразу отзывается душа на Слово.

Нимало не сомневаюсь в том, что не только моя, но и каждая душа, которая познакомится с «Сибирью».

Елена Пустовойтова
Член Союза писателей России
г. Москва